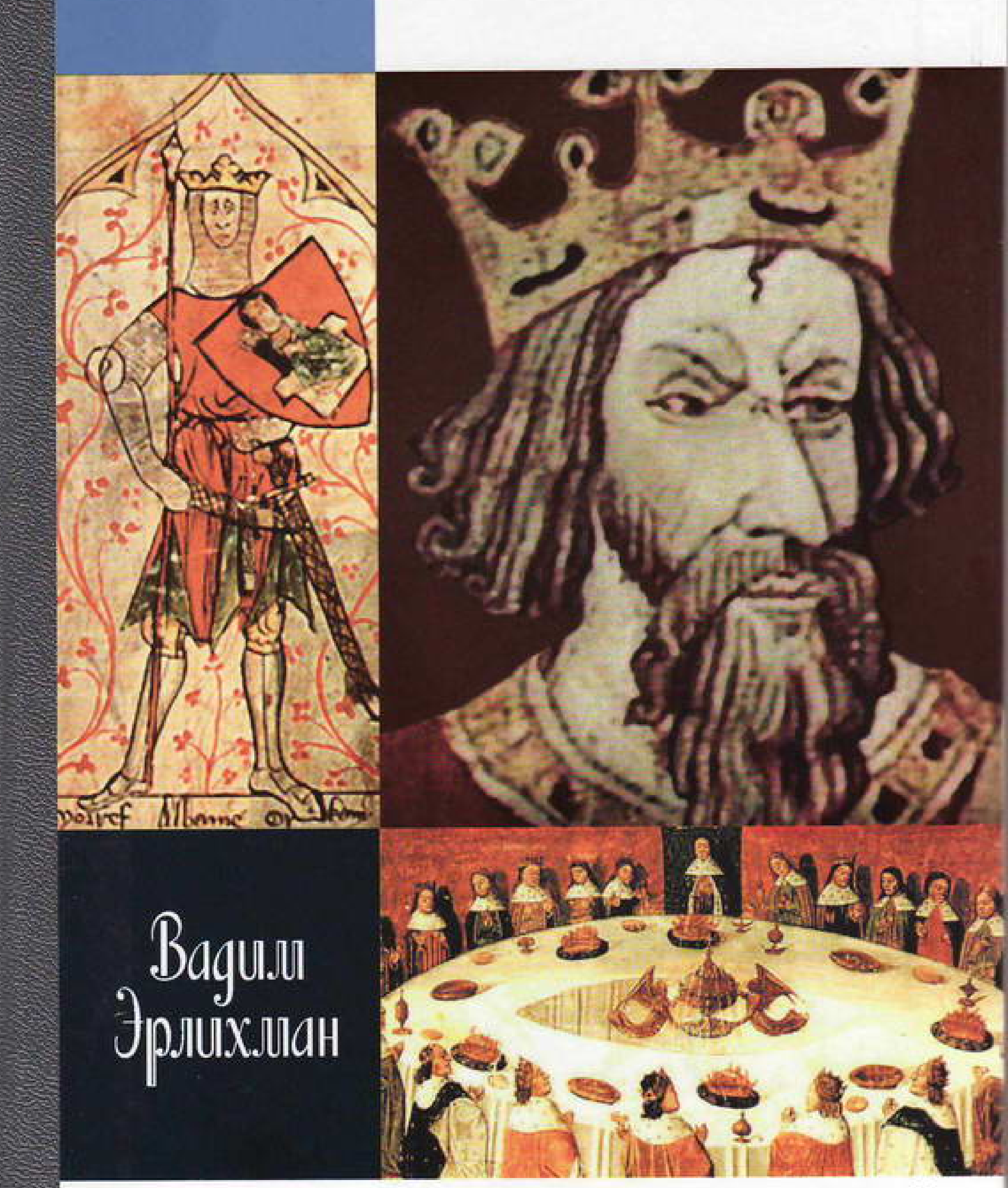
Король Артур

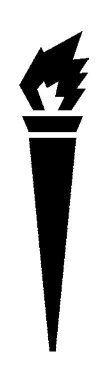

Жизнь ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1395

(1195)

Вадим Эрлихман

КОРОЛЬ АРТУР

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2009

УДК 94(410)(092)“04/14”
ББК 63.34(4Вел)4
Э 79

ISBN 978-5-235-03246-0

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет.
И снова скальд чужую песню сложит.
И как свою ее произнесет.

Осип Мандельштам

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пол старинного собора в итальянском городе Отранто украшен причудливой мозаикой. В середине XII века неизвестный мастер с наивной старательностью изобразил здесь легендарных героев древности. Один из них — человек в короне, сидящий верхом на козле и сражающийся с когтистым зверем, до странности похожим на обычного кота. Рядом с изображением помещена надпись «*Rex Arturus*», то есть «король Артур». По всей видимости, уже в то отдаленное время этот персонаж перекочевал из истории в сказку, миф, литературу — одним словом, в область вымысла. Однако это вовсе не значит, что он пребывал там всегда. Уже много лет ученые и просто энтузиасты, свято убежденные в реальном существовании короля, ищут его следы среди древних руин и на страницах средневековых манускриптов.

Что может стать отправной точкой поисков Артура? Все или почти все предания сходятся на том, что исторический персонаж с этим именем был в V—VI веках верховным королем всей Британии или значительной ее части, защищал страну от захватчиков-саксов и основал рыцарское братство, известное как Круглый Стол. Столицей Артура был Камелот, советником — чародей Мерлин, а женой — прекрасная Гвиневера. Еще с его именем связаны Святой Грааль и волшебный остров Авалон, куда смертельно раненного в последней битве короля отправили на вечное лечение.

Многим любителям артуровских легенд невдомек, что историческая наука давно опровергла каждое из перечисленных выше утверждений. В сущности, от короля остался только сам факт его существования, хотя и он часто подвергается сомнению — скептики то и дело утверждают, что никакого Артура не было, или подменяют его другими деятелями той далекой эпохи. У них есть для этого основания: в первые пятьсот лет после предполагаемого времени жизни Артура его имя встречается лишь в пяти-шести исторических источниках. Причем

везде — без точного указания того, кем он был и чем, собственно, прославился. Лишь в XI веке началось сотворение литературной артурианы, где немногие правдивые свидетельства тонут в безбрежном море вымысла, и извлечь их оттуда почти невозможно.

Много столетий имя Артура освящало, с одной стороны, идеальный образ британской монархии и монархии вообще, с другой — традиции рыцарской чести, духовного поиска и куртуазной любви. Одним словом, всё то, к чему реальный король не имел и не мог иметь никакого отношения. Ближе к нему был потаенный образ «кельтского Артура», воплощавший надежды исконных жителей Уэльса, Корнуолла и Бретани на освобождение от ненавистных захватчиков. Но и этот образ бесконечно далек от своего прототипа. Поневоле кажется, что все попытки отыскать «реального» Артура обречены на провал и вообще бессмысленны. Именно так считали и продолжают считать некоторые ученые, призывающие своих коллег «вычеркнуть Артура как со страниц истории, так и из заглавий книг»[1].

Однако поиски Артура неизбежно будут продолжаться. Во-первых, этот деятель, кем бы он ни был, остается главным героем весьма интересного и важного отрезка истории, связанного с переходом римской Британии (и шире — всей Западной Европы) к Британии (и Европе) варварской, а позже — средневеково-феодальной. Во-вторых, что еще важнее, образ Артура глубоко повлиял на европейскую культуру, которую Освальд Шпенглер в своей классификации «культурных кругов» называл не только «фаустовской», но и «артуровской». В-третьих, фигура короля в масскультовом преломлении активно эксплуатируется сегодня в литературе, кино, компьютерных играх, что заставляет как дилетантов, так и специалистов вновь и вновь обращаться к ее историческому прототипу.

На сегодняшний день библиография «артуроведческих» работ насчитывает более пяти тысяч книг, причем 95 процентов из них изданы в Великобритании и США. В других странах, включая Россию, изучение этой темы делает лишь первые шаги*. Цель данной книги — не только познакомить отечественного читателя с известными фактами об Артуре и их интерпретациями в исторической науке, но и создать на их основе по возможности непротиворечивую картину дея-

---

* В России, к примеру, вышло всего одно более или менее значительное исследование по данной теме — «Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого Стола» Анны Комаринец (М., 2001).

тельности этого загадочного героя на широком фоне истории Британии на заре Средневековья, в период, который часто зовется «темными веками». Автор отдает себе отчет в том, что многие его построения воздвигнуты на зыбкой почве, но надеется, что они помогут желающим представить себе реального Артура и его современников такими, какими они если и не были, то могли быть.

Глава первая

КОГДА УШЛИ ЛЕГИОНЫ

«Темными веками» период с пятого по девятое столетие христианской эры назвали историки, раздосадованные малым числом и противоречивостью относящихся к нему фактов. Это время и впрямь казалось темным жителям Западной Европы, много лет процветавшей под защитой римского оружия. Вторжения варваров и социальные потрясения втоптали в прах всё, что воплощало собой понятие цивилизации — города и деньги, дороги и школы, бани и театры. Разработанное до мелочей римское законодательство сменилось «правом меча», по которому завоеватели без колебаний отбирали у жителей покоренных областей имущество, а нередко и жизнь. Варвары непрерывно воевали не только с последними защитниками Рима, но и друг с другом, оспаривая награбленную добычу, поместья и целые страны. Медленно и мучительно, в огне и крови рождалась новая феодальная Европа.

В Британии эти перемены совершались еще более драматично, чем в других областях Римской империи. Здесь, в отличие от Галлии или Испании, варварские вторжения привели к полному или почти полному исчезновению наследия античной цивилизации. Тем не менее, изменения совершились не так быстро, как еще недавно казалось историкам. Между падением римской власти и завоеванием англосаксами бóльшей части страны пролегли два столетия — с 400 по 600 год н. э. За ними закрепилось название «послеримской» или «римско-британской» эпохи, а известный английский историк Джон Моррис назвал их «веком Артура». Заслуженно или нет, легендарный король стал для многих людей в Великобритании и за ее пределами символом своего времени, выразителем его глубинной сути. Чтобы понять, как и почему это произошло, нужно внимательнее вглядеться в то, что творилось на Британских островах к началу указанного периода.

Как известно, на протяжении I тысячелетия до н. э. Британию несколькими волнами заселили бритты, принадлежавшие к кельтской этноязыковой общности. Соседняя Ирландия тогда же оказалась заселена другой ветвью кельтов — гойделами или гэлами. Иногда эти две ветви называют соответственно P-кельтами и Q-кельтами, поскольку в их языках один и тот же звук произносится то как «р», то как «q». И бритты, и гойделы занимались в основном скотоводством, делились на племена, постоянно воевавшие между собой, и весьма почитали жрецов (друидов), прорицателей (ватов) и поэтов (бардов). В эпоху ранней античности кельты населяли значительную часть Западной Европы от Испании до Украины; они в совершенстве овладели металлургией и ремесленным мастерством, на пике своего могущества совершали набеги на Грецию и Рим и дошли даже до нынешней турецкой столицы Анкары. «Ахиллесовой пятой» кельтов была фатальная неспособность к политическому объединению, облегчившая их завоевание римлянами, а затем и другими народами[1].

Появившиеся в Британии в I веке до н. э. римские легионы сломили сопротивление кельтских вождей и превратили большую часть острова в провинцию империи. Ее северной границей стала линия от залива Солуэй-Ферт на западе до устья реки Тайн на востоке, вдоль которой в правление императора Адриана (117—138) была выстроена мощная оборонительная стена против пиктов или каледонцев, которые регулярно нападали на имперские владения. Название этого древнего народа, как и его гэльское имя «круитни», означало «раскрашенные»; пикты имели неясное этническое происхождение, но отчасти переняли язык и культуру бриттов. В правление Антонина Пия (138—161) римские части предприняли новое наступление на севере и дошли до узкого перешейка между заливами Ферт-оф-Клайд и Ферт-оф-Форт в Шотландии. Там была выстроена так называемая стена Антонина — на самом деле земляной вал, служивший защитой для Адриановой стены.

Более двух веков Стена, *Murus*, была зримой границей между двумя мирами — варварством и цивилизацией. К северу от нее простирались пустоши, поросшие вереском; ходили слухи, что отправившегося туда смельчака ждет неизбежная гибель от клыков диких зверей или от рук людей, еще более опасных, чем звери. К югу лежали заселенные и освоенные пространства Римской Британии, которую ее уроженцы считали прекраснейшей страной на земле: «Он (остров. — *В. Э.*) богат широкими равнинами, приятными взору холмами, пригодными для возделывания, и горами, которые как нельзя

лучше подходят для пастбищ. Разноцветные цветы, не истоптанные людьми, образуют дивную картину, делая местность похожей на избранную невесту, украшенную ожерельями. Он орошен многими чистыми источниками, где обильные воды перекатывают белоснежные камушки, и сверкающими реками, что струятся с тихим журчанием, а порой лениво влекутся мимо берегов, погруженные в дремоту»[2].

Это поэтическое описание принадлежит Гильдасу Мудрому — единственному известному нам очевидцу и летописцу истории Британии V—VI веков*. Позднейшие историки, по максимуму используя сведения Гильдаса, не жалели критики в его адрес. Его книга, известная под названием «О разорении Британии» (*De Excidio Britanniae*), не без оснований казалась им трудной для понимания, бедной фактами и перегруженной цитатами из Библии (текст состоит из них почти наполовину). Но дело в том, что главной целью Гильдаса было вовсе не описание исторических событий, а обличение морального упадка его современников-бриттов, породившего, по его мысли, те бедствия, о которых он пишет. Тем не менее, в его сочинении упоминаются несколько исторических деятелей — послеримские правители острова Вортигерн и Аврелий Амброзий, а также их «внуки», пять недостойных королей-тиранов, которых Гильдас обвиняет в самых тяжких преступлениях. Между поколениями «дедов» и «внуков» зияет пустота, и многие полагают, что ее должно заполнить имя Артура — традиция именует его племянником Амброзия и предшественником одного из тиранов, Константина Думнонского. Гильдас пишет о случившейся в год его рождения битве при Бадоне — решающей победе над «нечестивыми полчищами» саксов, которую традиция упорно приписывает Артуру. Однако автор ни разу не называет имени легендарного короля, хотя более поздние источники утверждают, что он был достаточно хорошо с ним знаком.

О причинах этого странного умалчивания, ставящего в тупик историков, мы поговорим позднее. А пока подчеркнем, что Гильдас — честный, хоть и пристрастный, свидетель событий, — представляется не менее важным персонажем своей эпохи, чем сам Артур. Конечно, его описание острова окрашено тоской по утраченному «земному раю», но Британия

---

* Имя *Gildas* имеет неясную этимологию и иногда передается по-русски как «Гильда». Этот вариант можно считать более правильным, если Гильдас, будучи по крови пиктом (см. ниже), носил монашеское имя ирландско-бриттского происхождения, означающее «раб Доброго» (*gill-da*). Однако эта гипотеза не доказана, поэтому в данной книге имя святого приводится в форме, принятой в зарубежной историографии.

под властью римлян и в самом деле процветала больше, чем в последующую тысячу лет своей истории. Достаточно сказать, что в III веке ее населяло почти три миллиона человек — такая численность населения была восстановлена только к концу средневековья. Хотя и в римскую эпоху главной отраслью британской экономики оставалось скотоводство, остров полностью обеспечивал себя зерном и другими растительными продуктами. Здесь выращивался даже виноград — во всяком случае, в период глобального потепления, охватившего мир в III—V веках. По мнению ряда специалистов, этот процесс, приведший к высыханию степей Центральной Азии, стал одной из причин Великого переселения народов, покончившего с Римской империей. Другим его следствием стало повышение уровня моря и затопление — порой внезапное — обширных участков суши на Британских островах и в соседних странах (об этом у нас еще будет повод вспомнить).

Британия была важным источником полезных ископаемых — еще древние финикийцы экспортировали отсюда олово, используемое для производства бронзы. Греки дали Британским островам имя Касситериды — «оловянные». В римскую эпоху олово, свинец и серебро вывозились отсюда во многие провинции империи. Это вело к обогащению местной элиты, возводившей в живописных уголках острова изящные виллы по римскому образцу. Повсюду вырастали города, заселяемые не только романизированными местными жителями, но и римскими ветеранами из числа служивших в Британии легионеров. Население Лондиния (нынешний Лондон) и Эборака (Йорк) могло достигать 50 тысяч человек. Одни города получили развитие как торговые центры, в других располагались органы римской власти — административной или военной. На острове постоянно размещались три легиона — Второй Августа со штаб-квартирой в Иске (ныне Карлион), Шестой Виктрикс в Эбораке и Двадцатый Валерия Виктрикс в Деве (современный Честер). Кроме этого, здесь стояли еще шесть кавалерийских ал и 21 когорта вспомогательных войск, что доводило общую численность римской армии на острове до 30 тысяч человек[3].

Пребывание такого количества солдат в отдаленной провинции было вполне оправданным. Помимо нападений пиктов, угрозу для империи представляли восстания непокорных племен на севере и западе Британии. Бритты, проживавшие в южной и центральной частях острова, к III веку подверглись почти полной романизации; к этому времени упоминания регнов, иценов или атребатов полностью исчезают со страниц источников. Напротив, вплоть до V века там фигу-

рируют силуры и деметии Уэльса, думнонии Корнуолла, бриганты и вотадины Северной Англии. В этих районах римское влияние долгое время соперничало с авторитетом прежней племенной знати; именно отсюда впоследствии началось возрождение кельтских традиций. Однако и здесь существовали города, жители которых носили римские имена, говорили на латыни и молились имперским богам. После принятых еще в I веке жестоких мер против жреческого сословия друидов кельтское язычество повсюду, кроме труднодоступных горных местностей, уступило место римскому культу, а потом и христианству.

Гильдас, относившийся к римской власти благожелательно, обвинял жителей Британии в постоянных восстаниях против нее. Однако факты говорят о другом: долгое время остров хранил нерушимую верность Риму. Даже в смутную эпоху «тридцати тиранов» (235—284) Британия, единственная из всех провинций, не выдвинула ни одного претендента на императорский престол. Неслучайно именно в тот период, после знаменитого эдикта Каракаллы, началось выдвижение бриттов на высокие посты в системе управления, которые прежде занимали только римляне. Еще до этого в Британии появились наемники-варвары, так называемые федераты — в том числе 5500 сарматов-язигов, переселенных сюда в 175 году с дунайской границы и отданных под начало префекта Луция Артория Каста. Этого незаурядного деятеля в последние годы стали считать одним из прототипов короля Артура, поэтому о нем мы еще вспомним. Всадники Артория хорошо проявили себя в обороне Стены, что побудило римскую администрацию начать широкое привлечение варваров к обороне острова. Судя по составленной в V веке «Табели должностей» (*Notitia dignitatum*), здесь служили не только сарматы, но также фракийцы, испанцы и уроженцы Германии.

Присутствие последних особенно важно — оно означает, что задолго до «официального» появления в Британии англосаксов, которое Гильдас и другие историки относят к середине V века, там уже присутствовали германские наемники, получавшие за свою службу земли и жалованье. Возможно, это были те самые саксы, по имени которых восточное побережье острова стало в конце III века называться Саксонским берегом. Есть и другая версия — саксы были не защитниками острова, а его разорителями, регулярно грабившими прибрежные селения. Против них римляне вполне могли использовать их соплеменников, следуя старинному принципу — «пусть варвары убивают варваров». Правда, в то время ладьи саксов были недостаточно прочными для плаваний по

бурному Северному морю. Но и тут есть объяснение — саксы вполне могли совершать набеги на кораблях соседнего и родственного народа фризов, который уже тогда славился мореходным искусством.

Как бы то ни было, в начале правления Диоклетиана (284—305) для борьбы против вторжений варваров в Британии был создан военный флот под командованием галльского уроженца Караузия. Но это только усугубило положение — Караузий начал беззастенчиво присваивать военную добычу, а после, в 287 году, поднял мятеж и объявил себя императором. Он правил островом несколько лет, пока против него не выступил с войском законный государь Констанций Хлор. Осажденный в галльском порту Бонония (Булонь), узурпатор был убит своим приближенным Аллектом. Когда три года спустя погиб и Аллект, римская власть на острове была восстановлена, после чего Британию разделили на пять провинций — эта мера должна была предотвратить новые восстания.

На деле получилось наоборот, поскольку реальной властью на острове отныне обладали не наместники провинций, а военные командиры — дукс Британии в Эбораке, комит Британии в Иске и комит Саксонского берега в Камулодуне (ныне Колчестер). Постепенно эти должности перешли в руки местных уроженцев или варваров-федератов, которые не горели желанием подчиняться центральной власти. К тому же в правление Константина Великого (306—337) столица империи была перенесена в Константинополь и внимание власти к западным провинциям заметно уменьшилось. Осмелев, провинциальные наместники стали оставлять себе большую часть налогов, которые прежде посылались в Рим. Археологические раскопки в Британии зафиксировали в этот период рост богатства городов, строительство каменных христианских храмов, невиданный приток заморских товаров. Но в этом расцвете уже скрывался упадок. Привыкшие к комфортной и безопасной жизни римские граждане отлынивали от военной и чиновничьей службы, и их место занимали федераты.

Уже в 367 году это привело к так называемому «варварскому заговору» (*barbarica conspiratio*) — варвары, служившие в римских гарнизонах на стене Адриана, изменили присяге и открыли своим сородичам путь в сердце острова. Историк Аммиан Марцеллин отмечал: «Британия вследствие восстания варваров оказалась в страшной опасности... В это время пикты, а также весьма воинственный народ аттекоты и скотты бродили повсюду и производили грабежи, а в приморских областях Галлии франки и соседние с ними саксы там, куда только могли прорваться с суши или с моря, производили

грабежи и пожары, забирали людей в плен, убивали и всё опустошали»[4]. Как мы видим, саксы в этот период уже участвовали в набегах, но не в Британии. Возможно, присутствие их на Саксонском берегу в качестве федератов до времени удерживало их соплеменников от вторжений. Археологические раскопки доказывают, что романизированные бритты и саксы долгое время мирно проживали рядом в городах Восточной Англии.

Стоит отметить, что к давним врагам-пиктам в этот период присоединились скотты, то есть ирландцы*. Хотя Ирландия не была завоевана римлянами, в ней тоже происходили важные политические изменения. Прежняя архаичная племенная структура трещала по швам; уходили в прошлое короли и воины, что накоротке общались с богами и разъезжали на колесницах, подобно героям Гомера. Молодая агрессивная династия Уи Нейлл расширяла свое королевство в центре острова, в священной Таре, отправляя в изгнание непокорных вождей. За морем, в Британии, изгнанники искали новые владения, а воинственная молодежь — добычу и славу. Ирландские лодки-курахи, обтянутые выдубленными и промасленными бычьими шкурами, брали на борт от пяти до двадцати воинов; с середины IV века флотилии таких судов почти ежегодно грабили западное побережье. Не ограничиваясь набегами, ирландцы захватили прибрежные районы Уэльса, основав там свои королевства. «Глоссарий Кормака», памятник ирландской словесности IX столетия, сообщает: «Власть ирландцев над британцами умножилась, и они разделили Британию между собой... и там построили свои жилища и королевские замки... Кримтанн Мор, сын Фидаха, был королем всей Ирландии и Британии до самого Иктийского моря (Ла-Манша. — *В. Э.*)»[5]. Это явное преувеличение, и все же западу острова в тот период реально угрожала ирландская колонизация.

Иногда ирландцы координировали свои вторжения с пиктами, которые через проломы в стене Адриана вторгались на север Британии, а иногда участвовали и в морских набегах. Гильдас со свойственной ему живописностью повествует: «Варвары следовали своим привычкам и прежде всего жажде крови, свойственной им так же, как обыкновение более прикрывать свои грубые лица волосами, чем свою наготу лохмотьями... Эти народы... опустошили всю дальнюю северную

---

* В наше время скоттами называют себя уроженцы Шотландии (*Scotland*), которая в раннем средневековье была заселена выходцами из Ирландии. Другое название жителей обеих территорий — гэлы — происходит от их древнего самоназвания *Goidhel* (гойделы).

часть острова до самой стены, изгнав оттуда жителей. Чтобы помешать их атакам, на стенах крепостей собралось войско, слишком нерешительное для боя, слишком упрямое для бегства и бессильное из-за своей робости. Дни и ночи они стояли на своей тщетной страже; тем временем крючья нагих врагов не оставались без дела и стаскивали малодушных защитников со стены, повергая их наземь»[6].

После «варварского заговора» в Британию были отправлены дополнительные военные части во главе с легатом Феодосием, который решительными мерами смог изгнать пиктов и скоттов и восстановить порядок. Покинув провинцию в 368 году, Феодосий оставил на высоких постах своих доверенных лиц, одним из которых, по всей вероятности, стал его родственник и земляк Максим Магн (Великий), тоже родившийся в Иберии (Испании). Возможно, он занял пост комита Британии с резиденцией в Иске, поскольку его деятельность была тесно связана с западом острова. Максим оказался первым римлянином, ставшим героем кельтской эпической традиции, которая дошла до нас в передаче валлийских бардов.

После англосаксонского завоевания Уэльс, Корнуолл и отчасти Бретань остались единственными областями, где сохранились государственность и культура британских кельтов. Поэтому именно там следует искать достоверные сведения об Артуре и других героях «артуровской» эпохи, начиная с Максима — ему бритты дали прозвище Максен Вледиг. Необходимо отметить, что валлийские источники (речь идет главным образом о них, поскольку литературные памятники Корнуолла и Бретани немногочисленны и часто вторичны) крайне трудны для изучения. Во-первых, почти все они записывались через сотни лет после описываемых событий, пройдя через множество редакций, неизбежно искажавших исходный вариант. Во-вторых, валлийский язык на протяжении веков сильно менялся, понятия приобретали иной смысл, а имена трансформировались так, что определить их истинное звучание почти невозможно. Например, имя короля, известного нам как Мэлгон, в VI веке звучало как «Маглокун», имя Уриен — как «Урбаген», а древнее имя Вортимер в средневековом валлийском обрело форму «Гвертевир». На все это накладывались нормы других языков — ирландского, англосаксонского, латыни, — создавая невероятную путаницу. В-третьих, в памятниках валлийской и вообще кельтской словесности подлинные исторические факты сплетаются в запутанный клубок с древней мифологией, средневековой псевдоисторией и христианской апокалиптикой. И это не говоря уже о пря-

мых подделках, которых за века изучения древней британской истории накопилось немало (достаточно вспомнить знаменитые «Поэмы Оссиана» или менее известные фальшивки валлийца Иоло Морганнога).

Начиная знакомство с «веком Артура», мы должны кратко охарактеризовать источники, способные послужить вехами на этом ненадежном пути. Предыстория, связанная с именами Максима Магна и других деятелей позднеримской и послеримской эпох, кратко и весьма отрывочно освещена в сочинении Гильдаса, которому с небольшими вариациями следуют двое других авторов. Первый из них, «отец английской истории» Беда Достопочтенный (673—731), был англосаксонским монахом, составившим в северном монастыре Ярроу «Церковную историю народа англов» (*Historia ecclesiastica gentis anglorum*). При всем значении труда Беды его сведения обретают самостоятельную ценность только с конца VI века, когда началось обращение англосаксов в христианство. До этого он лишь повторяет данные, содержащиеся у Гильдаса и ряда других писателей. Другой ценный источник — «История бриттов» (*Historia Brittonum*) монаха Ненния, составленная около 830 года в Северном Уэльсе. Эта книга содержит немалую часть известных нам фактов об Артуре и его времени, но и у нее есть свои недостатки. Не слишком образованный Ненний механически переписывал в свой манускрипт обнаруженные им сведения, не обращая внимания на их недостоверность и противоречивость. В результате каждое из его свидетельств может интерпретироваться поразному и вызывает ожесточенные споры среди ученых — впрочем, это относится едва ли не ко всем памятникам той эпохи.

В IV—V веках, когда Британия еще входила в состав Римской империи, известия о ней отразились в трудах римских и византийских историков — уже упомянутой «Истории» Аммиана Марцеллина, «Истории» Олимпиодора Фиванского, «Новой истории» Зосима, «Истории против язычников» Павла Орозия. Краткие, но весьма интересные сообщения о британских делах содержатся в двух «Галльских хрониках», составленных в 452 и 511 годах. Кое-какие данные можно найти в ирландских анналах и «Англосаксонской хронике», записанной в X веке, хотя сведения последней вызывают большие сомнения. Это касается как датировки записей раннего периода, когда англосаксы еще не знали ни письменности, ни христианской системы летосчисления, так и правдивости хвастливых сообщений о победах саксов — притом, что об их поражениях авторы хроники упорно молчат.

В Уэльсе в том же X веке была составлена хроника, известная под названием «Анналов Камбрии» (*Annales Cambriae*)*. Этот источник, иначе именуемый «Пасхальными анналами», сохранился в четырех рукописях, имеющих довольно серьезные отличия. В ранней части его записи в основном скопированы из ирландских хроник, но содержат два весьма важных упоминания об Артуре — даты битв при Бадоне и Камлане, отнесенных, соответственно, к 516 и 537 годам (о достоверности этих дат будет сказано ниже). Сведения об Артуре и многих его современниках содержатся в житиях валлийских и бретонских святых — правда, эти жития большей частью составлены много веков спустя и переполнены фантастическими деталями.

Особо следует сказать о хронологии ранних источников, разобраться в которой довольно трудно. Исчисление дат от Рождества Христова появилось только в VI веке (одним из ранних его адептов был историк Беда), а до этого события датировались по именам римских консулов или по годам пасхального цикла. Да и после введения нового летосчисления некоторое время счет лет мог вестись как от рождения Христа, так и от его крещения или распятия, что давало разницу в 30 или 33 года. Бытовали и самостоятельные точки отсчета — например, те же «Анналы Камбрии» начинаются с года, который одни ученые считают 447-м, а другие 449-м. К тому же года записывались римскими цифрами, которые переписчики легко могли спутать, перенеся тем самым дату на десять, а то и на пятьдесят лет.

Ценнейший, хотя и не слишком надежный, источник — валлийские генеалогии, дошедшие до нас во множестве рукописей и содержащие имена сотен реальных и вымышленных деятелей артуровской эпохи. Не менее ценны прозаические «сказания» (*chwedlau*), часть которых была в XII веке включена в сборник, названный «Мабиногион». Первые четыре из одиннадцати повестей сборника — «Пуйл, король Диведа», «Бранвен, дочь Ллира», «Манавидан, сын Ллира» и «Мат, сын Матонви» — именуются «ветвями мабиноги». Это слово происходит от валлийского *mab* (сын» или «юноша) и может, по догадкам ученых, означать как повествование о «юности мира», так и пособие для юных бардов, излагающее в сжатой форме десятки мифологических сюжетов. В самих «ветвях» Артур не упоминается, зато о нем сообщают самая

---

* Камбрия — древнее имя Уэльса, связанное с самоназванием валлийцев «комброги», в современном произношении «кимры», что означает «соотечественники».

ранняя из повестей, «Килух и Олвен», и самая поздняя — «Видение Ронабви» (еще одна повесть, «Видение Максена Вледига», рассказывает об уже знакомом нам римлянине Максиме). Артуровской теме посвящены и три завершающих повести сборника, но они представляют собой перевод рыцарских романов француза Кретьена де Труа и весьма далеко отстоят от кельтской традиции.

Повести «Мабиногион» вводят нас в круг традиции валлийских бардов, непрерывно развивавшейся на протяжении тысячи лет. До нас дошли сборники произведений древнейших и самых известных представителей этой традиции — Талиесина и Анейрина, живших в VI веке. Ученые доказали, что некоторые стихотворения сборников действительно относятся к тому времени; это касается, в первую очередь, поэмы Анейрина «Гododдин» (*Y Gododdyn*), посвященной сражению дружины северных бриттов с англами, которое состоялось около 597 года у крепости Катрайт (ныне Каттерик) в Северной Англии. Считается, что в этой поэме, сочиненной вскоре после битвы, впервые упоминается наш герой — там говорится, что некий Гварддур храбро сражался, «хоть и не был Артуром». Не раз говорится об Артуре и в «Книге Талиесина», приписанной другому знаменитому барду, но составленной намного позже — в середине XIII столетия. Упоминания короля встречаются и в поэмах, приписанных Мирддину, который известен нам как чародей Мерлин. О нем мы поговорим позднее, а здесь отметим лишь, что реальный Мирддин жил на полстолетия позже Артура, а его стихотворения, судя по их языку, написаны еще позднее — в IX—X веках. Еще один известный бард того времени, Лливарх Хен (Старый), был в VII веке изгнан англосаксами из своих владений и в изгнании сочинил множество элегий, оплакивавших утраченную родину и погибших родных.

Все названные поэты принадлежат к числу *Cynfeirdd* или «древних бардов», живших в VI — XI веках. Из их произведений уцелело очень немногое, чего нельзя сказать о сменивших их «не столь древних бардах» (*Gogynfeirdd*), называемых также «бардами князей» (*Beirdd yr Tywysogion*). Однако обширное творческое наследие этих поэтов, живших при дворах валлийских правителей, почти не отражает исторических событий, сосредотачиваясь на жанрах элегии и оды. Вдобавок стихи Gogynfeirdd написаны архаичным языком, в сложном размере *cynghanedd*, использующем повторение согласных с разными гласными, и понять их смысл чрезвычайно трудно. Только в XIII веке началась модернизация валлийской поэзии, связанная с внедрением в нее фольклорных тем

и образов и появлением размера *cywydd*, давшего название новой поэтической традиции *Cywyddwyr* или «бардов знати» (*Beirdd yr Uchelwyr*). Эти поэты жили в условиях утраты Уэльсом независимости, и их искусство постепенно приходило в упадок вплоть до окончательного угасания в XVII веке.

В Ирландии барды уступали по статусу поэтам-филидам (*fili*), искусство которых было сродни волшебству. В Уэльсе, куда христианство проникло раньше, место откровенно языческих филидов заняли барды, разделенные на несколько рангов. Выше всего стоял *pencerdd*, «глава песни», который воспевал короля и жил в его дворце вместе с подручными бардами. Пенкердд должен был знать наизусть 350 сказаний (*chwedlau*), мастерски владеть двадцатью четырьмя поэтическими размерами, играть на арфе и круте (подобие лиры). Положение его было так высоко, что еще в XII веке бард Кинддела мог гордо заявить своему покровителю Рису ап Грифидду: «Без моих речей ты нем!» Ниже пенкердда в иерархии располагались дружинные барды (*bardd teulu*), а еще ниже — странствующие барды (*cerddorion*). Квалификация бардов, необходимая для перевода их в следующий ранг, подтверждалась на периодических поэтических состязаниях — эйстедводдах. За пределами бардовского сословия находились бродячие менестрели, которых барды презрительно называли «мышами»; они развлекали не только знать, но и простой народ, не соблюдая освященных веками поэтических форм.

Артур упоминается не только в поэзии бардов, но и в триадах — уникальном жанре кельтского фольклора, где имена и события группируются по тройкам. Они повествуют, например, о Трех неверных женах или Трех знатных узниках Острова Британии. Из массы произведений этого жанра, созданных между XII и XVII столетиями, известный филолог Рэчел Бромвич выделила 150 исторических триад, дав им имя «Триады Острова Британии» (*Trioedd Ynys Prydein*); из них более чем в двадцати встречается имя Артура. И в триадах, и в стихах его образ насквозь мифологичен и лишен исторического контекста; описание событий далекой древности неизменно сопровождается формулой: «Это было во времена Артура». Характерно, что по мере расширения популярности артуровских легенд Остров Британия во многих триадах оказался заменен «двором Артура» (*llys Arthur*). В результате такой редактуры Тремя быками битвы или Тремя мудрыми советниками двора Артура оказались деятели, разделенные сотнями лет.

Некоторые из упомянутых источников созданы до XII века, то есть до появления на свет «Истории королей Бри-

тании»* Гальфрида Монмутского, заложившей основы всех позднейших артуровских легенд. Сочинения, написанные до этого, специалисты именуют «догальфридовыми» — считается, что только они могут хранить крупицы подлинных сведений об Артуре и его эпохе. Но это не совсем так. Уже доказано, что многие сочинения, хронологически следующие за «Историей» Гальфрида, включают (во всяком случае в кельтских регионах) независимый от нее фольклорный материал, который вполне может донести до нас отголоски древних преданий и даже подлинных исторических событий. Тем более что начало «гальфридовского» этапа развития артурианы отнюдь не привело к прекращению двух предыдущих этапов — валлийского и бретонского (о них будет подробно рассказано далее). В XIV веке все они, соединившись, дали жизнь новому, английско-монархическому этапу, который, в свою очередь, перерос в XIX столетии в пятый этап, который, видоизменяясь с годами, длится до сих пор. Два последних этапа уже не сообщают нам ничего нового об историческом Артуре, но тем не менее встраивают его в культурный контекст, вне которого он сегодня уже не может восприниматься.

Однако вернемся к артуровской предыстории и временам Максима Магна — римского военачальника, сделавшего своей опорой кельтскую племенную знать. По данным валлийских генеалогий, он дважды женился на дочерях бриттских вождей, от которых имел многочисленное потомство. Второй его женой стала некая Елена, которую источники неизменно путают с матерью императора Константина Великого. На самом деле Елена или Элен, если она вообще существовала, была дочерью правителя Юго-Восточного Уэльса Октавия (Эудафа Старого), и ее многочисленный клан мог стать опорой Максима в реализации его честолюбивых планов.

Империя тем временем все больше слабела. В 378 году перешедшие римские границы под натиском гуннов готские племена наголову разбили императора Валента при Адрианополе. Восточная империя перешла в руки Феодосия (сына генерала, победившего пиктов и скоттов), который сделал своими соправителями на западе Грациана и Валентиниана II. Максим счел неразбериху в управлении удобным моментом и в июле 383 года провозгласил себя императором. Соединив римский Второй легион с вспомогательными частями бриттов, он быстро переправился в Галлию, где захватил и убил императора Грациана. Соправитель последнего бежал на вос-

* Русский перевод А. С. Бобовича, в целом весьма добросовестный, дает название этой книги в искаженной форме — «История бриттов».

ток к Феодосию, целиком занятому борьбой с готами. Вернувшись в Британию, Максим занялся обустройством своего государства. О его политике сохранились лишь отрывочные сведения. Судя по валлийскому фольклору, он назначил на важнейшие посты представителей бриттской знати. Правителем Севера (возможно, с титулом дукса Британии) стал Коэл Старый — основатель правящих династий северных бриттов, известных как «мужи Севера» (*Gwyr y Gogledd*). Командиру вспомогательных частей в Галлии, своему шурину Конану Мериадоку Максим, по преданию, даровал галльскую провинцию Арморику — нынешнюю Бретань. Его собственные дети получили в управление различные княжества в Уэльсе.

По-видимому, Максим и его наместник Коэл укрепили северную границу, поскольку нападения пиктов и скоттов на время прекратились. Принимались меры по благоустройству британских городов, в том числе Лондона. В 1995 году там при раскопках были найдены остатки каменной базилики — очевидно, кафедрального собора, возведенного в конце IV века. Тем не менее, Максим прежде всего стремился не к обособлению Британии от империи, а к завоеванию Рима. В июне 388 года он решил нанести упреждающий удар Феодосию (напомним, своему родственнику) и отправился с войском в Италию, однако был разбит под Аквилеей, взят в плен и казнен вместе со своим сыном и соправителем Виктором.

Гильдас Мудрый сурово осуждал действия Максима: «Британия лишилась всей ее армии, ее военных припасов, ее правителей, хоть и жестоких, и ее доблестных юношей, которые последовали за упомянутым тираном и не вернулись»[7]. По словам историка, сразу после этого пикты и скотты возобновили свои набеги, заставив бриттов обратиться к Феодосию с просьбой о помощи. Около 390 года император направил в Британию войско, которое сумело отбить натиск врагов. О численности этого войска ничего не известно, как и о том, какие части остались в провинции после Максима. По всей вероятности, отсюда были выведены все три легиона, а также бóльшая часть бриттских вспомогательных соединений. Остались только когорты, оборонявшие Стену, и какое-то число солдат в городских гарнизонах. Большая их часть была набрана из местных жителей, необученных и плохо вооруженных.

В 395 году империя окончательно разделилась на две части. После этого у ее властей уже не было ни возможности, ни особого желания помогать своим британским подданным, которые решили взять оборону острова в собственные руки. По сообщению Зосима, в 406 году бритты восстали и провозгласили императором военачальника Марка, «принеся ему

клятву верности как суверену этих провинций»[8]. По-видимому, скоро среди восставших началась борьба за власть, поскольку Марк был убит и заменен неким Грацианом, которого Орозий называет «горожанином» (*municeps*). Четыре месяца спустя этого последнего сверг простой солдат Константин. Политические смуты в Британии побудили нескольких писателей того времени назвать ее «островом тиранов».

Далее Зосим сообщает, что осенью Константин повел откуда-то взявшиеся «кельтские легионы» против войск римского главнокомандующего Стилихона и на время оказался властелином не только всей Галлии, но и Испании, куда отправил наместником своего юного сына Константа. Тем временем в самом конце 406 года громадные толпы варваров — вандалов, аланов и свевов — переправились через Рейн и принялись разорять Галлию. Опасаясь за судьбу Британии, войска Константина в Испании восстали против него и во главе с комитом Геронтием вернулись на родной остров. Оставшийся без армии узурпатор был вскоре убит полководцем императора Галерия Констанцием. По сообщению Беды, погиб и Констант, но в римских источниках об этом ничего не говорится. Гальфрид Монмутский утверждает, что Константин был королем Британии, отцом Аврелия Амброзия и Утера Пендрагона и, соответственно, дедом Артура. Трудно сказать, изобрел автор «Истории» эту генеалогию сам или заимствовал ее из более раннего источника; несомненно лишь то, что ничего общего с действительностью она не имеет.

Какое-то время военную власть в Британии осуществлял Геронтий. Трудно сказать, подчинялся ли он Риму. По утверждению Зосима, «британцы взялись за оружие и предприняли многие смелые деяния для своей защиты, пока не освободили свои города от осадивших их варваров... Также и вся Арморика и другие провинции Галлии изгнали римских магистратов и чиновников и учредили у себя ту власть, которая была им угодна»[9]. Речь идет о восстании багаудов (по-галльски «борцы»), которое много лет сотрясало Галлию, облегчив ее завоевание варварами. Багауды выступали против римских чиновников, которые уже не могли защитить население, но продолжали обременять его налогами и всяческими повинностями. По догадкам ряда историков, такое же народное восстание началось и в Британии, приняв форму пелагианской ереси. Ее основатель Пелагий был бриттом, носившим имя Морган, но проповедовал в Средиземноморье. Он учил, что первородного греха не существует и человек может достичь спасения сам, без помощи церкви. Эта демократическая установка вызвала гнев церковной верхушки, но многие

верующие встретили ее с энтузиазмом. В Британии борьба с пелагианством длилась до середины V века, потребовав вмешательства такого авторитетного деятеля церкви, как святой Герман, епископ Автисидора (Оксерра); его «Житие», написанное галльским монахом Констанцием в VI веке, повествует о двух поездках святого в Британию, где он искоренял ересь не только пастырским словом, но и суровыми репрессиями.

Тем временем положение бриттов продолжало ухудшаться. В 409 году они обратились к императору Гонорию с очередной просьбой о помощи, но получили от него только письмо с предложением «самим заботиться о собственной безопасности». Этот совет был на самом деле формальным разрешением жителям провинции носить оружие, которого они много лет были лишены. Но толку от такой меры было немного — цивилизованные бритты юга острова, привыкшие за много лет к мирной жизни, начисто разучились защищать себя. Тем не менее им удалось на время сплотиться и в 411 году при помощи оставшихся римских ветеранов нанести ирландцам и пиктам поражение. Похоже, в организации отпора участвовал пелагианский епископ Фастидий, злорадно сообщавший в письме: «Те, кто безнаказанно проливал кровь других, ныне принуждены пролить собственную... Они убили многих мужей, сделали вдовами жен, осиротили детей, вынудив их голодать; теперь же овдовели их жены и осиротели их сыновья, которым приходится добывать хлеб насущный нищенством»[10]. Однако победа бриттов оказалась эфемерной, и вскоре набеги возобновились.

Тем временем в 410 году Рим был взят готами, что знаменовало окончательное прекращение имперского владычества в Британии. По сведениям Гильдаса, римляне перед уходом возвели на острове стену и прибрежные форты для защиты от варваров, однако на самом деле эти сооружения были в лучшем случае слегка подлатаны — для их реконструкции и защиты уже не было ни сил, ни средств. Тем не менее, какие-то остатки римской системы управления еще сохранялись. В Галлии V века определенную роль играли советы провинций (*concilia provinciae*), в которых заседали магистраты городов и церковные иерархи. По всей видимости, подобный совет существовал и в Британии — именно он направил в 446 году римскому полководцу Аэцию послание с просьбой о помощи, текст которого пересказывают Гильдас и Беда: «Варвары теснят нас к морю, а море к варварам; между ними поджидают нас две смерти — от меча или от воды»[11]. Ответа бритты не получили — Западная империя, доживавшая последние годы, уже ничем не могла им помочь.

В сочинении Гильдаса упоминается «гордый тиран», правивший Британией в середине V века. Из других источников мы узнаем имя этого тирана — Вортигерн или Гвортигирн, что на языке бриттов означает просто «верховный правитель». Судя по родословной Вортигерна, приведенной в «Истории» Ненния, его дед Виталин (Гвитолин) был магистратом города Каэр-Глови, нынешнего Глостера. Текст Ненния позволяет предположить, что так же — Виталином — звали самого Вортигерна до того, как он сменил римское имя на кельтское. Похоже, эта перемена отражала курс нового правителя на возрождение местных традиций. То же самое происходило в других районах Британии. Например, на юго-западе Шотландии в середине IV века правил некий Клементий. Полвека спустя его внук, носивший чисто бриттское имя Керетик (Карадок), стал основателем королевства Камбрия. В северной области вотадинов возникло княжество Гододдин, которое после правителей с римскими именами Тацит и Патерн возглавил их потомок Кунедда (Кунедаг). Около 420 года он под натиском то ли пиктов, то ли враждебного рода Коэла перебрался на юг и сумел вытеснить ирландцев из Венедотии — гористой северной части Уэльса, где прежде жило племя ордовиков. Там Кунедда основал королевство Гвинедд, вплоть до XIII века бывшее последним оплотом независимости бриттов.

Ирландцы усилили свой натиск на запад Британии в конце IV века. Им удалось захватить юго-запад Уэльса, где они смешались с бриттами и основали королевство Дивед. Затем настала очередь юго-востока, где захватчики убили сына Максима Евгения — по-валлийски Оуэна Винддy (Черногубого). Проникли они и в Центральный Уэльс, но оттуда их вытеснил Вортигерн, основавший королевство Поуис (от латинского *pagenses*, то есть «пограничные округа). В IX веке король Поуиса Кинген возвел в память о своих предках каменный обелиск, так называемый «столп Элисега», надпись на котором сообщает, что Вортигерн был женат на дочери Максима Севере. Видимо, этот брак обеспечил ему поддержку бриттов, у которых имя Максима, едва не захватившего Рим, пользовалось немалой популярностью. Свою роль сыграл и размер владений — добавив к своему наследственному княжеству Поуис и другие земли, Вортигерн контролировал почти весь запад Британии. По данным Ненния, он стал «тираном» острова в консульство Феодосия и Валентиниана, то есть в 425 году. Его резиденция, скорее всего, располагалась в Каэр-Глови (Глостере), откуда он по кельтскому обычаю совершал постоянные поездки по стране для сбора дани и разрешения споров. Воинственные потомки Коэла вряд ли

признали его, но магистраты южных городов были рады появлению хоть какой-то власти, способной оградить население от чужеземных пиратов и «своих» разбойников.

К тому времени жизнь в Британии оказалась полностью дезорганизованной. Прекратилось хождение денег, закрылись рынки, пришло в упадок процветавшее при римлянах городское хозяйство. Спасаясь от голода и разрухи, население городов перебиралось в сельскую местность или разводило на форумах и площадях огороды. Виллы были сожжены и разграблены, посевы запустели, что вызвало голод, описанный Гильдасом: «Жители бежали из своих домов, бросив имущество, и в попытках спастись от голода воровали скудные припасы друг у друга. Так они усугубили пришедшие извне бедствия междоусобной смутой, пока вся страна не оказалась лишена пищи и пропитания, кроме того, что добывалось охотой»[12]. Тем не менее, среди бриттов нашлись те, кто «поднялись на битву и... в первый раз нанесли жестокое поражение врагам, которые уже много лет терзали страну»[13]. По сообщению Беды Достопочтенного, вдохновителем этой победы был святой Герман Оксеррский, надоумивший бриттов устроить засаду в узкой долине и встретить врагов громовым кличем «Аллилуйя!», обратившим варваров в паническое бегство. Первый визит Германа в Британию, совпавший с этой победой, относится к 429 году. Тогда же святой благословил короля Вортигерна и его старшего сына Вортимера, с тех пор прозванного Благословенным.

После «аллилуйской» битвы (считается, что она произошла на южной границе Уэльса, в урочище Маэс-Гармон) набеги ирландцев и пиктов ненадолго прекратились. За это время, по словам Гильдаса, бритты кое-как наладили жизнь, избавившись от голода, но и это не пошло им на пользу: «Остров сделался так богат всевозможными продуктами, что никто не помнил такого изобилия; вместе с ним появилась и роскошь. С ней явились и пороки, так что в то время можно было сказать: “Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, какого не слышно даже у язычников”»[14]. Речь здесь явно идет о ереси — не исключено, что Вортигерн, невзирая на благословение Германа, склонился к пелагианству, решив сделать его общей религией всех бриттов. Кое-кто из ученых считает даже, что он попытался восстановить кельтское язычество, но это маловероятно — хотя, как мы увидим дальше, «гордому тирану» случалось в затруднительных ситуациях прибегать к помощи друидов.

Вортигерн много лет сохранял власть, стравливая между собой многочисленных врагов, внутренних и внешних. Од-

нако сильным правителем он не был — хотя бы потому, что не имел надежных военных формирований. По догадкам ученых, его армия состояла из плохо вооруженных и необученных отрядов ополченцев, созываемых в случае войны, и дружин наемников — пиктов, ирландцев, а позже, по всей видимости, и саксов. Этого было мало, чтобы эффективно противостоять внешним и внутренним врагам; Ненний дает Вортигерну прозвище «Немощный» (Gworteneu) и пишет, что он все годы своего правления «трепетал пред пиктами и скоттами, страшился Амброзия и римлян»[15].

Аврелий Амброзий — один из немногих исторических деятелей, которых упоминает Гильдас, и единственный, о ком он говорит в сугубо одобрительном тоне: «Он был почтенным мужем (*viro modesto*), единственным из народа римлян, пережившим ту бурю, в которой погибли и его родители, по праву носившие пурпур»[16]. Пурпурные одежды считались привилегией императоров, что задает историкам загадку — ведь ни один римский император не жил в тот период в Британии и не погибал в «буре» пикто-ирландского нашествия. Долгое время бытовало мнение, что отцом Амброзия мог быть один из «тиранов» начала V века, например, Константин — но этот простой солдат не имел никакого права на пурпур, о чем Гильдас не мог не знать. Возможно, Амброзий был сыном правителя одной из британских провинций, назначенных из числа консуляров — бывших консулов, которые после III века получили право на императорские почести. Мог он принадлежать и к благородному римскому роду, членом которого был, в частности, святой Амвросий Медиоланский (339—397). Кстати, отца святого, префекта Галлии, звали Амброзием Аврелианом — точно так же Гальфрид Монмутский называет британского героя.

В сочинении Гальфрида говорится, что отцом Амброзия был бретонский принц Константин, старший сын которого Констант якобы правил Британией после ухода римлян и был убит своими телохранителями-пиктами по наущению Вортигерна, тут же захватившего трон. Узурпатор намеревался погубить и оставшихся сыновей Константина — Амброзия и Утера, — но их приютил родич, король Арморики, позже предоставивший им армию и средства для борьбы с Вортигерном. Эта генеалогическая фикция оставляет без внимания упомянутую в источниках гибель Константа в 410 году, как и то, что по правилам римской патронимии отец Амброзия Аврелиана должен был зваться не Константином, а Аврелием. Возможно, именно этот «носивший пурпур» деятель правил островом в промежутке между уходом римлян и воцаре-

нием Вортигерна. Но не исключено, что этим правителем мог быть и Констант, избежавший смерти в Испании, чтобы через два десятилетия пасть от рук подкупленных «тираном» пиктов.

Как бы то ни было, сомневаться в римском происхождении Амброзия оснований нет, поскольку валлийские легенды, превознося его под именем Эмриса Вледига, не находят ему места в генеалогии местных династий. Возможно, Амброзий выступал от лица романизированных бриттов юга острова, жаждавших восстановления прежних порядков. Ненний датирует 437 годом «ссору Гвитолина с Амброзием, а именно Гволлоп, то есть Катгволлоп»[17]. Катгволлоп по-валлийски — «битва при Гволлопе»; это место отождествляется с долиной Уоллоп в графстве Хэмпшир. Как уже говорилось, Гвитолин, то есть Виталин — прежнее имя Вортигерна, против которого и выступил «последний римлянин» Амброзий. Исход сражения неизвестен, хотя Гальфрид Монмутский сообщает, что после него Амброзий завладел западом Британии. Некоторые историки считают, что Амброзиев было двое — старший, сражавшийся при Гволлопе, и младший, ставший позже правителем острова (этого последнего, в отличие от отца, звали Амброзием Аврелианом). Такое изменение фамильного имени в самом деле могло иметь место — например, отец Вортигерна-Виталина носил имя Виталий. Но ни один источник не говорит о «раздвоении» Амброзия, который вполне мог родиться около 410 года и умереть после 470-го.

Очевидно, именно страх перед Амброзием, а не угроза пикто-ирландских набегов подтолкнул Вортигерна к роковому решению — привлечь на защиту своих владений англосаксов. По сообщению Гильдаса, решение об этом было принято на общем совете: «Все собравшиеся там, включая и гордого тирана, были ослеплены; защитой для страны, ставшей на деле ее погибелью, сочли они диких саксов, проклятых и ненавидимых Богом и людьми, и решили пригласить их на остров, как волков в овчарню»[18]. Беда Достопочтенный добавляет к рассказу об этом дату события (446 или 449 год) и имена предводителей приглашенных в Британию саксов — Хенгист и Хорза, что означает «жеребец» и «кобыла». Собственно говоря, они были не саксами, а ютами — жителями нынешней Дании, сыновьями короля Виктгильса. Братья привели с собой три циулы (ладьи), на каждой из которых помещалось 40—50 воинов.

Ненний называет Хенгиста и Хорзу (Хорса) «изгнанниками» (*expulsae*), и эту версию косвенно подтверждает англосаксонская поэма «Битва при Финнсбурге» — в ней Хенгист

упоминается как соратник вождя данов Хнэфа, воюющий вместе с ним в земле фризов, далеко от родной Ютландии. Возможно, он был младшим сыном, лишенным своей доли наследства и вынужденным искать удачи в грабительских походах, а, может быть, беглецом, который спасался от кровной мести или потерпел поражение в борьбе за власть. Тех и других хватало в Северной Европе в период, который скандинавы прозвали «веком мечей». Распад родовых связей дополнялся кровавой межплеменной враждой, вызванной как Великим переселением народов, так и подъемом уровня Северного моря, затопившего многие прибрежные области. Беда упоминает, что переселение англов из Южной Дании, где они жили прежде, в Британию было вызвано «запустением» их страны — по всей видимости, из-за нашествия моря. Та же беда преследовала фризов, у которых долгое время бытовали легенды о затонувших городах. Другую причину имело переселение саксов — их теснили на север сплоченные в мощный союз племена франков.

У Ненния и в «Англосаксонской хронике» сохранились генеалогии, согласно которым предводители всех трех племен вели свой род от бога Водена (Одина). В частности, Хенгист и Хорза считались правнуками Водена, хотя Хорза, скорее всего, никогда не существовал — его выдумали в дополнение к брату, чтобы образовать пару божественных всадников наподобие греческих Диоскуров или индийских Ашвинов. Этим объясняются и «лошадиные» имена братьев, отражающие культ коня, который существовал у древних скандинавов. Вместе с тем Хенгист мог быть реальным лицом, хотя его имя вместе с именем его отца Виктгильса историки считают скорее саксонским, чем ютским. Быть может, он был предводителем разноплеменной банды наемников, нанятых на службу сперва правителем данов, а потом и Вортигерном. Любопытно, что его потомками считали себя не только короли Кента, но и герцоги германской Швабии, генеалогии которых относят Хенгиста к тому же времени — второй половине V века.

Продолжая повествование о «пришествии саксов», Беда пишет: «Новоприбывшие получили от бриттов земли по соседству с ними на условиях, что они будут сражаться против врагов страны ради ее мира и спокойствия и получать за это плату... Слухи о плодородии острова и о слабости бриттов достигли их родины, и вскоре оттуда отплыл много больший флот со множеством воинов»[19]. Это были не только юты, но и представители других народов — саксов, англов и фризов. Почти все они (кроме относительно удаленных от Британии ютов) имели сородичей, давно уже живших на Саксонском

берегу. Этот факт делает «пришествие саксов» (*adventus Saxonum*) весьма условным, и не случайно его точная дата неизвестна. Например, в сочинении Ненния оно отнесено к 428 году, а Галльская хроника 452 года сообщает, что уже в 410 году «британские провинции были опустошены саксами». Более поздний вариант этой хроники, относящийся к 511 году, содержит запись о том, что в 441 году «Британия, потерянная римлянами, досталась саксам». Возможно, эта дата отражает появление на службе Вортигерна саксонских наемников, хотя более вероятно, что это случилось раньше, в 430-е годы.

Помимо ежемесячных выдач провизии и одежды, пришельцы получили земельные участки на острове Танет (на языке бриттов он назывался Руохим), а потом и в соседней области Кантия, откуда был изгнан бриттский король Гвирангон. Саксы приняли участие в войнах против пиктов и скоттов (а возможно, и против Амброзия). В конечном итоге верховный король (ард-ри) Ирландии Ниалл Девяти заложников был убит во время одного из пиратских рейдов, а его занятые борьбой за власть наследники прекратили набеги на британское побережье. Примерно та же ситуация сложилась у пиктов, где около 440 года появился общий король, постоянно враждующий с правителями семи областей, составлявших его владения. Позже, примерно в 476 году, на западе пиктских земель, в нынешнем графстве Аргайл, высадились беглецы из Ирландии во главе с Фергусом мак Эрка. Созданное ими королевство Далриада вступило в затяжную борьбу с пиктами, и нападения обеих сторон на Британию окончательно сошли на нет.

Но еще до этого случилось неизбежное — саксы подняли восстание. По общему мнению источников, они замышляли мятеж с того момента, как убедились в слабости и разобщенности своих британских нанимателей. Предлогом стала невыдача в срок положенного довольствия, после чего Хенгист и его люди заявили, что сами возьмут все, что им причитается. То, что случилось дальше, красноречиво описал Гильдас: «Огонь праведного мщения за прошлые злодеяния пылал от моря до моря, зажженный руками восточных безбожников. Уничтожив все близлежащие города и земли, он не остановился, пока имел пищу, но сжег почти весь этот остров и облизывал западное море своими красными свирепыми языками... Стены всех городов были повержены ударами таранов, их обитатели вместе с предстоятелями церкви, священники вместе с паствой повергались наземь, в то время как повсюду сверкали мечи и трещало пламя. Печальное зрелище! Повсюду на улицах, среди камней поверженных башен,

стен и святых алтарей лежали тела, покрытые запекшейся красной кровью, словно их раздавил некий чудовищный пресс, и не было для них иных гробниц, кроме развалин домов или внутренностей диких зверей и птиц небесных»[20].

Дата восстания точно неизвестна, как и дата «пришествия саксов». Традиция относит его к 449 году, но более вероятно, что оно произошло на несколько лет раньше — к середине века Хенгист уже несколько лет был независимым королем (кинингом) Кантии, переименованной в Кент. Известие о его успехе достигло континента и привело к прибытию в Британию новых германских поселенцев. При крайней скудости источников для этого периода большее значение имеют результаты археологических раскопок. Из них следует, что масштаб англосаксонских вторжений V века сильно преувеличен древними историками. Большинство римских городов (Винчестер, Линкольн, Лондон и др.) оставались населенными по крайней мере до конца столетия и были не разрушены врагом, а просто оставлены жителями из-за голода и хозяйственного упадка. В то же время в городах Запада жизнь продолжалась до середины VI столетия. Уцелели также укрепленные форты в Уэльсе и на стене Адриана; местное население укрывалось там от набегов под защитой ополченцев и римских ветеранов.

Вплоть до конца V века поселения англосаксов были сосредоточены на юго-востоке Британии. Городской жизни завоеватели еще не знали и ставили на площадях римских городов свои хижины с соломенной крышей, огороженные частоколом. В захваченных селениях они, как правило, убивали мужчин, а женщин и детей продавали в рабство фризам или франкам. Гильдас так описывает печальную участь бриттов: «Иные из несчастных были загнаны в горы и безжалостно вырезаны. Другие, изможденные голодом, вышли и покорились врагу, готовые принять вечное рабство за кусок хлеба, если только их не убивали на месте... Некоторые отправлялись за море, громко сетуя, как будто вместо команды гребцам они пели под раздутыми ветром парусами: “Ты отдал нас, как овец, на съедение и рассеял нас между народами”. Другие остались на своей земле и, охваченные страхом, вверили свои жизни высоким холмам, укрепленным и неприступным, густым лесам и приморским скалам»[21].

Многие из упомянутых историком беглецов отправлялись в Арморику (Бретань), где со времен Максима Магна существовали бриттские княжества. Однако бóльшая часть бриттов бежала на запад острова, где по-прежнему правил Вортигерн. Источники сообщают о нем противоречивые подробности;

Ненний пишет о его женитьбе на дочери Хенгиста Ровене (по-валлийски Ронвен) и одновременно о том, что он «взял свою дочь себе в жены и от нее родил сына». Говорится и о том, что за это короля проклял Герман Оксеррский — это случилось во время второго и последнего визита святого в Британию в 447 году. В принципе в период общего морального упадка такой поступок был вполне возможен, но рассказ о нем явно носит фольклорный характер — возможно, кто-то из хронистов спутал короля с правителем Диведа Вортипором, которого Гильдас тоже осуждал за женитьбу на собственной дочери.

Не менее легендарна история о том, как Вортигерн задумал выстроить для защиты от врагов — саксов и собственных недовольных подданных, — крепость в горах Гвинедда, но приготовленные стройматериалы трижды исчезали неведомо куда. Для избавления от напасти колдуны (очевидно, друиды) посоветовали королю окропить место постройки кровью мальчика, не имеющего отца. Такого мальчика нашли, и он открыл Вортигерну, что под местом строительства лежит водоем, в котором сражаются два дракона — красный и белый. Белый дракон, символизирующий саксов, долго будет побеждать, но в итоге красный — символ бриттов, — одолеет его. Это пророчество так понравилось королю, что он сохранил мальчику жизнь и даже отдал ему весь запад Британии вместе с крепостью Динас-Эмрис, которая теперь, конечно же, была успешно достроена. По словам Ненния, мальчика звали Амброзием, но настоящий Аврелий Амброзий в то время был уже немолод. Гальфрид увидел в юном пророке чародея Мерлина, тоже росшего без отца, однако текст Ненния не дает никаких оснований для подобного вывода. История просто отражает фольклорный сюжет победы молодого претендента на трон над старым деспотичным правителем, классический пример которого — библейская история Саула и Давида.

Тот же Ненний излагает дальнейшую историю правления Вортигерна. Его сыновья от первого брака — Вортимер, Катигерн и Пасцент, — недовольные женитьбой отца на язычнице Ровене, восстали и объявили войну саксам. Вортимер (Гвертевир) дал врагам четыре битвы, хотя Ненний перечисляет только три: на реке Дергвентид, у брода под названием Эписфорд и на берегу Галльского моря. В первом сражении бритты потерпели поражение, второе окончилось вничью (при этом погибли принц Катигерн и Хорза), а в третьем саксы «были обращены в бегство, тонули, добирались до своих циул и трусливо укрывались в них»[22]. В итоге их загнали на остров Танет, вынудив многих пришельцев вернуться обрат-

но в свои земли. Датировку этих событий дает «Англосаксонская хроника», относящая гибель Хорзы в битве при Эгелестрепе к 455 году; правда, там Вортимер не упоминается и говорится, что саксы сражались с Вортигерном. К тому же в следующем году место описанной Неннием победы занимает поражение бриттов при Креганфорде, после которого они «оставили Кент и в великом страхе бежали до самого Лондона»[23]. Уже говорилось, впрочем, что англосаксонские хронисты регулярно преувеличивали победы своих соплеменников или просто выдумывали их.

Вероятно, Вортимер и в самом деле нанес завоевателям немалый урон, поскольку валлийцы помнили его сотни лет спустя как великого воителя. Вскоре он умер и, по легенде, попросил похоронить себя в той гавани, откуда были изгнаны саксы — вероятно, в Кенте, — чтобы враги, увидев его надгробие, побоялись высаживаться на сушу. Это известный мотив кельтского фольклора — так же защищала остров голова героя «Мабиногион» Бендигейд Врана, похороненная на Белом холме в Лондоне (нынешний Тауэр). Гальфрид дополнил этот сюжет фантастическим сообщением о том, что Вортимера похоронили на вершине громадной медной пирамиды, а также о том, что он не просто умер, а был отравлен коварной Ровеной, которая, «смешав все, какие только ни существуют, яды, дала ему выпить отраву из рук одного его приближенного, которого подкупила бесчисленными дарами»[24].

После смерти Вортимера Хенгист вернулся, приведя с собой, по словам Гальфрида, триста тысяч вооруженных до зубов саксов. После этого он обманом заманил всю бриттскую знать на поле близ монастыря Эмсбери в Уилтшире — якобы для переговоров, — и там по условной фразе «*Enimit saxes*» («Доставайте ножи») его спутники-саксы выхватили спрятанные за голенищами кинжалы и закололи 460 (по Неннию — 300) бриттских вождей. Вортигерна захватили в плен и вынудили отдать завоевателям в качестве выкупа провинции Эссекс, Сассекс и Миддлсекс. По Гальфриду, саксы захватили также Эборак (Йорк), Линдоколин (Линкольн) и Винтонию (Винчестер), разорив все области государства и вынудив Вортигерна бежать в Уэльс. Что касается убитых вождей, то, по данным Гальфрида, святой Элдад (Иллтуд) похоронил их на кладбище в Эмсбери. Но тут автор противоречит сам себе — в «Жизни Мерлина» он повествует о том, как этот легендарный чародей чудом перенес из Ирландии на Солсберийскую равнину каменный «Хоровод великанов» — как нетрудно догадаться, речь идет о Стоунхендже, — и сделал из него памятник погибшим. Избиение британской знати, учиненное Хен-

гестом, вошло в валлийскую традицию под названием «Предательства длинных ножей» (*Brad y Cyllill Hirion*). Стоит отметить, что эти ножи были настолько характерны для саксов, что даже получили одно с ним имя — *saxes*.

Пересказанные фольклорные истории имеют мало отношения к реальности. Конечно же, такой хитроумный и властолюбивый правитель, каким был Вортигерн, не стремился своими руками отдать королевство саксам, но был бессилен как перед ними, так и перед своими вконец вышедшими из повиновения подданными. Ненний подводит черту под его правлением рассказом о том, как святой Герман проклял короля за преступную связь с дочерью — хотя, по его выкладкам, это случилось в 463 году, а Герман умер еще в 452-м. Проклятие заставило «гордого тирана» бежать в область в Центральном Уэльсе, названную позже его именем (Гуртейрнион), «дабы скрыться там со своими женами». Герман со своими спутниками отправился за ним и три дня молился у крепости, где укрылся король, пока она не рухнула, объятая сошедшим с неба огнем. Эта история повторяет рассказ Ненния о гибели нечестивого короля Поуиса Бенлли, и автор, похоже, сам сомневается в ее правдивости, поскольку тут же приводит другую версию гибели Вортигерна: «После того, как Гвортигирна возненавидели за грехи все его соотечественники... он, перебираясь с места на место, стал блуждать по стране, пока его сердце не разорвалось, и он умер бесславно»[25].

На сей раз более правдивую версию случившегося излагает как раз выдумщик Гальфрид: он пишет, что Вортигерна погубили не небесные силы, а Аврелий Амброзий, высадившийся на острове с войском своих приверженцев. Осадив короля в крепости Генореу в области Эргинг (ныне графство Херефордшир), его противники пытались проломить стены с помощью осадных орудий, «но так как это не принесло им успеха, они подложили огонь. Найдя для себя подходящую пищу, он не унялся до тех пор, пока не испепелил башню и затворившегося в ней Вортигерна»[26]. С гибелью короля его род не исчез: отпрыски Вортимера недолгое время правили в Гвенте, а потомки Катигерна основали династию, до XII века управлявшую Поуисом. Третий сын «гордого тирана» Пасцент сохранил за собой области Буиллт и Гуртейрнион, которыми во времена Ненния еще владели его наследники. Четвертый сын, Фавст, якобы рожденный дочерью Вортигерна от собственного отца, стал аббатом монастыря Ренис — возможно, это был епископ Фавст из Риеза в Арморике, скончавшийся в 490 году.

В результате всех этих событий, имевших место в 460-е годы, правителем Британии стал «последний римлянин» Амброзий, он же Эмрис Бледиг. Последнее слово, производное от валлийского *gwledic*, означало «хозяин страны» и применялось к правителям крупных независимых владений, а то и всей Британии. Амброзий, несомненно, заслужил этот титул, хотя никакой властью над восточной частью острова, захваченной саксами, он не обладал. Не подчинялся ему и север, где не прекращалась междоусобица потомков Коэла, временами прерываемая набегами пиктов. Да и на западе, формально входившем в его королевство, реальная власть принадлежала местным королям, в ряды которых никак не мог вписаться Амброзий, не укорененный в кельтской племенной структуре. О его внутренней политике мы не знаем ровно ничего; можно только предполагать, что он конфисковал бывшие владения рода Вортигерна в Глостершире. Возможно, здесь же, в Каэр-Глови, находилась его резиденция, хотя на эту роль претендует и крепость Динас-Эмрис — та самая, где юный Амброзий когда-то открыл своему предшественнику тайну двух драконов. Крепость была названа в честь Амброзия, как и несколько укреплений на юге Британии, сохранивших характерные названия с корнем «Амброз» — в том числе городок Эмсбери (на языке саксов Амбресбириг), давший имя уже упомянутому монастырю.

Эти топонимы сохранили память о главном деле нового правителя — строительстве мощной системы оборонительных укреплений на западе Британии. В первую очередь это был впечатляющий земляной вал высотой до четырех метров, протянувшийся от Бристоля до Мальборо в Уилтшире на расстояние почти 60 километров. Позже англосаксы не могли поверить, что он насыпан людьми, и назвали его «валом бога Водена» (Вэнсдайк). В затруднении оказались и историки, которые приписывали его сооружение то римлянам, то самим англосаксам. Лишь сравнительно недавно археологи определили, что вал и прорытый рядом с ним глубокий ров, следы которых сохранились до наших дней, сооружены между V и VI веками, в эпоху Амброзия и его преемника — возможно, Артура. Планировка этих сооружений, учитывающая рельеф местности, показывает знакомство строителей с римской практикой строительства укреплений. Кто еще, кроме «последнего римлянина», мог разработать и воплотить в жизнь подобный грандиозный проект?

В тот же период на всем западе Британии началось возведение мощных крепостей. Часть из них представляла собой типичные кельтские хиллфорты — укрепления на холмах, ок-

руженные высоким частоколом и огражденные валами и рвами. Классический пример — знаменитый Сауз-Кэдбери, который с давних времен принято отождествлять с Камелотом короля Артура. Сооружение этой громадной крепости, о которой будет рассказано далее, действительно относится к эпохе Артура, но с фортификациями Амброзия ее объединяет главное — встраивание в единую оборонительную систему, создание которой требовало немалых организационных усилий и труда многих тысяч людей. Ни одно из мелких королевств Британии было не способно на такое — значит, строительство было делом рук некой центральной власти, которой могла быть только «держава бриттов» Амброзия и (может быть) Артура.

Многие крепости V—VI веков не сохранились — они находились на берегу моря, в стратегически важных пунктах, и позже на их месте появились портовые укрепления и замки англо-нормандских феодалов. Сами они часто представляли собой обновленные римские форты; например, Сегонтий на севере Уэльса превратился в Каэр-Сейнт, нынешний Карнарвон, а Моридун на юге — в Каэр-Вирддин, ныне Кармартен. Такая же крепость, по всей видимости, существовала и в корнуольском Тинтагеле, который поздняя традиция именует местом рождения Артура. Быть может, подобные ей располагались и на южном берегу Британии, но все их разнесла по камешку волна саксонского нашествия.

О войнах Амброзия с саксами источники говорят невнятно, почти не называя дат. Только «Англосаксонская хроника» под 465 годом помещает сообщение о том, что «Хенгест и Эск сражались с валлийцами у Виппедесфлета и убили двенадцать валлийских элдорменов». Стоит отметить, что именно с этого момента хроника начинает именовать прежних бриттов валлийцами (*wealh*), что означает «чужаки». Это говорит о психологическом сдвиге — пришельцы прочно закрепились на острове и были полны решимости очистить его от прежних хозяев. Но с этим не все обстояло гладко — невзирая на хвастовство хрониста, битва, похоже, стала серьезным поражением саксов, первым со времен Вортимера.

Рассказ о сражении сохранился только в сочинении Гальфрида — изрядно приукрашенный, но, возможно, доносящий через века какие-то реальные сведения. Автор, к примеру, говорит, что войско Амброзия в основном состояло из ополченцев Уэльса и Корнуолла, но ядром его были всадники из Арморики, одетые в броню по римскому образцу. Это похоже на правду — в Галлии, в отличие от Британии, еще жило искусство изготовления доспехов и оружия для конни-

цы, и только она могла сплотить и повести к победе неорганизованных, боящихся саксов крестьян. Виппедесфлет не принес бриттам ощутимых выгод, но сыграл большую психологическую роль — с ним кончились «сорок лет страха», отмеченные хронистами. Саксы перестали быть бичом Божьим, грозным и непобедимым противником и превратились в обычных людей, с которыми можно было воевать, мириться, а иногда и союзничать. Начался новый период истории, о котором писал Гильдас: «С того времени побеждали то бритты, то их враги, чтобы Господь по своей воле мог испытать этот народ, как новый Израиль»[27].

Гальфрид переносит место битвы из неведомого Виппедесфлета в некую крепость Каэрконан, которую он отождествляет с городком Конисбро недалеко от Йорка — хотя вряд ли саксы в тот период могли проникнуть так далеко на север Британии. Главную роль в победе он отводит некоему Элдолу, графу Клавдиоцестрии (Глостера) — вероятно, чтобы польстить своему покровителю Роберту, незаконному сыну короля Генриха I, который тоже был графом Глостерским. Именно Элдол, по версии автора «Истории королей», одолел в поединке самого Хенгиста, взял его в плен «и, снеся ему голову, отправил в преисподнюю». Амброзий, проявив уважение к поверженному врагу, позволил пленным саксам похоронить его по своим обычаям и насыпать над ним могильный курган. Затем он осадил в Эбораке (Йорке) сына Хенгиста Окту и заставил его принести присягу на верность, а после направился в разрушенный врагами Лондон, восстановил его и сделал своей столицей.

В этой связи возникает вопрос о судьбе Хенгиста — «Англосаксонская хроника» ничего не говорит о его смерти, но упоминает, что в 488 году власть над Кентом перешла к его сыну Эску. Ненний приводит другие сведения: «После смерти Хенгиста его сын Окта передвинулся с левой стороны Британии к королевству кантов, и от него происходят короли последних»[28]. Генеалогии англосаксов тоже считают Окту сыном Хенгиста и отцом Эска или Оссы, который, собственно, и основал королевскую династию Кента, известную под именем Эскингов. Такая путаница требует объяснения, тем более что сын Хенгиста, как бы его ни звали, в 455 году уже был взрослым человеком. Это значит, что самому Хенгисту в год его мнимой смерти было лет восемьдесят — крайне необычное для того времени долголетие. Более вероятно, что он окончил жизнь раньше указанной в хронике даты — а именно в год битвы с Амброзием, после которой источники долго не упоминают ни одного завоевательного похода правите-

лей Кента. Они вновь вышли на авансцену истории только в 597 году, когда внук Эска Этельберт стал первым правителем англосаксов, принявшим крещение от прибывших из Рима монахов.

Победа при Виппедесфлете на время избавила владения Амброзия от саксонской угрозы, но ему не пришлось долго наслаждаться властью. Между 465 и 475 годами «последний римлянин» ушел из жизни при неясных обстоятельствах. Гальфрид винит в его смерти сына Вортигерна Пасцента, который безуспешно пытался захватить Британию при помощи то саксонских, то ирландских наемников, а потом прибегнул к помощи яда. Некий сакс по имени Эопа за тысячу фунтов серебра предложил «проникнуть к королю как врач и дать ему снадобье, от которого он умрет». Переодевшись в монашескую рясу (во времена Гальфрида врачи еще принадлежали к духовному сословию), он явился в Винчестер, где, по утверждению историка, находился двор Амброзия, и свершил свое черное дело. После этого воевавший в Уэльсе брат Амброзия Утер увидел в небе яркую звезду с двумя длинными лучами, один из которых оканчивался семью лучами поменьше. Смысл этого видения растолковал не кто иной как Мерлин, заявивший Утеру: «Луч, протянувшийся к галльскому побережью, возвещает, что у тебя будет наделенный величайшим могуществом сын, господству коего подчинятся все королевства, которые он возьмет под свою руку. Что до второго луча, то обозначает он дочь твою, сыновья и внуки которой будут друг за другом властителями Британии»[29]. Понятно, что первая часть пророчества относится к Артуру, а вторая — к потомкам его мифической сестры Элейны, от которой хитроумный Гальфрид произвел нормандских королей Англии, сделав их тем самым законными наследниками Амброзия и Артура.

После смерти Амброзия, похороненного внутри того же «Хоровода великанов», Пасцент при поддержке саксов и короля Ирландии Гилламаврия вновь попытался захватить власть, но Утер нанес ему решительное поражение и убил, став, таким образом, новым правителем острова. Эта часть повествования целиком легендарна и скрывает тот факт, что история не сохранила никаких сведений о том, где и как окончил свои дни Аврелий Амброзий. Возможно, на это проливает свет военная операция, ставшая единственным за шесть следующих веков выходом Британии на международную арену. Автор «Деяний готов» Иордан сообщает, что в 468 году римский префект Северной Галлии Эгидий пригласил «из-за Океана» войско бриттов во главе с неким Риотамом для защиты северных берегов провинции от нападений саксов. Эта

дата неверна, поскольку еще в 464 году Эгидий умер и должность префекта занял его сын Сиагрий. Тогда же нападениям саксов был поставлен заслон — по всей видимости, усилиями прибывших бриттов, занявших все побережье от Сены до Луары. К 468 году относится другое событие — вторжение в Галлию огромной армии вестготского короля Эйриха. Преграждая ей путь, Риотам с войском из двенадцати тысяч человек двинулся вверх по Луаре на соединение с римскими силами. Сохранилось письмо, посланное ему епископом Клермона Сидонием Аполлинарием, известным галло-римским писателем. Епископ пытался выведать планы вождя бриттов, когда тот находился в районе города Аварик (ныне Бурж) в области Берри.

О дальнейшем мы узнаем от Иордана — бритты так и не дождались союзников и под натиском превосходящих сил вестготов отступили в болотистую местность в Бургундии, где их следы окончательно потерялись. Любопытно, что в тех краях находился городок под названием Авалон, что заставило некоторых современных ученых отождествить Риотама с Артуром, который, по легенде, тоже вел военные действия в Галлии. Но более вероятна связь предводителя бриттов с Амброзием, который исчез с исторической сцены как раз в это время. Имя Риотам происходит от бриттского Rigotamos — «всеобщий король», и, возможно, является титулом, который мог носить король Британии. «Последний римлянин» вполне мог откликнуться на просьбу римского наместника, чтобы спасти остатки имперского наследия от варваров. С другой стороны, Амброзий вряд ли увел бы значительные воинские силы с острова, которому угрожало нашествие саксов. И вряд ли он стал бы представляться галло-римским аристократам под бриттским титулом, скрывая свое подлинное громкое имя. Нам стоит поискать на страницах истории другого Риотама. И он есть — это Йонас Риотам (он же Ион Рейт), король Корнуая, одного из княжеств Арморики, живший, по данным бретонского «Картулярия Кемперле», в середине V века. Вполне возможно, что именно он помог Амброзию одолеть саксов при Виппедесфлете, а потом получил от союзника «ограниченный контингент» для борьбы с варварами уже на своей территории.

Как бы то ни было, вскоре Амброзия не стало. Умер ли он от болезни, погиб ли в стычке с саксами или пиктами, пал ли жертвой отравителя, как о том говорит Гальфрид — мы не знаем и, похоже, не узнаем никогда. В артуриане благородный потомок римлян места не нашел — ни один средневековый роман не упоминает имени этого мнимого дяди Артура. С его

уходом окончательно порвалась нить, связывавшая Британию с четырьмя веками ее римской истории. Воины Амброзия, в меру сил копировавшие римское оружие и тактику, стали последней тенью грозных легионов, которые отныне окончательно ушли в историю. Теперь защищать окруженных свирепыми врагами бриттов предстояло другим людям, и на горизонте должен был вот-вот появиться их предводитель и символ — тот, кого мы знаем под именем короля Артура.

Глава вторая

ЗАГАДКА ЛОГРИИ

Даже на фоне британских «темных веков» период 470—500 годов освещен особенно скудно. Всё, что мы знаем о нем — пять записей «Англосаксонской хроники», относящихся к завоеваниям легендарных саксонских вождей Эллы и Кердика. Неизвестно, кто правил Британией после Амброзия; традиция отводит эту роль Утеру Пендрагону, но он, как мы увидим, является легендарной фигурой. Известны лишь разрозненные данные об истории отдельных британских королевств, но рассмотреть их необходимо, чтобы понять, найдется ли среди этих государственных образований место для Логрии — державы Артура.

Словом «Логрия» или «Логрис» средневековые авторы артурианы именуют всю Англию, которой якобы правил король. Они основываются на сочинении Гальфрида Монмутского, согласно которому основатель державы бриттов Брут Троянский разделил свои владения между тремя сыновьями. Старшему, Локрину, досталась Логрия, Камбру — Камбрия, то есть Уэльс, а Альбанакту — Альбания или Альба, как в древности называли Шотландию. Последнее слово связано с древним именем острова «Альбион» и происходит не от латинского *albus* (белый), как часто думают, а от кельтского корня *albio-*, означающего «мир» (островитяне часто отождествляли свою изолированную родину со всем мирозданием). Слово «Камбрия», как уже говорилось, восходит к самоназванию валлийцев «комброги» или «кимры». С Логрией сложнее — это слово (по-валлийски *Lloegr*) впервые встречается в сочинении Гальфрида, и точное значение его неизвестно. По одной версии, на одном из бриттских диалектов оно означает «потерянная страна», по другой — происходит от Каэр-Лигор, древнего названия города Лестер, находящегося в самом центре территории между реками Хумбер, Темза и Северн. Именно эта область, по Гальфриду, называлась Логрией.

Сразу же стоит отметить, что в артуровскую эпоху она никак не могла быть единым королевством. Не была она и «потерянной страной», захваченной саксами, которые только в VII веке хлынули с приморских окраин острова в его центр, покоряя одно за другим разрозненные бриттские княжества. Не была и «королевством бриттов», которым правили Вортигерн и Амброзий — за ее пределами находились Уэльс и Корнуолл, явно вовлеченные в орбиту власти этих правителей. Чем же была — или могла быть — Логрия? Ответ прост — географической фикцией, изобретение которой позволило Гальфриду ловко выйти из положения, не называя державу Артура ни Британией, ни Англией. Первое имя в раннем средневековье чаще применялось не ко всему острову, а лишь к его части, населенной бриттами, и историк, будучи валлийцем по крови, хорошо знал об этом. Не мог он и употреблять слово «Англия», связанное с англосаксами — недавними противниками нормандских феодалов, интересам которых он служил. Вненациональное имя Логрии идеально подходило для обозначения владений Артура, включавших якобы не только всю Британию, но и изрядную часть Европы.

Оставив в стороне эти фантазии, посмотрим, что на самом деле происходило на рубеже V и VI веков в нынешней Англии. Источниками на сей счет могут быть не только сочинения Гильдаса и Ненния, но и генеалогии, жития святых, а также географические названия, доносящие до нас память о ранних эпохах. Данные чрезвычайно богатой британской топонимики позволяют провести четкую линию от эстуария Хумбера на северо-востоке до устья реки Тест и острова Уайт на юге. К востоку от этой линии подавляющее большинство названий городов, деревень, холмов и островов имеет англосаксонское происхождение, к западу — кельтское. По давно принятой версии, это объясняется быстрым и решительным вытеснением коренных жителей пришельцами. Нечто подобное утверждает и Гильдас, описывая незавидную судьбу бриттов после саксонского завоевания: смерть или изгнание. Известный английский историк Эдвард Томпсон писал: «Единственная группа топонимов, сохранившаяся к востоку от условной линии, проведенной от йоркширских пустошей до Нью-Фореста — это названия некоторых римско-бриттских городов, больших рек, как Трент или Темза, а также некоторых гор и лесов. Во всех остальных случаях топонимы сохранились только там, где были изолированные анклавы бриттов, избежавшие уничтожения... Основная часть бриттского мужского населения была или истреблена, или вытеснена далеко на запад или же на континент... Женщины и де-

ти превращались в рабов, предназначенных для домашнего хозяйства, причем женщины при этом часто становились и наложницами»[1].

Эта хрестоматийная картина оспорена археологами, обнаружившими во многих районах Англии преемственность хозяйства и культуры до и после «пришествия саксов». Исчезновение кельтских имен и названий можно объяснить не геноцидом прежних жителей, а их постепенным слиянием с завоевателями, сулящим отчетливые социальные выгоды. Нечто подобное происходило в странах Ближнего Востока после их включения в состав Арабского халифата. Иной была ситуация в Галлии, где варварское завоевание оставило в неприкосновенности большинство прежних галло-римских названий. Это тоже объяснимо — немногочисленные франки, готы и бургунды растворились среди коренного населения, как варяги на громадной русской равнине (поэтому на карте России бесполезно искать скандинавские топонимы). Ситуация на востоке Англии была иной: англосаксы переселялись сюда целыми кланами, а иногда и целыми народами, образовав не правящую касту, а законченную социальную структуру, в которой бритты могли присутствовать только в виде бесправных рабов. Владельцев захваченных усадеб и пахотных земель изгоняли или убивали; та же участь ждала обитателей городов, которые не знавшие городской жизни саксы суеверно считали творением злых духов. Это особенно характерно для первого этапа завоевания, движущей силой которого были полудикие воинские дружины, видевшие главную радость в грабеже и бессмысленном разрушении всего чужого и непонятного.

На втором этапе, начавшемся в середине VI века, наступление на земли бритттов организованно проводили англосаксонские монархи, целью которых было уже не уничтожение городов и их жителей, а их подчинение и эффективная эксплуатация. На смену полному взаимному неприятию пришла эпоха коалиций и династических союзов между бриттами и саксами, что не привело, однако, к прекращению вековой вражды. Эту вражду не уменьшило даже принятие англосаксами христианства — теперь они с пылкостью неофитов третировали бриттское духовенство за еретические взгляды и нежелание подчиниться власти Рима. Понятно, что на присоединенных в эту эпоху землях Центральной и Северной Англии бриттское население терпело притеснения, что побуждало его переселяться на запад или перенимать язык и культуру завоевателей. Картина изменилась лишь на третьем этапе, когда остатки бриттской независимости ликвидирова-

ли уже не саксы, а англо-нормандские феодалы. Покорив Уэльс и Корнуолл, они оставили в неприкосновенности и местное население, и его топонимы. Напротив — очень скоро кельтские имена и названия разнеслись по всей Европе в качестве экзотического антуража артурианы. Похожая картина наблюдалась в Северной Америке и Австралии, где белые пришельцы, истребив большую часть коренных жителей, сохранили их географические названия — именно по причине экзотичности.

Исследования антропологов подтверждают общую картину, отмечая преобладание светловолосого и круглолицего северного типа на юго-востоке и севере Англии (в последнем случае это объясняется более поздним скандинавским завоеванием). На западе господствует иной тип людей — темноволосый, менее рослый, с крупным носом и резкими чертами лица. Этот тип трудно назвать кельтским, и ученые еще в XIX веке приписывали его загадочным иберийцам — докельтскому населению Британии, ассоциируемому с археологическими культурами Уиндмилл-Хилл и Питерборо, а также с мегалитическими постройками, включая Стоунхендж. Это отчасти подтвердили нашумевшие генетические исследования рубежа XXI столетия, проведенные Брайеном Сайксом, Стивеном Оппенгеймером и другими учеными[2]. Исследуя «дрейф генов» из одной части мира в другую, они пришли к выводу, что до 75 процентов современного населения Британии происходит от древних племен, примерно пять тысяч лет назад прибывших сюда с Иберийского полуострова. Поэтому, говоря об англосаксонском (а также кельтском или нормандском) завоевании, мы весьма приблизительно описываем истинное положение дел.

Иберийцы также оставили следы в топонимике острова — к ним можно возвести имена Темзы (Таменса), Северна (Сабрины) и многих других рек, не находящие этимологии в кельтских и германских языках. Впрочем, за века многие географические названия настолько исказились, что можно лишь догадываться, из какого языка они пришли и что означают. Типичный пример — знаменитый монастырь Гластонбери в Сомерсете, давно (и, скорее всего, неправомерно) связанный с именем Артура. В англосаксонских хартиях X века его название приведено в форме *Glaestingaburgh*, то есть «крепость рода Глестингов». Однако уже в следующем столетии историк Карадок Лланкарванский в своем «Житии Гильдаса» объясняет это название как «Стеклянный город» (на латыни *Urbs Vitrea*, на языке бриттов *Ynys Guitrin*), исходя из английского слова *glass* — «стекло». Чуть позже Уильям Малм-

сберийский в своем сочинении «О древностях Гластонберийской церкви» производит имя монастыря от некоего Гласа или Гласта, потомка Кунедды. Сразу скажем, что слово *glas* на валлийском означает сразу несколько цветов — голубой, зеленый, серый, песочно-желтый, — а название Ynys Guitrin, по всей видимости, происходит от имени Гвитерин, то есть Викторин. Таким образом, мы имеем пять в корне различных версий происхождения одного топонима — если не упоминать популярную теорию о тождестве Гластонбери и волшебного острова Авалон, которая будет рассмотрена ниже.

И здесь путаница только начинается — кроме разных названий одного населенного пункта мы имеем одинаковые или однокоренные названия разных городов, рек и холмов, разбросанных по всей Британии. В результате ученые веками спорят о привязке к местности важных исторических событий (например, битв) и о расположении бриттских княжеств, нередко разнося их на сотни километров. Один из примеров связан с тем же Гластонбери, который традиционно считается центром небольшого королевства Гластенинг, основанного уже упомянутым Гласом около 540 года. По данным валлийских генеалогий, потомки этого Гласа правили до VIII века, когда Сомерсет был давно уже оккупирован англосаксами. При этом предки Гласа, который был правнуком основателя Гвинедды Кунедды, жили в маленьком княжестве Догвейлинг в Уэльсе. Трудно понять, каким образом они оказались в Гластонбери, если не допустить, что Уильям Малмсберийский просто соединил по созвучию имен монастырь и ничем не связанного с ним валлийского правителя, вызвав тем самым к жизни географическую химеру — королевство Гластенинг.

Название графства Сомерсет тоже породило ложную этимологию — еще в XI веке его отождествили с валлийской «Летней страной» (*Gwlad yr Haf*), поскольку по-английски *summer* означает «лето». На самом деле слово произошло от городка Сомертон (летнее поселение), выросшего на месте фермы, где скот летом пасся на холмах. У скотоводов-валлийцев было немало таких «летних» топонимов, но название «Летняя страна» относится не к ним — оно означает волшебную страну эльфов или фейри, которые, если верить легендам, так и кишели на острове в те далекие времена. Грань между миром смертных и царством фейри была довольно тонкой, а в дни главных праздников, знаменующих грань времен года, и вовсе сходила на нет. К таким праздникам относились Калан Маи (ирландский Белтене, отмечавшийся 1 мая и условно совпадающий с христианской Троицей), Калан Гэф (он же Самайн или Хэллуин, 1 ноября), Нос Гвил Вайр (Имболк или

Кэндлмас, 1 февраля) и Нос Гвил Ауст (Лугнасад или Ламмас, 1 августа). Сохранялась и более ранняя традиция, считавшая главными праздниками зимнее и летнее солнцестояния — будущие Рождество и Иванов день. В праздничные дни кельты жгли костры и украшали дома ветками растений, отпугивающих нечистую силу. Идущие от язычества приметы и обычаи проникли в фольклор современной Британии, сделав ее наиболее населенной призраками, феями, эльфами и прочей сказочной нечистью страной Европы.

Усилия мифотворцев прошлого и настоящего привели к тому, что о топонимике и истории многих сказочных королевств мы знаем значительно больше, чем о реальных государствах Британии «темных веков». Точно определить границы последних можно лишь в тех редких случаях, когда они совпадают с современными графствами или ограничены известными нам реками, горами и лесами.

Один из немногих ориентиров на этом пути — приведенный в сочинении Ненния список двадцати восьми городов Британии. Об этих городах, не перечисляя их, говорит еще Гильдас, и список явно восходит к досаксонским временам. Собственно говоря, бриттское слово *caer* изначально означало «крепость» и восходило к римскому *castrum*, так же как и англосаксонское *castir* (от которого, в свою очередь, произошло английское *chester*, завершающее названия многих старинных городов). Однако в те времена крепостью был любой город, обнесенный стеной, поэтому все их стали называть *caer*, а крепости, выстроенные специально для военных целей (обычно на побережье), получили название *dinas* от древнего кельтского слова *dun*.

Первым в списке назван Каэр-Гвортигирн — столица Вортигерна, местоположение которой неизвестно. Поскольку в списке нет такого важного города, как Каэр-Глови (Глостер), то можно предположить, что именно он был поименован в честь первого короля бриттов, а после его свержения вернул прежнее название. Из других городов Центральной Англии в списке присутствуют Каэр-Колун (Линкольн), Каэр-Граут (Кембридж), Каэр-Маунгвид (Манчестер), Каэр-Гвирагон (Вустер), Каэр-Легион (Честер), Каэр-Гурикон (Роксетер), Каэр-Лерион (Лестер), Каэр-Луидкойт (Личфилд). Почти нет городов Севера — это Каэр-Лигвалид (Карлайл), Каэр-Эвраук (Йорк), Каэр-Карадаук (возможно Каттерик в Йоркшире) и Каэр-Бритон (Думбартон в Шотландии). Из городов Уэльса перечислены Каэр-Мегвайд (Мейводен в Поуисе), Каэр-Сегейнт (римская крепость Сегонтий недалеко от нынешнего Карнарвона), Каэр-Легион гвар Уск (Карлион) и

Каэр-Гвент (Каэрвент). В малонаселенном Корнуолле упоминаются всего два города — Каэр-Драйтоу (возможно, Драйтон в Девоншире или Данстер в Сомерсете) и Каэр-Пенсакойт, который Гальфрид по какой-то причине отождествляет с Эксетером. Среди южных городов названы Каэр-Гвинтгвик (Винчестер), Каэр-Минципп (Сент-Олбенс), Каэр-Лундем (правильнее — Лундейн, то есть Лондон), Каэр-Кейнт (Кентербери), Каэр-Перис (Портленд или Портсмут) и Каэр-Даун (Донкастер). Наконец, три населенных пункта не находят себе точного места на карте — это Каэр-Кустоэйнт («город Константина», скорее всего в Корнуолле), Каэр-Урнак (быть может, Дорчестер в Дорсетшире) и Каэр-Келемион (возможно, Силчестер в Хэмпшире).

Все или почти все перечисленные города в V—VI веках были столицами независимых королевств бриттов, но те из них, что находились на юге и востоке, рано пали жертвами саксонских набегов. Первым из них стал Кент, который, по свидетельству Ненния, был отдан Вортигерном в качестве свадебного дара за прекрасную язычницу Ронвен — причем короля этой области Гвирангона «не уведомили, что его королевство передается язычникам и он сам тайно отдан в их руки»[3]. Он стал первым из британских правителей, потерявших свои владения в результате «пришествия саксов». За следующие полвека к нему добавилось множество других, чьи королевства известны теперь лишь под условными названиями — Регия в Сассексе, Атребатия в Хэмпшире, Дуротригия в Дорсетшире... Никакой верховной власти (во всяком случае, после смерти Вортигерна) они не признавали и по старинному кельтскому обычаю упорно враждовали не только с англосаксами, но и друг с другом. Роковой слабостью кельтов, приводящей их к поражению во всех долговременных военных конфликтах, была неспособность добиться хоть какого-нибудь единства. После смерти вождя его владения поровну делились между наследниками, которые тут же начинали враждовать друг с другом. Воины кидались в бой, очертя голову, без всякого строя и порядка, и стремились лишь сразить побольше врагов, чтобы их подвиги воспели барды. Это было в доримскую эпоху и вернулось после ухода римлян, усугубленное всеобщей разрухой и моральным упадком. Фольклор любого народа жесток, но в преданиях кельтов Уэльса, Корнуолла и Бретани особенно много вероломно загубленных родичей, убитых мужьями жен, совращенных родными отцами дочерей. Многие из этих преданий восходят к «темным векам», лишний раз доказывая, что полуцивилизованность в моральном плане куда хуже полной дикости.

Завоеватели-англосаксы были далеки от цивилизации, что давало им немалые преимущества. В сражениях они беспрекословно слушались командиров, держали строй, а всю захваченную добычу делили поровну, за исключением доли вождя и жертв, полагающихся богам. Власть и имущество у них, по германскому обычаю, переходили к старшему сыну, а остальным полагалось добывать достояние мечом. Дети подчинялись отцам, мужья и жены хранили верность друг другу — многоженство допускалось только для королей. Конечно, это не значит, что на землях саксов царил мир: они постоянно воевали с соседними племенами и у себя на родине, и в Британии. Обычно, говоря об англосаксах, историки подчеркивают, что они достаточно быстро слились в один народ, но этот процесс далеко не всегда проходил безболезненно. Расселение трех главных народов-завоевателей в VIII веке зафиксировал Беда: «Жители Кента и Векты (остров Уайт. — *В. Э.*) происходят от ютов, как и обитатели земель напротив Векты в провинции западных саксов, до сих пор называемые народом ютов. От саксов из области, известной ныне как Старая Саксония, происходят восточные саксы, южные саксы и западные саксы. Кроме этого, из страны англов... вышли восточные англы, средние англы, мерсийцы и весь народ Нортумбрии, то есть те, кто живет к северу от реки Хумбер»[4].

Считается, что англосаксы создали на территории Британии семь королевств, из которых в «артуровскую» эпоху возникло пять. На самом деле королевств было значительно больше, а кроме них существовало множество «вольных обществ», основанных переселенцами на «ничейных», то есть заселенных бриттами, землях. Первое время короли, потомки Водена, не могли, да и не хотели обуздывать эту захватническую активность, которая делала полезное для них дело — очищала земли Британии от коренного населения. Вероятно, уже в 450-е годы опустели порты восточного побережья, принявшего на себя первый удар. Потом саксы начали совершать на своих циулах дальние походы по Темзе, разоряя приречные города и деревни. После 470-х годов был покинут Лондон, жизнь в котором возобновилась только век спустя. При этом главной причиной запустения городов, как уже говорилось, стали не набеги саксов, а голод и разруха. Заброшенные развалины внушали печальные чувства даже завоевателям, о чем красноречиво говорит стихотворение VIII века «Руины»:

Каменная диковина — великанов работа.
Рок разрушил. Ограда кирпичная.
Пали стропила; башни осыпаются;
Украдены врат забрала; мороз на известке...[5]

Второй монархией англосаксов после Кента стал Сассекс, обстоятельства создания которого крайне драматичны. «Англосаксонская хроника» сообщает, что в 477 году в Британию на трех кораблях прибыли вождь саксов Элла и его сыновья Кимен, Вленкинг и Цисса: «Они высадились в месте под названием Кименесора и убили там многих валлийцев, а прочие бежали в леса»[6]. Дата сомнительна, но высадка явно произошла после смерти Аврелия Амброзия, когда захватчики вновь почувствовали свою безнаказанность. Под 485 годом хроника помещает известие о новой битве Эллы с бриттами в месте под названием Меркредесбурна, название которого можно перевести как «черта договорной границы». Это доказывает, что после высадки саксы заключили договор с местным правителем и в обмен на военную помощь получили от него восточную часть будущего графства Сассекс.

В 491 году хроника сообщает: «Элла и Цисса осадили город Андериду и убили всех, кто там был, так что ни один бритт не спасся»[7]. Андерида — это современный город Певенси, где еще в римские времена размещался гарнизон, охранявший побережье. Поголовная резня его обитателей была чрезвычайным событием даже в те жестокие времена; по всей видимости, Элла дал обет, известный по скандинавским сагам — в случае победы принести всех побежденных в жертву богам. После взятия Андериды этот суровый и властный правитель объявил себя королем южных саксов; уцелевшие бритты бежали на север, за громадный лес Вельд, и там еще какое-то время существовало королевство Регия. По свидетельству Беды, Элла стал первым из семи королей англосаксов, носивших почетный титул «бретвальда» — «верховный правитель». Похоже, ему на время удалось сплотить в войне против бриттов предводителей саксов, ютов, а возможно, и англов — в их действиях впервые проявилась некая координация.

Последующее десятилетие отмечено в «Англосаксонской хронике» только одним событием — высадкой в 495 году где-то на юге острова саксонских вождей Кердика и Кинрика, которых традиционно считают основателями королевства Уэссекс. Реальность этой военной операции, как будет показано дальше, довольно сомнительна, но были и другие. Похоже, именно в те годы юты из Кента захватили побережье Хэмпшира и остров Уайт, где их позже застал Беда. Саксы продолжали походы по Темзе, с каждым годом расширяя захваченные территории в низовьях реки. Англы, которые до того довольствовались вспомогательной ролью, высадились в нынешнем Норфолке, где их вождь Икел около 500 года ос-

новал королевство Эсенгел (Восточная Англия). Его ранняя история туманна, поскольку восточные англы почти не покидали пределов своего болотистого края и не участвовали в завоевательных походах. По отрывочным данным можно установить, что около 550 года Иклинги и их подданные перебрались на север, в морской залив между графствами Норфолк и Линкольншир, где позже образовалось королевство Мерсия (от германского *marca* — «пограничная область). Оттесненные ими племена, в свою очередь, отошли на запад, в верховья Эйвона, где возникло небольшое королевство срединных англов. В Эсенгеле же обосновалась новая династия Уффингов, имевшая датское или шведское происхождение — ее культура, отраженная в знаменитом могильнике Саттон-Ху, носит отчетливый отпечаток скандинавских традиций. Тогда же, в начале VI века, побережье между устьями Уза и Трента заняли англы, создавшие в нынешнем Линкольншире королевство Линдсей. Начав грабительские экспедиции вверх по реке Трент, они вскоре очистили от коренного населения обширные районы.

Все эти события не отразили ни Беда, создававший свою «Церковную историю» в основанной позже Нортумбрии, ни авторы «Англосаксонской хроники», которых в первую очередь интересовала история (или псевдоистория) саксонского Уэссекса. Ясно, однако, что в 490-е годы завоеватели достигли больших успехов на пути окончательного утверждения в Британии. Направляемые железной волей Эллы, они по очереди расправлялись с деморализованными, лишенными верховного руководства королевствами и городами бриттов. Захватив восток и юг Логрии, они были полны решимости довершить начатое и взять под контроль оставшуюся ее часть. Саксы не имели карт, но были неплохо осведомлены о географии острова благодаря допросам пленных и шпионажу. Они понимали, что кратчайший путь к победе — ударами речных флотилий по Темзе и Тренту рассечь кельтские земли на три части и добить их поодиночке. И первый удар был нацелен в верховья Темзы, против Думнонии — сильнейшего кельтского королевства юга.

Сегодня на вытянутом подобно рогу (на латыни *cornus*) юго-западном полуострове Британии находятся графства Корнуолл и Девоншир. В древности здесь обосновалось племя думнониев, живших рыболовством и разработкой богатейших в Европе оловянных и свинцовых копей. Олово, необходимое для производства бронзы, вывозили отсюда и финикийцы, и греки, и римляне. Местные правители легко нашли общий язык с римскими завоевателями и сохранили свою

власть. Входящая в состав «Мабиногион» повесть «Видение Максена Вледига» повествует о том, что император Максен (Максим Магн) увидел во сне чудесную страну и прекрасную девушку — дочь ее правителя. После долгих поисков он нашел свою суженую в Британии и женился на ней, а ее братьям даровал завоеванную ими Арморику. Одним из братьев был уже известный нам Конан Мериадок, его сестрой — Элен Ллидауг, а их отцом — Эудаф Старый. События повести легендарны, но Эудаф (Октавий), возможно, действительно существовал — генеалогии называют его в ряду правителей Думнонии.

Валлийские генеалогии — источник довольно ненадежный. Как и многие памятники кельтской словесности, они долго передавались в устной форме, неизбежно путаясь. Имена в них дублируются, отцы и дети меняются местами, среди реальных людей в начале, а то и в середине родословий возникают мифические персонажи. Почти все генеалогии восходят к языческим богам Бели и Ллуду (он же Нудд или Ноденс), а в исторической плоскости — к десятку правителей IV—V веков. Семеро из них носили титул «вледиг», происходящий от слова *gwlad* (страна) и означающий независимого правителя, основателя династии и победителя в войнах. Этим титулом, к примеру, наделялись Максим и Амброзий, но не Вортигерн — свои войны он проиграл.

В романе Томаса Мэлори «Смерть Артура» говорится: «Было много королей, которые правили отдельными владениями... Так, в Уэльсе было два короля, и на Севере много королей, и в Корнуэлле и на Западе — тоже два короля»[8]. На самом деле на рубеже V и VI веков только в Уэльсе насчитывалось около 15 мелких правителей, а по всем бриттским землям — более трех десятков. Нужно подчеркнуть, что «короли» — весьма условное обозначение бриттских вождей послеримского периода, носивших старинный титул «тигерн» (*tigernos*), который позже сменился другим, «бренин». Фактически они были клановыми вождями, управлявшими — причем далеко не полновластно — десятком-другим небольших деревень и хуторов. Власть короля основывалась на обязанности каждой общины платить дань, нести повинности и посылать людей в ополчение. Пользоваться этим мог только тот, в чьих жилах текла благородная кровь; именно поэтому бритты так внимательно относились к своим родословным. Власть передавалась по мужской линии, и если отпрыск короля и простолюдинки мог занять трон, то сын незнатного отца не имел такой возможности, даже если матерью его была принцесса (запомним это на будущее).

Большинство основателей новых королевских династий явилось с севера и запада острова, где кельтские племена, закаленные в боях с пиктами и ирландцами, не утратили воинственного духа. Вероятно, на них опирался предшественник Вортигерна, при котором потомки «мужей Севера» поделили между собой равнины Центральной Англии. Другая часть местных династий происходила от римских магистратов и вождей союзных племен; к ней принадлежали и короли Думнонии. Источники глухо упоминают рознь между «людьми Придейна» и «людьми Ривайна», то есть Рима, однако после века войн и смут ни в тех, ни в других не осталось ничего римского. Это были типичные кельтские вожди, вписанные в клановую систему, опутанные сложной сетью табу и суеверий, сменившие города на хиллфорты с бревенчатым частоколом. Вместе с древними именами они воскресили межплеменную вражду, охоту за головами и языческие обряды вплоть до человеческих жертв — вспомним «колдунов» Вортигерна, пожелавших лишить жизни юного Мерлина. Византийский историк Прокопий недаром называет прибывших к императорскому двору послов из Британии «варварами» — на практике они мало чем отличались от диких саксов.

Думнонцы были культурнее других бриттов — они дольше сохраняли связь с континентом, импортируя оттуда не только товары, но и правителей. По легенде, первый британский монарх Константин был выходцем из Арморики — возможно, речь идет не о недолговечном тиране начала V века, а о короле Думнонии, упомянутом в генеалогиях под именем Кустеннина. Его сыном был Эрбин, а внуком — Герайнт или Геронтий. Это имя носили целых три думнонских короля, которых часто путают, но первый Герайнт, имевший прозвище «Флотоводец» (*Llyngesog*), жил во второй половине V века. Не исключено, что он был потомком упомянутого римского комита Геронтия, также управлявшего югом Британии. Кроме наследственных земель, он завладел Дорсетом и Сомерсетом — похоже, при поддержке Амброзия, которому помогал в войне против саксов. Повести «Мабиногион» называют Герайнта ап Эрбина одним из рыцарей Артура, повествуя о том, как он завоевал любовь красавицы Энид и едва не лишился ее из-за своей гордыни. Однако эта история — всего лишь перевод романа Кретьена де Труа, где героя зовут бретонским именем Эрек (оно принадлежало легендарному основателю королевства Бро-Варох). Валлийцы из патриотических побуждений дали «свое», слегка созвучное имя совершенно постороннему персонажу и проделывали то же самое не раз, загоняя историков в тупик.

На самом деле жену Герайнта, судя по генеалогиям, звали Гвиар (кровь), и она была дочерью загадочного Амлаудда (или Анлаудда) Вледига. Другая Гвиар считалась дочерью Кунедды и матерью одного из самых блистательных артуровских рыцарей — Гвальхмаи, будущего Гавейна. Возможно, обе эти «кровавые» особы — лишь отголосок кельтских обычаев, по которым король, восходя на трон, заключал союз с «кровью», то есть своим народом, и «землей», то есть владениями. В Ирландии еще в XII веке вождь по такому случаю ритуально совокуплялся с кобылой, воплощавшей богиню-мать, а потом принимал ванну в котле, где ее сварили. В послеримской Британии до такого, кажется, не доходило, но священный брак правителя с феей или богиней, олицетворяющей «землю», упоминается в фольклоре не раз. Как бы то ни было, Амлаудд считается одним из десяти родоначальников бриттов, хотя никто не знает, где и кем он правил.

Обстоятельства жизни другого «вледига», Кунедды, известны достаточно хорошо. Как уже говорилось, он около 420 года явился в Северный Уэльс, прогнав оттуда ирландцев, и основал королевство Гвинедд (Венедотию). После его смерти оно, по кельтскому обычаю, было разделено на десяток мелких владений, разбросанных вокруг великой горы Сноудон (по-валлийски Ир Виддва) в долинах рек Ди, Конвей и Тиви. Около 490 года внук Кунедды Кадваллон сумел отбить у скоттов остров Мону (ныне Англси), житницу страны и оплот друидов, ставший при новых хозяевах местом проживания монахов и святых. Короли Гвинедда, что удивительно для тех смутных времен, были не чужды образованию — сам Кадваллон в надгробной надписи именуется «ученейшим и мудрейшим», а его сын Мэлгон опекал не только бардов, но и христианских богословов.

До прихода в Уэльс Кунедда проживал в местности Манау Гododдин, которую привыкли отождествлять с районом Эдинбурга. Позже здесь располагалось сильное королевство Гододдин, хотя связь его правителей с родом Кунедды не прослеживается. В элегии на смерть Кунедды из «Книги Талиесина» говорится, что основатель Гвинедда покинул свои владения из-за вражды с потомками Коэла Старого. Этот первый «вледиг» жил еще в конце IV века и широко известен в Англии благодаря детской песенке:

Старый король по имени Коль
Повеселиться любил.
Послал он за трубкой,
Послал он за кубком
И скрипачей пригласил[9].

Вероятно, Коэл-Коль был последним «дуксом Британии», охранявшим стену Адриана при помощи римских наемников и местных племен, самое сильное из которых, бриганты, стало опорой его власти. Обосновавшись в Эбораке (Эврауке), он подчинил весь север нынешней Англии. После его смерти младшему сыну Гурбониону достался Бринейх (Нортумберленд), а старший, Кенеу, стал королем Эвраука. Его потомок в третьем поколении, правивший между 500 и 560 годами, носил имя Элифер Госгордваур — Элевтерий Великого воинства. Возможно, это воинство состояло из наемников-англов, которые, по данным раскопок, уже в середине V века появились в Северной Англии. Заселив дочерние королевства Эвраука Бринейх и Дейвир, они создали на их месте свои государственные образования Берниция (Берника) и Дейра, хотя, судя по генеалогиям, это случилось только в середине VI века. Чуть позже эти королевства слились в Нортумбрию — сильное англосаксонское королевство, покончившее в конце концов с бриттами «Старого Севера» (*Y Hen Ogledd*).

В период «сорока лет страха» воинственные потомки Коэла двинулись на юг, захватывая себе новые владения и в меру сил защищая их от набегов, хотя цивилизованным горожанам эти «полевые командиры» и их воины с раскрашенными лицами представлялись, должно быть, такими же дикарями, как саксы. Внук Кенеу Артвис ап Мор занял отроги Пеннинских гор в графствах Йоркшир и Дербишир. Его сын Пабо, носивший гордое прозвище Опора Британии (Post Prydein), стойко отражал набеги англов и в то же время не ссорился с соседями-бриттами, что было редкостью в те времена. После его смерти около 530 года королевство Пеннин разделилось на северную и южную части, ставшие вскоре добычей завоевателей. Брат Пабо Кинвелин откочевал еще дальше к югу, создав между Темзой и Эйвоном, возле Чилтернских меловых холмов, королевство Калхвинедд. Младший сын Кенеу Гуруст, несмотря на уничижительную кличку Ледлум (Оборванец), создал самое сильное бриттское государство Севера Регед, занимавшее графства Ланкашир и Камберленд. Его столица находилась в городе Каэр-Лигвалид, ныне Карлайл. При сыне Гуруста Мейрхионе, внуком которого был великий король Уриен, Регед разделился пополам; последним правителем южной части был уже упомянутый знаменитый бард Лливарх Хен, проживший почти сто лет и оплакавший смерть всех своих 32 (!) детей. Еще один внук Кенеу, Масгвид Глоф (Ягненок), основал в Южном Йоркшире и Ноттингемшире королевство Элмет, столицей которого был Лойдис — нынешний Лидс. Его сын Лленог и внук Гваллог были прослав-

ленными воинами; последний носил знаменательное прозвище Мархог Трин, означающее всадника, одетого в доспехи; из этого следует, что такие всадники были тогда редкостью — во всяком случае, на севере Англии.

Владения потомков Коэла граничили с двумя бриттскими государствами Южной Шотландии. Первым был уже упомянутый Гододдин (Лотиан), резиденция правителей которого размещалась на укрепленном холме Трапрейн-Ло в окрестностях Эдинбурга. Здесь, по легенде, правил король Лот, давший имя Лотиану и женившийся на сводной сестре Артура Моргаузе. На самом деле название области происходит от бриттского *llydan* (обширный), а правившего здесь короля валлийские родословные именуют Ллеу или Ллеудон. Он был достаточно богат и влиятелен, о чем говорят раскопки Трапрейн-Ло в 1915 году, открывшие большое количество украшений и привозной позднеримской керамики. К западу от Гододдина находилось королевство Камбрия или Истрад Клут (Стрэтклайд), основанное около 420 года «вледигом» Керетиком — вероятно, потомком римских магистратов, управлявших районом Антонинова вала. Его столица Алклуйт находилась далеко на севере, в устье Клайда; современное название этого города Думбартон происходит от *Dun Bretainn* (крепость бриттов). Святой Патрик в одном из писем сурово обличал Керетика, который, будучи христианином, разорял селения новообращенных ирландцев и продавал их в рабство — похоже, в суровых шотландских скалах это был единственный источник дохода. Влияние Камбрии постепенно росло и достигло апогея в середине VI века при Риддерхе Щедром, которому подчинились области Селговия (Селкирк) и Галвегия (Голуэй) со смешанным пикто-бриттским населением.

Пикты или круитни в годы упадка римского владычества прорвались на юг Шотландии, где возникла область Фортриу — одно из семи пиктских королевств, лишь формально объединенных общей властью. Столицей Пиктавии был Инвернесс в северном графстве Морей, откуда короли вересковых пустошей и заснеженных гор совершали набеги на плодородный юг. В конце V века и на них нашлась напасть — созданное беглецами из Ирландии на западных островах королевство Далриада начало натиск на восток, завершившийся в IX веке полным разгромом пиктов и их ассимиляцией. А пока что столица Далриады, крепость Дунадд, размещалась на голой, полностью неприступной скале среди болот, откуда король и его подданные спускались по единственной потайной тропинке.

Уэльс, где кельтские традиции так и не уступили влиянию Рима, в V веке оказался разделен между потомками четырех династий разного происхождения. К первой принадлежали подлинные или мнимые наследники Максима Магна, а точнее, его сыновей Оуэна (Евгения) и Ануна (Антония). Первый был убит ирландцами, но оставил маленькое королевство Гливисинг в Южном Уэльсе своим наследникам, среди которых были святой Кадок и — по некоторым родословным — Горлойс из Тинтагела, первый муж матери Артура Игрейны. Потомки Ануна, генеалогия которых чрезвычайно туманна, правили Диведом и Гвентом. В первом королевстве на юго-западе Уэльса их династия угасла около 440 года, когда правнучка Ануна Гуледир вышла замуж за ирландца с римским именем Триффин (Трибун), который основал новую династию Диведа, правившую до X века. В Гвенте, древней области силуров на юго-востоке Уэльса, потомок Ануна Инир около 480 года уступил место Карадоку Сильная Рука (*Caradauc Freichfras*). Об этом примечательном историческом персонаже мы еще вспомним, пока же скажем лишь, что генеалогии считают его сыном Инира, но это маловероятно — больше похоже, что он был чужаком, каким-то образом связанным с саксами. Основанная им династия правила в Гвенте и Гливисинге до XI века, когда эти области были захвачены англо-нормандскими феодалами.

Третья из валлийских династий восходила к Вортигерну; потомки его сына Катигерна правили в Поуисе. Сегодня этот регион занимает северо-восток Уэльса, но изначально он был гораздо обширнее, простираясь до графств Шропшир и Стаффордшир — позже они выделились в отдельное королевство Пенгверн. В конце V века столицей Поуиса был Каэр-Гурикон — римский Вироконий, ныне Роксетер. Проведенные там раскопки показали, что население города после ухода римлян заметно сократилось, но люди по-прежнему жили в старых домах и строили новые — например, впечатляющих размеров бревенчатый дворец, который мог быть резиденцией самого Вортигерна или его сына. Около 470—510 годов Поуисом правил Кинген Глодридд (Славный), при наследниках которого королевство, похоже, подпало под власть соседнего Гвинедда. Только около 550 года внук Кингена Брохфаэл Исгитрог (Клыкастый) окончательно восстановил независимость Поуиса, которая сохранялась вплоть до XIII века.

Гвинедд заметно усилился в правление внука Кунедды Кадваллона, справедливо прозванного Длинноруким — он прибрал к рукам не только остров Англси, но и мелкие владения своих родичей. Среди уцелевших были расположенные

на побережье Кардиганского залива королевства Кередигион и Мерионидд. Правителем последнего в середине VI века был якобы Гвиддно Гаранхир, владения которого поглотило море, а сам он от горя превратился в цаплю (по-валлийски *garan*) и с тех пор тоскливо кричит по ночам. Это одна из многих историй о затонувших землях (*cantref gwaelod*), героями которых, помимо Гвиддно, являются короли Сейтеннин, Хелиг, Тейти Хен, Граллон. Их можно считать легендарными фигурами, хотя в Уэльсе сохранился ряд топонимов, связанных с именем Гвиддно; при этом все они находятся не на восточном, а на северном побережье, в устье реки Конвей.

При дворе Гвиддно началась карьера прославленного барда Талиесина, как о том повествует «Всемирная история» валлийского писателя XVI века Элиса Гриффида. Там же говорится о приключениях Талиесина и его патрона, принца Эльфина ап Гвиддно, при дворе короля Мэлгона Гвинедда, знаменитого не только умом и красотой, но и тиранством. Сын Кадваллона Мэлгон (Маглокун) пришел к власти около 517 года, для чего ему пришлось убить своего претендовавшего на трон дядю Оуэна Белозубого (Дантвина), правителя Роса. Это маленькое королевство на восточных рубежах Гвинедда перешло к сыну покойного Кунигласу, ставшему кровным врагом Мэлгона. Чтобы обезопасить себя, последний выстроил на неприступном утесе крепость Теганви, где и правил, активно вмешиваясь в дела соседей. Гильдас пишет, что он «изгнал многих тиранов не только из царства их, но даже из жизни». В валлийском фольклоре сохранилась история о том, как Мэлгон победил в споре правителей Уэльса за верховную власть — он оказался единственным, кто не сошел с трона, поставленного на взморье во время прилива. Говорили, что мудрый советник Мэлдаф приделал к его трону крылья, позволившие королю удержаться над водой.

Меньше всего нам известна история бриттских королевств Центральной Англии. Помочь здесь могут только данные археологии, согласно которым уже на рубеже V и VI веков к востоку от линии, соединяющей устья рек Трент и Тест, преобладало англосаксонское население. Жившие здесь прежде бритты бежали на запад или были низведены до положения рабов, постепенно забывавших свой язык и обычаи. При этом в укрепленных городах еще держались правители кельтских королевств. Одно из них, Калхвинедд, вероятно, находилось к северу от Темзы, между Кембриджем и Оксфордом (хотя есть и другие варианты его расположения). К северу от него размещалось королевство коританов с центром в Каэр-Лерионе, нынешнем Лестере. В Суррее еще правили оттесненные

Эллой на север короли бриттов, чьи владения условно называются Регией. Не исключено, что и Каэр-Ллундейн (Лондон) имел своих правителей — саксы овладели им только в середине VI века. Все эти квазигосударства с трудом боролись за выживание и никак не влияли на общий ход событий на острове.

Нужно упомянуть и Арморику или «Малую Британию» (*Britannia Minor*), где в IV—V веках возникли несколько королевств иммигрантов из «Большой Британии». Первое из них, возможно, было основано на юге области соратником Максима Магна Конаном Мериадоком. Его сыном или внуком был легендарный Граллон Великий (*Grallon Mor*), столица которого Каэр-Ис якобы затонула по вине его распутной дочери Дахут. Граллон, как и Гвиддно Гаранхир, владел волшебной плотиной; однажды принцесса по просьбе своего любовника открыла шлюз и впустила в город морские волны. Молитвами святого Гвенноле, предвидевшего бедствие, Всевышний спас короля, а злосчастную Дахут превратил в русалку — какой она, вероятно, и была изначально.

Позже королевство Мериадока разделилось на восточную часть — Бро-Варох с центром в Ванне — и западную, Корнуай, столица которого находилась в Кемпере. По утверждению Гальфрида, правитель Корнуая Алдриен по просьбе бриттов отправил к ним своего брата Константина, основавшего династию королей Логрии. Сын Алдриена Будик, в валийском фольклоре прозванный Эмиром Ллидау, то есть «императором Арморики», был верным соратником Артура. На севере полуострова в конце IV века было основано королевство Домнония, до X века бывшее главным оплотом независимости бретонцев. История области в этот период заполнена практически непрерывной борьбой против французской агрессии, протекавшей с переменным успехом. Начавшиеся в IX веке набеги викингов подвигли бретонские княжества к сплочению. В 1084 году правители Корнуая стали герцогами Бретани, зависимыми от королей Франции; их наследники правили до 1532 года, когда последняя герцогиня Анна Бретонская стала женой Франциска I.

Арморика была малонаселенной областью, значительную часть которой покрывали ланды и скалы, а центр занимал громадный Броселиансий лес — место действия множества легенд. Первоначально бритты населяли не только эту территорию, но и все побережье Галлии между устьями Сены и Луары, но в VI веке усилившееся Франкское королевство захватило эти земли и повело наступление на саму Арморику, безжалостно разоряя приграничные районы. В предыдущем

столетии местным жителям угрожали также саксонские пираты, но усилия Амброзия, наладившего тесные контакты с «Малой Британией», свели их набеги на нет.

Пройдя кельтские земли с севера на юг, мы так и не нашли в них места для артуровской Логрии. Ее место занимает множество независимых королевств бриттов, ирландцев и англосаксов, в ряды правителей которых никак не вписывается могучий «император Британии». Но, может быть, один из этих правителей и был протипом исторического Артура? Поиски подходящего кандидата на эту роль ведутся давно, и многие историки выдвинули свои версии. Самая давняя отождествляет Артура с Аврелием Амброзием, который якобы и был победителем при Бадоне. Однако ни один источник не пишет об участии «последнего римлянина» в решающем сражении с саксами. К тому же Амброзий, сражавшийся в 437 году при Гволлопе, должен был прийти к Бадону как минимум восьмидесятилетним старцем. Предложенное «раздвоение» Амброзия на отца и сына ровно ничем не подтверждается, но даже если оно истинно, младшему тезке к моменту исторической битвы тоже было за шестьдесят.

Еще один претендент — уже известный нам Риотам, воевавший в 468 году с вестготами. Самый активный сторонник этой версии, историк Джеффри Эш, опирался на схожесть кампаний Артура и Риотама в Галлии и на то, что оба этих деятеля погибли (или исчезли) в месте под названием Авалон. Однако он не объяснил, как Артур мог вернуться в Британию, чтобы победить при Бадоне и вторично погибнуть при Камлане — уже в столетнем возрасте. Другие ученые пытаются отождествить Артура с рядом правителей V—VI веков, схожих с ним именем или деталями биографии. Наибольшее внимание в этой связи привлекает король Гвента и Гливисинга Атруис (Athrwys) ап Мейриг, живший между 620 и 655 годами. Правил он недолго, а возможно, вообще умер раньше отца, но отличился в войнах с саксами — правда, на очень небольшой территории Южного Уэльса. Это не помешало британским авторам Бараму Блэкетту и Алану Уилсону написать целых семь книг о тождестве храброго принца с Артуром. Они опирались не только на искаженное чтение его имени «Артвис», но и на два сенсационных артефакта. Первый, найденный в 1983 году в руинах церкви святого Петра в Гламоргане, был надгробием Атруиса с латинской надписью «*Rex Artorius, Fili Mavricius*». В 1990 году в том же месте был обнаружен небольшой крест из электрона (сплава золота и серебра) с надписью «*Pro Anima Artorius*» — «за упокой души Артура». Оба предмета специалисты сочли поддельными, тем

более что Блэкетт с Уилсоном известны как грубыми ошибками в своих трудах, так и сомнительными хобби, наподобие поисков кельтских кладов не только в Британии, но даже в Америке. Все это не помешало Крису Барберу и Дэвиду Пикитту в своей книге 1993 года[10] не только подхватить отождествление Артура с принцем Гвента, но и развить его. По их мнению, Артур-Атруис не погиб в сражении, а эмигрировал в Арморику, где стал известен как святой Армель или Артфаэл. Этот воинственный клирик отмечен в истории Бретани как строитель многих церквей и вдохновитель борьбы против тирана Куномора. Судя по житиям, он умер в 570 году, расходясь во времени не только с Артуром, но и с Атруисом Гвентским, с которыми связан лишь отдаленным сходством имен.

Историки давно высмеяли привычку объявлять королем Артуром каждого кельтского деятеля, в имени которого обнаруживается слог «арт» — а таких в V—VII веках набирается немало. Королевство бриттов в Пеннинских горах основал около 475 года король из династии Коэла по имени Артвис ап Мор. То же имя носил брат и соправитель воинственного Лленога, короля Элмета, живший около 500 года. Королем Диведа около 600 года был Артвир ап Педар, королем Кередигиона примерно в то же время — некий Артбодгу или Арт Удачливый. В шотландском Кинтайре в 624 году жил некий Артур ап Бикор, сразивший, если верить ирландским анналам, короля Монгана камнем из пращи. В соседней Далриаде король Айдан мак Габрайн, правивший в 574—608 годах, назвал своего сына Артуром. Сохранилось предание о том, как ирландский святой Колум Килле предсказал королю, что все его трое сыновей умрут раньше него. Так и случилось — Артур, в частности, погиб в битве с пиктами у реки Аллан около 582 года. Это позволило некоторым британским историкам отождествить его с королем Артуром, а заодно перенести на север все события артуровских легенд[11].

Столкнувшись с тем фактом, что юный принц не дожил даже до двадцати лет и ровно ничем не прославился, местные патриоты не смутились и объявили Артуром самого короля Айдана, приписав ему супругу по имени Гвиневера. Жена короля и правда имела бриттское происхождение, но имя ее неизвестно — как и то, каким образом стычки правителя Далриады с пиктами на далеком севере могли превратиться в сражения с саксами на юге. Еще одну теорию в 1992 году выдвинули историки Грэм Филлипс и Мартин Китмен в книге с давно уже не оригинальным названием «Король Артур: подлинная история»[12]. Они объявляют Артуром злополучного

короля Роса Оуэна Белозубого на том простом основании, что тот, как и Артур, был убит своим племянником Мэлгоном, чье имя якобы похоже на имя Медрауда-Мордреда. Изменение имени самого Оуэна авторы объясняют просто — король мог взять себе прозвище Артур, то есть «медведь». Недаром же его сына Кунигласа называли «колесничим Медведя»!

Словом *artos* (по-валлийски *arth*) кельты в самом деле называли медведя. В послеримское время этот могучий зверь на юге Британии (но не в Шотландии) уже исчез и представлялся полумифическим символом силы и доблести наравне со львом и драконом. Тотемический культ животных был у кельтов широко распространен, и из глубокой древности до нас дошли имена богов-медведей — галльского Артея, которого римляне отождествляли с Меркурием, богинь Артио и Андарты[13]. Правда, по мнению одного из первых исследователей артурианы Дж. Риса, имя Артея происходит не от медведя, а от индоевропейского корня *ar-* (плуг), а Артур является его воплощением — умирающим и воскресающим божеством земледелия.

Именно богом считают Артура некоторые ученые, в то время как другие предпочитают вариант полубога-героя. Артуровская легенда и правда включает немало архетипических элементов героического эпоса — чудесное зачатие, воспитание неузнанным в чужой семье, выполнение трудной задачи в доказательство права на власть, добывание волшебного меча, гибель из-за предательства женщины. Собственно, это и есть главные элементы легенды — все остальное, включая битвы с саксами, к ней не относится. Европейский эпос знает и героя-медведя: вспомним англосаксонского Беовульфа («пчелиного волка»), поэма о котором сложилась как раз во времена Артура. Можно вспомнить и героя «Саги о Вольсунгах» Сигмунда — как и Артур, он добывает чудесный меч (только не из камня, а из корней дерева), рождается вне брака и сам порождает внебрачного сына, которого случайно убивает.

Меч Артура привлекает особенно пристальное внимание исследователей. Богатыри европейских «темных веков», а потом и средневековые рыцари воспринимали свои мечи как боевых друзей или, скорее, подруг (учитывая, что спата, длинный меч той эпохи — слово женского рода). Нередко им давали личные имена — Дюрандаль Роланда, Жуайез Карла Великого, Бальмунг Зигфрида. У Гальфрида меч Артура носил имя Калибурн, а нормандец Вас переименовал его в Экскалибур, что достаточно вольно трактовалось как «руби сталь». На самом деле имя меча происходит от валлийского

слова «Каладвулх», в свою очередь связанного с ирландским Каладболгом — волшебным мечом Фергуса мак Ройга, название которого означает «Твердая зазубрина» (то есть молния) и связано с мечом-молнией языческого бога грома*. В одном из романов говорится, что Экскалибур излучал ослепительное сияние «ярче тридцати факелов». Валлийская повесть «Видение Ронабви» сообщает, что когда король обнажал клинок, два золотых змея на рукояти меча извергали пламя, на которое страшно было смотреть. Ненний упоминает среди Тринадцати сокровищ Британии меч Риддерха Щедрого Дирнвин (Белая рукоять), который моментально воспламенялся, если его вынимал из ножен кто-либо, кроме хозяина.

Как и подобает герою, Артур получил свое оружие от волшебницы — Озерной девы или Владычицы озера, — о чем говорится в рыцарских романах. Путешествуя с Мерлином, молодой король сломал свой меч в поединке с сэром Пелинором, и чародей отвел его к озеру, где прекрасная дама в обмен на некий дар вручила Артуру меч и ножны к нему:

«Едут они дальше — и видят озеро, широкое и чистое. А посреди озера, видит Артур, торчит из воды рука в рукаве богатого белого шелка, и сжимает она в длани своей добрый меч.

— Глядите, — сказал Мерлин, — вон меч, о котором говорил я вам...

Стал разглядывать король Артур меч свой, и очень он ему пришелся по вкусу. А Мерлин спросил его:

— Что больше вам нравится — меч или ножны?

— Меч мне больше нравится, — отвечал Артур.

— Не угадали, — говорит Мерлин, — ибо ножны эти стоят десяти таких мечей; покуда будут они у вас на боку, вы не потеряете ни капли крови, как бы жестоко ни были вы изранены. Потому храните ножны и держите их всегда при себе»[14].

Владычица озера — явно мифологический персонаж, а ее роль хранительницы меча восходит к отмеченному в источниках обычаю кельтов бросать в реки и озера оружие павших героев. В других источниках Владычица носит имя Вивианы, Нинианы или Нимуэ, и к ней мы еще вернемся.

Узнав о волшебных свойствах меча, ненавидевшая Артура фея Моргана выкрала Экскалибур, заменив его подделкой, и отдала настоящий меч своему любовнику сэру Акколону, которого заставила выйти на поединок с королем. В ходе боя Артур получил множество ран, и спасла его только подоспев-

---

* По другой версии, название меча происходит от латинского слова *chalibs*, означающего особым образом закаленную сталь и идущего, в свою очередь, от кавказского племени халибов.

шая Babiana, которая колдовством заставила Экскалибур вернуться к настоящему владельцу. В другой раз Моргана сумела похитить ножны от меча и, спасаясь от погони, утопила их в озере. В третий и последний раз Экскалибур появился в легендарной истории Артура в момент последней битвы, когда умирающий король велел своему спутнику (Бедиверу или оруженосцу Гирфлету) вернуть клинок Владычице озера.

Многие путают Экскалибур с мечом, добытым юным Артуром из камня — о нем также упоминают рыцарские романы, начиная с «Мерлина» Робера де Борона. Позже этот меч незаметно исчез из легенды; согласно некоторым романам, король сломал его во время того же поединка с сэром Пелинором. Возможно, в утраченной части легенды обломки меча были брошены в озеро, где кузнецы-эльфы выковали из них новое оружие. По одной из версий, именно прежний меч назывался Калибурном, и потому новый получил имя Экскалибур — «из Калибурна». В аллитеративной «Смерти Артура» у короля постоянно имеются два меча — Кларис и Кларент, для войны и для турниров. В последнее время появилась версия, что обряд извлечения меча из камня восходит к реальному способу выплавки бронзового меча в каменной форме. Наковальня, из которой вынимался меч в ранних вариантах, также свидетельствует о том, что легенда имеет отношение к кузнечному ремеслу. Но более вероятно, что добывание меча из камня — альтернатива такому же чудесному добыванию его из воды, и легенда соединила оба варианта, не особенно заботясь о их совместимости.

Так что с богами Артур и правда связан, но довольно отдаленно — через атрибуты, прошедшие эпическое, а потом и литературное переосмысление. Кое-кто из исследователей (например, Артур Камминс) видит его прототипом не бога, а реального британского вождя, жившего около 2300 года до н. э. — в эпоху строительства Стоунхенджа. Эта шаткая догадка опирается только на ничем не подтвержденное свидетельство Гальфрида, что в Стоунхендже (Хороводе Великанов) были похоронены Амброзий и Утер (но не Артур). Еще одна теория отождествляет Артура с уже знакомым нам римским префектом Луцием Арторием Кастом. Главные пропагандисты этой версии — американские историки Скотт Литтлтон и Линда Малкор, вдохновившие своей книгой «От Скифии до Камелота» авторов недавнего голливудского боевика «Король Артур». По их мнению, римский префект и его всадники-сарматы своими победами над пиктами в конце II века так впечатлили бриттов, что те помнили их даже три столетия спустя.

Авторы находят в сарматской (точнее, алано-осетинской) мифологии истоки многих сюжетов артурианы. Герой нартского эпоса Батрадз магически связан со своим мечом, который вручает ему мать — полубогиня Шатана, живущая на дне озера. Раненый в последней битве Батрадз просит последнего выжившего товарища вернуть меч Шатане, тот дважды отказывается и только на третий раз выполняет поручение. Есть у нартов и богатырь Сослан, плащ которого сшит из бород побежденных им врагов — в артуровских легендах его место занимает великан Риенс или Рито. Обычай сарматов поклоняться богу войны в образе меча, воткнутого в землю, напоминает предание о Мече в камне, неразрывно связанное с Артуром. На нартских пирах появляется волшебная чаша Нартамонга, дающая каждому сидящему за столом его любимую еду; то же самое в рыцарских романах делает Святой Грааль. Само имя «Артур», по мнению авторов, означает по-ирански «солнечный огонь», а «Грааль» — «святой камень».

Литтлтон и Малкор предлагают следующую реконструкцию событий: сарматы продолжали службу на Стене вплоть до V века, а их ветеранская колония в Бреметеннаке (ныне Рибчестер в Ланкашире) стала центром распространения легенд об иранских богах и героях, к которым был приобщен и Артур-Арторий. В эпоху Великого переселения народов новые сарматские переселенцы — аланы — проникли в Галлию, и в Арморике их фольклор соединился с преданиями эмигрантов из Британии: «Аланские поселения были сконцентрированы вокруг территории, где авторы Вульгаты* и Кретьен де Труа создавали свои произведения, как и в Бретани (прежней Арморике), где обнаруживаются первые упоминания о Ланселоте»[15]. Имя Озерного рыцаря авторы трактуют как «Аланус-а-Лот», алан из Лота — области на юге Галлии. Они также возводят к аланам многочисленных носителей имени Алан или Ален, традиционно производящегося от бретонского корня *alyn* — «чистый» (по-валлийски *ellain*).

Сарматские всадники в сверкающих доспехах, с развевающимися стягами в виде дракона в самом деле похожи на рыцарей Круглого Стола. Но трудно предположить, что они могли три столетия сохранять в чужой стране свои обычаи, язык и мифологию — тем более что у древних сарматов все это явно не было точно таким же, как у современных осетин. К тому же Арторий Каст провел в Британии лишь несколько лет своей богатой событиями жизни, и вряд ли его потомки оста-

* Под Вульгатой здесь и далее имеется в виду обширный цикл романов об Артуре и его рыцарях, созданный во Франции в XIII веке.

лись здесь, да еще и унаследовали военную должность отца. Хотя псевдоисторическая схема Гальфрида делает Артура потомком римлян, местная традиция никогда не считала его (в отличие от Амброзия) «мужем Ривайна». Его имя в латинизированном варианте действительно звучит как *Artorius*, но более вероятно его кельтское происхождение от *Artwyr* (человек-медведь) или *Artwys* (подобный медведю). Подобные имена или прозвища носили воины во многих странах Европы. Вспомним скандинавских берсерков («медвежья шкура») или латышского эпического героя Лачплесиса, чье имя означает «медвежеухий». Название другого хищника, волка, также было популярным имяобразующим компонентом как у бриттов (*Bleidd*), так и у англосаксов (*Wulf*).

Есть и еще один вариант происхождения имени короля — от ирландского *art*, что означает не только «медведь», но и «воин» (в переносном смысле) или «камень». Это имя в V—VIII веках носили многие короли Ирландии, включая Арта Одинокого, отца верховного правителя острова Ниалла Девяти Заложников. Ирландцы в тот период населяли многие области Британии, служили наемниками у местных королей и даже основали несколько правящих династий. Не мог ли принадлежать к ним и Артур? Теоретически такое возможно, однако вряд ли гордые короли бриттов подчинились бы чужаку и доверили ему верховное командование. Многие источники упоминают о войнах Артура с ирландцами, но ни один не говорит о его родстве с ними. К тому же военная тактика и вооружение ирландцев были традиционно кельтскими, в то время как Артур, похоже, внедрял в жизнь новые формы, заимствованные у римлян или романизированных кельтов Арморики.

Все это заставляет локализовать не только деятельность Артура, но и место его рождения на «культурном» юге Британии — точнее, на юго-западе, где в V веке еще сохранялась относительная стабильность, позволявшая потомку знатных бриттов получить хотя бы минимальное воспитание и занять должное место в обществе. Там и располагалась реальная или выдуманная Логрия, хотя Артур вовсе не обязательно был ее полновластным правителем. Существование этого относительно мирного и процветающего анклава доказывают материалы раскопок, согласно которым западные города (Бат, Глостер, Силчестер, Роксетер) на рубеже V и VI веков оставались населенными. Там, в отличие от пришедших в полный упадок городов юга и востока Британии, укреплялись стены, строились новые дома, кое-где даже продолжал работать римский водопровод; в Бате по-прежнему функциони-

ровали знаменитые купальни. После долгого перерыва возобновилась торговля с континентом. Все это было возможно только под защитой мощной и хорошо организованной военной силы, функционирование которой с высокой долей вероятности связано с именем Артура — если он действительно жил именно в этот период.

Главная отправная точка в определении времени жизни Артура — упоминание Гильдаса о том, что битва при Бадоне совпала с его рождением и состоялась за «сорок четыре года без одного месяца» до написания книги «О разорении Британии». «Анналы Камбрии» относят эту битву к 516 (или даже 518) году, и, значит, сочинение Гильдаса создано около 560 года. Это, однако, противоречит двум обстоятельствам — во-первых, по данным тех же анналов, король Мэлгон Гвинедд, о котором Гильдас пишет как о живом, умер от «желтой чумы» в 547 году. Во-вторых, автор отмечает, что вторжения чужеземцев в Британию прекратились и в стране царит относительный мир. Это не могло быть написано после 552 года, когда англосаксы возобновили натиск на ослабленных чумой и междоусобицами бриттов. Вывод один — дата битвы, отмеченная в «Анналах», ошибочна. Эта ошибка вызвана нередкой в источниках того времени путаницей пасхальных циклов, разница между которыми составляет 19 лет. Таким образом, битва при Бадоне на самом деле могла иметь место в 497 году; это довольно близко к 493 году, которым ее весьма произвольно датировал Беда Достопочтенный.

Более или менее точные и подробные записи в «Анналах Камбрии» начинают появляться с 537 года, которым датируется «стычка при Камлане» (*gweit Camlann*). Последняя дата, которую Гальфрид относит к 542 году, вполне может оказаться верной, обозначив конец жизни Артура. Начало определить труднее: тот же Гальфрид и последующие авторы отмечают, что при Бадоне Артур был очень молод, не достигнув даже шестнадцати лет. Это маловероятно, но вполне возможно, что он действительно запомнился современникам битвы своей молодостью. Сочинение Гильдаса, как будет показано далее, написано между 540 и 547 годами, поэтому знаменитая битва могла состояться не позже 503 года, но и не раньше предшествовавшего ей сражения при Ллонгборте, которое, вероятнее всего, произошло в 490-е годы.

Дата рождения Артура остается неясной, но если Бадон он встретил сравнительно молодым, то в начале VI века ему было около тридцати лет. С достаточной долей условности можно отнести его рождение к 472 году — это значит, что в момент гибели ему исполнилось шестьдесят пять лет; возраст

по тем временам весьма почтенный, хоть и позволяющий вести армию в бой. Конечно, даты могут сдвигаться, но ясно, что деятельность Артура охватывает первую половину VI столетия — она не может относиться ни ко II веку, когда жил Арторий Каст, ни к V веку Вортигерна и Амброзия, ни к VII веку, времени жизни большинства кельтских «Артуров». Появление начиная с середины VI века не менее семи правителей с похожим именем может означать только одно — широкую популярность одноименного персонажа на территории от Шотландии до Бретани. Характерно, что впоследствии тезки короля в кельтских землях исчезли и появились вновь только в XII веке, в период возрождения популярности Артура.

За двести лет научного исследования артуровской проблемы имя и деяния легендарного полководца приписывались не менее чем двадцати разным людям, не считая богов и демонов. Возможно, кто-то из них (например, Амброзий или Атруис Гвентский) действительно мог повлиять на формирование образа Артура наравне со многими другими героями — Сигмундом и Карлом Великим, Финном мак Кумалом и, быть может, даже нартом Батрадзом. Однако из скудных данных, известным нам, можно заключить, что в основе этого образа лежит конкретный человек, и у нас нет никаких причин отнимать у него вошедшее в историю имя «Артур».

То, что знает о нем современная наука, сформулировал еще в 1950-е годы один из главных экспертов в области артуровских исследований Роджер Шерман Лумис: «В конце V века в Британии мог действовать талантливый полководец по имени Артур, хотя было бы ошибочно делать на основании этого имени какие-либо выводы о его происхождении. Маловероятно также, что он занимал в послеримском обществе какую-то определенную должность... Если признать его реальным лицом, можно предположить, что его врагами были англосаксы; не исключено, что он также воевал с пиктами и враждебными ему бриттами. При этом нет оснований считать, что район его деятельности целиком или хотя бы частично находился на севере; напротив, велика вероятность, что его величайшая победа была одержана в Уэссексе»[16]. Эти осторожные выводы можно дополнить словами другого видного историка, Джона Майрса: «Прибавляя что-либо к констатации того факта, что Артур существовал и сражался с саксами, мы неизбежно удаляемся от истории в область вымысла»[17].

Подавляющее большинство книг об Артуре от средневековья до наших дней относится к той самой «области вымыс-

ла». Поиск в них крупиц исторической правды напоминает по сложности детективное расследование, а скорее — работу палеонтолога, восстанавливающего из разрозненных окаменелых костей скелет динозавра. В нашем случае «костями» являются скупые строчки хроник, искаженные до неузнаваемости свидетельства романов, географические названия, а также многочисленный, но с трудом поддающийся интерпретации археологический материал. Как ни странно, все это, вопреки приведенным выше мнениям ученых, позволяет создать достаточно убедительный образ Артура. Правда, образ этот будет отличаться от привычного нам так же сильно, как вымышленная Логрия, могучая и процветающая — от разоренной, истекающей кровью Британии «темных веков».

Глава третья

ОТ ТИНТАГЕЛА К АВАЛОНУ

Ограничив деятельность Артура юго-западом Британии, посмотрим, насколько это согласуется с данными артурианы, где упомянуты многие сотни географических названий. Сразу бросается в глаза, что большинство этих названий совершенно легендарны — авторы артуровских романов мало соотносят их с реальной географией острова. Они, к примеру, не замечают морской преграды между Британией и континентом: их герои сплошь и рядом покидают Камелот и, не ступив на борт корабля, оказываются во Франции, Италии или таинственных землях Востока. По пути они встречают Замок чудес, Реку слез, Огненный мост и другие волшебные топонимы, среди которых нет-нет да и мелькнут обыденные Оксфорд или Суассон. Это понятно — герои действуют в пространстве мифа, где Космос-Камелот окружен Хаосом чародейского «дикого леса», который они, герои, изо всех сил пытаются покорить и упорядочить.

Кельтские предания, в том числе упоминающие Артура, построены по иному принципу — они дотошно перечисляют приметы местности, подолгу объясняя, почему так названы холмы, овраги и ручьи. Целью обычно является обманная привязка артуровских сюжетов (как и любой другой истории) к той или иной области. Попавшие в эту ловушку историки легко «прописывают» легендарного короля в разных концах Британии, после чего в дело вступают туристические компании. В результате сегодня Уэльс и Корнуолл, Шотландия и Бретань имеют «свои» Камелоты, обросшие целым набором достопримечательностей.

Однако есть места, о расположении которых не спорят даже самые пылкие местные патриоты. В первую очередь это легендарное место рождения Артура — замок Тинтагел на западном побережье Корнуолла. Случившаяся там история описана во многих текстах, начиная с Гальфрида: на пиру по случаю своей коронации король Утер Пендрагон узрел красавицу Игрейну (Ингерну), жену герцога Горлойса Корнуэльского. «Когда король увидел ее между другими женщинами, он сразу возгорелся такой страстью к ней, что, позабыв об остальных, все свое внимание отдал ей одной. Только ей он беспрестанно отправлял всевозможные кушанья, посылал со своими друзьями-посредниками золотые кубки с вином. Многое множество раз он, смотря на нее, ей улыбался и, обращаясь к ней, то и дело шутил»[1].

Горлойс, заметив неладное, увез жену с королевского праздника, после чего оскорбленный Утер пошел на Корнуолл войной и осадил герцога в крепости Димилиок (Мэлори называет ее Террабиль). Игрейна укрылась в соседнем замке Тинтагел — «эта твердыня расположена на море и со всех сторон омывается им; проникнуть в нее можно только узкой тропой на крутой скале»[2]. Однако чародей Мерлин придал королю облик Горлойса, а себе и королевскому другу Ульфину — обличье слуг герцога, Иордана и Британэля. Они без труда проникли в крепость, Утер провел ночь с Игрейной и «насытился желанною близостью». В ту же ночь Горлойс был убит в случайной стычке, и король взял его вдову в жены.

Крепость Тинтагел, расположенная неподалеку от одноименного городка (до XIX века он носил название Тревена), полностью соответствует описанию Гальфрида — она находится на узком скалистом мысу, отделенном от суши тонким перешейком. Отсюда и ее название, происходящее от бриттского Дин-Даголл — «крепость горла». Замок, руины которого сегодня показывают туристам, выстроен в 1233 году графом Ричардом Корнуэльским на месте более древнего замка середины XII века, который, возможно, и вдохновлял Гальфрида. В 1930-е годы раскопки, проведенные Артуром Рэли Рэдфордом, открыли здесь остатки укрепленного послеримского поселения, которое археолог счел монастырем. Дальнейшие исследования привели к иному выводу — на мысе располагалась королевская резиденция, возможно, идентичная упомянутой в «Равеннской космографии» (VII век) крепости Дурокорновий. Там найдены осколки дорогой импортной посуды, включая греческие амфоры для вина и масла, карфагенские блюда, стекло из Византии — свидетельство оживленных торговых связей с континентом.

В 1998 году в Тинтагеле была сделана еще одна важная находка — обломок сланцевой плиты с довольно безграмотной латинской надписью «PATER COLI AVI FICIT ARTOGNOU COL[I] FICIT». Открыватель надписи Чарльз Томас перевел ее так: «Артогну, отец потомка Кола, сделал это». Надпись была непонятна — зачем объявлять кого-то потомком его предка? — пока Гордон Макен не обнаружил после слова *pater* еле видную букву «n», что позволило прочитать надпись иначе: «Артогну сделал это для Кола, своего деда». В любом случае открытие было сенсацией — в предполагаемом месте рождения Артура нашли «автограф» человека с похожим именем, объявившего себя потомком Коэла Старого, самого знаменитого «владига» бриттов. Стоит отметить, что Артур, по не слишком надежным данным генеалогий, действительно считался потомком Коэла, а именно праправнуком по материнской линии. Кстати, принц Элмета Артвис тоже был потомком Коэла — и тоже праправнуком, — равно как и ровесником Артура, родившимся около 475 года. Имя его, как и имя Артогну, может означать «подобный медведю». Правда, неясно, как он умудрился попасть в Тинтагел и занять там руководящее положение. К тому же лингвисты утверждают, что имя создателя «артуровской надписи» на самом деле читается как Артну, что не очень похоже ни на Артура, ни на Артвиса.

Как бы то ни было, интерес к Тинтагелу после находки возрос, и энтузиасты надеются отыскать там новые важные артефакты. Растет и приток туристов, которых привлекают развалины замка и Большие Артуровы залы, построенные в 1933 году на средства разбогатевшего кондитера Фредерика Томаса Гласскока. Он не только украсил здание витражами, картинами и барельефами на артуровские темы, но и основал Братство Круглого Стола для «распространения идеалов рыцарства и увековечения имени Артура». Братство, членами которого стали до 30 тысяч человек в Европе и Америке, перестало существовать после смерти Гласскока в 1934 году, но впоследствии возродилось. Оформление Больших Артуровых залов навеяно викторианским искусством и имеет мало отношения к реальной истории — впрочем, то же самое можно сказать обо всей современной «поп-артуриане».

О судьбе Артура после рождения источники говорят по-разному. Одни утверждают, что Мерлин, помогая королю овладеть Игрейной, попросил отдать ему на воспитание младенца, который родится от этой связи. Утер так и сделал, и Мерлин растил мальчика до семи лет. По одной версии, это происходило здесь же, в Тинтагеле, где в скале у подножия замка до сих пор сохранилась «пещера Мерлина». По другой —

в лесной хижине в Уэльсе, где самого Мерлина некогда воспитал мудрый отшельник Блез. По третьей — вообще в Бретани, где легенды о Мерлине и Арзу (Артуре) издавна являются частью местного фольклора. После смерти Утера (а по другим данным — сразу после рождения малыша) чародей доверил воспитание Артура вассалу короля Эктору (в романах Вульгаты он носит имя Антор или Актор, а в «Королеве фей» Спенсера почему-то назван Тимоном). В обычае у кельтов, да и у многих других народов, было посылать знатных отпрысков в семьи подвластных вождей для укрепления союза с последними.

Сын Эктора Кей, молочный брат Артура, в будущем стал его вернейшим спутником и одним из первых рыцарей Круглого стола. В валлийской традиции Кей известен как Кай, сын Кинира Кейнварвога, правителя горного района Пенллин у озера Бала в Гвинедде. Если Артур в самом деле воспитывался там, его детство прошло в живописной местности в верховьях реки Ди, испокон веков называемой валлийцами Дивирдви — «воды богини». Кинир, чье прозвище означает «прекраснобородый», жил на рубеже V и VI веков; его резиденция Каэр-Кинир позже в честь его сына была переименована в Каэр-Кай, и место под таким названием существует в Уэльсе до сих пор. В написанной в XVII веке рукописи Ричарда Уинна из Гвидира говорится, что Кинир и его братья помогли королю Кадваллону изгнать ирландцев с острова Англси, за что получили владения в Гвинедде. Кинир (Конайре) сам почти наверняка был ирландцем, но это никого не смущало: выходцы с Зеленого острова давно жили в Британии, переняли местный язык и обычаи и считались умелыми и храбрыми воинами. Возможно, это было главным доводом при отправке Артура на воспитание к Киниру.

В «Житии святого Самсона» (VII век) содержится любопытная информация о том, что после смерти Кинира его вдова Анна вышла замуж за бретонского принца Амона Черного и родила от него будущего святого. Это случилось около 485 года, когда изгнанный со своей родины Амон командовал дружиной короля Диведа Агриколы и жил в имении Каэр-Гох (Красная крепость). Возможно, именно поэтому некоторые предания помещают вотчину Кинира и Кая в Дивед вместо Гвинедда. Есть и другая версия, по которой имение Анны помещалось в Гвенте, вотчине ее деда Вортимера. В житии Самсона, ставшего выдающимся деятелем бриттской церкви, ничего не сказано о его отношениях с Артуром, но Гальфрид упоминает его как соратника короля. Однако смерть приемного отца и новое замужество его вдовы наверняка ста-

ли для мальчика нелегким испытанием. Скорее всего, он вместе с Анной перебрался в Южный Уэльс, ближе к родным местам, что помогло ему вернуться позже к думнонскому двору. Кстати, в романах Вульгаты Антор-Эктор прожил еще много лет, помогая Артуру править Логрией.

Судя по тем же романам, будущий король жил в приемной семье до четырнадцати или пятнадцати лет, когда в Британии началась смута, связанная со смертью Утера. Мерлин поведал баронам о существовании законного наследника, но те не желали его слушать — каждый предлагал в правители себя. Тогда по Божьей воле на главной площади столицы появился большой камень, в который (или в укрепленную на нем стальную наковальню) был воткнут меч. Тот же Мерлин объявил, что законным королем станет тот, кто вытащит меч из камня, и все знатные люди острова начали стекаться в город. Явились и Эктор с Кеем и Артуром; как-то Кей, желая поучаствовать в устроенном для развлечения гостей рыцарском турнире, попросил молочного брата принести ему какой-нибудь меч. Тот увидел меч, торчащий из камня, выдернул его и принес Кею, но Эктор быстро доискался до истины и предъявил подлинного хозяина клинка собранию знати. Многие из тех, кто претендовал на трон, выражали недоверие, поэтому Артуру пришлось еще раз при всех вложить меч в камень и вынуть его оттуда, после чего он был избран королем.

Где могла случиться эта сказочная история? Одни источники называют Лондон, другие — Винчестер, а Гальфрид утверждает, что собрание британской знати произошло в Силчестере, хотя созвал его Дубриций, архиепископ Каэрллеона (Карлиона). Вполне возможно, что именно этот римский город стал местом утверждения власти Артура. Во всяком случае, в валлийском фольклоре именно его называют столицей «императора», отождествляя с легендарным Камелотом. Источник XV века, так называемый «Трактат о двадцати четырех могущественнейших королях», называет Каэрллеон «главной крепостью Острова Британии, где пребывали достоинство и богатство страны, и семь искусств, и Круглый Стол, и верховное архиепископство из трех, и Погибельное сиденье, и Тринадцать сокровищ Острова Британии. В то время он звался вторым Римом, потому что был прекрасным, приятным глазу, могущественным и богатым»[3].

Этот город — ныне Карлион-он-Уск в графстве Гвент, — был прежде римской Иской, многолюдной штаб-квартирой Второго Августова легиона. В конце V века он, как и другие города, пришел в упадок, но отдельные здания еще использовались — вероятно, королями Гвента, хотя их постоянная

столица находилась в соседнем Каэрвенте (Вента Силурум). На окраине Каэрллеона находится самый большой в Британии римский амфитеатр, который местные жители еще в средние века называли «Круглым Столом». Уже в наше время возникла версия, что именно здесь собрание британской знати избрало Артура королем. Это похоже на правду, хотя времена Амброзия к тому времени давно прошли и даже угроза со стороны саксов не могла заставить вкусивших независимости бриттских правителей подчиниться какому-то чужаку, притом совсем юному.

Объяснение кроется в знаменитой, многократно разобранной цитате из Ненния: «В те дни сражался с ними (англосаксами. — *В. Э.*) военачальник Артур совместно с королями бриттов. Он же был главою войска»[4]. В оригинале говорится «*sed ipse erat dux bellorum*» (но сам он был военным предводителем), и ключевым здесь является именно слово «но». Похоже, автор хочет сказать, что Артур командовал армиями бриттских королей (*regibus Brittonum*), но сам при этом королем не был. Звание dux bellorum по аналогии с предыдущим dux Britanniarum могло быть присвоено выборному главнокомандующему общих сил бриттов, сражавшихся против саксов. Почти наверняка это случилось незадолго до битвы при Бадоне, и таким главнокомандующим стал именно Артур.

Однако до этого ему пришлось пережить первую неудачу — битву при Ллонгборте, о которой мы знаем только из валлийской элегии, включенной в «Черную книгу Кармартена» — ее автором без особых на то оснований считался злополучный король Южного Регеда Лливарх Хен, а по языку она датируется периодом от VII до X века. В элегии говорится:

En llogporth ygueleife
y arthur guir deur kymynint adur.
ameraudur llyw aiaudir llawr.
En llogporth y llaf y gereint.
guir deur o odir diwneint.
achin rillethid ve llatyffeint[5].

В Ллонгборте я видел Артуровых
героев, разящих сталью
за императора, владыку наших трудов.
В Ллонгборте пал Герайнт
с храбрецами из края Дивнайнт,
что убивали, прежде чем быть убитыми.

Возможно, это же событие отражено в записи «Англосаксонской хроники» за 501 год: «В Британию прибыл Порта с сыновьями Бидой и Мэглой на двух кораблях. Они высадились в месте под названием Портесмута и убили там юного

бритта из очень знатного рода»[6]. Название места, означающее «порт в устье», принято отождествлять с нынешним Портсмутом в Хэмпшире, но он находится далеко за пределами Думнонии, на землях, захваченных англосаксами еще в V веке. Лэнгпорт в Сомерсете — тоже неудачная кандидатура; этот городок находится у Бристольского залива, где саксы в то время никак не могли высадиться. То же самое можно сказать о городе Ллампорт близ валлийского Кардигана, хотя когда-то он носил имя Дин-Герайнт, а рядом с ним находится место под названием Беддгерайнт — «Могила Герайнта».

Напрашивается мнение, что битва просто выдумана, как и многие события хроники, тем более что имя Порта явно произведено от Портесмуты. Однако сообщение о гибели «очень знатного» бритта привлекает внимание; судя по контексту, это мог быть только король, и скорее всего король Думнонии. В таком случае Ллонгборт («корабельная гавань») находился где-то в его владениях — вероятнее всего, в нынешнем Портленде, расположенном недалеко от устья реки Уэй. Рядом с этим портом находился крупный римский город Дурноварий, ныне Дорчестер, откуда на север и запад шли дороги, облегчавшие путь завоевателям. Не исключено, правда, что Герайнт сам решил вторгнуться в земли, захваченные саксами, и погиб на вражеской территории. Но тогда остатки войска Дивнайнта (Думнонии) вместе с Артуром вряд ли смогли бы вернуться домой. Как бы то ни было, поражение самого сильного противника саксов на юге острова угрожало бриттам полным разгромом. В этих условиях предводителем мог стать только тот, кто решится взвалить на себя опасную, почти безнадежную задачу, и им оказался именно Артур — это было потруднее, чем вытащить меч из камня.

К тому времени он, по всей видимости, уже довольно давно состоял в королевской дружине — юношей принимали туда в 14—15 лет. Нетрудно заметить, что именно с этим возрастом в артуриане связано расставание героя с приемной семьей и начало его «взрослой» жизни. По имеющимся данным, юные дружинники (*tacwy*) жили в общей казарме на территории королевской усадьбы. Подобно оруженосцам рыцарской эпохи, они прислуживали старшим и опытным воинам, которые обучали их искусству войны, причем чаще всего на практике — недостатка в сражениях Британия той эпохи явно не испытывала. К 25 годам Артур уже был полноправным членом дружины, а, может быть, и занимал в ней командную должность. Тем легче было ему в последовавший за Ллонгбортом период «разброда и шатания» сосредоточить в

своих руках военные силы вначале Думнонии, а потом и других бриттских королевств, признавших молодого полководца своим защитником.

Бадон стал следующей вехой на жизненном пути нашего героя, позволившей ему войти в историю — эта победа на полвека остановила неодолимый, казалось бы, вал саксонского нашествия. У Гильдаса битва названа «осадой Бадонской горы» (*obsessio Badonici montis*), поэтому историки локализуют ее в районе одного из хиллфортов Западной Англии. Главный претендент — город Бат в Сомерсете, римский курорт Акве-Сулис, где находились знаменитые горячие источники. После ухода римлян город, уже почти заброшенный, носил название Каэр-Баддон и входил, по всей видимости, в состав Думнонии. Находясь между истоком Темзы и морем, он вполне мог стать целью крупного завоевательного похода англосаксов. Правда, сам Бат расположен не на холме, а в болотистой низине, но в его окрестностях достаточно холмов, и вполне вероятно, что битва состоялась именно там. Чаще всего на роль Бадонской горы предлагаются холмы Баннердаун и Литтл-Солсбери, стоящие недалеко друг от друга к востоку от Бата; на вершине второго находился кельтский хиллфорт. Есть и другие претенденты — Бадбери-Рингс в Дорсетшире и Лиддингтон-Касл в Уилтшире, возле которых также обнаружены хиллфорты бронзового века. В обоих случаях рядом расположены деревни под названием Бадбери. Однако ни один источник не связывает эти городки с Бадоном, в то время как уже Гальфрид поместил место битвы в Сомерсете, близ Бата. Еще менее убедительны догадки ученых, переносящих битву в северный Думбартон, Боуден-Хилл в Шотландии, Минидд-Байдан в Гламоргане или Каэр-Ваддон в Гвенте.

В валлийской повести «Видение Ронабви» говорится, что войска Артура двигались к Бадону через брод Рид-и-Грос на реке Северн, у которого ныне находится деревня Баттингтон. Дальше они отправились к Кевин-Диголл — длинной горе к востоку от той же деревни, — и уже через полдня достигли Каэр-Баддона. Все перечисленные местности находятся в Северном Уэльсе, где в основном и сочинялись повести «Мабиногион»; постоянной практикой их составителей было отождествление (часто совершенно искусственное) памятных имен и названий с топонимами Гвинедда. Поверив такому отождествлению, патриотически настроенные валлийские историки ограничивают всю деятельность Артура севером Уэльса, чего в реальности быть не может — она никак не вписывается в узкие областные рамки.

Гальфрид подробно описывает ход битвы при Бадоне, хотя этому описанию вряд ли стоит верить. По его версии, саксы, которых возглавляли некие Хельдрик и Бальдульф, целый день сражались с бриттами, а к вечеру заняли «Бадонскую гору», надеясь отсидеться на ней. На следующее утро Артур и его воины попытались штурмовать вершину, но саксы, «сбегая сверху, с большей легкостью наносили раны, ведь на спуске их бег был стремительней, чем у бриттов, взбиравшихся наверх... По миновании значительной части дня Артур, раздосадованный, что его воины, достигнув стольких успехов, все еще не одержали победы, обнажает свой меч Калибурн и, воззвав к Деве Марии, врывается в густые ряды врагов. Кого бы он ни настиг, того, призывая Бога на помощь, он с одного удара поражал насмерть. И он не успокоился до тех пор, пока единолично не уничтожил мечом Калибурном четыреста семьдесят неприятельских воинов»[7].

Эта информация отчасти повторяет более краткое сообщение Ненния, утверждающего, что в битве «от руки Артура пало в один день девятьсот шестьдесят вражеских воинов, и поразил их не кто иной, как единолично Артур». Очевидно, такое большое число показалось Гальфриду невероятным, и он уменьшил количество павших более чем вдвое. Не вызывает особого доверия и сообщение «Анналов Камбрии» о том, что при Бадоне «Артур три дня и три ночи носил крест Господа нашего Иисуса Христа на своих плечах, и бритты одержали победу». У Ненния то же самое сообщение относится к другой битве, у замка Гвиннион, только в ней Артур носит на плечах не крест, а изображение Девы Марии. Все это не слишком понятно — в битве полководец должен командовать, а не таскать на себе религиозные реликвии. Историки предполагают, что составители хроник перепутали валлийские слова «плечо» (*scuid*) и «щит» (*scuit*), и изображение то ли Христа, то ли Богоматери присутствовало на щите Артура. Хотя позднейшие жития святых объявляют Артура врагом церкви, чуть ли не язычником, вполне возможно, что на самом деле он хотя бы формально придерживался христианских догм. К тому же он, будучи прагматиком, мог использовать религиозную символику для воодушевления думнонцев-христиан, составлявших бóльшую часть его войска.

Кто был осажден на Бадонской горе? Обычно считается, что это были бритты — небольшой отряд, удерживавший силы врага, пока не подоспел Артур со своей непобедимой конницей. Но, возможно, сведения Гальфрида все же отражают какую-то древнюю традицию, и тогда осажденной стороной выступают саксы. Очевидно, они вышли в поход двумя ар-

миями: одна наступала с юга по суше, другая — на кораблях вверх по Темзе. Возможно, в походе участвовали и юты, уже завладевшие побережьем Хэмпшира. Кто возглавлял вторжение, остается неясным — «Англосаксонская хроника» молчит об этом, как и о битве в целом. Названные Гальфридом Хельдрик, Бальдульф и Колгрим, скорее всего, вымышлены*. В валлийских источниках противником Артура выступает некий Осла Длинный нож (*Osla Gyllelfawr*). Возможно, это собирательный образ, но не исключено, что в нем соединились два реальных командира саксов. Первый — старый король Сассекса Элла, который в качестве бретвальды неминуемо должен был организовывать или лично возглавлять вторжение. Второй — Эсла или Элеса, руководивший, вероятно, высадкой саксов на побережье Дорсетшира и их действиями в победной битве при Ллонгборте. Поздние генеалогии называют его отцом первого короля западных саксов Кердика, но, как мы увидим дальше, это чистейшая фикция. Более вероятно, что Эсла был заместителем Эллы, который в силу возраста уже не мог лично вести саксов в бой под стягом-туфой.

Число сражавшихся не могло быть слишком уж большим. В походе саксов участвовало не более двух-трех тысяч человек, у бриттов было примерно столько же. Девятьсот шестьдесят якобы убитых Артуром воинов могли составлять общее количество саксонских потерь. Однако в их число входил главнокомандующий, бретвальда Элла, что неминуемо вызвало смятение во всем англосаксонском мире. Почти наверняка среди погибших были его сыновья и личная гвардия (хирд), для которой величайшим бесчестьем было оставлять командира или его тело в руках врага. Вдобавок оставшаяся часть армии вторжения была захвачена в плен; ведь битва состоялась в глубине территории бриттов, откуда саксам некуда было отступать.

После победы Артур пошел на неожиданный шаг — вместо того, чтобы перебить пленных или продать их в рабство, как наверняка сделали бы сами захватчики, он заключил с ними договор. Согласно ему, саксы могли поселиться в верхнем течении Темзы, откуда бритты все равно уже бежали, возделывать там землю, разводить скот и защищать эти стратегически важные позиции от вторжений своих соплеменников. Возможно, Артур договаривался с Эслой, поскольку в валлийском фольклоре враг бриттов Осла Длинный нож в даль-

* Имена Бальдульфа и Колгрима — скандинавские, а не англосаксонские. Имя Хельдрика, вероятнее всего, представляет собой искаженное «Кердик».

нейшем предстает в роли их союзника. В хронике Джона Хардинга (XV век) партнером короля по переговорам назван «император саксов» Хельдрик, хотя Гальфрид пишет о гибели последнего в битве от рук Кадора Корнуэльского. Вероятно, многие осуждали полководца за мирное соглашение, доказывая, что саксы — дикари, язычники, что им нельзя верить. Однако Артур хорошо знал, что клятву, данную по всем правилам, эти «дикари» соблюдают свято.

Созданное в верховьях Темзы, в нынешнем графстве Уилтшир, саксонское королевство получило название Хвисса (*Hwicce*) — «связанные договором». Позже это слово в форме «гевиссеи» стало самоназванием жителей королевства Уэссекс, выросшего из Хвиссы. Первое время его столицей оставался Дорчестер на Темзе, и только в VII веке королевская резиденция переместилась южнее, в Винчестер. Правда, правящая династия Уэссекса предпочла забыть о породившем ее поражении при Бадоне и сочинила себе фиктивную генеалогию, по которой ее основал Кердик, сын Элесы. На самом деле Кердик — это исконно кельтское имя «Карадок», принадлежавшее наместнику, правящему саксами именем Артура. Эту версию мы рассмотрим позже, а пока скажем, что даже несколько веков спустя, когда Уэссекс стал сильным саксонским королевством, многие его жители носили бриттские имена — например, король Кэдвалла или монах Кэдмон, считающийся первым английским поэтом. Еще в 700 году, судя по законам короля Ине, англосаксы (*englisc*) и бритты (*wilisc*) жили в этой области чересполосно и вполне мирно. Археология и антропологические исследования также подтверждают, что в V—VII веках население Уэссекса коренным образом не изменилось. Здесь явно происходило не быстрое вытеснение кельтского населения, как на востоке Англии, а его постепенная ассимиляция. Возможно, она началась уже после Бадона, когда осевшие на новых землях саксы начали брать себе жен из местного населения.

В большинстве романов артурианы битва при Бадоне не упоминается — ее заменяют вымышленные заморские походы и сражения со сказочными чудовищами. Все оставшиеся годы жизни легендарного Артура связаны лишь с одним географическим пунктом — его столицей, которой является не Каэрллеон, как в валлийских преданиях, а Камелот или Камалот. Он изображался типичным рыцарским замком с высокими стенами, величественным донжоном и подъемным мостом. В пределах стен находились всевозможные строения, из которых романы упоминают дворец с королевскими покоями и комнатами для гостей, церковь святого мученика

Стефана и оружейную, где рыцари оставляли оружие и доспехи — появляться во дворце вооруженным было запрещено. За стенами жили дворцовые слуги, находились мастерские, лавки, кузницы. Там же, на Королевском лугу, устраивались турниры и конные состязания, а дальше расстилался бескрайний лес. В большинстве романов рядом с замком протекает река, но море нигде не упоминается.

О местонахождении Камелота до сих пор идут жаркие споры. Гальфрид такого названия не знает — у него столица Артура все еще находится в Каэрллеоне (*Urbs Legionum*). Мэлори вслед за Лайамоном помещает ее в Винчестер, древнюю столицу англосаксонской Англии. В пользу этой версии говорил Круглый Стол, хранившийся в этом городе и ныне подвешенный на стене в Большом зале Винчестерского замка. Громадный стол диаметром более пяти метров сбит из дубовых досок и разделен на 24 сектора, подписанные именами рыцарей. Радиоуглеродные исследования доказали, что стол изготовлен в XIV столетии, когда Артур был весьма популярен у британских монархов и их приближенных. Вероятнее всего, автором идеи был Эдуард III Плантагенет, а Генрих VIII в 1516 году велел заново декорировать стол и украсить 25-й сектор, оставленный для короля, собственным изображением — явно желая представить себя новым Артуром.

Уже в те времена столицу Артура искали не только в Винчестере. Некоторые хроники считают ею Лондон, а средневековые английские романы переносят резиденцию короля в Карлайл — древний Каэр-Лигвалид, где раскопки открыли остатки бревенчатого дворца VI века, воздвигнутого рядом с заброшенными римскими строениями. Это была столица королей Регеда, где Артур при всем желании править не мог. Кретьен де Труа называет резиденциями короля Кардиган в Уэльсе и Кардуэл — возможно, тот же Карлайл. Однако именно этот автор в романе «Ланселот» впервые употребил название «Камелот», почти наверняка восходящее к Камулодуну (ныне Колчестер) — важному центру Римской Британии. Некоторые ученые, правда, связывают его с рекой Камел в Корнуолле и стоящим на ней городком Камелфорд. Авторы, помещающие Артура на севере Британии, считают Камелотом римский форт Колания на восточном участке стены Адриана. Свой Камелот есть и у сторонников отождествления Артура с гвентским принцем Атруисом. Барбер и Пикитт находят этот город в Каэрвенте, столице Гвента, или в расположенном неподалеку хиллфорте Каэр-Мелин (Желтая крепость) — по мнению авторов, в искаженном виде его название превратилось в «Камелот». Еще одну версию предложили Блэкетт и

Уилсон, объявив Камелотом небольшой хиллфорт Крейг-Ллуйн в Гламоргане — когда-то он якобы тоже носил имя Каэр-Мелин, что, однако, ничем не подтверждается.

Во французском романе «Перлесво» появляются не один, а два Камелота, первый из которых принадлежал некоей «вдовой даме» и стоял «на самом краю самого дикого острова Уэльса, и ничего не было там, кроме крепости, и леса, и вод, что окружали их»[8]. Другой Камелот, столица Артура, находился «при входе в королевство Логрию». В свою очередь, валлийская триада 1* перечисляет целых три резиденции Артура: «Три племенных престола (*lleithiclwuth*) Острова Британии. Артур как верховный правитель в Миниу, и Деви как верховный епископ, и Мэлгон Гвинедд как верховный старейшина. Артур как верховный правитель в Келливике в Корнуолле, и Бедвини как верховный епископ, и Карадок Сильная Рука как верховный старейшина. Артур как верховный правитель в Пен-Рионидд на севере, и Гуртмол Упедиг как верховный старейшина, и Киндейрн Гартвис как верховный епископ»[9].

Миниу, нынешний Сент-Дэвидс в Диведе, в некоторых вариантах триады заменяется на более привычный Каэрллеон или на гвинеддскую столицу Аберфрау. Пен-Рионидд (он же Пенрин-Рианедд) обычно помещают на севере Британии, поскольку приписанный к нему Киндейрн идентичен святому Кентигерну, епископу Глазго. Правитель этой области Гуртмол вспоминается в триадах как могучий воин, а в «Могильных строфах» из «Черной книги Кармартена» он упомянут как «вождь Севера», похороненный почему-то в Южном Уэльсе. Его трудно отождествить с кем-либо из правителей Регеда или Истрад Клута, но стоит отметить, что Пен-Рионидд переводится как «Девичья вершина» и очень напоминает Девичью гору, расположенную возле Эдинбурга и считающуюся местом одного из сражений Артура.

В Келливике или Гелливиге ранние валлийские источники часто помещают двор Артура. Это название до сих пор носит ферма на полуострове Ллейн в Гвинедде, и валлийские барды XIV—XV веков считали, что Келливик «златоблещущего властителя Артура» находился именно здесь. Однако логичнее все-таки искать резиденцию «военного предводителя» в его родном Корнуолле (Керниу). Два основных претендента на звание Келливика — городок Коллингтон и хиллфорт Киллибери, где найдены осколки импортной керамики, го-

* Здесь и далее триады нумеруются по изданию: Trioedd Ynys Prydein. Cardiff, 1978.

ворящие о прежнем высоком статусе места. Правда, и король Карадок, и епископ Бедвини (Битвини), по данным источников, жили в Юго-Восточном Уэльсе, так что не исключено, что Келливик находился именно там — на полуострове, тоже носившем название Керниу.

Однако главным претендентом на звание Камелота в наши дни считается гигантский хиллфорт Сауз-Кэдбери в Восточном Сомерсете (рядом с ним, что характерно, находится деревня Уэст-Кэмел). Еще в 1542 году антиквар и путешественник Джон Лиланд писал: «Прямо к югу от церкви Сауз-Кэдбери стоит Камелот. Когда-то это был прославленный город или замок, стоявший на высоком холме и превосходно защищенный самою природой... При пахоте здесь в изобилии находили римские монеты из золота, серебра и меди, равно как и в полях у подножия холма, особенно с восточной его стороны. Найдено было и множество других древностей, включая серебряную подкову. Все, что могут поведать на сей счет местные жители — это то, что в Камелоте часто пребывал Артур»[10].

Как ни странно, раскопки Сауз-Кэдбери, которые возглавил известный археолог Лесли Олкок, начались только в 1966 году. Ученым удалось выяснить, что еще до нашей эры здесь находилась крепость бриттского племени дуротригов, разрушенная римлянами около 100 года. В V—VI веках крепость была перестроена и окружена массивной стеной из камня, привезенного из соседних римских городов. Когда-то стена имела высоту четыре метра и была укреплена каркасом из деревянных балок и земляной насыпью. По обеим сторонам крепости обнаружились остатки масивных деревянных башен с воротами, к которым вела выложенная щебенкой дорога. Кроме стен, Сауз-Кэдбери окружали четыре ряда рвов и невысоких валов — типичная для кельтских хиллфортов оборонительная структура. Необычны только громадные размеры крепости, площадь которой превышает семь гектаров. Олкок подсчитал, что в период расцвета здесь могли проживать три-четыре тысячи человек; сооружение этого уникального для тогдашней Британии укрепления явно требовало громадных затрат труда.

В центре хиллфорта, на возвышении, издавна называемом Дворцом Артура, были найдены остатки бревенчатого здания размерами 20 на 10 метров с несколькими очагами и множеством черепков привозной средиземноморской керамики. Такие же черепки отыскались в фундаменте сооружения к северу от дворца — возможно, кухни. Главное здание, как и подобает кельтскому дворцу, делилось перегородкой на зал и

жилые покои; многочисленные столбы, от которых остались только ямы, поддерживали крышу из дранки или соломы, высота которой могла достигать 10 метров. Из-за размеров крепости археологам до сих пор удалось раскопать только центральную ее часть — не более 10 процентов общей площади. Там были найдены следы 10—12 строений разной величины, в том числе недостроенной саксонской церкви — доказательство использования хиллфорта в более поздние времена. Центральный дворец был, судя по всему, заброшен около 550 года, причем его не сожгли, а просто оставили в запустении. Так кельты нередко поступали с дворцами умерших правителей из страха, что душа покойного будет мстить тем, кто занял его место.

Кто же был владельцем Сауз-Кэдбери? Название крепости, часто производимое от бриттского *cad* (битва), на самом деле, скорее всего, связано с именем короля Думнонии Кадо или Кадора. По данным «Жития святого Карантока» (XI век) Артур и Кадо правили совместно, но не в Кэдбери, а в крепости Диндрайтоу в Западном Сомерсете. Как бы то ни было, раскопки хиллфорта помогают нам понять, как мог выглядеть легендарный Камелот — столица Артура. Конечно, там не было ни величественных башен из белого камня, ни подъемных мостов, ни роскошных палат с многочисленными слугами. Кельтские «дворцы» того времени представляли собой большие бревенчатые сараи, разделенные перегородками. Центром дворца был обширный центральный зал, где горел очаг, устраивались пиршества и пели барды, прославлявшие короля. В Британии времен Артура дворцы были прямоугольными и покрывались крышей; в Ирландии они имели круглую форму, и центральный зал у них был открытым — крыша над ним воздвигалась только зимой или в случае непогоды. Зима была единственным сезоном, когда король и его приближенные проводили во дворце значительную часть времени. В остальное время они воевали, охотились или объезжали свои владения, собирая подати и творя правосудие.

Судя по валлийским «Законам Хоуэла Доброго», двор короля (*llys*) постоянно кочевал из одного дворца в другой, и эта особенность двора Артура сохранилась в средневековых текстах. При дворе короля средней руки постоянно проживало 200—300 человек — воины, барды, слуги, повара, кузнецы, плотники. Жизнь этого пестрого сообщества регулировали три человека: командир дружины (*penteulu*), главный судья и управитель двора. Важную роль играл также глава бардовского «ансамбля» (*pencerdd*). Были и такие экзотические должности, как «держатель ног», обязанный не только масси-

ровать королю ноги перед сном, но и доставлять его в покои после чересчур обильных возлияний. Как ни странно, валлийские источники, перечисляя всевозможных «псов битвы» и «боевых быков» двора Артура, не упоминают ни его воеводу, ни главного барда — не потому ли, что сам Артур был воеводой, а не королем, и *pencerdd* не полагался ему по статусу?

Возникает вопрос — если «военный предводитель» действительно обладал немалой властью и авторитетом, что мешало ему официально объявить себя королем, как сплошь и рядом делали куда менее прославленные деятели? Вероятнее всего, Артур не принадлежал к королевскому роду (во всяком случае, по мужской линии) и по этой причине не мог претендовать на трон. Возможно, он компенсировал это одним из титулов, восходящих к римским временам — *dux* или *protector* (защитник), как бритты называли порой наемных военачальников. Быть может, он даже присвоил себе звание императора по совету какого-нибудь эрудита вроде Гильдаса, знавшего, что прежде это слово означало всего лишь выборного командира войска. А может, он просто отвергал чины и титулы, довольствуясь реальной властью, позволявшей ему делать то, чему он посвятил себя с юных лет — сражаться со своими врагами, которых он вполне искренне считал врагами Британии.

Все описания распорядка жизни героев артурианы, их одежды, пищи и развлечений относятся к эпохе классического феодализма (XII—XIII века), в то время как о быте реальных людей «темных веков» повествуют лишь разрозненные данные археологии да немногие эпические поэмы. Исторический Артур, скорее всего, брил бороду, но отращивал длинные усы, носил рубаху, штаны и шерстяной плащ яркой расцветки. Из обуви предпочитал высокие кожаные сапоги, удобные для верховой езды. Тот же Лесли Олкок так описывает его возможный наряд: «Во время парадных выходов (но не на поле битвы) Артур носил одеяние римского императора или высшего офицера: богато украшенную тунику до колен, брюки, кожаную куртку с металлическими полосками для защиты живота и плащ, заколотый у ворота драгоценной брошью»[11]. А вот какой предстает одежда знатного бритта в повести «Килух и Олвен»: «На нем был пурпурный четырехугольный плащ, на каждом конце которого красовалось по золотому яблоку ценой в сотню коров. И дороже трех сотен коров были его золоченые стремена и сапоги дивной работы, доходящие от низа бедра до края подошвы»[12].

Пища короля и его придворных была самой простой: мясо, овощи, ячменные или овсяные лепешки, мед. Такие за-

морские деликатесы, как вино и сахар, стали к тому времени редкостью, хотя в Думнонию их привозили заезжие купцы. Вероятно, были здесь и пряности, которые в ту эпоху ценились на вес золота. В значительной мере рацион состоял из дичи: охота на оленей и кабанов была не только видом досуга, но и добычей пропитания. В пищу употреблялось и мясо домашних животных — коров, коз и свиней. Жители приморской Думнонии ели много рыбы и устриц, которые наверняка появлялись и на столе Артура. Из развлечений главными были пиры, во время которых правители принимали послов и просителей, слушали бардов, смотрели выступления бродячих шутов или акробатов. В ирландском юридическом трактате «Крит Габлах» (VIII век) сохранилось описание распорядка дня короля: «Воскресенье — для питья пива, ибо тот не истинный правитель, кто не дает своим людям пиво каждое воскресенье; понедельник — для судебных дел, для разрешения споров; вторник — для фидхелла (игра наподобие шашек, в Уэльсе называлась «гвидвилл». — *В. Э.*); среда — для псовой охоты; четверг — для супружеского общения; пятница — для верховой езды; суббота — для беседы»[13]. Конечно, эта картина изрядно идеализирована, но главные занятия кельтского правителя в мирное время названы, по-видимому, верно.

Еще в античную эпоху кельты были настолько любопытны, что чуть ли не силой затаскивали себе в дом любого проходящего мимо путника, чтобы выведать у него новости. Должно быть, гостеприимство проявлял и Артур — для правителя «темных веков» радушие к гостям было так же необходимо, как щедрость в отношении своих приближенных. В эпоху отсутствия денег жалованье придворным и дружинникам выплачивалось подарками (обычно взятыми из военной добычи), но главным образом едой и питьем — часть их выдавалась натурой, а прочее потреблялось на ежедневных пирах в королевском дворце. Талиесин воспевал своего покровителя Уриена Регедского, у которого «каждый день подают на стол пиво и хмельной мед». Могущество короля измерялось тем, сколько человек кормятся за его столом; это вполне оправданно, поскольку большинство едоков были его дружинниками. Как и в скандинавских сагах, короли у кельтов именовались «кольцедарителями» — точнее, «дарителями гривен». Золотая шейная гривна или торквес издавна была символом власти; возможно, ее носил и Артур в знак своего высокого статуса. У королей бриттов не было корон — их заменяли головные обручи из золота, иногда украшенные самоцветными камнями.

Королевское имущество состояло из запасов оружия, одежды, еды и напитков, которые хранились в подсобных помещениях дворца. Все это собиралось с подвластных общин путем периодического сбора дани, подобного древнерусскому «полюдью». В ирландских источниках скрупулезно перечислены подати, которые в безденежном кельтском обществе уплачивались исключительно натурой. Видимо, что-то подобное наблюдалось и в Британии. Но чем платили заморским купцам за вина и ткани, оружие и украшения? В Корнуолле по-прежнему добывали олово, но о его экспорте в тот период нет никаких данных. По-видимому, главным экспортным товаром были рабы — саксы или соплеменники-бритты, захваченные во время набегов. По мнению ученых, британские рабы в большом количестве поставлялись в Галлию и Италию до конца VI века, и одним из крупнейших их поставщиков наверняка был Артур. Это не слишком согласуется с представлением о его рыцарской натуре, но в те времена торговля людьми была обычным средством пополнения бюджета, хотя церковь уже начала ее порицать — не в этом ли одна из причин ее неприязненного отношения к нашему герою?

Последняя географическая точка на жизненном пути Артура — Камлан, где состоялась роковая для него битва. По данным Гальфрида, она произошла в Корнубии (то есть той же Думнонии), на реке Камлан или Камблан (flumen Cambula), которую большинство средневековых авторов отождествляли с реками Камел в Девоншире или Кам в Сомерсете; последняя протекает недалеко от Сауз-Кэдбери. В свою очередь, на первой из рек есть старинный каменный мост Слаутер-Бридж («мост резни»). Местные краеведы уверены, что это название относится к битве при Камлане, хотя большинство ученых относят его к стычке между саксами из Уэссекса и бриттами, случившейся в 823 году. Лайамон первым связал битву с городком Камелфорд на реке Камел, перенеся его, правда, по ошибке на реку Тамар. Предания, отождествляющие Камелфорд с Камланом, зафиксированы тем же Джоном Лиландом: «На этой реке Артур сражался в своей последней битве, и говорят, что при пахоте здесь находили кости и оружие»[14]. Мэлори делает местом битвы равнину к югу от Солсбери (графство Уилтшир), и в XIX веке археологи даже пытались проводить там раскопки — естественно, без всякого результата.

Сторонники теории «северного Артура» считают местом сражения римский форт Камбогланна на стене Адриана, ныне городок Каслстедс в графстве Камберленд. Они указывают, что неподалеку находился другой форт — Абаллава или Аваллана, то есть Авалон, — и что когда-то в этих местах стоял

сарматский гарнизон генерала Артория Каста. Но этих совпадений мало для перенесения на север не только Артура, но и других участников «распри при Камлане», живших и похороненных в Уэльсе или Корнуолле. Само название Camlann означает «изогнутый берег» и встречается во многих местах Британии. Например, это имя когда-то носил берег Темзы в районе нынешнего Горинга в Беркшире; естественно, нашлись желающие поместить знаменитую битву именно здесь. Есть сторонники и у валлийской версии, благо в Уэльсе целых два подходящих места — долина Камлан в Мерионете и речка Гамлан в Росе. Однако наиболее вероятно, что битва все-таки состоялась в непосредственной близости от Сауз-Кэдбери, то есть в Сомерсете — со стороны врагов Артура логично было направить удар в самый центр его власти. Похоже, перед нами тот редкий случай, когда легенда соответствует истине и памятная резня произошла у берегов сонной речки Кам, текущей между двух холмов к густо заросшим травой валам Сауз-Кэдбери.

Недалеко от этой реки находится и место, которое традиция упорно связывает с захоронением Артура — бенедиктинское аббатство Гластонбери. С легкой руки средневековых хронистов его отождествили с островом Авалон, куда смертельно раненного короля отвезли на лодке волшебницы, возглавляемые феей Морганой. Долгое время считалось, что аббатство было основано в саксонский период, в VIII веке, однако раскопки 1964—1966 годов открыли здесь остатки более древних строений. Они, в частности, обнаружены на холме, где возвышается знаменитая башня Гластонбери-Тор — колокольня разрушенной в период Реформации церкви Святого Михаила. Там же были найдены захоронения, каменный курган и множество костей животных. Вероятно, когда-то здесь находилось языческое капище, на месте которого потом, как часто случалось, воздвигли христианский храм. В местных легендах Тор считался входом в Аннуин — кельтский потусторонний мир. Считалось, что под холмом живет зловещий владыка царства мертвых Гвин ап Нудд; однажды он заманил к себе святого отшельника Коллена и попытался накормить его колдовской пищей. Но проницательный святой угадал в аппетитных яствах червей и гнилушки, а в разодетых придворных — омерзительных бесов, после чего Гвину с его свитой пришлось с позором бежать.

Аббатство у подножия холма процветало при последних саксонских королях, но в нормандский период лишилось многих владений. Предприимчивые монахи решили поправить дела с помощью массового привлечения паломников, для

чего была организована беспрецедентная фабрикация останков святых. В течение нескольких лет Гластонбери обзавелся мощами Патрика, Давида, Гильдаса и Дунстана, причем все эти знаменитые деятели церкви были похоронены в других местах. Это не смутило верующих, которые толпами потянулись в обитель. В рекламных целях монахи привлекли к написанию сочинений, прославляющих Гластонбери, известных историков — Уильяма Малмсберийского и Карадока Лланкарванского, труды которых появились почти одновременно, в 1120-х годах. И если первый в своей «Истории Гластонберийской церкви» ничего не говорил об Артуре*, то «Житие Гильдаса» Карадока уверенно связывало короля с монастырем. Причиной этого могли стать как местные легенды, так и фантазия самого агиографа, в распоряжении которого вряд ли имелись какие-либо документы.

В мае 1184 года процветание Гластонбери было разрушено губительным пожаром; церковное убранство, книги, священные реликвии превратились в пепел. Для восстановления аббатства требовались большие средства, которые могла дать королевская власть, как раз в тот период заинтересовавшаяся Артуром. И король Генрих II, и его жена Алиенора Аквитанская принимали при своем дворе кельтских бардов, с удовольствием слушая их баллады. Но если интерес королевы был чисто эстетическим, то Генрих всерьез планировал воскресить не только память об Артуре, но и его мифическую империю. Первым шагом стало присвоение имени Артура внуку короля, родившемуся в 1187 году — будущему герцогу Бретани. Правда, сам Генрих вскоре умер, но братия Гластонбери во главе с аббатом Генри де Сюлли смотрела далеко в будущее. И вот в начале 1191 года двое монахов, копая могилу для умершего брата, якобы случайно наткнулись на глубине 16 футов (5 м) на древнее захоронение.

Историк XIII века Джон из Маргэма в своей хронике процитировал письмо, отправленное монахами Гластонбери в другие обители сразу после открытия гробницы. По его утверждению, было найдено целых три гроба, один над другим. В первом лежала женщина с хорошо сохранившимися белокурыми волосами, во втором мужчина, а в третьем — еще один мужской скелет с костями впечатляющих размеров. На гробе гиганта был укреплен свинцовый крест с надписью: «Здесь покоится прославленный король Артур, погребенный на острове Авалон» (*Hic iacet sepultus inclitus rex Arturus in insula*

* Уильям писал, что «могилы Артура нигде нет, и старинная басня гласит, что он еще вернется».

Avellania). Джон сделал вывод, что «первый гроб заключал в себе тело Гвиневеры, жены Артура, во втором находились останки Мордреда, его племянника, в третьем же останки вышеуказанного принца»[15]. В дальнейшем Мордред куда-то исчез; все последующие авторы упоминали только один гроб. Ральф из Коггесхолла писал в своей «Английской хронике» (1220), что на гробе имелась надпись, которую не смогли прочитать из-за «грубости почерка и плохой сохранности». Что касается надписи на кресте, то ее Ральф прочел так же, как хронист из Маргэма, но слово «Авалон» было приведено им в форме Avallonia, ставшей вскоре общепринятой.

Самое пространное сообщение о находке оставил известный писатель и политический деятель Гиральд Камбрийский, посетивший Гластонбери. В своем «Наставлении правителям» (*De Princibis Instructione*), написанном по свежим следам в 1192 году, он пишет: «Две трети гробницы были предназначены для останков короля, а одна треть, у его ног — для останков жены. Нашли также хорошо сохранившиеся светлые волосы, заплетенные в косу: они несомненно принадлежали женщине большой красоты. Один нетерпеливый монах схватил рукой эту косу, и она рассыпалась в прах. Было немало указаний на то, что тело короля покоится именно здесь; одни из таких указаний содержались в сохранившихся в монастыре рукописях, другие — в полустершихся от времени надписях на каменных пирамидах, иные — в чудесных видениях и предзнаменованиях, коих сподобились некоторые благочестивые миряне и клирики. Но главную роль сыграл в этом деле король Англии Генрих Второй, услышавший от какого-то исполнителя бриттских исторических песен одно старинное предание. Это Генрих дал монахам точное указание, что под землей, на глубине по крайней мере шестнадцати футов, они найдут тело, и не в каменной гробнице, а в выдолбленном стволе дуба. И тело оказалось лежащим именно там, зарытое как раз на такой глубине, чтобы его не могли отыскать саксы, захватившие остров после смерти Артура, который при жизни сражался с ними столь успешно, что почти всех их уничтожил»[16].

Крест в этом случае был укреплен не на гробе, а на лежавшей рядом каменной плите, и надпись на нем была другой: «Здесь покоится прославленный король Артур вместе с Гвиневерой (*Wenneveria*), его второй женой, на острове Авалон». Гиральд лично осмотрел не только крест, но и предполагаемые останки короля: «Кости Артура, когда их обнаружили, были столь велики, будто сбывались слова поэта: “И богатырским костям подивится в могиле разрытой”[17]. Берцовая

кость, поставленная на землю рядом с самым высоким из монахов... оказалась на три пальца больше всей его ноги. Череп был столь велик, что между глазницами легко помещалась ладонь. На черепе были заметны следы десяти или даже еще большего числа ранений. Все они зарубцевались, за исключением одной раны, большей, чем все остальные, и оставившей глубокую открытую трещину. Вероятно, эта рана и была смертельной»[18]. Остается только гадать, чьи останки монахи демонстрировали доверчивым гостям. Несомненно одно — яма глубиной 16 футов существовала, ее следы нашлись при раскопках в монастыре, проведенных в 1964 году. Эти раскопки подтвердили и дату эксгумации, поскольку на дне ямы были найдены обломки тех же камней, из которых в 1189 году выстроили стоявшую поблизости часовню Девы Марии; таким образом, яма была выкопана немногим позже этой даты, когда строительный мусор еще не убрали.

Гиральд Камбрийский, стремившийся развеять надежды бриттов на возвращение Артура, сделал все для рационализации легенды. По его мнению, Авалон был всего лишь прежним названием Гластонбери, а фея Моргана — римской матроной, которая заботилась о раненом короле перед его смертью. Настораживает, однако, упоминание о выдолбленном стволе — это был древний способ захоронения кельтских вождей, о котором монахи XII века вряд ли могли знать. Возможно, могила действительно была подлинной, но относилась к доримскому периоду; ее нашли случайно и тут же объявили местом упокоения Артура. Долгое время в околонаучных кругах бытовала и другая версия — могила действительно принадлежала Артуру, и информация о ней была давно известна узкому кругу посвященных. В этом случае дубовая колода, выдолбленная в форме лодки, объясняла возникновение легенды об отплытии короля на Авалон. В настоящее время эта теория утратила популярность — слишком трудно поверить в то, что саксонские монахи несколько веков свято хранили память о герое враждебных им бриттов.

После 1191 года найденные останки Артура и Гвиневеры были перенесены в еще не достроенную церковь и погребены на самом почетном месте — в центре хоров. В следующем столетии мифотворчество вокруг монастыря достигло апогея: появилось предание, что именно в Гластонбери ученик Христа Иосиф Аримафейский основал первую христианскую церковь не только в Британии, но и во всей Западной Европе. Это давало английской монархии неоспоримый приоритет перед соседями, и теперь она просто не могла не обратить благосклонного внимания на обитель с ее реликвиями. Это

случилось в 1278 году, когда в Гластонбери встретили Пасху король Эдуард I и королева Элеонора Кастильская. По свидетельству историка Джона Гластонберийского, в присутствии монаршей четы могила Артура была вскрыта, и там обнаружились кости мужчины «удивительных размеров», а также «прекрасные и тонкие» женские кости. Король и королева лично завернули их в дорогие ткани и уложили обратно в гробницу. По приказу Эдуарда над могилой соорудили каменное надгробие с надписью: «Здесь покоится Артур, цвет королей, гордость державы, чьей памяти и делам мы воздаем вечную хвалу». Позже многие авторы видели это надгробие, как и укрепленный на нем крест с надписью, а власти монастыря регулярно платили за «очистку и обновление гробницы Артура» — очевидно, она пользовалась повышенным вниманием паломников, хотя не было и речи об объявлении короля святым.

Благодаря захоронению Артура и другим реликвиям Гластонбери превратился в самую почитаемую обитель Англии. По словам Джона Гластонберийского, знатные люди из других стран посылали за горстью земли из монастыря, чтобы положить ее в свою могилу, и недоумевали, почему английские пилигримы отправляются в Палестину, когда у них дома есть такая святыня. Для гостей аббатства была разработана целая экскурсионная программа, включавшая осмотр храма Богородицы, подземной часовни святого Иосифа Аримафейского и старого кладбища с ямой, откуда были извлечены гробы Артура и Гвиневеры. Далее следовали подъем на Тор и спуск по пологому склону холма Вэриолл («Утоми всех») — некогда Иосиф, взойдя на холм, сел отдохнуть, и из его посоха вырос куст терновника, который чудесным образом возрождался после высыхания и цвел даже зимой; он существует до сих пор, и его ветку каждое Рождество посылают британскому монарху.

После этого паломники отправлялись на Бекери, остров среди торфяников, к часовне святой Бригиты, где сама Дева Мария некогда вручила Артуру хрустальный крест. Пересказавший эту легенду Джон описал, как король по зову ангела явился в часовню и увидел там труп, окруженный свечами, и руки с мечами, угрожавшие непрошеным гостям. Не испугавшись, Артур вошел в часовню, где встретил Богоматерь, принес ей обет послушания и изменил в ее честь королевский герб — прежних трех красных львов сменили крест и Дева с Младенцем в бело-зеленом поле. Знаменательно то, что в рассказе Джона часовня носила имя Марии Магдалины (об этом мы еще вспомним), и только потом ее переименовали в честь

ирландской святой, якобы жившей здесь в V веке; по той же причине весь остров до сих пор зовут «маленькой Ирландией». Покинув Бекери, гости переходили речку Бру по Опасному мосту (Понс-Перлиоз), миновали церковь Святого Гильдаса и у церкви Троицы поворачивали назад, чтобы вернуться в Гластонбери, к постоялым дворам и лавкам, где шла бойкая торговля святыми реликвиями и индульгенциями: посетителям монастыря гарантировалось освобождение от чистилища сроком на сто лет!

В 1533 году обитель навестил Джон Лиланд, тщательно переписавший все найденные в главном храме надписи и подержавший в руках пресловутый крест (длина его, как сообщает историк, была около фута). А в 1539 году Гластонбери вместе с другими английскими монастырями был закрыт волею короля Генриха VIII, жестокими мерами внедрявшего в стране новую протестантскую веру. Последний аббат Ричард Уайтинг и казначей Джон Артур (знаменательная фамилия!) пытались спрятать монастырские ценности, подлежащие конфискации, но их поймали и повесили. Остальные монахи были изгнаны, а обитель методично разграблена; разобрали даже свинцовую крышу храма. Что стало с предполагаемыми останками Артура, неизвестно; в XVII веке гробница посреди заброшенной церкви уже была пуста.

«Артуровский крест» между тем передали в храм Иоанна Крестителя в городке Гластонбери, где его увидел знаменитый антиквар Уильям Кэмден; рисунок креста был помещен в его книге «Британия», опубликованной в 1607 году. Надпись на кресте в целом соответствовала описанию монаха из Маргэма: «*Hic iacet sepultus rex Arturius in insula Avalonia*» (Здесь покоится король Артур, погребенный на острове Авалон). Начертание букв можно признать старинным, но монахи видели древние надгробия и вполне могли подделать почерк в подражание им. В годы Английской революции иконоборцы-пуритане разграбили и церковь в Гластонбери, после чего крест затерялся. В последний раз его — или похожую на него подделку, — видели около 1720 года в коллекции священника-антиквара Уильяма Хьюза. Вскоре преподобного Хьюза не стало, его имущество было распродано, и с тех пор об артуровском кресте ничего не слышно. Тем не менее в наши дни Гластонбери ежегодно посещают сотни тысяч туристов, обслуживанием которых занята большая часть из 8800 жителей городка. Повторяя маршрут средневековых паломников, гости поднимаются на Тор, осматривают руины аббатства и благоговейно замирают перед огороженным местом, где когда-то находилась могила Короля прошлого и грядущего.

Фольклор настойчиво связывает с Артуром не только Гластонбери, но и всю окружающую местность. Одна из легенд связана с хиллфортом Брент-Нолл, расположенным недалеко от Бристольского залива в 20 километрах от монастыря. Уильям Малмсберийский, а за ним Джон из Гластонбери поведали, как однажды Артур посвятил в рыцари молодого Идера и послал его к Горе Пауков сражаться с тремя великанами. Юноша одолел врагов, но и сам получил смертельные раны, и Артур в печали попросил монахов Гластонбери молиться за упокой души храбреца, за что пожаловал им во владение место его гибели. Название этого места на латыни звучит как Mons Aranearum, но еще Уильям отметил, что оно похоже на Mons Ranarum — Гору Лягушек, как римляне называли Брент-Нолл. Тем самым монастырь пытался обосновать свое право на новое владение, сочинив с этой целью еще и фальшивую хартию уэссекского короля Ине, датированную 725 годом.

Нетрудно заметить, что традиция о захоронении Артура в Гластонбери или где-либо еще в корне противоречит убеждению, что король живым увезен на волшебный остров Авалон и когда-нибудь вернется оттуда. Тем не менее небескорыстные воспеватели Гластонбери приложили все силы, чтобы отождествить монастырь с Авалоном, хотя вначале никакой связи между ними не было. Ничего не пишет о ней и Гальфрид, у которого этот остров (*Insula Avallonis* или *Insula Pomorum*, что означает «остров яблок») описан как «обитель блаженных», место, где был выкован меч Артура и куда отправляется для исцеления сам король. В поэме «Жизнь Мерлина» чародей отправляет раненого Артура на Авалон, которым правит волшебница Морген (Моргана) — старшая из девяти сестер-волшебниц, сведущих во врачевании. Первым о связи Авалона и Гластонбери упомянул в 1216 году Гиральд Камбрийский, очевидно, опиравшийся на монастырские предания. В сочинении «Зерцало церкви» (*Speculum ecclesiae*) он писал: «После битвы при Камлане тело Артура, получившего смертельную рану, было увезено некоей благородной матроной по имени Морган, его кузиной, на остров Авалония, ныне зовущийся Гластонией»[19].

В валлийских источниках слово «Авалон» принимает форму *Ynys Avallach* — не только «остров яблок», но и «остров Аваллаха». Это имя в генеалогиях носит прародитель бриттов, сын их первого короля Бели Великого — изначально солнечного бога Беленоса — и его жены, богини Ану, которую поздние генеалогии, прошедшие монашескую обработку, превратили в Анну, сестру того же Иосифа Аримафейского.

Иногда Аваллаха ассоциируют с библейским Амалеком, но более вероятно, что это известный в мифологии многих народов первочеловек, ставший после смерти царем загробного мира. Характерно, что и Моргану, и других чародеек валлийская традиция считает дочерьми Аваллаха.

В ирландских сагах упоминается сказочный Эмайн Аблах (Яблочный остров), которым правит морской бог Мананнан мак Лир. В «Плавании Брана, сына Фебала» (VII век) говорится, что на этом острове, стоящем посреди моря на четырех «ногах» из бронзы, неведомы смерть, болезни и горести. Другие источники дают тому же острову имена Тир-нан-Ог (Земля вечной юности), Маг-Мелл (Равнина радости), Тирн-Айлл (Иной мир) и так далее. Все они имеют сходство с блаженным садом Гесперид греческой мифологии, где, как известно, тоже росли золотые яблоки, дающие вечную молодость.

Несмотря на явную легендарность Авалона, его на протяжении веков не раз пытались связать с реальными местностями. Самый известный претендент — Гластонбери, якобы называвшийся когда-то «Яблочным островом». Правда, сегодня яблонь там почти нет, да и торфяные болота, окружающие городок, при всем желании трудно счесть морем. Другой претендент — остров Бардси (Инис-Энлли) в Гвинедде, который валлийцы называли «островом святых». Здесь, по легенде, Мерлин хранил мифические Тринадцать сокровищ Острова Британии, а после уснул волшебным сном в потайной пещере в скалах. На острове до сих пор можно увидеть неимоверно старую, но еще плодоносящую яблоню — остаток давно исчезнувшего сада.

Бретонцы считают Авалоном остров Олерон или Иль-д'Аваль (Яблочный остров). Французы — город Авалон в Бургундии, связанный с именем Аврелия Амброзия. Англичане — форт Абаллава (ныне Берг-бай-Сэндс) в Камберленде. Шотландцы — остров Мей близ Эдинбурга, где, по мнению местных фольклористов, тоже обитали кельтские жрицы. Недавно появился еще один кандидат — заброшенный женский монастырь Инкайллох на острове посреди озера Лох-Ломонд, где в языческие времена жили девять колдуний во главе с уродливой Кайллех Бейр (Старухой из Берри). Зимой они, как Снежная королева, сковывали озеро льдом, а в остальное время развлекались тем, что топили рыбачьи лодки.

Вероятно, языческая традиция представляла девять дочерей Аваллаха чем-то вроде валькирий, переносящих на остров души павших героев. Описания Авалона до нас не дошли, но, судя по другим «островам блаженных» кельтского мира, это туманная страна, где привычные людям законы и

формы искажены до неузнаваемости. Границы между ним и нашим миром достаточно прозрачны — их легко преодолеть в некоторые дни или при посредстве «проводников», принимающих облик людей или животных (особенно любимых кельтским фольклором белых красноухих псов). Времени в Авалоне нет, его жители не стареют, а человек, прожив там несколько дней, обнаруживает, что в его родных краях за это время прошли десятки или даже сотни лет (случается, впрочем, и обратное). Это вполне объясняет веру кельтов в долгую жизнь Артура и его будущее возвращение.

География перемещений Артура в пространстве символично простирается от вполне реальной крепости в Корнуолле до места целиком мифического. Таким же был маршрут короля во времени: начав свое существование реальным человеком «темных веков» со всеми достоинствами и недостатками, присущими его времени, он завершил ее персонажем легенды, которой предстояло разрастаться долгие века, вовлекая в свою орбиту все новых действующих лиц.

Король Артур на мозаике Отрантского собора. *Около 1170 г.*

Стена Адриана

Трапрейн-Ло — цитадель короля Лота близ Эдинбурга

Британия
во времена
Артура
Кат
Фидах
Ке
ПИКТАВИЯ
Фотла
Киркенн
Фиб
Фортриу
Алклуит
Гододдин
Камбрия
Бриннейх
Голуэй
Улад
Регед
Эбраук
Манау
Коннахт
Миде
Мона
Честер
Рос
Пик
Элмет
Линдсей
Лаген
Пенгверн
Муму
Поуис
УЭЛЬС
Лерион
Мерсия
Эсенгел
Кередигион
Эргинг
Калхвинедд
Дивед
Гвент
Глови
Эссекс
ИРЛАНДИЯ
Регия
Гластонбери
Бат
Кэдбери
Уэссекс
Кент
Сассекс
Корнуолл
Думнония
Векта

Крепость Тинтагел

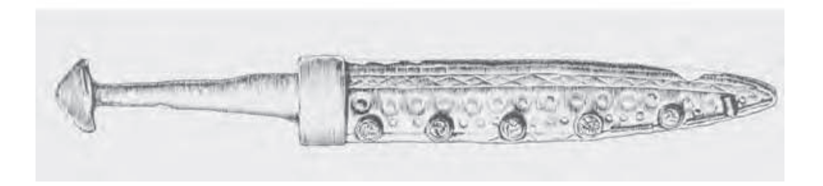
«Артуровская надпись», найденная в Тинтагеле

Пиктский воин. *Рисунок Т. де Бри. 1590 г.*

Высадка саксов в Британии.
Гравюра из «Cassell's illustrated history of England» (1909)

Шлем и оружие англосаксов

Саксонская ладья

Амброзий
и Вортигерн

Гибель
Вортигерна

Артур и Мерлин

Римский амфитеатр в Карлионе-на-Уске

Бэдбери-Рингс — одно из наиболее вероятных мест битвы при Бадоне

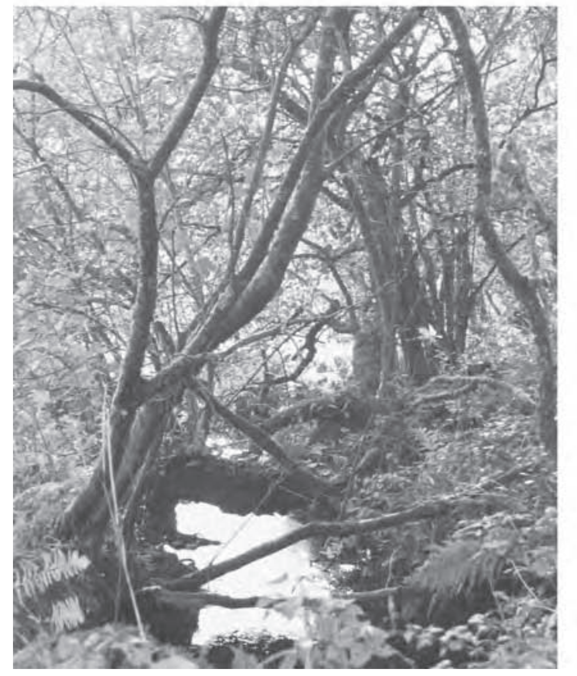
Так представляли
рыцарей Артура
в средние века...

...а так они могли выглядеть
в реальности

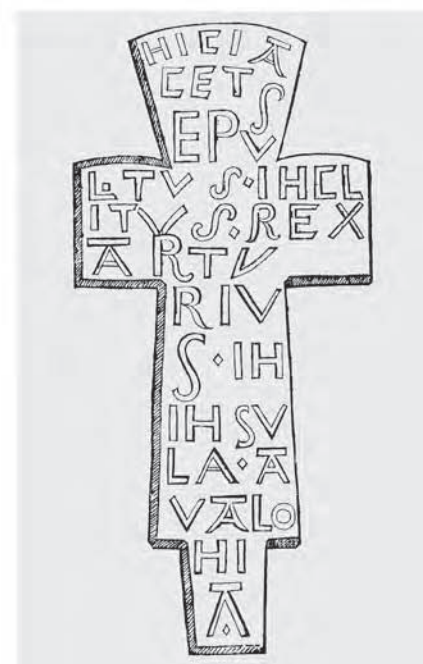
Общий вид
хиллфорта
Сауз-Кэдбери

Река Кам —
предполагаемое
место битвы
при Камлане

Гластонбери-Тор

Артуровский крест.
Рисунок из книги У. Кэмдена «Британия» (1586)

Место захоронения Артура в Гластонбери

Глава первая

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Судя по романам, в разные периоды жизни Артура окружали заботливый опекун сэр Эктор, мудрый Мерлин, прекрасная Гвиневера и верные рыцари Круглого Стола во главе с Ланселотом Озерным. Но мы уже достаточно изучили ситуацию, чтобы понять, что, копнув поглубже, обнаружим вокруг короля совсем других людей. В кельтской традиции свита Артура состоит из могучих чародеев, наделенных многими волшебными талантами, и свирепых воинов, незнакомых с законами рыцарства даже понаслышке. Но и они мало напоминают тех людей, кто помогал или мешал реальному Артуру защищать земли бриттов. Память о них приходится по крупицам извлекать из слежавшихся за века пластов вымысла.

Естественно, первыми людьми, связанными с нашим героем, были его родители. С ними возникают и первые проблемы — дело в том, что валлийские источники почти не упоминают Утера Пендрагона, предполагаемого отца Артура. Только в стихотворении «Кто привратник» (*Pa gwr*) из «Черной книги Кармартена» один из героев, Мабон ап Модрон, именуется «слугой Утера» (*gwas uthir*), но без всякой связи с находящимся рядом Артуром. Эта связь впервые появляется в сочинении Гальфрида Монмутского, где Утер включается в родословную легендарных королей бриттов как сын Константина и отец Артура. Там же описаны победы Утера над саксами, его любовь к Игрейне и обманное зачатие с ней сына в замке Тинтагел. После этого Утер очень быстро сходит со сцены — кратко упоминается о его отравлении саксами, соединенном в заветную тройку с такими же отравлениями Вортимера и Амброзия. После его смерти наступает время усобиц, и на площади столичного города, Лондона или Винчестера, появляется камень или наковальня с воткнутым в него (нее) мечом.

Кроме Гальфрида, ни один автор не сообщает об Утере ничего внятного. Историки, за редким исключением, считают

его вымышленной фигурой, выводя его имя из валлийского *uthr или uthir* (ужасный). Это слово нередко встречается в поэзии бардов — например, в «Диалоге между Гвиддно Гаранхиром и Гвином ап Нуддом» из «Черной книги Кармартена». Там Гвин, злокозненный властитель царства мертвых, похваляется: «Я был там, где пал Ллахеу, сын Артура, ужасный в песнях» (*mab Arthur uthir ig kertew*)[1]. В этой строфе слово *uthir* может быть эпитетом самого Артура, сыном которого «в песнях», то есть в фольклоре, считался Ллахеу. В других стихах это слово читается как Утер Пен (ужасная голова), и только у Гальфрида встречается полная форма Пендрагон — «голова дракона» или «главный дракон». С драконами бритты сравнивали своих правителей, причем без всякого отрицательного оттенка — Мэлгона Гвинедда барды именовали pendraig, тот же Пендрагон, а Гильдас называл его «драконом острова».

Кое-кто из историков считает слово «Пендрагон» почетным прозвищем или титулом королей Логрии, перенося его с Утера на его сына. Артура вполне могли прозвать «головой дракона» за то, что он носил позднеримский шлем, украшенный мифическим чудищем или, допустим, изобразил дракона на своем знамени. Оба варианта вполне вероятны: в ту эпоху знамена с драконами зафиксированы у франков и англосаксов, а у римских легионеров дракон помещался на знаке (сигнуме) когорты. Стоит сказать, что Эмрис-Амброзий в поэзии бардов имел эпитет «Золотая голова» (*Benaur*) — тоже в честь начищенного до сверкания римского шлема. Что до характеристики «ужасный», то Артур, без сомнения, заслужил ее — как иначе ему удалось бы почти полвека поддерживать в Британии относительный порядок? Любопытная триада 20 перечисляет Трех огненных разорителей (*ruduoauc*) Острова Британии. В варианте этой триады говорилось, что «там, где прошел походом Артур, семь лет не росли ни травы, ни цветы»[2]. Есть версия, трактующая само его имя как «Art uthr», «Ужасный Медведь», но ее мало кто поддерживает.

В «Книгу Талиесина» включена «Элегия Утеру Пену», которую обычно относят к Утеру, хотя не исключено, что поэма посвящена самому Артуру — там упоминаются его вражда с сыновьями Кау (об этом дальше), чудесный меч как символ его власти, загадка его могилы. Героя называют «родичем Цезаря» (*charant Casnur*), имея в виду, вероятно, его мнимый императорский титул. Встречается здесь и само имя Артура — в строке, которую раньше переводили как «девятая часть Артурова мужества» (*nawuetran yg gwrhyt arthur*). Недавно появился другой перевод — враги «ищут спасения от Артурова мужества». Это подтверждает мысль о том, что речь в поэме идет

об Артуре, и «ужасным главой» могли иносказательно называть именно его.

Укрывшись под чужим прозвищем «Утер», отец Артура бледной тенью промелькнул на страницах истории. Впрочем, безотцовщина была обычным делом в тот век морального упадка, когда мужчина, особенно знатный, считал законной добычей любую подвернувшуюся под руку женщину или девушку. Хроники королевских династий полны внебрачных детей, да и принцессы нередко рожали без мужа. Похоже, это случилось и с матерью Артура Игрейной (Эйгр), занимающей в валлийских генеалогиях куда более почетное место, чем Утер. Ее считают дочерью Амлаудда Вледига, породившего не менее семи отпрысков — и если сыновья его ничем не прославились, то дочери все, как одна, вошли в историю. Старшая, Гвиар, стала женой Герайнта Думнонского, Рейнвилидд родила великого валлийского святого Иллтуда, а Голейдидд — Килуха, героя повести «Килух и Олвен». Игрейна, вторая дочь Амлаудда, родилась не ранее 450 года. Можно предположить, что ее отец, носивший почетный титул «основателя династии», правил одним из королевств Южной Англии — быть может, Атребатией, находившейся на месте будущего Уэссекса. После 470 года владения Амлаудда были завоеваны саксами, а его дети нашли убежище при думнонском дворе, где королевой была их сестра Гвиар.

Вполне возможно, что в то неспокойное время Герайнт отправил свою семью в надежно защищенный Тинтагел. Оказалась там и Игрейна — бесприданница, лишенная шансов на удачное замужество. В скуке гарнизонной жизни она могла обратить внимание на кого-то из воинов, а может, и на самого коменданта крепости. Не исключено, что он был ирландцем — Думнония поддерживала тесные и отнюдь не враждебные связи с Зеленым островом. Возможно, он действительно носил прозвище Утер, устрашающее врагов. После краткого романа принцесса забеременела и родила сына, получившего, быть может, в честь отца ирландское имя Арт. Как уже говорилось, это произошло около 472 года, и о дальнейшей судьбе Игрейны мы ничего не знаем. Романы намекают, что после рождения первенца она прожила недолго — стала жертвой очередного мора или просто зачахла, не выдержав попреков родни.

Артуриана рисует нам другую Игрейну — даму не первой молодости, успевшую родить своему мужу, герцогу Горлойсу, дочерей Моргаузу и Моргану, а возможно, еще и сына Кадора (по другой версии, он был сыном Горлойса от предыдущего брака). После Артура она родила Утеру дочь Элейну, а

потом, после смерти короля, ушла в монастырь. Эта Игрейна явно перепутана со своей старшей сестрой Гвиар, а Горлойс Корнуэльский является «клоном» мужа последней Герайнта*. Конечно, есть соблазн отождествить двух сестер (даже имена похожи — Эйгр и Гвиар), но ни один источник не причисляет Артура к правящему роду Думнонии, да и Герайнт не погиб в стычке с королем, а пал много лет спустя при Ллонгборте. У него от Гвиар и правда был сын Кадо (Кадви), не считая еще пятерых детей, большей частью ставших монахами.

Что касается двух дочек Горлойса, то они «отметились» в большинстве артуровских романов. Особенно прославилась младшая, знаменитая фея Моргана, именем которой (Фата Моргана) до сих пор зовется обманный мираж в Мессинском проливе, за сотни километров от Британии. В «Смерти Артура», да и в других романах, Моргана постоянно вредит своему единоутробному брату — пытается его отравить, науськивает на него врагов, подменяет перед битвой непобедимый Экскалибур обычным мечом. Причины этой вражды не объясняются ничем, кроме дурного характера феи — ее боятся все, в том числе собственный муж, король Уриенс Горрский. Никого не любящая, бездетная Моргана тем не менее дьявольски красива и сексуальна. Ей подчиняются духи стихий и чародейки — уже знакомые нам девять фей-сестер, живущих на острове. Стоит вспомнить, что римский географ Помпоний Мела писал о девяти девах-колдуньях, живших, по преданию, на острове Сена в Арморике; они якобы могли предсказывать будущее и вызывать бурю, являясь жрицами могущественной кельтской богини.

Этой богиней, связанной одновременно с войной и плодородием, и была Моргана. Имя ее ирландской «сестры» Морриган означает «царица смерти», но в то же время в ней видели щедрую покровительницу острова и всех живущих на нем. Роберт Грейвс считает обеих ипостасями Белой богини — древней и вечно юной, связанной с луной, питающей землю кровью убитого ею юного бога растительности, ее любовника, брата и сына в одном лице. Затрагивая глубинные пласты индоевропейской мифологии, эта теория побуждает нас видеть в Моргане одновременно сестру и возлюбленную легендарного Артура. Однако традиция отводит эту роль другой

* В Корнуолле известен ряд географических названий, произведенных от имени Горлойса (*Gwrlais*), однако они, скорее всего, появились после XII века, на волне популярности артуровских легенд. Имя герцога, впервые появившееся у Гальфрида, не имеет убедительной этимологии, хотя может быть связано с валлийским словом *gwr* — «мужчина».

дочери Игрейны — Моргаузе (она же Анна). По версии Вульгаты, сразу после коронации Артура она обманом совратила юного короля, не ведающего об их родстве, и зачала от него сына — предателя Мордреда. Мэлори еще больше сгущает краски, заставив Артура прознать о рождении своего будущего губителя и истребить всех рожденных за определенный срок британских младенцев. Однако это деяние, достойное Ирода, не достигло цели — при крушении корабля, на котором везли несчастных детей, Мордреда «подобрал один добрый человек и растил у себя до тех пор, пока не сравнялось ему четырнадцать лет от роду»[3]. Другие авторы сообщают, что принца спасла Моргана, воспитавшая в нем силу, смелость и пылкую ненависть к отцу.

Роль Моргаузы в этом раскладе неясна, а сама она весьма напоминает фантом, порожденный «удвоением» своей сестры-колдуньи. Гальфрид и последующие авторы называют ее супругой короля Лота Лотианского, матерью знаменитого сэра Гавейна и его братьев, в том числе Мордреда. В реальном существовании Лота, как уже говорилось, можно сомневаться, а имя его жены в ранних текстах звучит как Моркадес, напоминая о владении короля — Оркнейских островах (*Orcades*). Валлийские генеалогии дают ей то же имя Гвиар (кровь), что и супруге Герайнта Думнонского. В небольшом тексте XIV столетия, называемом «Валлийской версией рождения Артура» (манускрипт *Llanstephan MS 201*), так описана ее история: «У Горлойса и Эйгир было две дочери, Гвиар и Дионета. Гвиар жила вдовой при дворе своего отца с сыном Хивелом, после смерти ее мужа Эмира Ллидау. И Утер побудил Ллеу ап Кинварха жениться на ней, и у них были дети: два сына, Гвальхмаи и Медрауд, и три дочери — Грация, Грерия и Дионета»[4]. Дионета связана с галльской богиней вод Дивоной, имя которой означает просто «богиня» — возможно, это прозвище той же Морганы. Гвиар в этом тексте становится женой не только Лота-Ллеу, но и «императора» Арморики Будика. В других текстах женой Будика названа Элейна — дочь Утера и Игрейны, в которую Гальфрид превратил Элен Ллидауг, легендарную супругу Максима Магна. Королеве Лотиана монмутский клирик дает имя Анна, но в большинстве рыцарских романов она превращается в Моргаузу.

Анна, дочь Утера и Игрейны, упомянута в одной из генеалогий (*Mostyn MS. 117*), где ее дочерью названа Нонна (Нон), мать святого Давида; по другим источникам, Нонна была дочерью Кинира и сестрой Кая. Сама Анна явно носит имя не библейской матери Девы Марии, а великой кельтской богини Ану, в честь которой холмы округлой формы в Ир-

ландии до сих пор именуют «грудями Ану». Связь этой богини с плодородием отразилась и на характере ее тезки: средневековые авторы описывают многочисленные интрижки любвеобильной Моргаузы, одна из которых стала для нее роковой. Когда королева завела роман с кровным врагом своей семьи сэром Ламораком, ее сын Гахерис застиг любовников в спальне и одним ударом отсек матери голову (почему-то пощадив при этом Ламорака). Возмутиться такой жестокостью мешает явная легендарность Моргаузы, которую признают большинство авторов новейшей артурианы — и делают возлюбленной Артура и матерью Мордреда именно Моргану.

Впрочем, отношение колдуньи к брату не так уж однозначно. Враждуя с королем, она параллельно оказывает ему услуги по части магии. А потом, погубив в конце концов Артура и его Логрию, увозит умирающего властелина на Авалон, готовя его к будущему воскрешению. Так же поступают, по мысли Грейвса, другие «белые богини» — египетская Исида, финикийская Астарта, фригийская Кибела. Тем самым Артур обретает еще один, самый глубинный мифологический прототип — умирающего и воскресающего бога природы, подобного Осирису, скандинавскому Бальдру или бриттскому Мабону. Мабон («юный») в триадах и поэзии бардов временами ассоциируется с Артуром — оба, например, подолгу находятся в темнице, то есть в подземном царстве, в ожидании возрождения. Кстати, иногда Мабона еретически отождествляли и с Христом, а его мать Модрон (Матрона) весьма напоминает Моргану. В валлийской традиции имя последней было переосмыслено как «рожденная морем» (Morgen), что породило весьма распространенную в Уэльсе фамилию Морган.

У Мэлори в перемещении короля на сказочный остров участвуют не только Моргана, но и две королевы — Северного Уэльса и Пустынных земель. Вторую из них можно считать супругой короля Грааля, волшебницей по определению. С первой сложнее — казалось бы, Гвинедд вполне реален, и его правительница имеет мало общего как с Авалоном, так и с местом гибели Артура. Тут нужно вспомнить двух прославленных в валлийской поэзии внебрачных сыновей, ставших королями. Первый — сын Мэлгона Гвинедда Рин, матерью которого считается Гваллвен («белокудрая»). Темноволосые валлийцы часто наделяли эльфов, «Дивный народ», белыми волосами. Барды никак не могли признаться, что матерью Рина является какая-нибудь служанка или скотница, и потому сделали ее феей. Второй бастард — Оуэн, сын Уриена Регедского, что объясняет как брак Морганы с этим монархом, так и ее дружбу с сестрой, королевой Северного Уэльса.

Предание, сохранившееся в валлийском манускрипте XVI века (*Pen. 147*), гласит, что однажды Уриен, проезжая через брод Рид-и-Гивартва в Денбишире, увидел там красивую женщину, стирающую белье, и тут же овладел ею. Она призналась, что нарочно явилась к броду, чтобы зачать от короля великого героя, и ровно через год на том же месте вручила ему новорожденных мальчика и девочку, после чего исчезла. Так родились дети Уриена Оуэн и Морвидд, а их матерью легенда называет Модрон, дочь Аваллаха — ту же богиню Матрону-Моргану. Ее отец, как уже говорилось — король фейри, правитель Авалона и легендарный родоначальник валлийских династий. В романе Робера де Борона Аваллах (Эвелак) назван языческим королем Британии, которого Иосиф Аримафейский обратил в христианство, дав ему, что интересно, имя Мордрен, напоминающее о Мордреде — то ли сыне, то ли воспитаннике Морганы. Эта пара повторяет героев валлийской «Истории Талиесина» — колдунью Керидвен и ее злого и уродливого сына Морврана.

История «прачки у брода» известна и в других кельтских регионах; в Ирландии в роли прачки выступает богиня Морриган, которая после соития с богом Дагдой никого не родила, но помогла богам победить в сражении при Маг Туиред их противников-фоморов. Стоит отметить, что брод через речку Алун, где совершился «священный брак» Уриена и Модрон, находится, по сведениям С. Блейка и С. Ллойда, в долине священной реки Ди, недалеко от холма Каэрваллух, то есть «Крепость Аваллаха». Поблизости возвышается Моэл Вамаи (Гора Матерей), название которой связано с древним кельтским культом трех богинь-матерей, которых, судя по посвятительным надписям, иногда называли общим именем Тройная Матрона. Обычно эти богини изображались в виде девы, матери и старухи, и Моргана явно представлялась одной из них. Ее считали также владычицей Авалона и госпожой эльфов, которые в валлийском фольклоре носили имя Бендит-и-Мамаи — «благословенные Матерями».

Сам король Уриен (Уриенс) в романах выступает сначала врагом Артура, потом его соратником и рыцарем Круглого Стола. Гальфрид женит его на Моргане и делает бесславным подкаблучником. Иногда рядом с ними появляется еще и кузен Уриенса Бадемагус, король страны Горрес и отец Мелеаганта. Если его сын — враг Артура и похититель Гвиневеры, то сам Бадемагус в «Ланселоте» Кретьена защищает королеву, а потом возвращает ее мужу. Его королевство, видимо, идентичное Горру Уриенса, романы Вульгаты помещали в Уэльсе, а Мэлори — на юге Шотландии, недалеко от тех мест,

где правил реальный Уриен. Этот властный монарх в середине VI века контролировал чуть ли не весь север Британии и был прославлен балладами своего придворного барда Талиесина. Погибнув от руки предателя накануне решающей победы над саксами, он повторил судьбу Артура, и, возможно, их подвиги в легендах смешались между собой (в первую очередь это касается северных походов «военного предводителя). Столица Уриена Карлайл подменяет собой Камелот в некоторых источниках, включая знаменитую поэму «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь». Однако король Регеда родился никак не раньше 510 года и вряд ли мог как воевать с Артуром, так и жениться на его сестре. Не считая детей от феи Модрон, у него было пятеро сыновей от законной жены Орвен, в том числе Рин, ставший королем после гибели бастарда Оуэна.

Еще один волшебный персонаж, связанный с артуровской легендой — уже знакомая нам Владычица озера, та самая, что вручила королю Экскалибур. У Кретьена та же героиня под именем «озерной феи» стала воспитательницей сэра Ланселота. В дальнейшем у нее появляется много имен — Вивиана, Ниниана, Нинева, Нимуэ, Вивьен. В ряде вариантов легенды она обучает воинскому искусству не только Озерного рыцаря, но и самого Артура — ведь меч герою должен вручать тот, кто обучил его воинскому искусству. Например, в немецком романе «Корона» (*Diu Krone*) Артура, когда его мать после смерти Утера выходит замуж за волшебника Гансгутера, отдают на воспитание фрау Зельде (госпоже Удаче), живущей на острове посреди озера.

У кельтов воспитание героев нередко доверялось волшебницам: юного Передура из «Мабиногион» учат владеть оружием девять глостерских ведьм, а ирландского Кухулина — колдуньи Скатах и Уатах. В романе «Ланцелет» Владычица предстает как мать Мабуза, владельца Замка смерти — вероятнее всего, кельтского бога Мабона. В своем замке на дне озера она хранит не только волшебный меч, но и множество других чудесных предметов. Иногда она появляется в образе белой змеи — символа мудрости и водной стихии. Владея искусством исцеления, она лечит Ланселота, а иногда и Артура, но может и проявлять жестокость — например, убивает мать Ланселота Элейну или соблазняет рыцаря Пеллеаса, доводя тем самым до самоубийства влюбленную в него Этарду. Мэлори по своему обыкновению рационализирует ее образ, превращая Владычицу (или Деву) озера в обычную женщину, живущую в замке на краю озера. Вскоре после передачи Артуру меча ее обезглавил рыцарь Балин, обвинив (неясно, справедливо или нет) в убийстве его матери. Однако в

романе тут же появилась новая Владычица — видимо, ученица прежней.

Некоторые черты Владычицы озера сближают ее с Морганой: она так же может изменять свои внешность и возраст, так же имеет множество любовников, хоть и зовется Девой. При этом две феи враждуют — если Моргана всячески старается погубить Артура и Логрию, то Владычица неизменно защищает их. Похожа она и на греческую Диану, богиню охоты; в романах отмечены любовь Вивианы к охоте и стрельбе из лука. Знаменательно, что в «Ланселоте» Вульгаты место жительства Владычицы носит имя озера Дианы. Если Диана превращает в пса юного Актеона, то Владычица — точнее, ее служанка Сараида, — делает то же самое с принцами Борсом и Лионелем, чтобы спасти их от злого Клаудаса. Сараида — одна из «дев озера», помощниц феи, напоминающих девять колдуний Морганы. Главное различие здесь цветовое: если в одежде Владычицы и повсюду в ее владениях господствует белый цвет, то у Морганы — черный. Возможно, две эти героини, подобно их мужским соответствиям — богу солнца и его «темному» двойнику, — представляют две стороны сущего: день и ночь, жизнь и смерть, добро и зло.

Самую большую роль в судьбе Артура, по традиционному мнению, сыграл чародей Мерлин, он же Мирддин (*Myrddin*). Этот удивительный персонаж настолько многогранен, что ему впору посвящать отдельную книгу, поэтому мы наметим его историю лишь пунктиром. Впервые Мерлин появляется в сочинении Гальфрида как юноша, рожденный без отца и показавший Вортигерну битву красного и белого драконов (у Ненния, напомним, то же самое делает юный Амброзий). Его мать, ушедшая в монастырь дочь короля Деметии (Диведа), рассказала, что родила сына от неведомого юноши, который являлся к ней по ночам. Валлийский перевод «Истории» добавляет следующую деталь: «Вплоть до того времени звался он Ан ап Ллейан, а после получил имя Мирддин, потому что нашли его в Каэр Вирдине»[5]. Детское имя Мерлина означает «некто, сын монахини» или «грех (*anap*) монахини», а Каэр Вирдин — нынешний город Кармартен в Южном Уэльсе. В противовес «южной» традиции валлийский хронист XVI века Элис Грифидд в своей «Всемирной истории» называет местом рождения чародея Нантконви на северо-востоке Уэльса. Интересно, что в нескольких милях оттуда находится «могила Ана ап Ллейана», носящая также имя «Камня барда».

В произведении Гальфрида Мерлину уделено много места — он служит Амброзию и его брату, волшебством переносит из Ирландии Стоунхендж, постоянно изрекает пророче-

ства и, наконец, помогает Утеру добиться любви Игрейны, попросив за это должность воспитателя родившегося Артура. На деле, однако, мальчика вырастил сэр Эктор, но Мерлин продолжал помогать своему питомцу чем мог — например, добыл для него Экскалибур и соорудил Круглый Стол. Помогает он и другим рыцарям — Персевалю, Галахаду, Балину. Его пророчества диктуют всю политику королевства, но Мерлин равнодушен к власти и богатству. Он предпочитает жить в лесу, общаясь со зверями и птицами, и возвращается к людям лишь тогда, когда Камелоту грозит беда. Местом его пребывания обычно считали пещеру у источника Галабес в Гвенте, хотя есть и другие варианты.

Расставание Мерлина и Артура оказалось драматичным — престарелый чародей влюбился в девушку по имени Нимуэ или Вивиана, ту же Владычицу озера, и раскрыл ей все секреты своего волшебства. «Он замышлял овладеть ее девственностью, — откровенничает Томас Мэлори, — и так ей докучал, что она только и мечтала, как бы избавиться от него, ибо она страшилась его как сына дьяволова, но отделаться от него не могла никаким способом. И вот однажды стал он ей показывать великое чудо — волшебную пещеру в скале, прикрытую тяжелой каменной плитой. Она же хитро заставила его лечь под тот камень, чтобы могла она убедиться, в чем заключалась волшебная сила, а сама так наколдовала, что он со всем своим искусством уже не мог никогда поднять каменную плиту и выйти наружу»[6]. Возможно, это было сделано по наущению Морганы, стремившейся лишить Артура его мудрого советника.

В ряде источников Вивиана и Владычица озера — разные лица, и именно вторая коварством губит своего конкурента. Во французском романе «Пророчества Мерлина» рассказывается, что однажды чародей показал Владычице пещеру в Авренском лесу, где он хотел поселиться со своей возлюбленной Вивианой, и хрустальную гробницу, которую он приготовил для них двоих. Ненавидевшая Мерлина волшебница уговорила его лечь в гробницу и захлопнула крышку, связав ее нерушимыми чарами. В Вульгате то же самое сделала сама Вивиана (Ниниана), чтобы занять место Мерлина при дворе Артура. Иногда рыцари, проезжая мимо, слышали голос заточенного чародея, но никто из них не сумел сдвинуть заколдованную плиту гробницы.

По одной версии, Мерлин умер в этой ловушке, по другой — пребывает там вечно, погруженный в сон. Есть и романтический вариант, согласно которому Вивиана по-настоящему влюбилась в старого волшебника и пленила его, чтобы избежать расставания. В фольклорных преданиях говорится,

что Мерлин заключен в стеклянной башне, в «воздушном столбе» или в той же пещере, где дремлют Артур и его рыцари. В Уэльсе местом его вечного сна называется остров Бардси, где, напомним, иногда помещают и легендарный Авалон, в Корнуолле — пещеру в скалах Тинтагела. В Бретани это Броселиандский лес, отождествляемый в наши дни с лесом Пьемпон, где туристам показывают «могилу Мерлина» — неолитический могильник из громадных каменных плит. В том же лесу находится озеро Компе, где, по преданию, Дева озера воспитывала Ланселота; там же можно увидеть чудесный источник Барантон, вызывающий бури, и скальный лабиринт, который местные жители считают «Долиной без возврата» феи Морганы. Говорят, что там бесследно исчезают люди — особенно молодые мужчины, к которым неравнодушна любвеобильная фея. Часть связанных с лесом легенд появилась относительно недавно, но самые древние из них говорят, что имена Мерлина и других героев артурианы были известны в Бретани еще в средние века.

Дальнейшие подробности о Мерлине сообщают романы Вульгаты. Оказывается, он был рожден монахиней от демона или даже самого Князя тьмы. Наделенный небывалой мудростью отрок должен был стать могучим орудием Зла, но он разрушил эти планы, встав на сторону Добра и его воплощения — короля Артура. Его мать-монахиня принадлежала якобы к роду монархов Британии, чем и объясняется прозвище Эмрис (Амброзий). Еще в юности он, покинув родной дом, удалился в лес на обучение к отшельнику Блезу. Этот Блез или Бледдри также известен в Уэльсе как автор предсказаний, и его имя происходит от валлийского *bleidd* (волк). Похоже, изначально считалось, что Мерлина, как и многих героев, воспитали дикие звери. Сам он в кельтской традиции знаменит как поэт и провидец, и по всей Европе ему вплоть до эпохи Возрождения приписывались самые смелые пророчества. Потом эта роль перешла к Нострадамусу, но еще в XIX веке революционеры, соратники Маркса, публиковали под именем Мерлина предсказания о грядущей победе рабочего класса.

По-французски «мерлин» — название одного из видов сокола, и Гальфрид переименовал таким образом валлийского Мирддина (произносится «Мердин»), видимо, желая избежать ассоциации со словом *merde* — «дерьмо». Происхождение самого имени Myrddyn загадочно; оно вряд ли связано с названием города Кармартен, происходящим от галльско-латинского Моридунум — «крепость у моря». Другое значение имени — «множество» (мириад), и его связывают с древним богом священного знания, в честь которого, как говорится в

одной из триад, изначально называлась вся Британия — «Предел Мирддина». От этого бога Мирддин-человек перенял мудрость и поэтический дар, отразившиеся в приписанных ему стихах из «Черной книги Кармартена» и других рукописей. Их поэт якобы сочинил в Каледонском лесу, куда бежал после гибели в битве при Ардеридде своего покровителя, короля Гвенддолеу. Эту достопамятную битву валлийские анналы относят к 573 году, сообщая, что победителем в ней стал король Камбрии Риддерх Щедрый (*Rydderch Hael*). Враждуя с ним, Мирддин не мог покинуть лес и провел там двадцать лет или даже полвека, обращая свои жалобы то к дружелюбной дикой свинье, то к безучастным деревьям:

О сладкая яблоня, что растет на поляне,
Скрыла ты меня от воинов Риддерха.
Толпы людей окружают твой ствол,
Но не видят, что спрятано в твоих ветвях...
После смерти Гвенддолеу никто меня не чтит,
Ни пиров нет для меня, ни прекрасных дев[7].

Валлийские источники называют Мирддина «безумным» или «диким» (*Willt*). По одной версии, он лишился рассудка при виде кровопролития, по другой — из-за того, что в битве от его руки погиб сын его сестры Гвендидд. Тем не менее, сестра скорбит о его участи и пытается вернуть его в мир людей. Но Мирддин упорно отказывается покинуть лес, несмотря на все страдания. «По колено увяз в снегу, лед в моих волосах, печальна моя судьба», — вновь и вновь повторяет безумный поэт. В конце концов он предсказывает себе тройную смерть — говорит, что будет одновременно утоплен, пронзен копьем и разобьется о камни. Над этим предсказанием смеются, но все так и происходит — убегая от пастухов, принявших его за вора, безумец упал со скалы в реку, напоролся на торчащую из воды корягу и захлебнулся. Эта история пересказана в «Житии святого Кентигерна», который жил в конце VI века в районе того же Каледонского леса в Шотландии. Правда, там поэта зовут Лайлокен (от валлийского *llalogan* — «близнец»), а его безумие является наказанием за неверие в Христа. Неприязнь к Мерлину-Мирддину церковных историков может отражать языческую природу этого героя — наследника древних друидов.

Кельтская традиция знает и другие истории о «лесных дикарях», из которых известнее всего ирландское предание о короле Суйбне Безумном, который точно так же после битвы скитался в лесах, сочинял стихи и погиб той же тройной смертью[8]. Может быть, Мерлин — это Суйбне? Но битва при Маг-Рат, после которой обезумел герой ирландской саги, про-

изошла в 637 году, когда имя каледонского Мирддина уже вошло в легенду. Историю его лесной жизни излагает и Гальфрид в поэме «Жизнь Мерлина», но там герой не гибнет, а остается жить в лесу вместе с сестрой Ганеидой (Гвендидд) и учеником Тельгесином, в котором нетрудно узнать барда Талиесина. В поэму введена также история о ревности Мерлина, убившего оленьим рогом жениха своей бывшей жены Гвендолены. Имена Гвендидд и Гвендолены (Гвендолин) весьма похожи, притом обе обладают пророческими способностями и подозрительно напоминают Владычицу озера, заманившую Мерлина в ловушку. Вдобавок в ряде источников (например, в латинском романе «О воспитании Вальвания») волшебница Гвендолена становится женой Артура вместо Гвиневеры. Создается впечатление, что легендарный чародей поделился со своим учеником не только властью, но и женой.

Гальфрид написал свою поэму в конце жизни, продолжив тему, начатую в ранних «Пророчествах Мерлина», которые вошли в «Историю королей Британии». Там говорится о предсказаниях, сделанных Мерлином Вортигерну незадолго до гибели последнего, около 460 года. Промежуток между этой датой и битвой при Ардеридде слишком велик даже для волшебника, поэтому Гиральд Камбрийский, а за ним и другие авторы выдвинули версию о существовании двух Мерлинов — пророка Мерлина Амброзия (Мирддина Эмриса), жившего во времена Артура, и более позднего поэта Мерлина Лесного (*Merlinus Sylvester*), который в Уэльсе звался Мирддином Диким, сыном Морврана.

Морвран, чье имя означает то ли «морской ворон» (чайка), то ли «ворон смерти» — злой и уродливый сын колдуньи Керидвен, у которой обманом добыл свой поэтический дар (ауэн) юный Талиесин. В наказание колдунья проглотила его, а потом родила снова — вероятно, усыновила, доверив при этом секреты волшебства. Эта легенда, пересказанная во «Всемирной истории» Элиса Грифидда, мало соотносится с реальным поэтом Талиесином, но много говорит об отношении кельтов к бардам и их поэзии. Поэтическое вдохновение для них было сродни безумию, а его обретение сравнивалось с возрождением, после которого барду полагалось новое имя. Им могли стать и имя бога Мирддина, и его же прозвище Талиесин — «сияющее чело». У Гальфрида и других авторов Мерлин считался то наставником Талиесина, то его учеником: фактически их образы сливаются в единый образ поэта-чародея, который живет вечно или жил среди людей в разные времена. В поэме из «Истории Талиесина» герой так описывает свое прошлое:

Хоть сейчас я бард, чей хозяин Эльфин,
Но родился я в небесных пределах;
Пророк Иоанн называл меня Мирддин,
А сегодня я зовусь Талиесин.

Я был с Господом моим на небесной тверди,
Когда он Люцифера низвергнул в бездну;
Знаменосцем я шел перед Александром;
Перечел я все звезды с юга на север.
<...>
Я в ковчеге с Ноем плавал по водам;
Я дрожал, видя казнь Содома с Гоморрой;
Я видел, как строился Рим великий;
Я видел, как рушились стены Трои...[9]

В сочинении Грифидда говорится, что вначале Талиесина звали Гвион Бах (малыш Гвион), но и это легенда — Гвион, то есть «светлый», идентичен ирландскому Финну мак Кумалу, мудрецу и поэту, вождю легендарных фениев. На самом деле Талиесин, подлинное имя которого неизвестно, родился в 534 году в Поуисе в семье святого Хенуга. Пройдя обучение в бардовской «академии», он последовательно был придворным бардом Уриена Регедского и его сына Оуэна (Ивейна артуровских легенд), а, возможно, и поуисского короля Кинана Белоногого. Умер поэт около 599 года.

О жизни Мерлина или Мерлинов таких подробностей мы не знаем. Если их все же было двое, то «северный» Мирддин не совпадает с Артуром ни во времени, ни в пространстве, да и в стихах его (написанных, кстати, не ранее X века) нет ни слова о короле. Что касается «южного» Мирддина Эмриса, то если под этим именем и скрывался некий прорицатель времен Вортигерна, никаких достоверных сведений о нем мы не имеем. Валлийская традиция, хорошо знающая Мирддина, почти никогда не связывает его с Артуром. Его место придворного чародея в сказаниях «Мабиногион» занимает совсем другой человек — Мену ап Тейргваэдд (*Menw ap Teirgwaedd*), чей патроним переводится как «сын трех ветвей». В поздней валлийской легенде три рябиновых ветви, полученных Мену от мудреца Эйнигана, дали ему знание всего, что было, есть и будет.

В повести о Килухе Артур отправляет Мену вместе с другими героями на поиски Олвен, поскольку тот умел колдовать: «Если бы они очутились среди врагов, он мог окружить их волшебным туманом так, что их никто не видел, а они видели всех»[10]. Позже Мену демонстрирует свои таланты — делается невидимым, читает мысли и даже превращается в птицу. Во время охоты на Великого кабана Турх Труйта он был ранен и «болел до конца своих дней». Триада 27 называет его одним из Трех чародеев Острова Британии. В триаде 28, в свою

очередь, упомянуто «чудо, что Мену ап Тейргваэдд сотворил с Утером Пендрагоном»[11] — имеется в виду изменение облика Утера, помогшее ему проникнуть в покои Игрейны. Эта триада записана в XII веке и, похоже, демонстрирует, что до Гальфрида не кто иной, как Мену, занимал в фольклоре место советника Утера и, возможно, Артура, которое позже досталось Мирддину-Мерлину.

На роль Мерлина есть и другой претендент — загадочный прорицатель Мелкин из Авалона, упомянутый в сочинениях нескольких британских историков XIV—XVII веков. По сообщению Джона Лиланда, Мелкин жил в Уэльсе еще до Мерлина и написал ряд исторических трудов, в том числе «О делах британских» и «О Круглом Столе Артура». Лиланд утверждал, что видел копии этих книг в библиотеке Гластонбери, но до нас они не дошли. Если образованный валлиец Мелкин существовал на самом деле, а не был выдуман гластонберийскими монахами, то не исключено, что именно ему, а не шотландскому безумцу принадлежали предсказания, ставшие образцом для средневековых сборников «Мерлиновых пророчеств». То, что такие сборники существовали еще до Гальфрида, доказывает их упоминание в «Церковной истории» Ордерика Виталия, написанной около 1135 года: там приводятся предсказания «из книги Мерлина» (*ex libello Merlini*), касающиеся будущего Британии.

Велик соблазн предположить, что рядом с Артуром в пору его побед действительно находился некий советник, обеспечивший ему помощь и поддержку друидического сословия, утратившего власть, но не мудрость. Такое допущение делает большинство авторов современной артурианы, но к реальности оно имеет мало отношения. Если такие советники («колдуны») и были у Вортигерна, то ни к Амброзию, ни к Артуру они не перешли — суть власти этих правителей была иной, как и их религиозные воззрения. В этом вопросе много неясностей — разные авторы объявляют Артура то кельтским язычником, то поклонником римских богов, то правоверным христианином. Вероятнее всего, он, как воин и политик, поклонялся тому богу, что мог помочь ему на земле и на небесах. Римское язычество к тому времени умерло — Гильдас говорит только об оставшихся от него «идолах». Кельтское было живо, но потеряло большую часть влияния. Родившись в лоне христианства, Артур, без сомнения, воспринял внешние признаки этой религии и сохранял верность ей до конца жизни. Историки могут спорить, в каком именно сражении он носил на плаще крест и икону Девы Марии, но такую деталь выдумать трудно.

В английской артуриане духовником Артура и епископом его двора называется Бодуэн (Бадевин); в валлийской традиции тот же персонаж носит имя Бедвини. У Мэлори он участвует в войне юного короля с Северным союзом, чем заслуживает его доверие; отправляясь воевать в Галлию, Артур оставляет его управлять Логрией. Бодуэн в романах предстает довольно грубым человеком, больше похожим на воина, чем на служителя церкви, однако именно ему удалось выдержать три испытания и доказать, что он никогда не был жесток к женщине, не боялся смерти и не отказывал в гостеприимстве тому, кто в нем нуждался. Возможно, образ епископа восходит к какой-либо исторической личности, но в кельтских святцах, куда попали все мало-мальски заметные церковные деятели V—VI веков, Бедвини не упоминается, что заставляет считать его вымышленной фигурой.

Церковь бриттов в эпоху Артура переживала трудные времена. Римские города, где она имела богатые храмы и многочисленную паству, были заброшены, епархиальная структура разрушена. На диком Западе и Севере, в полуязыческой среде, церкви пришлось заново завоевывать себе влияние. Ее основой, как и в соседней Ирландии, стали монастыри с многочисленными монашескими «семьями», возглавляемыми отцом-аббатом. Развиваясь изолированно, без контактов с внешним миром, бриттская церковь закоснела в сознании своей правоты, считая ирландцев еретиками, а англосаксов — богомерзкими язычниками. Правила предписывали не разговаривать с саксами, не есть с ними из одной посуды и уж конечно не проповедовать им Евангелие, о чем с осуждением пишет Беда: «К неописуемым преступлениям бриттов... добавилось еще и то, что они не научили вере народы англов и саксов, жившие в Британии рядом с ними»[12]. Между тем сами бритты, по мнению Рима, впали в еретические заблуждения — к примеру, вычисляли день Пасхи по собственной системе. Их священники и даже епископы, похоже, не соблюдали обет безбрачия — в источниках не раз упоминаются их жены и дети. Многолетняя и порой кровавая борьба с этими «вольностями» закончилась только в VIII веке принятием в Уэльсе римской Пасхи, завершившим автономное существование так называемой «кельтской церкви».

Но это было позже, а пока священники и монахи истово боролись за выживание христианства в Британии, своими руками воздвигая миниатюрные церквушки и изготавливая для них убранство — тот же Гильдас Мудрый, по легенде, умел не только вырезать из дерева кресты, но даже отливать колокола. Самые дальновидные из них наверняка сознавали, что

только твердая власть может спасти бриттов и их церковь от уничтожения. Они не могли не поддержать Артура, и, согласно Гальфриду, такая подержка была — короля венчал на трон святой Дубриций (Дивриг), архиепископ Каэрллеона. Венчание это, как мы увидим, вымышлено, однако большой авторитет Дубриция зафиксирован в источниках, которые даже называли его «пастырем всех бриттов». В «Книге Ландафа», составленной в XII веке, с житием святого соседствуют жалованные грамоты, выданные ему королями Юго-Восточного Уэльса. Ему и его ученикам приписывают основание множества церквей в Гвенте и Эргинге, и, возможно, он действительно был епископом (но не архиепископом) Каэрллеона.

Спустя какое-то время после гибели Артура Дубрицию пришлось оставить епископскую кафедру и удалиться на остров Бардси у берегов Гвинедда, где он и умер около 547 года — вероятно, от «желтой чумы». Его преемником в роли «пастыря бриттов» источники называют святого Давида (Деви), которого Гиральд Камбрийский считает дядей Артура. Такое родство маловероятно, поскольку Давид, внебрачный сын Сандде, принца Кередигиона, и соблазненной им монахини Нонны, родился не ранее 500 года. Он основал монастырь в Миниу (ныне Сент-Дэвидс в Диведе), ставший позже центром валлийской церкви. По другим данным, после Дубриция епископом Гвента стал не Давид, а святой Тейло, перенесший центр епархии из Каэрллеона в свою обитель Лландейло-Ваур (слово *llan*, «церковь», часто входит в названия валлийских городов, возникших на основе монастырей).

Гальфрид делает приближенными Артура еще двух деятелей бриттской церкви: святого Иллтуда (Элдада) король якобы сделал епископом Глостера, а святого Самсона — архиепископом Эборака (Йорка). Эти назначения выдуманы, однако оба святых были современниками Артура, связанными с ним к тому же кровными узами. Как уже говорилось, Иллтуд считался кузеном Артура, а Самсон — сыном его приемной матери. Не исключено, что они, как и Дубриций, действительно поддерживали «военного предводителя»; недаром после смерти последнего Самсону также пришлось эмигрировать в Арморику, где он основал епископство в городе Доль и умер в 560 году. Иллтуд, учениками которого были Гильдас, Давид и тот же Самсон, скончался еще до битвы при Камлане в возведенном им монастыре Лланиллтуд (ныне городок Ллантвит-Мейджор в Гламоргане). Недалеко находился другой важный церковный центр — Лланкарван, основанный святым Кадоком, которого жития также связывают с Артуром. Гальфрид, в свою очередь, называет духовником ко-

роля чтимого в Корнуолле святого Пирана, но это не подтверждается ни одним другим источником.

Конечно, дворец Артура не был местом богословских дискуссий и монашеских бдений, как двор Мэлгона Гвинедда в Деганви. Как истинный правитель «темных веков», он на всякий случай держал при себе и священников, и друидов — кто-нибудь да поможет. И отношение его к церкви было вполне прагматичным, о чем с неудовольствием повествуют жития святых. Так, в «Житии святого Кадока» (*Vita Sancti Cadoci*), написанном Лиавриком в XI веке, говорится, что некий Лигессок Ллаухир (Длиннорукий) убил троих людей Артура и укрылся от мести во владениях святого. За это Артур потребовал от Кадока триста коров, причем каждая из них должна была быть наполовину красной, наполовину белой. Помолившись Господу, святой получил от него таких коров, и Артур с его воинами Каем и Бедуиром переправили их через реку в свои владения. Однако после этого чудесные коровы немедленно превратились в вязанки хвороста.

В том же житии содержится рассказ о том, как Гвинллиу, король Гливисинга в Южном Уэльсе, влюбился в принцессу Гуладус и украл ее у отца, короля Брихейниога Брихана. Спасаясь от погони, Гвинллиу с невестой проскакали на коне мимо Артура, который играл на вершине холма в кости с теми же Каем и Бедуиром. И тут случилось непредвиденное: «Увидев приближающихся к нему короля и принцессу, Артур тотчас воспламенился похотью к деве и, исполненный недобрых мыслей, сказал своим спутникам: “Знайте же, что я страстно желаю ту девицу, которую всадник увозит прочь на своем коне”. Однако они воспротивились, сказав: “Недостойно тебя столь великое злодеяние, ибо мы дали клятву помогать страждущим и гонимым. Давай лучше поскорее спустимся вниз и узнаем, в чем причина их бегства”. Он же ответил: “Раз вы оба предпочитаете помочь ему, а не силой отобрать у него для меня ту девицу, спуститесь вниз и узнайте, кто из них владеет этой землей”. Они повиновались и сделали по его слову, и Гвинллиу ответил: “Свидетель Бог и все бритты, кто меня знает, что я — владелец этой земли”. Вернувшись к своему господину, посланцы поведали ему то, что услышали, и тогда Артур и его спутники, вооружившись, обрушились на врагов Гвинллиу и заставили тех в великом смятении бежать в их родную страну»[13]. Обращают на себя внимание не только зависимость Артура от мнения подчиненных, но и то, что он вместе с ними разгуливает по чужим владениям — по-видимому, автор жития считал такое поведение обычным для него. Несмотря на счастливый конец, житие изображает пол-

ководца человеком аморальным, движимым прежде всего своими желаниями.

Еще более сомнительным выглядит поведение Артура в «Житии святого Карантока» (*Vita Sancti Carantoci*), написанном в XII веке. Там описано, как святой по своему обычаю бросил в море переносной деревянный алтарь, чтобы возвести церковь там, где его вынесет на берег. Алтарь оказался там, где его подобрал «тиран той страны» Артур, который странствовал по своим владениям в поисках разорявшего их ужасного змея. Видимо, король испытывал острый недостаток мебели, поскольку он захотел приспособить алтарь под стол и скрыл от святого, что нашел его. Однако после того, как Каранток молитвой усмирил змея и вынудил его улететь прочь, Артур устыдился и не только вернул святому алтарь, но и даровал участок земли для строительства монастыря Карроу. В житии Падарна (Патерна) он тоже выступает как стяжатель, захотевший отобрать у святого его скромную рясу. В наказание за это он провалился в землю по самую шею и был освобожден только после того, как раскаялся и попросил у Падарна прощения.

Достойнее всего Артур выглядит в «Житии святого Иллтуда» (*Vita Sancti Iltuti*), созданном раньше всех прочих, в XI столетии. Там прославленный валлийский святой, бывший прежде воином, прибыл из Арморики в Британию ко двору Артура «и увидел там славнейшее общество воинов, будучи вместе с ними почетнейшим образом принят и пожалован сообразно своей воинской чести»[14]. В житии Иллтуд именуется двоюродным братом Артура, что возвращает нас к вопросу о родственниках короля. Еще один его кузен — святой Тивридог, сын сестры Игрейны Тиванведд. В валлийском стихотворении «Разговор Артура с орлом» (XII век) пересказывается философский диалог короля с его племянником Элиулодом, почему-то превратившимся после смерти в орла. Его отцом называется некий Мадог — по всей видимости, брат Артура, о котором почти нет сведений, хотя в элегии из «Книги Талиесина» он назван «оплотом щедрости, пиров и празднеств». Сам Артур в этом стихотворении неожиданно называет себя бардом:

> Я изумлен, хоть я и бард:
> Зачем с вершины дуба, с дивных его ветвей
> Смотрит на меня орел, зачем он кричит?

Эти строки почти дословно повторяют эпизод из повести «Мат, сын Матонви», в котором бог Гвидион видит на дубе своего сына Ллеу, превращенного в орла. Гвидион — великий

воин и бард, в котором можно увидеть еше один мифологический прообраз Артура. Элиулод в триадах назван одним из «украшенных золотыми гривнами воинов Артура»; возможно, в ранней традиции он занимал место Гавейна и Ланселота — любимых племянников короля и лучших его рыцарей.

Валлийские источники ничего не говорят о детях Артура и Гвенвивар, поскольку, как будет показано дальше, они никогда не были мужем и женой. Зато в триаде 57 перечислены три возлюбленные Артура: «Индег, дочь Гарви Хира, и Гарвен, дочь Хейнина Хена, и Гвил, дочь Гвендауда»[15]. Первая из них, как и ее отец, упоминается в поэзии бардов, например, в стихотворении Грифидда ап Маредидда (XIV век): «Знакома мне любовь Артура к горам Британии... ради дочери Гарви Хира белоснежной»[16]. Упоминание гор отправляет Индег в Северный Уэльс, как и Гарвен (Прекрасноногую), могила которой, согласно «Надгробным строфам» из «Черной книги Кармартена», находится в Морва Рианедд — участке валлийского побережья между устьями рек Клуйд и Конвей. О третьей возлюбленной (ее имя или прозвище означает «Скромница») ничего не известно, но поздняя рукопись под названием «Происхождение героев» называет еще одну: «Элерих, дочь Иаэна, была матерью Кидвана, сына Артура»[17]. Четверо сыновей Иаэна из Каэр-Датил в Гвинедде упоминаются в «Килухе и Олвен» как родичи Артура со стороны их отца. Там же в числе «украшенных золотыми кольцами дочерей Острова Британии» названы Индег и Телери — возможно, та же Элерих.

Кем были эти «возлюбленные» (*karedicwreic*) Артура? Одни, вероятно — дочери знатных бриттов, отданные в наложницы влиятельному полководцу. Другие — «трофеи», захваченные в военных походах. В любом случае, личную жизнь исторического Артура никак нельзя назвать насыщенной, в отличие от жизни Артура легендарного. Тот, как и подобает герою, в основном имел дело с кельтскими богинями, замаскированными в романах под фей и королев. Его отношения с ними — вернее, с одной и той же богиней в трех уже знакомых нам ипостасях, — укладываются в стройную схему, воспроизведенную в «Мабиногион». Роман юного короля с Моргаузой-Морганой повторяется в повести «Мат, сын Матонви» как инцест Гвидиона с его сестрой Арианрод, приведший к рождению солнечного бога Ллеу Ллау Гифеса (Льва Могучей руки). Непростые отношения Артура с Владычицей озера — вероятно, тоже подразумевающие интимную связь, — имеют в основе «священный брак» кельтского короля с Матерью-Землей, изображенный в повести «Пуйл, король Диведа». Ее герой женится на богине Рианнон, которая после его смерти, ни-

чуть не постарев, достается новому правителю Манавидану. Наконец, союз короля с Гвенвивар напоминает описанный в том же «Мате» брак Ллеу и прекрасной Блодейведд («цветоликой»), погубившей мужа в сговоре с любовником. Миф поразительно точно воспроизводит реальность — всякий правитель вступает в союз с ветреной богиней власти и пользуется ее дарами, чтобы потом, постарев или утратив популярность, быть безжалостно уничтоженным той же богиней ради нового фаворита.

«Священный брак» не предполагает потомства, и неудивительно, что легенды так небрежно относятся к детям Артура. О Кидване практически ничего не известно, как и о другом сыне полководца, Амре или Анире, о котором говорится в дополнении к «Истории бриттов» Ненния: «Есть еще одно чудо в области, именуемой Эргинг; там рядом с источником существует надгробие, которое прозывается Ликат Анир — Аниром звали погребенного под ним мужа; он был сыном воина Артура, который на этом месте его убил и предал земле»[18]. Перевод неточен: именем, означающим «Око Анира», называлась не могила, а сам источник, очевидно, имевший круглую форму. Фольклорный характер этого названия и самого сюжета поединка отца с сыном делает существование Анира маловероятным. То же можно сказать о еще одном сыне Артура, Гуидре, который в «Килухе» погибает от клыков Великого кабана Турха Труйта. Была у короля и дочь: в валлийском тексте «Происхождение святых» (*Bonedd y Saint*) упомянуты Эвадир и Гуриал, «дети Ллаувродедда Вархога от Архведд, дочери Артура». Ллаувродедд Вархог (Всадник) назван в числе приближенных Артура в «Килохе и Олвен» и «Видении Ронабви» — и это всё о нем.

Чуть больше известно о старшем сыне нашего героя, Ллахеу; уже говорилось, что его гибель упомянута в «Черной книге Кармартена». В стихах барда Бледдина (XIV век) названо место этой гибели — скала Ллех Исгар, находившаяся, судя по контексту, в Поуисе. Случилось это, видимо, во время валлийской кампании Артура (ее мы обсудим ниже) в 520-е годы, когда Ллахеу было лет двадцать. Если возлюбленные Артура в триаде перечислены в хронологической последовательности, то Ллахеу мог быть сыном «белоснежки» Индег. Под именем сэра Лохольта этот сын Артура упоминается во многих артуровских романах, начиная с «Эрека» Кретьена де Труа, но о его матери почти нигде не говорится. Правда, «Ланцелет» Ульриха фон Затцикховена называет его сыном Гвиневеры, а роман «Мерлин» из цикла Вульгаты — некоей Лисанор из Канпара (Кемпера в Бретани). В «Парцифале» Вольфрама он

носит имя Илинот, у Мэлори — Борр. Стоит сказать, что рыцарские романы перечисляют еще десяток сыновей и дочерей Артура, но все они — явная выдумка средневековых авторов.

Похоже, король, как и подобает воину, мало интересовался последствиями своих «походных амуров». При наличии множества любовниц он так и не вступил в законный брак — если опять-таки оставить за скобками Гвиневеру. Можно объяснить это вечной занятостью, нежеланием отвлекаться на семью, но для кельтской знати такое безбрачие все же странно. Поневоле кажется, что оно имело идейный характер, как у рыцарей средневековых духовных орденов. Такие примеры были и прежде — в брак не могли вступить адепты митраизма, сурового воинского культа, вышедшего из Персии и охватившего уже в III веке всю территорию Римской империи. В многочисленных подземных храмах-митреумах, найденных и в Британии, солнечному Митре на равных поклонялись солдаты и командиры, господа и слуги. Бельгийский историк Франц Кюмон писал: «В этих закрытых храмовых сообществах, где все знали друг друга и оказывали друг другу помощь, царили близкие отношения, как в большой семье»[19]. Женщин в общины не допускали, и их главы, «отцы отцов», не имели права заводить семью. Как знать — быть может, Артур был именно таким «отцом», а его Круглый Стол представлял собой митраистское братство? Кстати, по некоторым данным, церемониальные трапезы митраистов проходили именно за круглым столом, что подчеркивало равенство членов общины. Правда, в Риме во времена Артура культ Митры давно стал анахронизмом, но провинция всегда отстает от моды. Возможно, главой митраистской общины был и Аврелий Амброзий, поэтому ему и не удалось передать власть над Британией наследникам. При этом от адептов требовалось безбрачие, но не целомудрие; отсюда и внебрачные дети Артура (и, может быть, Амброзия).

Мы не упомянули еще одного родственника Артура, сыгравшего в его судьбе важную роль — его кузена Кадо (Кадви) ап Герайнта, который в артуриане известен как Кадор, граф Корнуолла и сводный брат короля. Кадо был немногим старше Артура и после гибели отца при Ллонгборте занял его место. В уже упомянутом «Житии святого Карантока» содержится важная фраза: «В те времена Кадо и Артур правили в той стране, проживая в Диндрайтоу». Из этого видно, что тогдашняя столица Думнонии находилась у леса Драйтоу на западе нынешнего графства Сомерсет. Непонятно другое — кельтские короли не могли править совместно, они обязательно разделили бы владения на части, пусть даже крохотные,

где были бы полностью независимы. Напрашивается единственный вывод: королем был только один из двоих, а именно Кадо. Артур, не имевший никаких прав на трон, занимал другую должность, пускай и достаточно важную. Какую? На этот вопрос легко ответить — он мог быть только командиром дружины (*penteulu*), человеком, стоявшим на втором месте после короля в валлийской «табели о рангах». В стихотворении «Разговор Артура с орлом» Артур назван не королем, а «главой корнуэльского воинства» (*penn kadoed Kernyw*) — обычное наименование воеводы.

Прежний командир дружины короля Думнонии, вероятнее всего, погиб вместе с Герайнтом, и его место занял храбро сражавшийся бастард. Несмотря на молодость, он обладал силой, отвагой и достаточным опытом, к тому же был родственником правящего монарха, что для воеводы считалось почти обязательным. В законах Хоуэла Доброго (X век) говорилось, что «командир дружины должен быть сыном либо племянником короля». К тому же выбора не было — лучшие воины Думнонии погибли, оставшиеся мужчины из королевского рода затворились в монастырях. А саксы наступали. Следующей весной после Ллонгборта они снова высадились в разоренном краю дуротригов, привезя с собой подкрепление из Германии. Другая их волна двигалась по Темзе, методично опустошая приречные города и деревни. Промедление было подобно смерти, и король Кадо, рисковавший остаться без владений, как его дед Амлаудд, взялся за дело. Мы можем только догадываться, какие усилия пришлось ему предпринять, чтобы еще до конца 496 года в заросшем травой римском цирке в Каэрллеоне собрались правители бриттов.

Кто, кроме думнонцев, принял участие в этом историческом совете? Несомненно, это были правители областей, которым непосредственно угрожало вторжение — в первую очередь, король Гвента Карадок Сильная Рука (*Caradauc Freichfras*). Его королевство располагалось на юго-востоке Уэльса, в одноименном нынешнем графстве, включая в себя и соседний Эргинг — ныне графство Херефордшир. В генеалогиях Карадока считают сыном гвентского короля Инира, ведущего род от Магна Максима, но чаще он именуется сыном Ллира Марини — «Лира Морского», древнего бога моря, которого фантазер Гальфрид превратил в несчастного короля Лира. Похоже, Карадок был просто предводителем шайки морских пиратов, который около 490 года захватил Гвент и сверг его правителя Иддона — настоящего сына короля Инира. К тому времени Сильная Рука был уже немолод и испытал немало приключений. Возможно, судьба свела его с саксами, и именно

эти опытные мореходы помогли ему захватить власть. У Гальфрида он предстает в обличье «толмача саксов» Керетика, сыгравшего предательскую роль при встрече Вортигерна и Хенгиста. Но что бы ни было у Карадока в прошлом, теперь он владел королевством и был полон решимости защищать его.

Гвентские копейщики сыграли немалую роль в победе при Бадоне, а их командиру Артур доверил ответственную миссию — управлять покоренными саксами. Впервые мысль о тождестве Карадока и основателя Уэссекса Кердика высказал в 1993 году американский историк Джон Рудмин[20]. Эта необычная версия встретила немало противников в научном мире, но, как часто бывает, понемногу завоевывает себе сторонников. В самом деле — имена Карадока и Кердика тождественны, их примерные даты жизни совпадают, владения граничат — напомним, что Кердик правил не в позднейшем Уэссексе, а в Хвиссе, недалеко отстоящей от Гвента. Зная обычаи и язык саксов, Карадок единственный из всех бриттов мог стать для них своим. Выдвинув эту гипотезу, Рудмин пошел дальше, отождествив Карадока с королем Истрад Клута Керетиком — тоже известным мореходом. Однако править одновременно в Гвенте, на Темзе и на дальнем Севере не смог бы даже Сильная Рука; к тому же Керетик, к которому обращено одно из писем святого Патрика, жил раньше, в середине V века. И совсем уж неубедительно звучит следующий вывод автора — о тождестве Карадока и... конечно же Артура. Как бы то ни было, валлийские триады хорошо знают Карадока, именуя его «опорой кимров» и одним из Трех рыцарей битвы (*chatuarchauc*) Острова Британии. Судя по «Житию святого Падарна», он имел владения и в Летавии (Арморике), хотя, возможно, эта версия была позднее принесена на континент изгнанниками-бриттами.

Карадок был одним из главных союзников Артура и другом Кадо Корнуэльского — об этом сообщает «Первое продолжение» «Персиваля» Кретьена де Труа, о котором мы еще будем говорить. При этом его имя практически незнакомо любителям артуровских легенд, а в артуриане оно принадлежит целому ряду не связанных между собой персонажей. Среди них — Карадос Уэльский, один из шести королей, выступивших против Артура в начале его правления. Потерпев поражение, он принес королю клятву верности, но втайне остался его врагом. У Мэлори сэр Карадос из Башни Слез — чародей и опять-таки враг Артура, строящий козни рыцарям Круглого Стола. В романах Вульгаты имя «Карадос» носит король Шотландии — здесь, возможно, отразилась память о Керетике из Истрад Клута. Вначале он враждует с Артуром,

но потом мирится с ним, сражается на его стороне во многих войнах и гибнет при Камлане в поединке с королем Элиадесом. Столицей Карадоса-Карадока почти всегда называется Карнант или Нант во Франции — похоже, авторы романов спутали этот город с Каэрвентом, столицей Гвента. Стоит отметить, что историческому Карадоку принадлежал и Каэрллеон, где был созван совет, оставшийся в легендах под названием Круглого Стола.

Понятно, что сэр Карадос, несмотря на мнимую враждебность к Артуру, оказался одним из рыцарей этого самого Стола. Число рыцарей все источники оценивают по-разному: в «Бруте» Лайамона их 1600, в «Мерлине» Робера де Борона — 50, в «Мерлине» из цикла Вульгаты — 250, в романе «Дидо-Персиваль» — всего 13, а у Мэлори — 150. Однако количество персонажей многочисленных романов намного больше: в подробном «Словаре артуровских имен» Кристофера Брюса перечислены более пяти тысяч лиц, так или иначе вовлеченных в орбиту артурианы[21].

Первым название «Круглый Стол» употребил нормандский трувер Вас в своем «Романе о Бруте» (1155); ни у Гальфрида, ни у Кретьена этого важного элемента артуровской легенды нет. Согласно Васу, Артур сам изготовил громадный стол круглой формы, чтобы прекратить распри своих приближенных из-за почетного места. По мнению Лайамона, стол сделал не король, а некий плотник из Корнуолла, а романы Вульгаты приписывают это деяние самому Мерлину. По одной из версий, чародей создал стол для Утера, который передал его королю Лодегрансу (Леодегану), а тот, в свою очередь, дал ценную мебель в приданое своей дочери Гвиневере, выходящей замуж за Артура. Робер де Борон в своем мистическом цикле первым уподобил Круглый Стол столу Тайной вечери, по образцу которого Иосиф Аримафейский изготовил стол Святого Грааля. В этой версии Стол — не просто место встречи рыцарей, но волшебная реликвия, дающая тем, кто сидит за ним, высшие добродетели.

У Борона впервые появляется и сюжет Погибельного сиденья — места за Круглым Столом, которое может занять только лучший из рыцарей, тот, кому суждено найти Грааль. Еще одно место занимает сам Артур, а остальные закреплены за определенными рыцарями (так что равенство здесь довольно условное). При выбытии одного из членов ордена остальные выбирают вместо него самого достойного из кандидатов. В поздних романах при дворе Артура, помимо Круглого Стола, существуют и другие ордена: рыцарей королевы, рыцарей стражи и даже «менее достойных рыцарей», что и вовсе сво-

дит идею равенства на нет. Иное дело — кельтская дружина, все члены которой, кроме командира, действительно считались равными и пировали вокруг очага или костра; правда, и там, судя по ирландским сагам, места распределялись в зависимости от славы героев. Такая дружина (*teulu*) и была одним из прототипов Круглого Стола; вторым стал исторический совет бриттских королей в Каэрлеоне, а третьим — существовавший при ранних правителях Британии (но не при Артуре) «совет провинции», где заседали светские и духовные лидеры бриттов. В самом деле, суть Стола тройственна: это и реальный, хоть и волшебный предмет обстановки, и рыцарский орден, и своего рода «правительство» Логрии.

В большинстве рыцарских романов орден Круглого Стола вместе с самим Столом появился в Камелоте после бракосочетания Артура и Гвиневеры. В момент создания ордена избранные рыцари принесли клятву, которая, по Мэлори, включала в себя следующие обеты: «Никогда не совершать грабежей и убийств, бежать измены и даровать пощаду тому, кто испросит, — иначе утратят они навечно добрую славу и покровительство короля Артура; а также всегда заступаться за дам, девиц, благородных женщин и вдов, защищать их права и никогда не учинять над ними насилия под страхом смерти. И еще наставлял их Артур, чтобы ни один из них не подымал оружия для несправедливой войны — ни ради славы и ни за какие богатства земные»[22]. Иной рыцарский кодекс изложен в сочинении Джованни Боккаччо «О злоключениях выдающихся людей» (*De casibus virorum illustrium*): «Никогда не слагать оружия; искать приключений; защищать слабых, если те попросят помощи; не творить несправедливых дел; не нападать друг на друга; защищать свою страну; отдать жизнь за свою страну; не искать ничего, кроме чести; никогда не нарушать обещаний; исповедовать истинную веру; оказывать гостеприимство всякому, сообразно с его положением; правдиво сообщать о своих честных или бесчестных поступках тем, кто ведет летопись ордена»[23].

Эти обеты уже носят отчетливо ренессансный характер, особенно требование защищать свою страну, чуждое феодальному миропониманию. Да и рыцари Артура, происходившие из самых разных стран, вряд ли могли считать Логрию своей родиной. Уже из первых 150 (по Мэлори) рыцарей сто прибыли вместе с Круглым Столом из владений Лодегранса и только 48 были избраны из воинов Артура. Еще одно место (упомянутое Погибельное сиденье) было зарезервировано за будущим идеальным рыцарем — в дальнейшем его занял Галахад, — а последнее отдали королю Островов Пелинору,

который покинул собственные владения, чтобы служить Артуру. Позже рыцарями нередко становились искатели приключений из других стран: Ланселот из Арморики, Тристан из Лионесса, Лорин из Константинополя, Паломид Сарацин и так далее. Уже в день основания ордена у Круглого Стола появился волшебный белый олень, преследуемый гончими, и с этого начались бесконечные приключения рыцарей, плавно переросшие в поиски Грааля. В ряде поздних романов проводится идея, характерная для современной артурианы: истощив свои силы в бесплодных исканиях, рыцарское сообщество упустило из виду реальные опасности, в конце концов погубившие Логрию.

Конечно, романный Круглый Стол — не кельтское воинское братство, а рыцарское сообщество XII—XIII веков. Главное занятие его членов — поиски приключений, в которых можно завоевать славу. За неимением поблизости великанов и драконов можно было сразиться с другим рыцарем по любому поводу или без оного. Не только в романах, но и в жизни средневековые рыцари были задиристы, как мальчишки, что хорошо описал Марк Твен: «Не раз случалось мне видеть, как два мальчика, незнакомые и случайно встретившиеся, говорили в один голос: “Вот я тебе задам!” — и принимались драться... Эти большие дети поступали точно так же и гордились своими поступками, несмотря на почтенный возраст. И все-таки в этих больших простодушных существах было что-то милое и привлекательное. Правда, мозгов в этой огромной детской не хватило бы и на то, чтобы насадить их на рыболовный крючок для приманки»[24]. В свободное от поединков время рыцари — во всяком случае, в романах, — похвалялись своими подвигами и долго выясняли, кто из них лучше:

«— Сэр, прошлую ночь здесь ночевал сэр Эктор Окраинный, и с ним девица. И эта девица мне сказала, что он — один из лучших рыцарей мира.

— Это неверно, — сказал сэр Тристрам, — ибо я знаю из одного только его рода четырех рыцарей, которые его превосходят. Из них первый — сэр Ланселот Озерный, его зовем лучшим из рыцарей, и еще — сэр Борс Ганский, сэр Блеоберис Ганский и сэр Бламур Ганский. А также еще и сэр Гахерис.

— Ну нет, — говорит хозяин, — сэр Гавейн будет его получше.

— Нет, это неверно, — возразил сэр Тристрам. — Я встречался с ними обоими и нашел, что сэр Гахерис из них — лучший рыцарь. И еще сэр Ламорак, его я почитаю не хуже любого из них, кроме сэра Ланселота.

— Сэр, а отчего не называете вы сэра Тристрама? — спрашивает хозяин. — Я так полагаю, что он не уступит любому из этих рыцарей.

— Я не знаю сэра Тристрама, — отвечал сэр Тристрам»[25].

Вторым по важности занятием рыцарей было служение дамам, под которым понимались обычно те же поединки, после которых возлюбленная победителя объявлялась самой красивой. Третьим — служение своему сюзерену на войне или при дворе. Четвертым — упомянутая Боккаччо защита слабых, также сводившаяся к поединкам с теми, кто этих слабых обижал. Отдыхали рыцари на пирах, рассказывая о своих подвигах и слушая песни менестрелей о подвигах других. Конечно, этот образ рыцарства идеализирован — как известно, реальные рыцари сплошь и рядом грабили, жгли церкви, насиловали девиц и убивали безоружных. То же самое делали порой рыцари в романах, но истинные герои, например, Ланселот, сурово осуждали такое поведение: «Как? Рыцарь — и вор? Насильник женщин? Он позорит рыцарское звание и нарушает клятвы. Сожаления достойно, что такой человек живет на земле»[26]. Круглый Стол не только создавался по образцу реального рыцарства, но и влиял на него, демонстрируя моральный идеал, к которому рыцари должны были стремиться.

Первый известный нам прообраз Круглого Стола — список 233 «людей Артура» в повести «Килух и Олвен», в который включены как реальные исторические деятели, так и персонажи валлийских легенд, в том числе бывшие языческие божества. Отличить первых от вторых чрезвычайно сложно, поэтому историки часто впадают в крайности, считая всех рыцарей Артура легендарными персонажами. Подозрения укрепляет то, что Круглый Стол ассоциируется и со столом Тайной вечери, и с зодиакальным кругом, и с годовым циклом кельтской мифологии. Все перечисленное делится на 12 частей, поэтому в фольклоре и изобразительном искусстве, в отличие от романов, число мест за Столом часто равно 12 или 24. Самый знаменитый Круглый Стол, хранящийся в Винчестерском замке, также разделен на 24 части (25-я отведена самому Артуру), рядом с которыми написаны имена сидевших там рыцарей. Другой вариант списка приведен в валлийском памятнике XV века «Двадцать четыре рыцаря двора Артура» (*Pedwar Marchog ar Hugain Llys Arthur*). Возможно, он восходит не только к европейской артуриане, но и к древней бриттской традиции, поэтому сравнение двух списков может прояснить вопрос историчности тех или иных приближенных «военного предводителя».

В самых ранних, «догальфридовых» памятниках — валлийских поэмах и житиях святых, — рядом с Артуром всегда присутствуют два верных соратника. Первый из них — его названый брат Кай, сын Кинира Кейнварвога, ставший в рыцарских романах сэром Кеем, сенешалем артуровского двора. В «Килухе и Олвен» Кай представлен могучим богатырем и чародеем: «Он мог девять дней и ночей пребывать под водой и не утонуть и еще мог девять ночей и дней оставаться без сна. Никакой лекарь не мог залечить рану, нанесенную его мечом. Много всего умел Кай. Когда он хотел, то мог сделаться высоким, как высочайшее в мире дерево. Было у него и еще свойство — внутри у него пылал жаркий огонь, и в самый сильный дождь на расстоянии вытянутой руки от него все оставалось сухим. И если его спутники страдали от холода, он согревал их лучше всякого костра»[27]. Именно Кай во время поисков Олвен выполняет самые трудные задачи: освобождает из заточения Мабона, сына Модрон, и вырывает волосы из бороды свирепого великана Диллуса. Последнего Кай убил во сне — поступок не слишком рыцарский, что отметил и Артур, сочинивший про кровного брата обидный стишок:

Кай обманом добыл поводок,
Одолел во сне великана,
А сразиться честно не смог[28].

Из-за этого Кай обиделся на полководца: «И с тех пор ни беды Артура, ни гибель его людей не могли побудить Кая прийти к нему на помощь». В неожиданном амплуа сатирика Артур упоминается и в триаде 12, которая включает его в число Трех язвительных бардов Острова Британии. Вероятно, в числе магических способностей, которые приписывались ему, было и присущее бардам искусство сочинения «злых песен», которые в буквальном смысле язвили своих адресатов, уродуя их лица.

Сам Кай уже в ранней традиции приобретает черты насмешника и мастера недобрых шуток, которые в рыцарских романах стали преобладающими. Впервые эти его качества упоминаются в романе Кретьена де Труа «Ивейн»:

Кей-сенешаль, чье злоязычье
Переходило в неприличье <...>
«Боюсь я, лопнете вы, Кей!
Пока на всех своих друзей
Вы желчь свою не изрыгнете,
Вы, Кей, свободно не вздохнете...»[29]

Сэр Кей неизменно издевается над молодыми рыцарями, прибывшими ко двору в поисках приключений. Сэра Гарета, вынужденного во исполнение обета мыть посуду на кухне, он

награждает прозвищем Бомейн («красивые руки»), другому рыцарю дает кличку Плохо Сшитый Плащ, посылает безоружного юнца Персеваля на поединок со свирепым врагом. При этом он еще и педант, требущий от всех неукоснительного соблюдения «обычаев двора» (именно этим занимался сенешаль при феодальных дворах). Однако происки Кея неизменно терпят крах, а его самого чуть не на каждой странице сбрасывают с коня и бьют чем ни попадя. Иногда он превращается в откровенного злодея — например, в романе «Перлесво» убивает спящего сына Артура Лохольта, чтобы приписать себе его подвиг, победу над великаном. В «Первом продолжении» кретьеновского «Персеваля» Кей коварно убивает некоего сэра Силимака, а в нидерландском романе «Кей и Гавейн» — даже самого Гавейна. Конечно, это исключения — в большинстве романов Кей оставался героем, хоть и с учетом того, о чем пишут французские «Чудеса Ригомера»: «Сенешаль был весьма храбр, никогда не трусил и не впадал в растерянность, но говорил много злого и глупого»[30]. Можно сказать, что Кея постигла судьба Артура — с появлением новых, более «прогрессивных» героев этот рыцарь, обремененный архаичными чертами кельтского богатыря, отошел на второй план.

Триады сообщают, что у Кая были сын Гаранвин и дочь Келемон. О смерти его источники говорят по-разному. В «Килухе» говорится о его гибели от рук некоего Гвиддауга, за что Артур «убил его и всех его братьев». У Гальфрида Кай погиб в поединке с королем Ливии Серторием в битве при Суассоне и был похоронен во французском городе Шинон. В Уэльсе, в свою очередь, есть целых две могилы Кая — в Ллигви на острове Англси и в Лланворе близ озера Бала в Гвинедде. Последняя представляет собой замурованный в стену церкви надгробный камень с надписью «*Cauo Senargio*», что вполне может означать «Кай, сын Кинира»*. На южном берегу озера находится римский форт Каэр-Каи, называемый также Каэр-Кинир, который валлийская традиция издавна связывает с именами Кая и его отца. Есть и другая версия, по которой владения Кая находились в Каэр-Гох в Пемброкшире — в обеих областях жило немало выходцев из Ирландии, а имена «Кай» и «Кинир», как уже говорилось, имеют ирландское происхождение.

В Бретани сохранилась легенда, ассоциирующая Кая со святым Ке, который оставил службу у Артура и стал епископом Инис-Витрина (Гластонбери). Во время мятежа принца

---

* Некоторые ученые считают этот камень надгробием короля Кау, отца Гильдаса Мудрого.

Мордреда он пытался примирить его с королем, но потерпел неудачу, после чего сделался отшельником в Корнуолле. Из-за преследований местного короля Теудора Ке пришлось бежать в Арморику, где он основал монастырь в Кледере (область Леон), существующий до сих пор; там же сохранилась его гробница[31]. Сведения о нем были записаны только в XVII веке и могут быть вымышленными; к тому же предание называет Ке сыном не Кинира, а Лудуна, то есть короля Лота Лотианского. Если этот святой и существовал, то он, скорее всего, не был Каем артуровских преданий, который, вполне возможно, действительно окончил свои дни на берегу идиллического озера Бала, где когда-то рос вместе с Артуром.

Второй из самых ранних спутников Артура — Бедуир, сын Бедраута (или Бедраука), по прозвищу Бедридант, что можно перевести как «Крепкожильный». В «Килухе» об этом герое говорится следующее: «Бедуир был прекраснее всех людей этого острова, кроме Артура и Дриха, сына Кидбара, и кроме того, хотя он был одноруким, он в бою проливал больше вражеской крови, чем трое сильнейших воинов. И еще одно свойство было у него: рана от его копья была тяжелее девяти ран, нанесенных любым другим оружием»[32]. В стихотворении «Кто привратник» сказано: «Сотня их пала от руки Бедуира... яростен был он с мечом и щитом». У Гальфрида Бедуир носит звания виночерпия двора Артура и герцога Нормандии; он участвует во всех походах короля и гибнет, как и Кай, в битве при Суассоне. Вас и Лайамон сообщают, что этот герой был похоронен в нормандском городе Байё. Кретьен де Труа «повышает» его до звания коннетабля (главнокомандующего) и сообщает, что он лучше всех при дворе играл в шахматы и шашки. В рыцарских романах Бедуир (сэр Бедивер) упоминается редко, но именно ему после битвы при Камлане суждено бросить в озеро Экскалибур, исполнив последнюю волю Артура.

Валлийские источники дают свою информацию, по которой в Гвинллуге находится «источник Бедуира», а в соседнем Морганноге — его могила в Аллд-Триване (ныне Данрейвен-Касл). В «Килухе и Олвен» упомянуты его сын Амрен и дочь Эневог, а его отец Бедраут или Педрод, возможно, идентичен принцу Педру, сыну короля Гливисинга (Морганнога). Быть может, старый вояка действительно закончил жизнь на покое, но неизвестно, случилось это до или после битвы при Камлане. В современных романах Бедуир порой играет более активную роль, чем в средневековой артуриане — например, в «Последнем волшебстве» Мэри Стюарт именно он, а не Ланселот, становится любовником королевы Гвиневеры.

По-видимому, уже в валлийском фольклоре (за исключением самых древних памятников) на первый план в окружении Артура вышли другие фигуры. Прежде всего, это был Гвальхмаи («майский ястреб» или «ястреб равнины»), известный в рыцарских романах как сэр Гавейн. Артуриана считает его сыном Лота Лотианского и сестры Артура Анны-Моргаузы, в то время как валлийские барды называют его «сыном Гвиара», хотя *Gwyar* — женское имя, означающее «кровь» (как мы помним, оно принадлежало супруге Герайнта Корнуэльского). Такая материнская форма отчества свойственна только самым древним героям божественного происхождения, что подтверждает родство Гвальхмаи-Гавейна с языческими богами. Его сила растет к полудню и убывает к вечеру — характерное свойство солнечного божества, которым и был вначале этот рыцарь. Триады дают его коню имя Мейнгалет (в рыцарских романах Гвингалет), хотя тем же именем в фольклоре зовется конь Ллеу Ллау Гифеса, тоже солнечного божества, воплощением которого, вероятно, изначально считался Гвальхмаи.

В «Килухе и Олвен» говорится, что Гвальхмаи «никогда не возвращался домой, не найдя того, что искал. Никто лучше его не ходил пешком и не ездил верхом, и был он племянником Артура, сыном его сестры»[33]. Другое раннее свидетельство об этом герое оставил Уильям Малмсберийский: «Вальвен (*Walwen*) был достойнейшим племянником Артура по линии сестры. Он правил в той части Британии, что до сих пор зовется Вальвейта. Воин, прославленный своей доблестью, он был изгнан из своих владений братом и племянником Хенгиста... но отплатил за это изгнание тяжким уроном, нанесенным им, когда он, по праву деля славу со своим дядей, много лет спасал вместе с ним гибнущую страну... Иные говорят, что он был ранен врагами и после погиб в кораблекрушении, но, по свидетельству других, он был убит согражданами на пиру»[34]. В еще более раннем бретонском «Картулярии Редона» (X век) этот герой упоминается как *Uualctoe*, а у Гальфрида — как *Gualguanus*, откуда происходит более поздний вариант *Gavein*.

Упомянутое Уильямом владение Гавейна — это Голуэй на юго-западе Шотландии, причем именно эта область принадлежит ему в поздних английских романах. Его родство с Лотом также связывает его с севером Британии, хотя в валлийской традиции эта связь отсутствует. В «артуровских» повестях «Мабиногион» Гвальхмаи изображается тем самым идеальным рыцарем, которым на континенте стал сэр Ланселот, и занимает высокое положение при дворе. В повести «Герайнт,

сын Эрбина» Гвальхмаи назван «старшим над девятью дружинами Артура». Он не только отважен, но и щедр, великодушен, красноречив; в позднем сочинении «Двадцать четыре рыцаря двора Артура» он получает эпитет «златоустый» (*dafod aur*). Именно красноречие позволяет ему добиваться своих целей, в чем его сгоряча обвиняет Кай — «Гвальхмаи всего достигает сладкими речами, а не мечом, как мы». Триады тоже называют его одним из Трех златоустов двора Артура наряду с Дрихом и Элиулодом. Вдобавок он — красавец, награжденный в валлийском фольклоре прозвищем Гваллтавин (сияющие волосы), еще одним эпитетом солнечного бога.

На этих качествах Гавейна основана его репутация неотразимого кавалера. Разные легенды перечисляют два десятка его жен и возлюбленных. Самая экзотическая из них — уродливая великанша из английского романа «Свадьба сэра Гавейна и леди Рагнелл». Однажды в Карлайле (в английской артуриане этот город часто заменяет Камелот) Артур потерпел поражение в поединке с рыцарем Громером, пригрозившим обезглавить короля, если тот не найдет ответа на вопрос: «Что для женщины желаннее всего?» За целый год Артур не решил загадку рыцаря и в печали отправился в Карлайл. По пути он встретил уродливую ведьму, пообещавшую дать ему нужный ответ, если он найдет ей мужа. Гавейн, чтобы спасти короля, согласился жениться на ведьме, и в первую брачную ночь она превратилась в красавицу. Рагнелл предложила мужу выбрать, оставаться ей красивой днем или ночью, но он галантно предоставил выбор ей, и тогда она воскликнула: «Благослови тебя Бог, добрый рыцарь! Теперь я буду красивой и днем, и ночью». Оказалось, что Гавейн освободил ее от заклятия, дав то, что женщине желаннее всего — независимость.

Ту же историю излагает Джеффри Чосер в «Кентерберийских рассказах», хотя там имя рыцаря не называется. Она содержится и в ряде кельтских преданий — например, в ирландской саге «Приключения сыновей Эохайда Мугмедона» король Ниалл Девяти заложников, согласившийся поцеловать уродливую каргу, получает от нее верховную власть над Ирландией. Легко понять, что уродина — все та же богиня-мать, принимающая по желанию любой облик и вступающая с героем в сакральный брак. То, что этим героем оказывается не Артур, а Гавейн, говорит о большей древности образа последнего в качестве солнечного бога. Впрочем, у Артура в мифологии своя роль — он представлялся не юношей, как Гавейн, а зрелым мужем, и женой его, как мы увидим дальше, считалась не всеприемлющая Мать-Земля, а холодная и коварная «лунная дева».

Одна из интрижек Гавейна привела к рождению сына, известного в артуриане как Прекрасный Незнакомец (*Le Bel Inconnue*). Несколько одноименных французских и английских романов описывают, как этот персонаж анонимно совершает множество подвигов, становится рыцарем Артура и только потом узнает, что Гавейн — его отец. Часто это происходит во время поединка их двоих, повторяющего популярный эпический сюжет схватки отца с сыном. Иногда Незнакомец вызволяет родителя из плена в зачарованной крепости, хотя в романе «Чудеса Ригомера» это делает его мать. Имена матери и сына во французской традиции звучат как Флори и Гуинглейн, в немецкой — Амурфина и Виголис, в английской это уже известная нам Рагнелл и рыцарь Глингалин. Некоторые деяния Незнакомца повторяют подвиги его отца; например, он поцелуем превращает змею в прекрасную деву. Интересно, что чародеев, заколдовавших девушку, зовут Мабон и Эврейн — это имена кельтских богов, в «Эреке» Кретьена де Труа составившие одного персонажа, волшебника Мабонагрена. У Мэлори Прекрасный Незнакомец отсутствует, ряд его приключений передан Гарету Бомейну, а сыновья Гавейна носят имена Ловель и Флоренс.

Романы Вульгаты содержат подробную биографию Гавейна, по которой он, как многие сказочные герои, был в младенчестве брошен в море, где его нашел и воспитал бедный рыбак. Став взрослым, Гавейн получил образование во дворце римского папы, а потом отправился ко двору Артура, где совершил множество подвигов. Самым известным стал его поединок с великаном Бертилаком, отраженный в поэме XV века «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь». Согласно ей, прибывший в Карлайл великан вынудил Гавейна отрубить ему голову, а потом ожил и взял с рыцаря обещание явиться в Зеленую часовню, чтобы получить такой же удар. Преодолев страх и не дав соблазнить себя жене Бертилака, Гавейн геройски выдержал испытания и был объявлен лучшим рыцарем Круглого Стола.

Действительно, до появления в романах Ланселота именно Гавейн считался лучшим рыцарем и ближайшим советником Артура, а, возможно, и его наследником. В ряде эпизодов — например, в спасении похищенной королевы Гвиневеры, — он порой заменяет Озерного рыцаря. Имя Гавейна (в форме Вальван) было популярно во Франции и Германии уже в XI веке, что говорит о весьма раннем распространении легенд о нем. Иногда он действует независимо от Артура; например, в латинском сочинении «О воспитании Вальвания, племянника Артура» он воспитывается при дворе императо-

ра Рима, освобождает от осады Иерусалим, разбивает язычников-саксов, нападающих на королевство Артура, и только после этого встречается с королем и становится рыцарем Круглого Стола.

С приходом Ланселота и других новых героев Гавейн отошел на второй план; в его образе резче выявились отрицательные черты, такие, как жестокость, несдержанность и чрезмерное женолюбие. Он убил в поединках своего кузена Ивейна, короля Багдемагуса и еще 16 рыцарей, за что заслужил упрек Артура — что характерно, не за сами убийства, а за то, что некоторые из них совершились во время святых праздников, когда даже рыцари должны отдыхать. По этой причине Гавейн не смог ни достичь Грааля, ни вытащить меч из камня, приплывшего по реке в Камелот. Этот меч извлек Галахад, впоследствии ранивший им самого Гавейна — символ поражения старых героев в соперничестве с молодым поколением. Гавейн терпит фиаско и в других случаях; например, в «Мерлине» из Вульгаты он, попав в погоне за белым оленем в замок, случайно убивает его хозяйку. Разъяренные жители замка с позором отсылают рыцаря в Камелот, повесив ему на шею голову убитой. Однако при всем своем несовершенстве он остается одним из главных (а в отсутствие Ланселота и главным) рыцарем Артура.

Валлийская традиция дает Гвальхмаи брата Гвальхаведа («летний ястреб»), а в романах Вульгаты у Гавейна целых четыре брата: Агравейн, Гарет, Гахерис и изменник Мордред. По всей видимости, эти братья, кроме последнего, случайно зачисленного им в родственники, не имеют исторических прототипов, а их имена представляют собой фонетические варианты имени Гавейна. Главное занятие сыновей Лота в романах — кровная вражда вначале с сэром Пелинором, убившим их отца, потом с его сыновьями Тором и Ламораком, а позже с Ланселотом Озерным и его родней. В этой вражде они проявляют себя отнюдь не по-рыцарски: например, убивают Ламорака из засады, когда он, раненый и безоружный, возвращается с турнира. Гахерис, как уже говорилось, обезглавил родную мать Моргаузу, а Агравейн со своими воинами вломился в опочивальню королевы Гвиневеры, когда та принимала у себя Ланселота. Это стало последним приключением сына Лота: Озерный рыцарь зарубил его.

Позже Ланселот убил еще двух братьев Гавейна, спасая Гвиневеру от казни за супружескую измену. Это произошло случайно — как известно, рыцарей можно было распознать только по щитам, которых у Гарета и Гахериса с собой не было. Сам убийца горько сожалел о случившемся: если жесто-

кий и коварный сэр Гахерис вряд ли мог вызвать у кого-то особое сочувствие, то сэр Гарет Прекраснорукий слыл одним из достойнейших рыцарей Круглого Стола. В Вульгату входит сюжет о том, как он после многих трудностей и сражений завоевал любовь прекрасной волшебницы Лионессы, хозяйки Замка Угроз. Эта история отчасти дублирует сюжет «Ивейна, или Рыцаря со львом» Кретьена де Труа; скорее всего, оба произведения восходят к единому фольклорному прототипу, где герой еще не носил имени Гарета. Возможно, это имя является искаженным вариантом Герайнта Думнонского, но никакой связи Гарета с Британией в романах не прослеживается.

Благородный Гавейн до последнего оставался в стороне от вражды своих братьев с Ланселотом. Однако после их гибели он громче всех требовал возмездия и возглавил армию Артура, которая отправилась в Галлию. Там он трижды сражался с Ланселотом, который каждый раз благородно прекращал поединок, когда его противник выбивался из сил. Узнав о мятеже своего брата Мордреда, Гавейн поспешил обратно и был убит в битве с мятежниками у Дуврской крепости. Еще во времена Мэлори в крепостной часовне хранился его череп, хотя в XII веке Уильям Малмсберийский сообщал, что могила Гавейна найдена в Росе, на северо-востоке Уэльса. Возможно, это место соответствует Периддону в долине реки Ди, где «Могильные строфы» из «Черной книги Кармартена» помещают могилу Гвальхмаи. По другой версии, рыцарь похоронен на юге Уэльса, в графстве Пемброкшир, где позже находилась часовня святого Гована. По преданию, этот отшельник жил на голой скале, и однажды Господь отворил для него пещеру, где святой спрятался от ирландских пиратов. Гован жил в VI веке и мог быть современником Гавейна, однако его имя, скорее всего, ирландское и означает «кузнец» (*Gobhain*). Гипотеза о тождестве росского отшельника с рыцарем Артура возникла только в XIX веке стараниями местных краеведов.

В Италии существует своя легенда о тождестве Гавейна со святым Галгано, канонизированным в 1185 году, через несколько лет после смерти. В Тоскане, недалеко от Сиены, до сих пор сохранился горный скит этого отшельника, где можно увидеть глыбу камня с торчащим из нее мечом. По преданию, рыцарь Галгано Гвидотти вонзил меч в камень в знак того, что отрекается от мирской суеты и навсегда оставляет то, чем жил прежде — войны, турниры и любовные похождения. Много лет он провел в молитвах, не покидая своей хижины, а еду ему приносили волки и другие звери; они же за-

грызли убийцу, подосланного к отшельнику дьяволом. Когда Галгано умер, его светлые волосы какое-то время продолжали расти, окружив голову святого подобием нимба. Это, как и имя *Galgano* (на латыни *Gualganus*), связывает тосканского святого с солнечным Гавейном, однако позднее время жизни рыцаря отметает всякую возможность их отождествления. Возможно, легенда о Галгано родилась под влиянием проникших на Апеннины артуровских преданий, одно из которых повествовало об уходе Гавейна в монастырь. Впрочем, местные патриоты лелеют другую версию — именно в Тоскане жил подлинный Гавейн, а с ним и король Артур.

Валлийские генеалогии, со своей стороны, утверждают, что Гавейн в конце жизни вернулся на север и правил королевством своего отца Лота (Леудона), оставив его сыну Кардо; его потомки правили в Гододдине до 638 года. Правда, не все признают тождество упомянутого в родословных Сергвана и сэра Гавейна, да и историчность самого короля Лота сомнительна. Связь Лота, его жены Анны-Моргаузы (сестры Артура) и Гавейна повторяет ирландскую легенду о происхождении Кухулина — тоже солнечного героя, — от бога Луга и Дехтире, дочери могучего короля Конхобара. Таким образом, причислять Гвальхмаи-Гавейна к реальным соратникам Артура вряд ли стоит, хотя нет ничего невозможного в присутствии в Думнонии северного принца. Кстати, некоторые рыцари Артура вполне могли изначально попасть к нему в качестве заложников, а потом своими подвигами заслужить «вольный» статус. Другие сами являлись в Кэдбери-Камелот, чтобы служить самому прославленному воину Британии — у кельтов, выше всего ценивших славные деяния, это было обычным делом. Гость с Севера, где долго сохранялись языческие верования, вполне мог носить имя «майского ястреба», солнечной птицы — а мог и сам оказаться богом Солнца, которого лишь через несколько веков связали с Артуром не чуждые язычеству барды.

Еще больше мифологических элементов в фигуре самого знаменитого из рыцарей Артура — сэра Ланселота Озерного (*Lancelot du Lac*). На его историчности давно уже никто не настаивает, поскольку в кельтском фольклоре этот герой напрочь отсутствует, а имя его происходит от французского корня *lance* — «копье». Впервые он появился в романе Кретьена де Труа «Ланселот, или Рыцарь повозки» (около 1180 года), где рассказывается о том, как король Мелеагант похитил Гвиневеру, на поиски которой отправились Гавейн и Ланселот. Попав в засаду лучников Мелеаганта, Ланселот лишается коня и, чтобы не терять времени, вынужден согласиться

на позорное для рыцаря путешествие в повозке. Преодолев множество препятствий, Ланселот спасает Гвиневеру, освобождается из плена Мелеаганта и убивает его в последнем поединке.

О биографии Ланселота Кретьен почти ничего не говорит, но этот пробел восполнят авторы «Продолжений» к другому роману Кретьена — «Персеваль, или Повесть о Граале». Там Ланселот называется сыном короля Бана Бенойкского из Арморики, причем позже Робер де Борон делает этого монарха потомком правителей Грааля, ведущих род от самого царя Давида. Судя по романам Вульгаты, Бан был сыном короля Уэльса (*Galles*), которого тоже звали Ланселотом, и ирландской принцессы. Кроме Ланселота, у него был внебрачный отпрыск Эктор Окраинный, которого часто путают с воспитателем Артура Эктором Уэльским. По мнению Роджера Шермана Лумиса, образ Бана восходит к страдающему Брану Благословенному, прозвище которого, по-французски *Benoit*, было ошибочно принято за название его королевства — Benoic. Другие исследователи ассоциировали это слово с Гвинеддом в Уэльсе или Гвенетом в Бретани, а в немецком «Ланцелете» оно превратилось в Женеву (*Genewis*). В том же романе мать рыцаря зовут Кларисой, хотя обычно она носит имя Элейна.

Согласно «Второму продолжению», вскоре после рождения Ланселота на Бенойк напал жестокий король Клаудас (он же Клауд-Отступник), убивший Бана. Малыша спасла фея, которая воспитала его в своем замке, находившемся на дне озера — отсюда и прозвище «Озерный». Эта фея, уже знакомая нам под именем Владычицы озера, обучила приемного сына пользоваться оружием (обычный мотив кельтских сказаний), вручив ему коня, доспехи и волшебное оружие — меч и копье, пробивающие самую прочную сталь. В восемнадцать лет Ланселот покидает приемную мать и отправляется ко двору Артура, где совершает множество подвигов, заслужив славу лучшего рыцаря. Он побеждает драконов, спасает бесчисленных красавиц, освобождает от проклятия замок Печальной Стражи и делает его своей резиденцией под новым названием — «Веселая Стража» (*Joyous Guard*)*. Между делом он с помощью Артура убивает Клаудаса и возвращает себе отцовское королевство. Некоторые ученые отождествляют Бенойк и Ванн — город на юго-востоке Арморики, древний Бро-Ва-

* Мэлори, верный своему принципу привязки фантастических артуровских топонимов к британской местности, отождествляет этот замок с Алнвиком в Нортумберленде.

рох. В этом случае имя Бана производится от названия его столицы, а Клаудас идентичен королю франков Хлодвигу (Кловису), который в начале VI века нанес ряд поражений бретонцам и, в частности, захватил Ванн. Однако в ряде источников владения Ланселота находятся в долине Луары, а романы Вульгаты делают его королем всей Галлии.

Почти во всех артуровских легендах описана пылкая любовь Ланселота к Гвиневере, разрушившая, по пророчеству Мерлина, королевство Артура. По роману Кретьена, эта любовь зародилась во время путешествия рыцаря в Камелот со спасенной королевой; по Вульгате — уже при дворе, где Гвиневера во время посвящения сама подала Ланселоту меч; это означало, что отныне его преданность поровну разделена между ней и королем. Во французском романе «Ланселот в прозе» (1225) Артур отправляет Ланселота за своей невестой, как король Марк Тристана, и во время долгого обратного пути молодые люди влюбляются друг в друга.

Долгое время любовь остается платонической, но потом Ланселот и королева все-таки вступают в греховную связь. Это несколько затемняет образ идеального рыцаря, и, достигнув желанного Грааля в замке Корбеник (Карбонек), Ланселот не может прикоснуться к нему. Король замка Пеллес опаивает его волшебным напитком, и он, забыв про Гвиневеру, изменяет ей с принцессой Элейной, которая рожает ему сына Галахада. Прибывшие ко двору Пеллеса рыцари Круглого Стола помогают Озерному рыцарю вспомнить прошлое, и он спешит в Камелот, навсегда оставив Элейну. В традиции эту героиню иногда путают с Элейной из Астолата, умершей из-за своей безответной любви к Ланселоту. В отличие от нее, Элейна из Корбеника (это имя дает ей только Мэлори) остается жить и растить сына.

При дворе Артура в отсутствие первого рыцаря королеву подменяет Лжегвиневера, подосланная коварной Морганой и похожая на свою предшественницу как две капли воды. Ланселот оказывается единственным, кто признает настоящую Гвиневеру и помогает ей разоблачить самозванку. В большинстве текстов Артур почему-то смотрит сквозь пальцы на роман своего лучшего рыцаря с королевой, и только козни братьев Гавейна — прежде всего Мордреда — вынуждают его принять меры и приговорить жену к сожжению за измену. Когда палач уже готов зажечь костер, Ланселот врывается в толпу и спасает возлюбленную, перебив при этом множество рыцарей.

Дальнейшую судьбу Озерного рыцаря подробнее всего рисует Томас Мэлори. Согласно последней книге «Смерти Ар-

тура», Ланселот удалился в Бенойк, где долго выдерживал осаду королевской армии. После мятежа Мордреда он получил предсмертное письмо Гавейна с просьбой прийти на помощь королю, и поспешил в Британию, но нашел там только заваленное трупами поле битвы при Камлане. После долгих поисков он нашел Гвиневеру в обители Эмсбери, но она отказалась с ним встречаться. Тогда он стал отшельником, поселившись в соседнем Гластонбери. «С этого дня сэр Ланселот почти не принимал пищи и не пил, пока не умер, ибо он все больше слабел и чахнул и жизнь в нем угасала. Но ни епископ и ни один из его товарищей не могли уговорить его есть, и пил он так мало, что на целый локоть стал ниже ростом, и люди уже не узнавали его... Все время лежал он, распростершись ниц, на могиле короля Артура и королевы Гвиневеры»[35]. Когда Ланселот умер, его тело отвезли в замок Веселой Стражи и там похоронили.

Хотя Ланселот пришел в артуровскую легенду из Франции, его мифологические прототипы — однозначно кельтские. Одним из них ученые считают упомянутого в «Килухе» героя Ллуха Ллавиниога (*llwch* по-валлийски означает «озеро», а эпитет можно перевести как «белорукий). Вторым — Лленлеога Ирландца, которого в той же повести Артур посылает в Ирландию за волшебным котлом Диурнаха. На них обоих похож воин Ллух Ллеог, плывущий вместе с Артуром за другим волшебным котлом в поэме «Богатство Аннуина». Еще один возможный прототип — брат Гавейна-Гвальхмаи Гвальхавед, имя которого почти идентично Галахаду — так звали не только сына Ланселота, но и его самого до начала рыцарской карьеры. Все эти персонажи, как и Гавейн, имеют отношение к солнечному богу; отсюда и прозвище «белорукий», а «Ллух» вполне может быть искажением имени великого бога Луга, тесно связанного с солнцем и молнией. Тот же бог представлен в образе юного героя Ллеу Ллау Гифеса в повести «Мат, сын Матонви». Подобно Ланселоту, Ллеу воспитывается у волшебницы в подводном замке и получает от приемной матери оружие и доспехи вместе с новым именем. Любимым оружием Луга-Ллеу было копье-молния Ассал, что напоминает о корне *lance* в имени Озерного рыцаря.

Роджер Шерман Лумис пытался связать Ланселота не только с Лугом, но и с другим кельтским богом — Ллудом (Лиром), — однако это маловероятно[36]. Конечно же, в паре Артур-Ланселот именно король напоминает старого страдающего бога, которого молодой соперник лишает власти, а заодно и жены; «Мабиногион» сообщает, что племянник отнял у Ллуда жену, а его самого заточил в темницу. Правда, племянни-

ком Артура легенды считают не Ланселота, а Гавейна, и похоже, что этот рыцарь представляет другую, более раннюю ипостась того же юного солнечного бога — недаром Гвальхмаи и Гвальхавед считались братьями, несмотря на жестокую вражду их романных «наследников». Возможно, что оба воспроизводят один и тот же мифологический прототип, но Ланселот делает это на континентальном материале, а Гавейн — на островном, и потому легенды о нем так органически прижились в Британии. Как бы то ни было, образ Озерного рыцаря явно имеет более древние корни, чем считалось еще недавно. По справедливому замечанию Анны Комаринец, «Ланселот — казалось бы, персонаж исключительно артуровского мира, — одной ногой стоит в мире кельтских легенд»[37]. Имя его, вероятно, существовало вначале в форме «Ланс-а-Ло», «копье Ллеу» или «Луг с копьем», но позже было сближено с именем короля Лота.

Были и другие гипотезы происхождения образа Ланселота — например, уже упомянутая экзотическая версия Скотта Литлтона и Линды Малкор, выводящая его имя из прозвища Аланус-а-Лот, «алан из Лота». Однако все или почти все исследователи сходятся на том, что образ Ланселота возник в Бретани, откуда его в конце XII века почти одновременно заимствовали Кретьен де Труа и автор романа «Ланцелет» Ульрих фон Затцикховен. Последний, правда, ссылался на некую «валлийскую книгу», но немецкое слово *welsches* в то время могло означать также «романский», то есть французский. Можно предположить, что оба автора использовали некий общий письменный источник, но различия в их произведениях заставляют думать, что, скорее всего, речь идет об устных преданиях, пришедших из Бретани в Шампань и Лотарингию. В Англии Ланселот обрел известность только в XIV веке, но, как уже говорилось, Гавейн долгое время был популярнее его. Стоит отметить, что с этими героями иногда ассоциируются одни и те же фольклорные сюжеты — например, Ланселот в романе «Перлесво» оказывается вовлеченным в ту же «игру на обезглавливание», что и Гавейн в «Зеленом рыцаре».

В отличие от других рыцарей Артура, с Ланселотом не связаны какие-либо географические названия или местные легенды. То же касается его сына Галахада, который, как персонаж легенды о Граале, целиком принадлежит миру европейского средневековья. О нем мы поговорим дальше, как и о другом герое артурианы — сэре Персевале Галльском, одном из трех рыцарей, стяжавших Грааль. Помимо названных, среди рыцарей Круглого Стола известны еще несколько имен. О двух

из них — Тристане и Мордреде, — речь опять-таки пойдет дальше. Еще один, король Пелинор, известен как отец Персеваля и глава одной из трех «партий», делящих влияние при дворе Артура (две другие были основаны Баном Бенойкским и Лотом Лотианским). На протяжении рыцарских романов Пелинор занят в основном поисками легендарного Зверя Рыкающего, но попутно успевает сломать в поединке меч Артура, после чего тот и обретает Экскалибур. Он также убил в сражении короля Лота, после чего сыновья последнего воспылали к нему ненавистью и, улучив момент, вероломно зарубили его, напав из засады. Жертвой их вражды пал и сын Пелинора Ламорак (или Ламорат) Уэльский, прототипом которого некоторые ученые считают короля и поэта Лливарха Старого.

К числу самых древних героев артурианы относится сэр Лукан — дворецкий Артура, известный в валлийском фольклоре как Глеулуйд Гаваэлваур («Седой храбрец с могучей хваткой»). В стихотворении «Кто привратник» он охраняет ворота замка от Артура и его спутников, а в более поздних источниках (в первую очередь в «Килухе и Олвен») так же бдительно сторожит дворец самого Артура. В повести «Оуэн, или Хозяйка источника», также входящей в состав «Мабиногион», говорится, что он «встречал гостей и проезжих путников, и воздавал им честь, и рассказывал о порядках и обычаях двора, и указывал дорогу тем, кто хотел пройти в зал или в покои»[38]. Похоже, его прототип — неведомый кельтский бог дверей и границ, подобный римскому Янусу. В романах он представлен братом Бедивера и вместе с ним играет малозначащую роль. Только в конце он вместе с братом остается одним из немногих выживших при Камлане, но тут же умирает от ран, предоставив Бедиверу бросать в озеро волшебный меч.

Два рыцаря Круглого Стола — отец и сын — носят имя Борс (или Богорт) Ганский. Возможно, оно связано с редким словом *bohort*, названием одного из видов копья, и образует параллель с именем Ланселота. Борс Старший вместе с братом Баном помог Артуру в войне против Лота и его союзников, а потом погиб в борьбе с тираном Клаудасом. Его сын, Борс Младший, был, как и Ланселот, спасен и воспитан Владычицей озера, потом подвизался при дворе Артура и посвятил свою жизнь поискам Грааля, став одним из трех рыцарей, достигших его. После гибели Артура Борс поселился в монастыре вместе с Ланселотом, а когда тот умер, перевез его тело в замок Веселой Стражи. После этого он, по данным Мэлори, отправился вместе с другими рыцарями воевать в Святую землю и там умер. Вульгата сообщает, что он остал-

ся в Логрии и защитил ее от нападения короля Марка Корнуэльского. Его сын Ален Белый, по утверждению Вульгаты, стал позже императором Константинополя. Королевство Борса Ганс или Ганис помещалось в Бретани, в районе Ванна, хотя Вульгата называет его королем Гаскони. В артуриане упоминаются также его братья Бламур и Блеоберис (Блехерис); вероятно, их имена представляют собой, как и в случае братьев Гавейна, измененные формы имени Борса. Правда, во второго брата, похоже, превратился наставник Мерлина, отшельник Блез-Бледдри; в валлийском списке 24 рыцарей Артура этот герой прямо назван Блезом.

По тому же принципу фонетического изменения образовано имя сводного брата Борса сэра Лионеля, ничем особо не прославленного. В валлийском списке вместо него стоит Хоэл, что весьма знаменательно. Правитель с этим именем был в первой половине VI века королем Корнуая в Западной Арморике, соправителем своего отца Будика, прозванного Эмир Ллидау (Император Летавии). В легендах оба правителя известны как преданные союзники Артура, помогавшие ему во всех войнах. Именно их тяжелая конница обеспечила первые успехи думнонской дружины, и в армию «военного предводителя» до самого конца входили бретонские всадники. Последний их командир, брат Хоэла Алан Вирган, будто бы погиб при Камлане; не исключено, что валлийские историки спутали его с одноименным герцогом Бретани, правившим в 1084—1112 годах. Похоже, что семейная пара Будика и Хоэла повлияла на создание образов как Бана с Ланселотом, так и двух Борсов. При этом все их подвиги в Британии, конечно же, выдуманы.

После Кретьена пополнение реестра Круглого Стола новыми именами пошло еще активнее. В романах Вульгаты впервые встречаются такие «рыцари-слуги», как придворный шут Дагонет, сэр Динадан, также прозванный Шутником, и паж короля Гирфлет (Гифлет). По иронии судьбы, эти второстепенные персонажи или, по крайней мере, их имена оказываются едва ли не самыми древними в артуровском цикле. Например, Гирфлет, который в Вульгате почтительно называется «Божьим сыном» (*fils Dieu*), у Кретьена был сыном До, лесничего Утера Пендрагона, а еще раньше — кельтским полубогом Гилвайтви, сыном Дон, имя которого встречается в повести «Мат, сын Матонви» из цикла «Мабиногион». Дагонет играет важную роль только в романе «Пророчества Мерлина», где ему вместе с Ланселотом удается спасти Британию от нашествия саксов, пока Артур бездействует, увлеченный чарами Лжегвиневеры. В других текстах он труслив, хвастлив

и склонен к недобрым шуткам, но и сам немало терпит от рассерженных рыцарей.

Дагонета частично дублирует веселый и язвительный скептик Динадан — один из самых симпатичных героев артурианы, лучший друг Тристана, вероломно убитый Агравейном и Мордредом во время поисков Грааля. Вульгата называет его сыном Брюнора и братом Брюнора Черного по прозвищу «Плохо Сшитый Плащ» (*La Cote Male Taile*). Образ Динадана не имеет исторических корней, но его имя на староваллийском означает «крылатый человек» и, возможно, принадлежит персонажу какой-то забытой легенды. Вероятно, авторы рыцарских романов, как и Гальфрид Монмутский, давали экзотически звучащие кельтские имена персонажам, взятым из совсем иной традиции или просто выдуманным. В то же время они еще не рисковали признаться в своем вымысле и по привычке ссылались на древние книги и старинные предания, вводя в заблужение будущих исследователей.

Паломид Сарацин или Паламед (*Palamedes*) — еще один колоритный рыцарь Круглого Стола, впервые появившийся в «Тристане в прозе» (1240), а чуть позже ставший героем французского романа «Паломид». Прозвище этого рыцаря касается не его национальности, как часто считают, а лишь того, что он отказался креститься до тех пор, пока не убьет чудовище — Зверя Рыкающего, которого некая принцесса родила от дьявола. У Мэлори этот монстр описан так: «С виду был головой — как змей, телом — как леопард, лядвеями — как лев, и голенями — как олень. Из чрева у него исходил рев, точно сорок гончих были заключены в нем, и этот рев исходил от него, где бы зверь ни очутился»[39]. По легенде, он всегда бежит, думая, что за ним гонятся собаки. Охотой на него долгое время занимался отец Персиваля Пелинор, а потом это хобби перешло к Паломиду. В большинстве текстов рыцарь так и не догнал монстра, и только в одном романе он пронзил Зверя копьем, когда тот на минуту остановился у озера, чтобы напиться. Помимо охоты, у некрещеного рыцаря есть и другие занятия, главное из которых — вражда с Тристаном из-за прекрасной Изольды, в которую Паломид безответно влюблен. В итоге они примирились, и Тристан даже стал восприемником Паломида при крещении. Насчет его дальнейшей судьбы есть разные версии: в романе «Паломид» его убил на поединке Гавейн, а у Мэлори он получил от Ланселота в удел Лангедок, но после смерти Озерного рыцаря вернулся в Британию.

Сэр Саграмор (Сагремор) Желанный, упомянутый Марком Твеном, был, согласно Вульгате, сыном короля Венгрии

и дочери византийского императора. Он прославился не только на войне, но и в любовных делах — имел от девицы Сенего дочь, воспитанную бездетной Гвиневерой, а потом женился на королеве Сармении (очевидно, Армении) Сибилле и обратил ее в христианство. Французский роман «Чудеса Ригомера» добавляет, что он обольстил ирландскую принцессу Кренглею и двадцать лет спустя был убит своим сыном, отомстившим за мать. Большинство источников связывают его гибель с битвой при Камлане. Его имя, вероятно, означает «обреченный на смерть», а прозвище *Desiree* — искажение другого прозвища, «Пустынный» (*Deserte*), как Саграмора называют некоторые тексты. Очевидно, его далекая родина представлялась из Франции сплошной пустыней. В рыцарских романах есть и другие герои из Восточной Европы — например, византийский принц Клижес или дед Эрека Канан, король «Салолики», то есть Салоник. Как ни странно, упоминается там и Россия. В «Бруте» Лайамона дочь русского короля выходит замуж за Алкуса Ирландского, вассала Артура, а в романе «Кларис и Ларис» названы еще два короля России (Рутении) — Солифас и Баратрон, враждующие не только с Артуром, но и друг с другом.

В романах Вульгаты появились и братья-рыцари Балин Свирепый и Балан, Рыцарь с Двумя Мечами — олицетворение популярной в средневековой литературе темы родового проклятия. Балин, один из храбрейших рыцарей Артура, из мести убил Владычицу озера и был за это изгнан из Камелота. Случайно попав в замок Грааля, он нанес его королю Пеллесу Плачевный удар, из-за которого король заболел неизлечимой болезнью, а его страна опустела. После этого Балин бежал в лес и встретил там Балана, охранявшего некий замок. В доспехах братья не узнали друг друга и нанесли один другому смертельные раны. Подоспевшему Мерлину осталось только похоронить их в одной могиле. Имена братьев напоминают как солнечного бога Бели, так и ирландского Балора, короля демонов-фоморов, и, возможно, происходят от индоевропейского корня *wal-* (смерть). Однако сами они кажутся выдумкой авторов Вульгаты, которые ввели в артуриану библейские аллюзии, придав удару Балина роль первородного греха, искупить который должен бегрешный Галахад — аналог Христа.

Некоторые персонажи кельтских преданий превратились в соратников и современников Артура по ошибке. Это случилось при переводе романов Кретьена де Труа на валлийский в XIII веке, когда требовалось перенести действие в Британию и подобрать персонажам местных «двойников». Именно

тогда искатель Грааля Персеваль, чье имя означает по-французски «рази долину» (почему, будет сказано дальше), был назван Передуром — правителем северного королевства Эвраук, погибшим в битве с англами в 580 году. Тогда же герой романа «Ивейн, или Рыцарь со львом» получил имя Оуэна ап Уриена — известного короля Регеда, жившего в конце VI века. В повести «Видение Ронабви» описано, как «вороны» Оуэна повздорили с воинами Артура, пока оба правителя играли в гвидвилл — старинную игру, напоминавшую шахматы. Обычно «воронами» считают дружинников Оуэна, но не исключено, что он повелевал настоящими воронами как сын богини Модрон-Морганы, в свиту которой входили эти вещие птицы. Почему он оказался связан с Артуром, не вполне ясно, но уже Гальфрид упоминает Оуэна (*Hiwenus*) как участника войны в Галлии и наследника вымышленного шотландского короля Ангуселя. У Кретьена Ивейн назван королем Горра, который часто отождествлялся с Регедом, и носит прозвище «Незаконнорожденный», как и его исторический прототип. В Вульгате он погибает от рук Гавейна, с которым вступил в поединок, не узнав его — довольно частая ошибка героев рыцарских романов.

В романе Кретьена Ивейн добивается успеха в поединке с Черным рыцарем, в котором потерпел неудачу другой рыцарь — Калогренан. В последующих романах этот герой упоминается нередко, но играет незначительную роль; Мэлори по ошибке даже приписывает ему двойную гибель от рук Ланселота и Лионеля. По мнению Р. Ш. Лумиса, Калогренан — это тот же Кай, а его имя происходит от *Cai lo Grenant* (Кай Сварливый). Валлийский роман «Оуэн» заменяет его Киноном ап Гвиддно — северным героем, одним из участников битвы при Катрайте, упомянутым в поэме «Гододдин». Здесь мы снова видим произвольную замену имени по принципу фонетического созвучия, притом довольно сомнительного.

Еще один герой Кретьена — Эрек, сын Лака, — нашел своего «двойника» в лице знакомого нам короля Думнонии Герайнта ап Эрбина. На самом деле имя Эрек (*Guerec*) является чисто бретонским и принадлежит, как уже говорилось, местному герою, правителю и эпониму Ванна (Бро-Варох). Его отец Лак назван королем Карнанта — соседнего с Ванном города Нант. По мнению Р. Бромвич, возлюбленная Эрека Энида (Энид валлийской повести) — олицетворение области Ванна, древней Венетии, «брак» которой с королем восходит к языческим кельтским обычаям[40]. В позднейшей артуриане чересчур идеальный Эрек почти исчезает; у Мэлори мельком упоминается о его гибели вместе с сэром Пало-

мидом, в чем Эктор обвиняет Гавейна — это становится одной из причин вражды между кланами Гавейна и Ланселота.

Уникально приобщение к артуровской легенде одного из героев французских эпических песен (*chansons de geste*) — Ожье или Огера Датчанина. Согласно роману XIII века, этого паладина Карла Великого однажды выбросило бурей на пустынный берег, где фея Моргана околдовала его и целых двести лет держала в сексуальном рабстве. Когда он вернул себе память и возвратился во Францию, там правил уже Гуго Капет, но храбрые рыцари по-прежнему были в чести. Однако Ожье геройствовал недолго — чародейка снова унесла его на Авалон, где он и пребывает вместе с Артуром. С легкой руки Ханса Кристиана Андерсена Ожье под именем Хольгера превратился в датского национального героя, хотя его прозвище *Denemarche* — скорее всего искаженное *de la Marche* — «из Марша», области по соседству с Бретанью. Но легенда живуча — американский писатель Пол Андерсон сделал Ожье главным героем артуровского фэнтези «Три сердца и три льва».

По мере умножения числа рыцарей Круглого Стола в их число вошли и прежние враги Артура — например, короли Уриенс Горрский и Лот Лотианский. Прототипом первого, как уже говорилось, был король Регеда Уриен, а со вторым дело обстоит сложнее. По всей видимости, он получил имя от области, которой правил, хотя она в то время называлась не Лотианом, а Гододдином. Валлийский вариант его имени, Ллеу, явно заимствован у древнего бога Ллеу Ллау Гифеса, героя «Мабиногион»; не исключен вариант и другого бога — Ллуда, мифического предка королей Острова Британии. Легендарны и все родственные связи Лота — с Моргаузой, Гавейном, Мордредом. Гальфрид называет его «правителем Лейла (Карлайла. — *В. Э.*), отличнейшим воином, зрелым годами и наделенным выдающимся благоразумием»[41], а также пишет, что Артур отдал под его управление завоеванную Норвегию. Он также сообщает, что север Британии король разделил между братьями Лотом, Урианом и Ангуселем, которым валлийский перевод «Истории королей Британии» дает имена Ллеу, Уриен и Араун, называя их всех сыновьями Кинварха Регедского, хотя Ллеу-Лот никак не мог принадлежать к династии Регеда, а Араун вообще попал сюда по ошибке, будучи на самом деле королем подземного царства из того же «Мабиногион».

Рыцарские романы называют Лота королем далеких Оркад или Оркнейских островов — возможно, путая его с викингом Льотом, правившим этими островами в конце X века. Вульгата наделяет его жестоким и мстительным характером,

что отразилось и в «Житии святого Кентигерна», герой которого был внебрачным сыном дочери Лота Танеу и уже знакомого нам принца Оуэна Регедского. Узнав о беременности принцессы, Лот велел сбросить ее со скалы, но небесные силы спасли ее и перенесли на остров Мей, где она родила будущего святого. То же житие называет Лота язычником, что дало некоторым историкам и романистам основание считать короля предводителем пиктов, захвативших Гododдин. Валлийские генеалогии делают его сыном Кателла или Катлеу и внуком Декиона — возможно, римского офицера-декуриона. В свою очередь, сыном Лота назван Сергван — искаженное «сэр Гавейн». Смерть Лота изображается по-разному: там, где он представлен союзником Артура, он погибает в войне с Мордредом, а там, где враждует с королем, его убивает Пелинор в Димолоонской битве.

Среди врагов Артура в романах числятся не только люди, но и сверхъестественные существа — ведьмы, драконы и особенно великаны. Обилие великанов в британском фольклоре требует объяснения. Известно, что многие народы в старину представляли иноплеменников гигантами или, напротив, карликами, чаще всего наделенными колдовскими свойствами. В Древней Руси, например, великанами считались «обры» (авары) и «волоты» (вероятно, кельты-вольки, жившие в первых веках до нашей эры на Дунае). В Британии к карликам причисляли пиктов, которые были ненамного ниже среднего роста, а к великанам, возможно, ирландцев. Некоторые «огры» (это слово происходит от валлийского *gawr* — «великан) носят явно ирландские имена. Конечно, большая часть гигантов имеет мифологические корни — к ним относятся упомянутые в «Килухе и Олвен» великаны Исбаддаден, Диллус и Гурнах, убитые Артуром.

Великаном был и любопытный персонаж рыцарских романов — сэр Галахольт или Галехот, впервые появившийся во французском «Ланселоте в прозе». Благодаря своей силе и храбрости он завоевал Сурлузу, Эстрагорр и Дальние острова; все эти территории, по-видимому, располагались на севере Британии, хотя Эстрагорр, судя по названию, находился к югу от Горра, то есть Регеда. Напав на владения Артура, он едва не захватил их, но был побежден Ланселотом и Гавейном и запросил мира. Из врага Ланселота он стал его ближайшим другом — в Вульгате именно он свел влюбленного Озерного рыцаря с Гвиневерой и даже присутствовал на их первом свидании, чтобы все было прилично. Услышав однажды ложную весть о гибели Ланселота, благородный великан умер от разрыва сердца (уникальная для артурианы чувствительность).

По другой версии, он погиб в бою с Тристаном, когда-то убившим и его отца — великана Брюнора. Мэлори сделал его сугубо отрицательным персонажем, заклятым врагом Артура и Логрии. Интересно, что к островной столице Галахольта вел Подводный мост, по которому можно было пройти только во время отлива. Это напоминает остров Мон-Сен-Мишель во Франции, которым, согласно Гальфриду, владел жестокий великан — возможно, один из прототипов героя.

Еще один противник короля — Рита Гаур или Рикка, упомянутый у Гальфрида: «Он убил на горе Аравии великана Ритона, который вызвал его на единоборство. Тот из бород убитых им королей сделал себе меховой плащ и повелел Артуру, чтобы он тщательно выщипал свою бороду и выщипанные из нее волосы доставил ему и, так как Артур одолел других государей, то, воздавая ему почет, он уложит волосы с его бороды поверх всех остальных. В противном случае он, Ритон, вызывает его на бой, и кто из них возьмет верх, тому достанутся плащ и борода побежденного. Они начали схватку, и в ней возобладал Артур, который захватил бороду своего противника вместе с добычей и впоследствии утверждал, что ему никогда не встречался кто-либо столь же могучий, как этот Ритон»[42]. В валлийской версии «Истории» Рита назван королем Гвинедда, а его поединок с Артуром происходит в Аранских горах в Сноудонии — вероятно, это и есть «гора Аравия», а также «Гора Пауков» (Mons Aranearum), где рыцарь Идер сражался с тремя великанами. Возможно, Рита был историческим лицом, хотя опознать его вряд ли возможно. Любопытно, что в валлийских генеалогиях он оказывается отчимом Артура, поскольку после смерти Утера у Игрейны появляется сын Гормант ап Рикка. В «Ланселоте» Кретьена Рита назван королем Островов и врагом Артура, а у Мэлори он под именем Риенса воюет сначала с врагами короля, а потом и с ним самим с той же маниакальной целью — сделать себе плащ из бород побежденных. Артур Браун предположил, что борода в кельтской традиции — та дань, которую умерший должен заплатить королю царства мертвых, которым и мыслился Рита-Риенс[43].

Списки приближенных Артура в валлийских источниках также состоят большей частью из героев сказок и мифов. В них входил, к примеру, Ухтрид Вариф Драус, «который мог обмотать своей рыжей нечесаной бородой все сорок восемь столбов в главном зале дворца Артура»[44]. Или Гвиаун Кошачий Глаз, «который мог поразить комара в угол глаза, не задев сам глаз». Или троих сыновей Эрима, у которых было три свойства: «Хенбедестир никогда не встречал человека, способного его обогнать на коне или пешим; от Хенваса Адей-

наута не могло убежать ни одно четвероногое на расстоянии акра вокруг него; Сгилти Исгаунтройт, когда господин посылал его с поручением, никогда не выбирал дороги, а шагал прямо по верхушкам деревьев, и трава не гнулась под его ногами из-за его легкости».

Немного реалистичнее список придворных Артура в повести «Видение Ронабви». Здесь упомянуты и король Карадок (главный советник Артура и его двоюродный брат), и его сын Каурдо, и Кадо Корнуэльский, и Оуэн ап Уриен с его воронами. Корнуоллец Мархап Мейрхион в повести назван королем Ллихлина (Норвегии), хотя в других источниках эта должность принадлежит Лоту, а Эдейрн ап Нудд — королем Дании. Из известных по другим источникам рыцарей здесь присутствуют только Кай, Гвальхмаи, Тристан и Передур-Персеваль, зато встречаются новые имена. Мену ап Тейргваэдд именуется главным чародеем двора Артура, Бедвини — главным епископом, а юный Кадириэйт ап Сайди — главным судьей. Этот персонаж, чье имя означает «Правдивая речь», в триаде 9 входит в число Трех вождей двора Артура, а отцом его назван Привратник Кадо — гибрид уже известных нам Глеулуйда и короля Кадо.

В «Видении Ронабви», в отличие от «Килуха», короля окружает не кельтская дружина, а типовой штат придворных, который мы видим и в рыцарских романах. Если в валлийском фольклоре привратник Глеулуйд — важный персонаж, почти полубог, контролирующий проход из одного мира в другой, то в европейской артуриане его двойник, сэр Лукан, низводится до положения обычного дворецкого. Важно помнить, что ни тот, ни другой образ не дают представления о реальных соратниках Артура; гораздо больше им подходят характеристики кельтской (а также германской, славянской и т. д.) героической поэзии. Смелые и жестокие, свято блюдущие кодекс чести и родовой солидарности — такими были друзья и враги «военного предводителя». Таким был и он сам, и именно этими чертами личности объясняются и победы его, и поражения.

Глава вторая

ЗАЩИТНИК БРИТАНИИ

Все легенды сходятся на том, что главным делом Артура и его соратников была война, и с этим вряд ли можно спорить. Каждый, кто в то нелегкое время пытался защитить земли бриттов, должен был непрерывно сражаться с многими врагами — саксами с востока, ирландцами с запада, пиктами

с севера, а заодно и с собственными соплеменниками, упорно не желавшими признавать чье-либо верховенство. Без сомнения, всем этим занимался Артур, первоначально вошедший в историю со славой непобедимого полководца, *dux bellorum*.

Нам известны два очень разных списка битв Артура. Первый из них приведен у Ненния (глава 56 «Истории бриттов) и является, пожалуй, самым ценным и одновременно самым спорным историческим свидетельством о нашем герое. Автор перечисляет двенадцать сражений, в которых Артур возглавлял бриттов и побеждал врагов, которыми, по всей видимости, считались англосаксы: «Первая битва произошла в устье реки, которая называется Глейн. Вторая, третья и четвертая, равно как и пятая — у другой реки, носящей название Дубглас и находящейся в области Линнуис. Шестая — у реки, именуемой Бассас. Седьмая битва произошла в Келидонском лесу, иначе Кат Койт Келидон. Восьмая битва состоялась у стен замка Гвиннион, и в ней Артур носил на своих плечах изображение святой непорочной Девы Марии; в этот день язычники были обращены в бегство и по изволению Господа нашего Иисуса и святой Девы Марии, его родительницы, великое множество их здесь было истреблено. Девятая битва разразилась в Городе Легиона. Десятую битву Артур провел на берегу реки, что зовется Трибруит. Одиннадцатая была на горе, которая называется Агнед. Двенадцатая произошла на горе Бадон»[1].

Второй перечень битв вложен в «Килухе и Олвен» в уста уже известного нам привратника Глеулуйда Гаваэлваура: «Я был с тобой в Каэрсе и Ассе, в Сах и Салах, в Лотор и Фотор, в Большой и Малой Индиях, в битве у Деу-Инир, где мы взяли двенадцать заложников из Ллихлина. Я был с тобой в Европе, и в Африке, и на острове Корсика, и в Каэр-Бритух, и в Бритах, и в Нертах. И я был с тобой, когда ты сразил спутников Клейса, сына Мерина, и когда ты одолел Мила Дду, сына Дугума. Я был с тобой, когда ты завоевал всю Грецию до самых пределов Востока. Я был с тобой в Каэр-Оэт-ак-Аноэт, и в Каэр-Невенхир»[2].

Практически все эти названия в артуровском контексте сказочны — например, *Caer Oet ac Anoet* означает «Крепость недоступная и еще недоступней». Триады отмечают, что Артур три ночи томился в плену в этой крепости, а «Могильные строфы» помещают в Гванасе (Северный Уэльс) могилы воинов Оэт-ак-Аноэт, очевидно, убитых в сражении с Артуром. *Caer Nevenhir*, Крепость Высоких небес, считалась местом мифической Битвы деревьев (Кад Годдеу), воспетой в одноименной поэме из «Книги Талиесина». Упомянутые про-

тивники Артура, судя по их именам («синий» и «черный»), тоже относятся к потустороннему миру. Какую-то историческую привязку можно усмотреть разве что в упоминании Деу-Инир, буквально «двух Иниров». Один из них, возможно — король Гвента, правивший в середине V века и сошедший со сцены еще до рождения Артура.

Легендарность, окутавшая короля в валлийской словесности, еще заметнее в поэме «Кто привратник», где Артур восхваляет себя и своих спутников за победы над ведьмами, собакоголовыми людьми и чудовищным Котом Палугом, который якобы обитал в проливе между Уэльсом и островом Мона. Любопытно, что другие враги тоже имеют четкую географическую привязку — например, псоглавцы (*cynvyn*) обитали в Минидд-Эйддин, в районе нынешнего Эдинбурга. Местом битвы с ведьмами в поэме названы загадочные чертоги Аварнаха, хотя в «Килухе» это вполне реальный Глостер (Каэр-Глови). Возможно, эти названия хранят далекую и искаженную память о подлинных событиях, но докопаться до нее почти невозможно.

Казалось бы, список Ненния гораздо историчнее, но и с ним все отнюдь не просто. Мы можем точно определить места лишь четырех из двенадцати битв: кроме Бадона, это Линнуис (графство Линкольншир), Койт-Келидон (Каледонский лес в Южной Шотландии) и Город Легиона (Честер или Каэрллеон). Остальные неизвестны, хотя две реки Глейн (ныне Глен) находятся в Линкольншире и Нортумберленде. Интересно, что рядом с последней располагается город Иверинг — древняя столица Дейры, а до этого опорная база бриттов в их борьбе с англами. Уильям Скин в 1867 году предположил, что битва произошла у ручья Гленуотер в Стрэтклайде; среди других претендентов — Глайм в Оксфордшире, Люн в Уэстморленде и Глейниант в Гвинедде. Есть и вариант ручья Глинд-Рич в Сассексе, где, по данным «Англосаксонской хроники», произошла в 485 году одна из битв короля Эллы с бриттами. Однако к Артуру это имеет мало отношения, и наиболее вероятным кандидатом кажется все-таки речка Глен в Линкольншире, у города Бригг, ныне почти пересохшая из-за осушения окрестных болот.

Ферма под названием Каэр-Гвинион («белая крепость») расположена возле города Чирк на северо-востоке Уэльса. То же имя могло носить в раннем средневековье римское укрепление Виновий — ныне Бинчестер близ Дарема. В Шотландии популярна версия, связывающая «замок Гвиннион» с долиной Видейл по той причине, что текущая там речка Гала-Уотер по-бриттски называлась Гвенистрад — «белый поток». В сосед-

нем городе Стоу бытовала легенда, что в местной церкви Девы Марии когда-то хранилась частица Креста Господня, привезенная королем Артуром из Иерусалима. Конечно, эти основания для отождествления Гвинниона с Видейлом могут показаться убедительными только шотландским патриотам. Более вероятно, что «белая крепость» находилась где-то в Центральной Англии — быть может, у меловых холмов Оксфордшира, давших название королевству Калхвинедд.

Река Бассас, возможно, связана с городами Басчерч (Церковь Бассы) в Шропшире или Басингверк (Крепость Бассы) в Чешире. На эту роль предлагались также Олд-Басинг в Хэмпшире и скала Басс-Рок в Шотландии, однако из рек Бассас напоминает разве что ручей Бассингберн в Кембриджшире. Однако все эти названия англосаксонские и происходят от личного имени Басса. Тот же У. Скин, убежденный сторонник северной локализации артуровских битв, в 1860 году отождествил реку Бассас с местностью Дунипас в Шотландии, предположив, что прежде она называлась Дун-и-Басс, «двойные холмы». Правда, ни одна из рек в этом районе не носит названия, похожего на Бассас, однако *bais* на северном бриттском диалекте означает «брод». Это приводит нас в замкнутый круг: понятно, что брод может найтись почти на любой реке.

Та же проблема с рекой Трибруит («многоцветной»), которая упоминается в поэме «Кто привратник»: по ней течение принесло «расщепленную древесину» — возможно, остатки щитов и копий с места битвы. Это, однако, не помогает определить ее местонахождение; «многоцветной» могла называться любая река, куда ручьи приносили мутную воду болот. Точно так же имя Дубглас («черная вода») принадлежало многим речкам Англии и Уэльса, а позже дало название знаменитому шотландскому роду Дугласов. В «Истории» Гальфрида река Дубглас (Дулас) находится где-то на севере — возможно, в том же Линкольншире, хотя в этом регионе нет ни одной реки с похожим названием. Конечно, река могла изменить свое имя; Л. Олкок предположил, что Дубгласом могла называться река Дивелиш, протекающая в Дорсете и Сомерсете недалеко от Сауз-Кэдбери, поскольку ее название на староанглийском означает «темный поток». Тот же ученый напомнил, что город Илчестер в Сомерсете в римское время назывался Линдинис, и битва в Линнуисе могла произойти именно там, а не в Линкольншире.

Гора Агнед тоже упомянута у Гальфрида: «Эбраук основал поблизости от Альбании город Алклуд и укрепление на горе Агнед, которое ныне называется Замком дев, а также Скорб-

ной горой»[3]. По шотландским легендам, Девичья гора, где держали взаперти до замужества пиктских принцесс, находилась близ Эдинбурга — там же, где Артур сражался с псоглавцами. В ватиканской рукописи Ненния гору Агнед заменяет гора Брегион (*Mons Breguion*) — возможно, римский городок Браногений, ныне Линтуорден в графстве Херефордшир. Эта битва, возможно, соотносится с упомянутым у Мэлори сражением при Бедгрейне, где Артур разбил армию мятежных бриттских вождей во главе с Лотом Лотианским. Альтернативное местонахождение горы Брегион — Бревин в Северном Уэльсе, где, судя по одной из поэм Талиесина, сражался с кем-то король Уриен Регедский. Эту битву вполне могли приписать Артуру по ошибке, как и сражение при Честере в 577 году — правда, там бритты потерпели поражение. Такая же путаница могла произойти с Каледонским лесом, где в 573 году произошла памятная бриттам битва при Ардеридде; ее фольклорная традиция тоже могла связать с именем Артура.

Не раз отмечалось, что порядок битв у Ненния явно перепутан — Бадон перенесен в конец, хотя мы видели, что хронологически он относится к началу карьеры полководца. То, что часть названий (например, Каледонский лес) автор сопровождает валлийскими глоссами, подтверждает версию, что список сражений взят из старинной героической поэмы: в нем рифмуются Дубглас и Бассас, Келидон и Гвиннион, Трибруит и Агнед. Бадон не находит рифмы; очевидно, Ненний внес его в текст, чтобы упомянуть о самой знаменитой битве Артура и довести счет до «счастливой» дюжины. Но у древних кельтов было другое сакральное число — девять; похоже, именно таким было первоначальное число битв, и на реке Бассас состоялось не пять (что многовато), а всего три сражения, хотя и это может быть преувеличением.

Главное возражение критиков списка Ненния — слишком широкий разброс упомянутых в нем событий. Они считают, что Артур не мог воевать на территории от Эдинбурга до Корнуолла и от острова Англси до Линкольншира. Ими предложено множество остроумных трактовок, в результате которых чуть ли не каждая местность Британии сегодня располагает собственными местами двенадцати сражений, так же как своим Камелотом. Между тем локализация битв способна многое поведать о характере военной активности Артура. Если он в самом деле действовал лишь на маленьком пятачке Уэльса или Корнуолла, почему его имя уже в VII веке, не говоря о более поздних временах, было известно по всему острову? И если его войско было типичной кельтской дружиной, почему его считают основателем рыцарства, то есть мобильной

тяжеловооруженной конницы? Как ни странно, большинство исследователей не задают себе этих вопросов — вероятно, потому, что мы почти ничего не знаем о вооружении и тактике воинов Артура и вообще бриттов той эпохи.

Как уже говорилось, после ухода римлян оборона Британии оказалась в плачевном состоянии. Южные общины доверили свою защиту наемникам, в том числе саксам, а воинственные племена Севера и Запада вернулись к прежней военной организации, уцелевшей при римской власти. Каждый король имел собственную дружину (*teulu*), численность которой составляла от ста до трехсот воинов. Кроме этого, при вторжении врагов собиралось ополчение, для которого каждое селение предоставляло определенное количество людей, оружия и провизии. В случае длительной войны ополченцы несли службу в крепостях и на границах. Дружина и ополчение вместе носили название «войска» (*gosgordd*), но это формирование могло собираться лишь на короткое время.

Судя по немногим сохранившимся сведениям, боевая тактика бриттов напоминала ту, что Диодор Сицилийский в I веке до н. э. наблюдал у галлов: «На колесницах находятся возничий и боец. Приблизившись, они поражают противника копьями, а затем, сойдя с колесницы, продолжают сражаться мечами. Некоторые из них презирают смерть настолько, что устремляются навстречу опасности обнаженными, в одном только поясе. <...> Выстроившись к бою, галлы имеют обыкновение выходить перед строем и вызывать храбрейших из противников на поединок, потрясая оружием и устрашая врагов»[4]. Правда, колесницы, мастерское применение которых бриттами описывал Цезарь, к V веку вышли из обихода; теперь кельтские вожди сражались верхом или руководили боем с возвышения в тылу, где вместе с ними находились друиды и христианские священники, выполнявшие одну и ту же миссию — молиться за победу своей армии.

В поэме «Гододдин», где содержится первое известное нам упоминание Артура, сражение также состоит из поединков между отдельными воинами. Именно так его представляли кельтские герои — чтобы схватиться с наиболее «перспективным» врагом, они ломали строй, оголяли тылы и не слушали ничьих приказов. По замечанию Ф. Кардини, «личная доблесть в конце концов объективно приводила к поражению всей кампании: воин-одиночка старался добиться в сражении максимальной степени самовыражения, пусть и в ущерб общему тактико-стратегическому замыслу»[5].

Каждый участник битвы старался захватить как можно больше трофеев, в число которых, возможно, входили и вра-

жеские головы — в античную эпоху охота за головами была в обычае кельтов, и на окраинах, в частности в Ирландии, эта практика дожила до времен Артура. В походе дисциплина была еще ниже: посты не выставлялись, а перед боем все войско напивалось допьяна и спало до того момента, как рог протрубит сбор. Такая армия могла успешно воевать с пиктами и ирландцами, которые придерживались тех же обычаев, но проигрывала англосаксам, у которых были два важных преимущества. Первое — дисциплина, основанная на преданности вождю, второе — огражденный щитами строй, известный у всех германских народов как «клин» или «свинья».

Лучше кельтского было и оружие саксов, о котором мы можем судить по погребальному инвентарю и изображениям более позднего времени. Это, в первую очередь, знаменитые саксонские ножи — скрамасаксы и более длинные лангсаксы длиной до метра. Широко применялись также боевые топоры, оставлявшие страшные раны; кроме тяжелых двуручных топоров, саксы использовали заимствованные у франков метательные топорики — франциски. Кроме них, в ходу были длинные копья и дротики-ангоны, которыми издалека засыпали врага. Военачальники имели шлемы, иногда с лицевой маской (наподобие найденного в знаменитом погребении Саттон-Ху), примитивные кольчуги и нагрудники. Оружие и снаряжение бриттов известны в основном по литературным описаниям; они были вооружены мечами римского типа, кинжалами и копьями, а из защитных средств имели обычно только щит — круглый *clipeus* или большой прямоугольный *scutum*. Щит изготавливался из сбитых досок, обтянутых кожей и укрепленных железным или бронзовым ободом; в центре их помещалась железная шишка-умбон, которая защищала руку и одновременно отражала удары нападавших. Надо сказать, что уже в VI веке бритты переняли кое-что из вооружения своих врагов, например, кинжалы-саксы. Позже была заимствована и тактика саксов — стена щитов, куда более эффективная, чем кельтский рассыпной строй.

Вот как описывает военное снаряжение бриттов Лесли Олкок: «Большинство воинов были вооружены пиками, имели щиты и защищали тело кожаным нагрудником. Лишь немногие сражались мечами — быть может, длинными кавалерийскими мечами, которые римляне в свое время заимствовали у кельтов»[6]. Командиры высшего ранга могли позволить себе кожаный панцирь-лорику с нашитыми металлическими бляхами и шлем — круглый римский или конический германский. «Лориками» назывались и популярные охранительные молитвы; одна из них, сочиненная в Ирландии в VI веке,

перечисляет типичные предметы тогдашнего защитного снаряжения: «Прошу всех великомучеников, ратников Господа — станьте спасительным шлемом головы моей... Господи, стань прочнейшими латами членам моим и утробе моей... Защити, Господи, крепкой броней плечи и спину мою...»[7]

Лука ни бритты, ни их противники практически не применяли, считая его оружием трусов. Только горцы Уэльса, виртуозно владевшие луком и пращой, ходили с ними в бой. Мощные составные луки, распространенные в римской армии, вышли из употребления, как и другие военные достижения римлян. По-видимому, британские воины испытывали острый недостаток оружия — в годы римского правления его изготовление и ношение запрещалось на большей части острова, кроме неспокойного Севера, и навыки оружейного дела были утрачены. Для саксов, у которых оружие носил каждый свободный мужчина, это было дополнительным преимуществом и лишним поводом для презрения к «трусливым валлийцам».

Намереваясь победить врагов, Артур должен был внимательно обдумать все эти обстоятельства. Выход из них не мог быть найден в привычной системе координат, и можно предположить, что *dux bellorum* со смелостью, отличающей всякого гениального стратега, отыскал решение за ее пределами. Его подсказала история побед Амброзия, применившего против саксов, как следует из не слишком достоверных сведений Гальфрида, тяжелую конницу. Эта конница, возникшая в позднеримскую эпоху, соединила тактику римлян с оружием галлов — длинным мечом-спатой длиной до полутора метров. Им удобно было наносить рубящие удары сверху вниз, с высоты коня, для чего никак не годился короткий римский гладиус. Всадники, а иногда и их кони несли на себе кожаные доспехи, обшитые железными или бронзовыми пластинами. Меч, копье и доспехи превращали всадника в грозную боевую силу, настоящий «танк» древности. Латы для коня и всадника были заимствованы с Востока; по одной из версий, их еще в III веке принесли в Британию сарматы Артория Каста, что не преминули отметить адепты версии, отождествляющей римского генерала с Артуром.

Однако к моменту прекращения римского господства конница, состоявшая в основном из варваров, покинула остров или погибла в битвах. Сами бритты не слишком уверенно держались в седле — как уже отмечалось, несколько их правителей имели прозвище Всадник (*Marchawc*), говорящее о том, что конные воины в послеримский период были достаточно редким явлением. К тому же местные лошади были малорос-

лы, не слишком выносливы и не могли нести на себе всадников в полном вооружении. В этой связи стоит отметить сообщения Гальфрида, что Амброзий, а за ним и Артур включили в свою армию конных воинов из Арморики. Не исключено, что это были не только бритты, но и наемники-галлы, известные всей Европе как отличные наездники. Стоит отметить, что лошади для римской тяжелой кавалерии тоже выращивались в Галлии — уже во времена Цезаря галлы отличали рабочую лошадь от могучего боевого коня (*bellator equus*).

Многие источники, как валлийские, так и бретонские, говорят о тесной связи британского полководца с Арморикой — прежде всего с «императором» Будиком, сын которого Хоэл по легенде был женат на сестре Артура. В начале VI века возобновилась прервавшаяся на сто лет торговля Британии с Галлией; кроме вина, посуды и тканей, оттуда вполне могли поставляться знаменитые франкские мечи и другое оружие. Правда, оружейный экспорт был невелик — ведь мечи и доспехи предназначались только дружине Артура, вошедшей в историю под именем рыцарей Круглого Стола. Это легендарное определение в каком-то смысле справедливо — не будь совета в Каэрллеоне и бадонской победы, не появилось бы и это воинское сообщество. Численность его неизвестна; здесь вряд ли можно ориентироваться на артуровские романы, которые усаживают за Круглый Стол то 12, то 150, а то и вообще 1600 человек. Возможно, рыцарей Артура было не более трехсот, как в классической бриттской дружине, но каждый из них стоил десятка бойцов.

Сегодня трудно даже представить, какие возможности могло дать Артуру наличие хотя бы двух-трех сотен хорошо вооруженных конных воинов. В условиях, когда сражения велись в пешем строю, луки почти не применялись, а шлемы и панцири имели только военачальники, эти всадники были не менее грозной силой, чем рыцарство в последующую эпоху. Правда, отсутствие стремян и задней луки седла не давало кавалеристам упора для нанесения по-настоящему сокрушительных ударов мечом или копьем. Против сплоченного, ощетиненного пиками строя англосаксов они действовали не слишком успешно, о чем свидетельствует ход битвы при Бадоне. Зато всадники были незаменимы в рассеивании нестройных рядов бриттов или ирландцев и преследовании бегущих врагов, которых они буквально косили своими тяжелыми мечами. Еще важнее была мобильность конницы, позволявшая ей быстро преодолевать большие расстояния даже с обозом. Характерно, что сам Артур, похоже, был не слишком умелым наездником, поскольку ездил не на коне, а на более

смирной кобыле. Валлийские источники сообщают, что ее звали Ламреи (быстро скачущая), а «Поэма о лошадях» (*Canu y Meirch*) из «Черной книги Кармартена» называет ее «бесстрашной в битве».

Ряд намеков в источниках позволяет думать, что Артур не только ввозил лошадей из Галлии, но и пытался выращивать их в Британии — в частности, в Южном Уэльсе. Возможно, именно тогда в язык бриттов проникло галльское название боевого коня *marka*, ставшее валлийским именем лошади — *march*. Ирландская сага «Разговор старцев» (*Acallamh na Senorach*) сообщает, что благодаря Артуру (*Artuir mac Beine Brit*) в Ирландии появилась новая порода коней — более рослых и сильных. Странный патроним героя происходит, скорее всего, от *pen britain*, «глава бриттов» — не титула, а почетного прозвища, которым Артура вполне могли наградить современники. Об «Артуре Британском» (*Artur Pritene*) вскользь упоминает также ирландское сказание «Плавание Брана»; «Разговор старцев» делает его соратником легендарного вождя фениев Финна и пишет о его гибели от рук свирепого Голла мак Морны. Впрочем, к лошадям все это уже не имеет отношения.

Гипотеза об Артуре как военачальнике, воссоздавшем в том или ином виде римскую тяжелую кавалерию, была впервые сформулирована Р. Дж. Коллингвудом[8]. Этот историк вслед за Дж. Рисом считал, что Артур унаследовал возникшую в конце римского владычества должность Comes Britanniarum — командующего войсками на юге острова. Созданные им отряды «конных партизан» проявляли высокую мобильность, что объясняет территориальный разброс мест сражений из списка Ненния. Впоследствии эту теорию разделяли К. Джексон, Л. Олкок, Дж. Моррис и другие ученые, которые, однако, расходились во взглядах на характер власти Артура. Коллингвуд считал его предводителем войска наемников, не имевшим официального статуса. Джексон — выборным главнокомандующим бриттов на юге Британии, Моррис — верховным королем, унаследовавшим власть Вортигерна и Амброзия. Соединить эти версии попытался Дж. Эш, по версии которого Артур был романизированным бриттом, который вначале собрал дружину и одержал с ней ряд побед над саксами, а затем был избран главнокомандующим союза бриттских королевств Юго-Запада. Эта версия кажется наиболее правдоподобной, но позже Эш в значительной степени обессмыслил ее своей идеей о тождестве британского полководца с Риотамом из Арморики.

Если Артур и в самом деле создал объединенные силы бриттов, да еще и с решающей ролью кавалерии, то для ус-

пеха ему требовался новый принцип формирования армии — не кровное родство, а преданность командиру. Этот принцип давно был в ходу у англосаксов, в отрядах которых сражались добровольцы и наемники из разных племен (например, знаменитый Беовульф воевал за короля геатов или южных шведов). У бриттов было иначе — члены дружины обычно были родичами или земляками, а вступающие в нее чужаки-аллтуды давали клятву верности принявшему их племени и его правителю. Стив Блейк и Скотт Ллойд пишут: «Дружина состояла из местных молодых людей в возрасте вхождения во взрослое состояние (четырнадцать лет), присягнувших на верность местному владетелю или королю. Их будущее положение и продвижение по службе зависели исключительно от связи с этим владетелем и от верности ему. Существуют указания на то, что владыки пользовались услугами знаменитых воинов, если те были уроженцами других мест; то есть, приобретая славу или известность, вождь или предводитель мог привлекать к себе воинов из других областей»[9]. (Нужно отметить, что эти авторы одними из первых предположили, что Артур был не королем, а командиром дружины, *penteulu*. Однако их настойчивые попытки «запереть» героя в Северном Уэльсе, обусловленные валлийским патриотизмом, подрывают доверие к их выводам.)

Можно предположить, что именно воины Артура, сплоченные не племенной общностью, а намерением защищать свою страну, впервые получили имя комброгов или кимров, «соотечественников», ставшее позже самоназванием жителей Уэльса. Возможно, к артуровским временам восходит и система «тригер», принятая в Думнонии в VIII веке. Она заключалась в том, что каждые три усадьбы выставляли одного полностью вооруженного воина с лошадью. Зачем лошадь, если думнонские воины того времени сражались пешими? Ответ может отставать на два века — из таких вот деревенских жителей, вооруженных всем миром, «военный предводитель» создавал своих рыцарей.

Вероятно, широкая известность Артура позволила ему широко привлекать на службу чужестранцев — ирландца Кея, выходца из Диведа Бедуира, северянина Гвальхмаи (если он был реальным лицом). В его дружине состояли также думнонцы, воины Гвента, Гливисинга и Поуиса; числился там и отряд арморикасских бриттов. Возможно, там были даже саксы из Хвиссы, но более вероятно, что у них имелось свое войско, обязанное воевать в союзе с Артуром. Такие же ополчения собирались в других соседних княжествах; их бойцы дежурили на сторожевых башнях, выстроенных римлянами

вдоль берега моря и восстановленных по приказу «военного предводителя».

На суше рубежи страны охраняла впечатляющая система укреплений, которую начал создавать еще Амброзий. В графствах Сомерсетшир и Глостершир обнаружены не менее полусотни кельтских хиллфортов, часть которых относится к доримскому времени, но некоторые — явные «новостройки» V—VI веков. Кроме уже описанного Сауз-Кэдбери, это Брент-Нолл, Илчестер, Хэм-Хилл, Кэдбери-Тикенхем, Кэдбери-Конгресбери, Гластонбери-Тор. Все они находились на вершинах холмов, и в случае нападения врага сигнальные огни могли быстро разнести тревожную весть по всему краю. Верховья Темзы, по которой вглубь острова проникали саксонские пираты, были ограждены рвами и валами Вэнсдайка, возведенными еще Амброзием. Теперь там были сооружены крепости Бат-Касл, Мейз-Нолл и Стантонбери. Еще одна крепость, в Каннингтоне, находилась рядом с кладбищем, в одной части которого найдены христианские могилы, в другой — языческие, причем несколько из них были сгруппированы вокруг захоронения молодого человека — очевидно, короля или принца данной местности. Ни в одном другом районе Британии нет такой концентрации оборонительных сооружений «темных веков», как в Западном крае. Напрашивается вывод, что именно здесь находились владения Артура, который, не будучи королем, все же сумел взять под свой контроль обширную территорию. Это был своего рода «фронтир» Логрии, где закон и порядок воплощали всадники в сверкающих доспехах, всегда готовые пустить в ход меч.

Восточный Сомерсет, вероятно, был передан Артуру королем Кадо и управлялся от его имени. Возможно, такой же была участь Дорсетшира, выходящего к морю — он был нужен для связи с союзной Арморикой. О судьбе Глостершира, прежде принадлежавшего Вортигерну и Амброзию, говорит только Гильдас, обличающий «молодого льва» Аврелия Конана — по всей видимости, подлинного или мнимого потомка Амброзия, правившего в Каэр-Глови. Мимоходом историк отмечает, что отца и братьев Конана постигла «безвременная смерть в расцвете лет» — расплата за «тщетные мечтания». Возможно, они пытались отобрать у Артура свой наследственный удел и поплатились за это жизнью — одна из бесчисленных драм того времени, навсегда скрытых от нас.

Мы не знаем, как далеко простиралась власть Артура вдоль течений Эйвона и Северна, в «диком поле», откуда население давно бежало из страха перед саксами. Там, на развалинах Римской Британии, воины Круглого Стола совершали

бесчисленные подвиги, часть которых в измененном до полной неузнаваемости виде попала в средневековые романы. Там же выковывался кодекс поведения, которому лишь через долгие семь веков суждено было воплотиться в поэме «Орден рыцарства»: рыцарь обязан служить Богу и церкви, быть верным сеньору, оберегать честь прекрасных дам, защищать слабых. Конечно, многие дружинники Артура (как и он сам) относились к дамам, да и к Богу, сугубо утилитарно. Зато они хранили верность своему командиру и были последней надеждой бедняков, лишенных крова и умирающих от голода и холода. Артур-защитник, Артур-каратель зла в каком-то смысле действительно был первым рыцарем, хотя он ничего не слышал о турнирах, гербах и куртуазном поведении. Что-то в его внешности и характере внушало людям веру в справедливость, в то, что горе и страх остались позади — и это вторая причина того, что легенда об Артуре пережила века.

Неразрывно связанного с войной короля в фольклоре окружает целый ряд магических предметов, большая часть которых относится к вооружению. В «Килухе и Олвен» он клянется дать гостю все, что тот пожелает — «только не проси мою корону, и мою мантию, и мой меч Каледволх, и мое копье Ронгомиант, и мой щит Винебгортухир, и мой кинжал Карнвеннан, и мою супругу Гвенвивар»[10]. Мантия Артура, судя по другим источникам, называлась Ллен («плащ») и имела свойство делать своего владельца невидимым. Название копья означает «режущее острие», щита — «лик вечера», кинжала — «сверкающий столп»; легенды об этих предметах не сохранились, но все они, судя по названиям, имели волшебное происхождение. Кинжал Карнвеннан упоминается в той же повести — Артур разрубил им ведьму Ордду («чернейшую») «так, что хлынувшая из нее кровь заполнила два ведра».

Другой «реестр» вооружения короля сохранился у Гальфрида: «Артур, облаченный в достойную столь могущественного короля кольчугу, надевает на голову золотой шлем с изваянным на нем драконом, на плечи вешает щит, именуемый Придвеном, с изображенным на нем ликом Богоматери Девы Марии. <...> Еще он препоясывает себя Калибурном, отличным мечом, изготовленным на острове Аваллона, и берет в десницу свою копье, которое называлось Рон — копье это было длинным и широким, удобным в схватках»[11]. Здесь щиту дано имя, которое в других текстах принадлежит кораблю Артура и означает «прекрасный обликом». На этом корабле *dux bellorum* не только путешествовал в царство мертвых, но и совершал реальные морские плавания; его корабельщиками триады называют Гвенвинвина ап Нава и почему-то

Марха ап Мейрхиона — короля Марка из легенды о Тристане. Возможно, Артур действительно имел небольшой флот, необходимый для связи с дружественной Арморикой и борьбы с пиратами.

Артурово «государство в государстве» существовало почти сорок лет — от Бадона до Камлана. Почти все это время занимали войны, причем только в начале это были войны с англосаксонскими завоевателями. Это косвенно подтверждает современник событий Гильдас, отмечавший, что «нечестивые полчища» были разбиты за поколение до него, после чего в Британии наступило относительное спокойствие. Тем не менее, «до нынешнего дня города нашей страны не заселены так, как прежде; они стоят опустевшие и разрушенные, поскольку прекратились внешние войны, но не гражданские»[12]. Эти междоусобные смуты начались задолго до смерти Артура, и он принял в них деятельное участие. Но вначале ему нужно было закрепить победу над завоевателями. Если саксы были разбиты и усмирены, то англы продолжали нависать над Логрией с севера, постоянно угрожая вторжением. Эту угрозу требовалось устранить в первую очередь.

Конечно, сочинителей легендарных историй эти скучные подробности не занимали — недрогнувшей рукой они превратили Артура в завоевателя едва ли не всей Европы. По сведениям Гальфрида, после Бадона он двинулся на север, в Альбанию, где победил у озера Лох-Ломонд скоттов и пиктов вместе с прибывшим к ним на помощь ирландским королем Гилломаврием. В следующем году он захватил саму Ирландию, еще через 12 лет — Данию и Норвегию, а потом в течение девяти лет воевал в Галлии, пока не подчинил ее целиком, убив короля-великана Флолло (Фроллона). После этого он провел в Каэрллеоне блистательную коронацию, куда прибыли его вассалы со всех концов света, включая даже «Холдина, предводителя рутенов» из далекой Руси. Торжество было испорчено прибытием посланцев римского правителя Луция Гиберия, которые потребовали у бриттов покориться и выплатить дань. Это вызвало всеевропейскую войну, в ходе которой Артур убил Луция в сражении и направился к Риму, но был вынужден вернуться домой, узнав о мятеже принца Мордреда.

Иную картину войн короля рисуют романы Вульгаты. В них Артур в первой половине правления сражается с непокорными вассалами, а во второй — ведет войны в Галлии, вначале с императором Луцием, а потом с Ланселотом. Сразу после коронации против него выступили шесть королей Севера, недовольных передачей трона безродному юнцу. В состав Северного союза вошли короли Лот Лотианский, Уриенс Горр-

ский, Гарлот Нантский, Карадос Уэльский, не названный по имени король Шотландии и некий Король-с-Сотней-Рыцарей. Позже им удалось привлечь на свою сторону еще пятерых правителей, включая Идриса Корнуэльского и Ангвисанса Ирландского, после чего их силы достигли 60 тысяч воинов. Артур с помощью Мерлина получил военную помощь от королей Арморики Бана и Борса и двинулся на север, где у Бедгрейнского леса к югу от Трента состоялась решающая битва. Артур одержал победу, но его противники сохранили власть и продолжали строить козни. Три года спустя они перетянули на свою сторону могущественного Риенса, короля Северного Уэльса, который вторгся в Логрию, но был разбит при Камерлиаде.

Какое-то время спустя Северный союз вместе с Риенсом развязал новую войну. Его силы вторглись в Корнуолл и осадили замок Димлок (Димилиок), под стенами которого произошла решающая битва. Лот погиб в ней от руки короля Пелинора, а Риенс еще раньше попал в плен к Артуру. Но враги не угомонились: на сей раз они напали на Логрию с севера силами Ангвисанса Ирландского, Неро Уэльского (брата Риенса), короля Дании и короля Сурлузы и Дальних островов. Им удалось застать Артура врасплох и рассеять его войско, но в отчаянном бою на берегу Хумбера сам Артур, Кай и Бедуир втроем разбили вражескую армию и уничтожили всех ее предводителей. После этого в Британии царил мир, пока провокационное требование дани со стороны римского «прокуратора» Луция вновь не разожгло воинственные страсти — даже враги Артура отправились вместе с ним в Галлию. По дороге король взял Париж, а также обезглавил злобного великана с горы Сен-Мишель, который похищал и убивал женщин. Решающее сражение с римлянами произошло в долине Суассон или Сессуан*, где погибли Луций и великое множество его воинов, а британцы потеряли Кая и Бедуира (по Мэлори, они были только ранены). Далее Артур захватил Лотарингию, Бургундию и Италию, а Рим сдался ему без боя, увенчав императорской короной. После этого вновь наступил долгий период мира, завершившийся войной с Ланселотом и последней кампанией против изменника Мордреда.

В романе Мэлори события описаны примерно в том же порядке, но все войны, кроме двух последних, сдвинуты к началу царствования Артура, остальную часть которого занима-

---

* Во французском романе «Пророчества Мерлина» Сессуан (*Sessoin*) — имя короля саксов, возглавившего вторжение в Британию. Вероятно, автор спутал этноним саксов с названием города Суассона.

ют рыцарские подвиги и поиски Грааля. Другие памятники артурианы еще меньше интересуются завоеваниями короля, а то и вовсе не упоминают о них. Разнится и список этих завоеваний, хотя большинство источников следуют Мэлори: Артур подчинил себе всю Британию вместе с Ирландией и северными островами, Данию, Норвегию, а после Галлию и Италию, притом что во всех этих странах сохранялись свои правители. Понятно, что этот перечень, не связанный с какой-либо исторической реальностью, возник в середине XII века, когда английские короли из династии Плантагенетов начали завоевание Шотландии и Ирландии и выдвинули притязания на французскую корону. Понятно и то, что за пределами Англии мнимые завоевания Артура не вызывали энтузиазма и никак не отразились в местной исторической традиции.

Реальная картина войн Артура весьма приблизительно может быть воссоздана на основе списка битв Ненния и ряда других источников. Они помогают реконструировать три бесспорных военных кампании и еще две сомнительных. Первая из войн, завершившаяся битвой при Бадоне, была направлена против саксов. Вторая — против англов, обосновавшихся в Линдсее (Линкольншире) — как мы помним, именно в этой области имели место первые шесть сражений списка. Кампания была призвана не только избавить Логрию от угрозы с севера, но и сплотить местных королей, далеко не все из которых признавали авторитет Артура и Думнонии. Поход на Линдсей облегчался тем, что туда из Думнонии вела прямая римская дорога; кстати, она начиналась в Линдинисе (ныне Илчестере), и есть версия, что именно там имели место первые битвы Артура. Однако разбитые при Бадоне саксы вряд ли смогли бы вести в том же районе ожесточенные бои против своего победителя.

Бритты тоже понесли серьезные потери, долго копили силы, и война, вероятно, началась не ранее весны 500 года. Кроме дружин Артура и его прежних союзников, в ней приняли участие армии королевств Мидленда, которым непосредственно угрожали англы. Можно предположить, что в коалицию вошли Ллиног из Элмета, Кинген из Поуиса и король Пабо Пеннинский, заслуживший после этой войны прозвище Опоры Британии (*Post Prydein*). Их противниками были англы Линдсея, Мерсии и, быть может, Эсенгела; военные действия происходили между Трентом и Эйвоном, а решающая битва, возможно, состоялась близ Личфилда — бриттского Каэр-Луидкойта, современное название которого происходит от слов «поле павших» (*lic feld*). Гальфрид пишет, что

еще до Бадона Артур и Хоэл Бретонский разгромили здесь саксов, сняв осаду города и перебив более шести тысяч врагов.

В итоге захватчиков удалось оттеснить в Линдсей, к морю. Завоевать эту давно освоенную англами территорию небольшая, оторванная от баз снабжения армия Артура не могла, и, видимо, «военный предводитель» ограничился заключением с врагами договора о ненападении. Быть может, он даже посадил на трон Линдсея своего ставленника — в дошедшем до нас списке королей области встречается чисто бриттское имя Катбад (*Caetbaed*), хотя этот монарх, судя по всему, правил позже, в конце VI века. Во всяком случае, военная активность англов в тот период прекратилась почти на полвека. Похоже, им пришлось на время покинуть равнины Мидленда — археологи отмечают, что многие англосаксонские кладбища в этом районе оказались заброшены и захоронения там возобновились только в конце столетия.

Вероятно, на юге Британии в тот период также наступило умиротворение. Связанные договором с Артуром саксы Хвиссы стали, как и предполагалось, щитом против набегов своих соотечественников. Сассекс после гибели Эллы и его сыновей надолго исчез со страниц истории и появился вновь только в 585 году, когда им правил король по имени Этельвалк — «знатный валлиец». Вряд ли саксонский вождь добровольно принял бы подобное имя; не исключено, что он был бриттом, последним потомком наместников, правивших южными саксами от имени короля Думнонии. Ничего не слышно в этот период и о военной активности Кента, где король Эск около 512 года уступил место своему сыну Окте. Конечно, версия Гальфрида о том, что саксы при Артуре были «совершенно изгнаны из Британии», не выдерживает критики; данные археологии показывают, что их поселения на востоке острова продолжали разрастаться. Однако отсутствие войн и военной добычи сместило вектор их агрессии в другом направлении — в первой половине VI века отмечены многочисленные нападения англосаксов на побережье Франции. Часть завоевателей, не желая испытывать судьбу, вернулась на родину. Немецкий хронист IX века Рудольф из Фульды пишет о событиях, имевших место около 530 года: «Народ саксов... вынужденный, оставив Англию в Британии, искать себе новое пристанище, высадился в Гатело на германском берегу»[13]. Однако прекращение войн с саксами не означало мира — за всю карьеру Артура без битв и походов обошлось в лучшем случае несколько лет.

Еще два сражения из списка Ненния — в Каледонском лесу и на горе Агнед, — локализуются на севере Британии и от-

носятся к гипотетической кампании Артура против пиктов, которая могла иметь место между 510 и 520 годами. Возможно, цель кампании заключалась в защите одного из трех северных королевств — Истрад Клута, Регеда или Гододдина, — однако все они враждовали не только с пиктами, но и между собой. Поэтому Артур мог помогать одному из них, выступив, к примеру, против Регеда, король которого Уриен (Уриенс) в романах числится участником Северного союза. Правда, в указанное время Регедом правил не Уриен, а его дед Мейрхион Гул, но расклада сил это не меняет. Легенды вполне могли превратить войну Артура с пиктами и враждебными бриттами в его противоборство с Северным союзом, вожди которого в итоге оказались повержены. Реальные факты подтверждают это: король Регеда около 520 года потерял власть, и его владения оказались разделены между наследниками, а король Гододдина, легендарный Лот, был вынужден заключить союз с Артуром — и, возможно, отдать ему в заложники своего сына Гвальхмаи.

Конечно, приходится прислушаться к аргументам тех, кто резонно считает, что в VI веке полководец из Думнонии не мог повести большое войско в Шотландию, на расстояние 600 километров. Однако Артур вполне мог отправить туда сотню своих людей — при небольших размерах тогдашних армий такое количество закаленных в боях, хорошо вооруженных воинов вполне могло обеспечить победу. Римские дороги в ту пору еще находились в относительно неплохом состоянии, и сотня конников с запасными лошадьми вполне могла добраться с юга острова до Стены за две-три недели.

И все же северная кампания остается в высшей степени спорной, как и «малые» войны Артура в Уэльсе и Корнуолле, о которых говорят местные предания. При желании можно подыскать кандидатов на роли побежденных королем великанов, драконов и ведьм, но занятие это в значительной степени бессмысленное. Достаточно отметить, что в результате войн или дипломатическим путем Артур подчинил своему влиянию Западную Англию, Мидленд, часть Севера и большинство областей Уэльса. При этом именно Уэльс с его исконным свободолюбием доставлял «военному предводителю» больше всего хлопот. С этим регионом связана предпоследняя военная кампания Артура, воспоминания о которой хранят валлийские источники. Это история о вражде Артура с Хуэлом ап Кау, которая впервые упоминается в «Килухе и Олвен». Согласно этому источнику, Хуэл, который «никогда не покорялся руке господина», ударил ножом своего племянника Гуидре, «и из-за этого возникла вражда между Хуэлом

и Артуром»[14]. Этого Гуидре повесть называет сыном Ллуйдеу от Гвенабви, дочери Кау, хотя далее он именуется сыном Артура. Что касается Хуэла, то «Житие Гильдаса», написанное Карадоком Лланкарванским в XII веке, содержит такие сведения о нем: «Святейший муж Гильда был современником Артура, короля всей Британии, которого, достойного любви, он любил и которому всегда желал повиноваться. Однако его двадцать три брата сопротивлялись вышеупомянутому королю как мятежники и не хотели терпеть господина, но часто воевали с ним и изгоняли с поля битвы. Старший из них, Хуэл, был усердным и знаменитейшим воином, и ни одному королю не повиновался, даже Артуру. Он нападал на него, и они сражались друг с другом с величайшей яростью. Он очень часто приходил из Шотландии, устраивал пожары и уносил добычу с победой и славой. Поэтому король всей Британии... преследовал победоносного юношу и наилучшего, как говорили и надеялись местные, будущего короля. Преследуя его, он в сражении на острове Эубония убил юного грабителя. После этого убийства Артур остался победителем, сильно радуясь, что одолел своего сильнейшего врага»[15].

Во «Всемирной истории» Элиса Грифидда содержится другая, чисто фольклорная история о войне Артура с Хуэлом: «Кау из страны пиктов был вождем, что правил в Эдейрнионе на севере Уэльса. У него было два сына — Гильда и Хуэл, и Хуэл был человеком задиристым и распутным, и ему удалось овладеть одной из возлюбленных Артура. Артур их выследил, и между ним и Хуэлом произошел яростный поединок. В конце концов Хуэл ранил Артура в колено, и после этого они помирились при условии, что Хуэл никогда не будет насмехаться над Артуром за его рану. Артур вернулся в свой дворец в Каэрвисе и с тех пор слегка прихрамывал. В другой раз он оделся в женскую одежду, чтобы встретиться с одной девицей в Рутине. Случилось так, что туда пришел Хуэл и узнал Артура по его хромоте, когда тот танцевал среди девушек. И он сказал: "Хороший был бы танец, кабы не колено". Артур услышал эти слова и понял, кто их сказал. Он возвратился ко двору, приказал привезти к себе Хуэла и стал горько попрекать его за то, что не сдержа слова. Хуэла привели в Рутин, где Артур отрубил ему голову на камне посреди рыночной площади, который и поныне называется Маэн Хуэл»[16].

Отец Хуэла Кау (Кавнус) хорошо известен в истории Уэльса как основатель одного из Трех святых семейств, поскольку многие его потомки посвятили себя церкви. В источниках перечислено множество детей Кау, из которых реальными личностями, помимо Гильдаса и Хуэла, представляются толь-

ко сын Мейлиг и дочь Петуэн. Сам Кау был пиктом и в источниках носит прозвище *Prydyn* (Северный), что заставило многих историков помещать его владения на севере Британии. Однако поселения пиктов в послеримский период существовали и в других частях острова, в том числе в Уэльсе. Область Эдейрнион находилась на северо-востоке Уэльса, в верховьях реки Ди, а слово *Prydyn*, которым обычно называли Шотландию, могло относиться и к северу Уэльса. Можно предположить, что Кау принадлежал к той части пиктской знати, что приняла христианство в V веке усилиями святого Ниниана и была вынуждена покинуть родину в период «языческой реакции». Правда, жития святых называют самого Кау язычником и даже великаном-людоедом — это связано со сходством его имени и слова *cawr* (великан). Сохранилась легенда о том, как святой Кадок, будучи в Шотландии, встретил восставшего из могилы гиганта по имени Кау Придин, который рассказал: «По диавольскому наущению я с войсками моих разбойников пришел на эти берега ради того, чтобы грабить и опустошать их. Король же, который в те времена царствовал над этой областью, преследуя нас со своим отрядом, убил меня и мое войско, когда сошлись мы в бою»[17].

Похоже, Кау, как и его сын, был весьма воинственным и захватил не только Эдейрнион, которым прежде правили потомки Кунедды, но и другие соседние области. К 525 году он был уже мертв (возможно, погиб в битве с Артуром), но его старший сын Хуэл, возраст которого приближался к тридцати годам, повел завоевательную политику еще более активно. Карадок называет его «знаменитейшим воином», а триада 21 именует одним из Трех носителей диадемы. Эту диадему (*talaith*) носили только выдающиеся полководцы, кроме Хуэла — Тристан, сын Таллуха, и Кай, сын Кинира (четвертым в триаде назван Бедуир). Однако при всех полководческих талантах Хуэла его войско не могло быть большим, и пиктский принц вряд ли смог бы воевать с Артуром и даже «изгонять» его с поля битвы. У него наверняка имелся сильный союзник, которым мог быть только молодой король Гвинедда Мэлгон. Как уже говорилось, убийство им дяди, короля Роса Оуэна Белозубого, сделало его кровным врагом сына убитого Куниглаcа — и другом Хуэла, угрожавшего Росу с юга.

В начале своего правления Мэлгон активно взялся за объединение Гвинедда, ликвидируя княжества других потомков Кунедды. Можно предположить, что в союзе с Хуэлом он обрушился на Поуис и прогнал его короля Пасгена ап Кингена на восток, в Пенгверн (нынешнее графство Шропшир). Захватив столицу Поуиса Вироконий (Роксетер), союзники

уже прямо угрожали владениям Артура, и Карадок не напрасно писал, что Хуэла прочили в короли Британии. Скорее, все-таки, речь здесь идет о Мэлгоне, который был не чужаком-пиктом, а потомком Кунедды и не скрывал притязаний на верховную власть над бриттами. Гильдас называет его «драконом острова» — возможно, что он принял почетный титул Пендрагона. Этого Артур не мог допустить и вновь призвал своих союзников к оружию.

Первый удар был нанесен по владениям Хуэла. Война там длилась несколько лет с переменным успехом и, вероятно, отразилась в артуриане в обличье второй войны с Северным союзом, где король Мэлгон предстал под именем своего сына и наследника Рина (Риенса). Хуэл принял обличье безымянного короля Шотландии, а их союзник, король Регеда Кинварх — своего сына Уриена. В конечном итоге коалиция была разбита, Поуис освобожден, а Хуэл погиб. Сказка о его поединке с Артуром из-за женщины, быть может, отражает народную память о каких-то личных обстоятельствах, лежащих в основе конфликта. Готовый сюжет для романа — дочь Кау становится возлюбленной Артура, и Хуэл начинает военные действия, чтобы отомстить за бесчестье сестры.

Его брат Гильдас, возможно, какое-то время пытался играть роль примирителя, как в истории о споре Артура и Мелваса, но потерпел неудачу. Узнав о гибели брата, святой, в то время находившийся в Ирландии, так разгневался, что решил обречь Артура на забвение. Вот как пишет об этом Гиральд Камбрийский в своем «Описании Уэльса»: «Бритты считают, что Гильдас так жестоко осудил свой народ потому, что был оскорблен тем, что король Артур убил его брата, князя Альбании. Услышав о смерти брата, он, как рассказывают бритты, бросил в море многие свои книги, в которых восхвалялись подвиги Артура. По этой причине теперь не найти сочинений, где достоверно рассказывалось бы об этом великом государе»[18]. У нас нет оснований сомневаться в правдивости этой версии: родственные связи для кельтов были святы, и патриот Гильдас, искренне болевший за дело Артура, вполне мог отречься от него после гибели брата. Остается добавить, что упомянутый камень до сих пор находится на рыночной площади городка Рутин. На нем установлена табличка с надписью: «Маэн Хуэл, на котором, по преданию, король Артур обезглавил Хуэла, брата историка Гильдаса».

Возможно, поражение сына Кау лишило власти и его союзников — Кинварха Регедского и короля Северных Пеннин Савила Пенихела (Горделивого), бежавших в Гвинедд. Там же нашли убежище лишенные родовых владений Гильдас и

его братья — могилы некоторых из них находятся на острове Англси, в сердце гвинеддских владений. Как сообщает «Всемирная история» Элиса Гриффида, король этого острова «сражался против Артура во многих битвах» — вероятно, это случилось после победы над Хуэлом, когда «военный предводитель» около 530 года повел свои силы на Гвинедд. На его стороне выступал Куниглас Росский, именно по этой причине заслуживший прозвище «колесничего Медведя», то есть Артура. Его столица носила название Динарт — «крепость Медведя». Помощь Кунигласа была важна, поскольку окруженные горами владения Мэлгона были доступны только с востока, где и располагался Рос. На этом направлении Мэлгон выстроил мощную крепость Теганви, но, вероятно, она не выстояла против сил союзников. «Дракон» с остатками своей армии укрылся на Англси.

Отдаленную память об этих событиях сохранили рыцарские романы, давшие одному из ярых противников Артура имя Малагина, Короля-с-Сотней-Рыцарей. Возможно, попытка захвата острова отразилась также в предании о битве короля с Котом Палугом, состоявшейся в проливе Абер-Менаи между Англси и Уэльсом. Раньше считалось, что средневековый автор, наслышанный о поединках Артура с монстрами, принял валлийское выражение *cat palug* — битва при Палуге или с Палугом, — за упоминание сказочного хищника. Однако образ Кота Палуга возник не на континенте, а в Уэльсе, а его имя означает «когтистый»; возможно, легенда о сражении героя с «морским котом» действительно сложилась в этих краях. В одной из триад говорится, что Кота родила свинья Хенвен, после чего он прыгнул в море и уплыл на Англси, где был воспитан неким Палугом. В поэме «Кто привратник» победителем Кота назван Кай: «Дивный Кай пришел на Мон, чтобы сразиться с чудищем. Его щит стал преградой ярости Кота Палуга. <...> Девятью двадцать мужей стали его добычей, девятью двадцать воинов»[19]. В ирландских легендах (например, в «Плавании святого Брендана») также встречаются котообразные морские чудовища, называемые «мурхада»; есть они и в скандинавском фольклоре. Во французских артуровских романах этот монстр носит имя Шапалу; в «Мерлине» из цикла Вульгаты содержится даже намек, что поединок с ним стал роковым для Артура, который именно после этого был вынужден отправиться на Авалон.

Сюжет «котобойства» связан с Артуром не только в кельтском фольклоре, но и на упомянутой уже мозаике Отрантского собора, где король замахивается копьем на громадного кота. Внизу изображен второй хищник, терзающий упавшего

воина. Почему Артур восседает верхом на козле, остается загадкой; быть может, это отсылка к неизвестной нам легенде. Есть и другая версия — козел, как и леопард (возможно, мозаика изображает его, а не кота), считались спутниками Диониса (Вакха), память о котором долгое время сохранялась в фольклоре Средиземноморья. Дионис как умирающий и воскресающий бог плодородия мог соединиться в народном сознании с Артуром, наделенным, как мы уже говорили, чертами такого бога.

Осада Англси длилась достаточно долго, поскольку на острове, прозванном из-за своего плодородия «матерью Уэльса» (*Mon Mam Cymru*), хранились большие запасы провианта. В конце концов Мэлгон запросил мира, согласившись отречься от трона и уйти в монастырь — этот эпизод его правления, упомянутый Гильдасом, не находит других объяснений. Возможно, его отречение совершилось под влиянием Гильдаса, который вместе с королем учился у святого Иллтуда. Как бы то ни было, Артур выиграл очередную войну и избавился от самого опасного своего противника. Однако именно эта победа стала закатом его карьеры. Среди союзников начался разброд — ведь на этот раз гибель и разорение обрушились не на саксов или пиктов, а на соплеменников. Бриттская знать справедливо опасалась, что в случае неповиновения ее постигнет участь Мэлгона. Возможно, даже ближайшие соратники Артура отдалились от него — именно к этому времени относятся истории о ссоре короля с Каем и о причастности последнего к вероломному убийству Ллахеу. Судя по тому, что могила сына Артура находилась в Поуисе, он тоже погиб в войне с Хуэлом и Мэлгоном. Лишившись наследника, *dux bellorum* не мог не испытать усталости, горечи, разочарования в достигнутом — словно на него разом навалился груз прожитых лет...

Однако расслабляться было нельзя — что ни год, возникали новые проблемы, которые можно было решить только оружием. К 530 году относится еще одна война времен Артура, упомянутая в «Англосаксонской хронике»: «Кердик и Кинрик завоевали остров Викт и убили многих в Виктарабурге»[20]. Викт (Уайт), как и побережье Хэмпшира, к тому времени был во власти не бриттов, а ютов, захвативших этот регион во второй половине V века. Именно против них могла быть направлена военная операция Кердика-Карадока и его саксов, поддержанная Артуром. Ее возможная цель — овладение портами южного берега, позволяющее наладить прочную связь с континентом. Цель эта, скорее всего, не была достигнута, зато между саксами и ютами надолго установились

враждебные отношения — уже в конце VII века король Уэссекса Кэдвалла, захвативший Викт, устроил здесь поголовную резню ютского населения. Без сомнения, раздоры между англосаксами облегчали положение Логрии и отвечали планам Артура, но раздоры между бриттами случались куда чаще и в итоге оказались роковыми для его политики.

Вопрос о возможности похода Артура на континент остается открытым. Если такой поход и состоялся, он мог быть не масштабным вторжением в Галлию, каким был за полвека до этого рейд Риотама, а лишь локальной военной операцией с целью помощи союзникам в Арморике — «императору» Будику и его сыну Хоэлу. В 530-х годах им угрожали не только франки, но и неуклонно расширявший свои владения узурпатор Куномор-Марк (о нем ниже). Исправно помогавшие Артуру правители Корнуая могли попросить у него ответной помощи, как это сделали в романах короли Бан Бенойкский и Борс Ганский. Если такая помощь и была послана, серьезного влияния на положение дел она не оказала — в частности, потому, что сам Артур из-за почтенного возраста, скорее всего, не участвовал в походе. В бретонском фольклоре Артур-Арзу весьма популярен, но не как заморский пришелец, а как местный герой — это доказывает, что легенды о нем проникли в Арморику позже, вместе с переселенцами из Корнуолла и Уэльса.

Если организация войска Артура была такова, как мы предположили, то к концу своего исторического бытия она претерпела серьезные изменения. Ушло старое поколение бойцов и командиров, связанных с Артуром личной преданностью. Сменившую их молодежь переполняли амбиции; многим казалось, что они справятся с защитой острова лучше, чем стареющий «военный предводитель». Другие откровенно заботились о личных или родовых интересах, соперничали из-за почестей и добычи. В итоге это погубило и Логрию, и ее войско — то, чему Артур отдал всю свою жизнь.

Глава третья

ИЗ ЖИЗНИ В ЛЕГЕНДУ

Все изложенное выше приводит к выводу — если в начале своей карьеры Артур сражался в основном с внешними врагами, то затем ему пришлось ввязаться в междоусобные раздоры бриттов и проявлять себя то суровым судьей, то жестоким карателем. Быть может, это отразилось в позднейшей кельтской традиции, которая не упоминает реальных войн

Артура, заменяя их мифическими сражениями с ведьмами, великанами и котами. Не менее мифический поход на Рим, измышленный Гальфридом, не изменил положения — в европейской артуриане юный победитель при Бадоне очень быстро, почти без промежуточных этапов, превратился в седого патриарха, расслабленно восседающего на троне в Камелоте и посылающего на подвиги своих верных рыцарей. Архетип знакомый — точно так же ведут себя в эпических сказаниях Карл Великий, Приам Троянский, Владимир Красное Солнышко. Доля истины в этой картине была — в середине 530-х годов полководцу перевалило за шестьдесят, по тем временам это была старость. Но судьбе было угодно даровать Артуру еще одну, последнюю войну, которая привела к гибели и его, и созданную им если не в истории, то в легенде Логрию.

Еще один архетип — герои, которых никто не может победить в бою, гибнут в результате предательства. Артур не стал исключением, да и вообще в кельтских землях родичи и соратники предавали друг друга почем зря. Это не означает, что кельты были как-то особенно вероломны, просто большинство их сказаний, да и реальных исторических свидетельств, относится к периоду распада родовой организации, который у этих народов затянулся очень надолго. В такие периоды обостренное сознание личной чести и выгоды рвет с кровью все привычные связи и обязательства. Один из самых ярких примеров этого относится к послеартуровской эпохе и связан с судьбой Уриена Регедского — того самого, что в легендах сделался мужем Морганы и деверем Артура. В 586 году он, уже престарелый, возглавил коалицию бриттских князей, которая обрушилась на англов и едва не освободила весь север Британии. Накануне решительной битвы с захватчиками, осажденными на маленьком острове Линдисфарн, Уриен был заколот в своем шатре убийцей, подосланным его союзником — Морганом, королем Бринейха. Морган не хотел делиться славой и добычей в преддверии неизбежной, как ему казалось, победы. И прогадал — полководческие таланты и авторитет у него были куда меньше, чем у Уриена. В итоге бритты проиграли сражение, а скоро и Бринейх, и Регед оказались затоплены волной англосаксонского нашествия.

История Артура, как ее изображает легенда, оказалась еще драматичнее — его предали не случайные союзники, а жена и племянник. Мордред и Гвиневера — всякий, хотя бы понаслышке знакомый с артуровскими преданиями, слышал эти имена. Поговорим о них подробнее. Мордред впервые появился в уже знакомой нам записи «Анналов Камбрии» за 537 год как Медрауд, павший при Камлане. В сочинении Гальфри-

да, где его имя дается в бретонской форме «Модред», он назван сыном сестры Артура Моргаузы и короля Лота. Отправляясь в поход на Рим, король поручил ему и своей супруге регентство над Британией, но Модред «самовольно и предательски возложил на себя королевский венец, и королева Геневера, осквернив первый свой брак, вступила с ним в преступную связь»[1]. Узнав об этом, Артур поспешил с армией домой, но предатель встретил его с войском, набранным из врагов Британии — саксов, пиктов и скоттов. После нескольких сражений соперники встретились в решительном бою у реки Камлан, и там завязалась «жесточайшая сеча, в которой полегли почти все военачальники обеих сторон вместе со своими отрядами».

Та же информация повторялась последующими авторами, дополняясь новыми красочными деталями. В романах Вульгаты изменник (теперь получивший имя Мордред) оказался сыном Артура от кровосмесительной связи с сестрой. Правда, в то время Моргауза и король, совсем еще юный, не знали о своем родстве; по одной версии, она сама соблазнила его, по другой — он, охваченный похотью, тайком пробрался к ней в спальню. В любом случае, жена Лота зачала ребенка, и Мерлин открыл Артуру, что младенец, которому суждено родиться в волшебный день Калан Маи, погубит отца и его королевство. Тогда король, как уже говорилось, попытался уничтожить малыша вместе со всеми детьми, рожденными в ближайшие к роковой дате дни. Однако уйти от воли рока, конечно же, не удалось — Мордред спасся и отомстил отцу.

Валлийские источники всех этих подробностей не знают. Для них Медрауд — просто враг Артура, не связанный с ним каким-либо родством (хотя в «Видении Ронабви» он называется приемным сыном короля). Он упомянут в триаде 54 о Трех наихудших разорениях Острова Британии: «Медрауд явился ко двору Артура в Келливике в Керниу и не оставил там ни еды, ни питья. И он сбросил Гвенвивар с ее королевского трона и дал ей пощечину»[2]. За что же предатель бил женщину, которая якобы добровольно сделалась его любовницей? Ответ дают рыцарские романы, где говорится, что Гвиневера не уступила посягательствам Мордреда — она укрылась в крепости (Мэлори считает, что это был лондонский Тауэр) и храбро отбивала атаки восставших. К тому времени образ королевского племянника так демонизировался, что прекрасной Гвиневере было немыслимо добровольно связать с ним свою судьбу — в преданиях она осталась неверной женой, но изменяла мужу с благородным Ланселотом. Только в кельтских легендах сохранились отголоски того, что на са-

мом деле королева добровольно променяла супруга, немолодого и вечно занятого государственными делами, на юного и, очевидно, красивого принца. Триада 80 прибавляет Гвенвивар к Трем изменницам Острова Британии с ремаркой — «но ее измена была горше, ибо она обманула лучшего мужа, чем трое остальных»[3]. Более того — оказывается, королева прожила с Медраудом достаточно долго, чтобы родить от него двух сыновей, которые к моменту гибели Артура оказались достаточно взрослыми, чтобы держать оружие.

Откуда же взялась эта изменница, обманувшая того, о ком вздыхали первые красавицы Британии? Впервые она упоминается как супруга Артура в «Килухе и Олвен». Более подробно о ней пишет Гальфрид: «Артур сочетался браком с Гванхумарой, происходившей из знатного римского рода, выросшей во дворце наместника Кадора и превосходившей своей красотой всех женщин острова»[4]. *Guanhumara* — древняя форма того же валлийского имени *Gwenhwywar*, означающего «белый призрак». Как и в случае с Артуром, с XII века это имя стало популярно в Уэльсе (а потом и в Англии как Дженнифер), но до того нигде не встречается. Похоже, оно вообще не принадлежит человеческому существу — кельты, как и другие народы, из суеверия не давали детям имен, в которые входили слова «призрак», «дух», «эльф». При ближайшем рассмотрении «эльфийский» характер Гвенвивар подтверждается — почти все источники называют ее отцом не римлянина, а великана Огиврана или Гогиврана, чье имя означает «злой Вран» и почти наверняка связано с богом преисподней Браном (в Вульгате он превратился в Леодегана из Кармелида, у Мэлори — в Лодегранса, короля Камерлиада). Сама же королева идентична ирландской Финдабайр, дочери коварной королевы Медб — эта дева, владевшая колдовством, тоже стала причиной долгих кровавых распрей между ирландцами. Пророчества Мерлина называют Гвиневеру «змеей Логрии с серебряной головой»; эта характеристика тоже связывает королеву с потусторонним миром.

Средневековая традиция по непонятной причине называет Гвиневеру второй женой Артура; возможно, первой считалась мать его сына Ллахеу-Лохольта. Триада 56 из «Белой книги Риддерха» идет еще дальше, сообщая, что у Артура было целых три жены, и всех их звали Гвенвивар: это были дочери Гурита Гвента, Гвитира ап Грейдаула и Огиврана Гаура (Великана). Очевидно, в триаде отразились разные версии происхождения королевы; второй из ее «отцов», Гвитир, упомянут в «Килухе и Олвен» как солнечный герой (имя его отца означает «жар лета), ежегодно сражающийся с владыкой

зимы и подземного царства Гвином ап Нуддом. Любопытнее всего первый из отцов, но об этом чуть дальше.

Как уже говорилось, кельтские предания даже реальных исторических деятелей наделяют волшебными женами или возлюбленными, постоянно готовыми погубить своих благоверных за несоблюдение теми магических запретов или просто из вредности. Понятно, что с появлением Гвиневеры (по легендарной хронологии это случилось после первых войн Артура и перед его коронацией) дела в королевстве пошли неважно. Предания намекают, что чары юной королевы отвратили ее супруга от походов и государственных дел, заставив рыцарей на свой страх и риск разбрестись в поисках приключений. Сама же Гвиневера постоянно попадала в двусмысленные ситуации. То, как в истории Персеваля-Передура, ее оскорблял некий заезжий грубиян, выплескивавший ей в лицо вино из кубка. То на охоте она умудрялась заблудиться и оказаться наедине с отыскавшим ее рыцарем Ланвалем, провоцируя его на вольные разговоры и поступки. То, как в уже упомянутом «Житии Гильдаса» Карадока Лланкарванского, ее похищал король Мелвас в зеленых одеждах, классический лесной дух, в романе Кретьена ставший Мелеагантом, а в немецком «Ланцелете» — Валерином из Темного леса.

Согласно Карадоку, Артур разыскивал Гвиневеру целый год, прежде чем узнал, что она находится в Гластонии (Гластонбери). После этого он собрал войска «всей Корнубии и Думнонии» и приготовился к войне, но Гильдас примирил соперников и убедил Мелваса вернуть королеву мужу. Валлийские барды воспевали любовь Мелваса, уверяя, что он влез в окно покоев Гвиневеры в Каэрллеоне и увез ее с собой по взаимному согласию. В поэме XII века «Разговор Артура и его жены Гвенвивар» Мелвас туманно похваляется тем, что был любовником королевы еще до ее замужества, потому и похитил ее. Вопреки названию поэмы, место Артура в ней занимает Кай, что напоминает о его роли в «Ланселоте» Кретьена — именно у него Мелеагант похищает Гвиневеру. В этом романе говорится: «Мелеагант, высокий и сильный рыцарь, сын короля Горреса, схватил ее и увез в свое королевство, откуда не может вернуться ни один чужеземец». Это заставляет считать Мелваса (*mael gwas* — «юный принц») правителем волшебной страны, с которой ассоциируются и Горрес-Горр, и «Стеклянный город» (*Urbs Vitrea*), ошибочно принятый Карадоком за Гластонбери. Сами же отношения Гвиневеры и Мелваса-Мелеаганта воспроизводят древнейший миф о похищении королевы, связанной с плодородием (Ситы-Персефоны-Елены-Этайн), владыкой подземного царства.

К трем похитителям, имена которых начинаются на «М», еще одного добавляет необычный памятник — архивольт (наддверная арка) так называемых Рыбных ворот Моденского собора в Италии, где в начале XII века, еще до Гальфрида, неизвестный нормандский мастер высек в камне сцену из артуровских легенд, снабдив ее подписями. Там Артус Британский (*Artus de Bretania*) со своими рыцарями Галвариуном (Гахерисом), Исдернусом (Идерном) и Ке (Кеем) осаждают башню, в которой некий Мардок держит пленницей Винлоге, то есть Гвиневеру. С другой стороны башни Каррадо (Карадок) — очевидно, союзник Мардока, — сражается с рыцарем Галвагином, в котором нетрудно узнать Гавейна. Идерн или Эдейрн ап Нудд в валлийском «Герайнте» изображен как рыцарь, оскорбивший королеву. В «Передуре» тот же персонаж, хоть и не названный по имени, «выплеснул вино ей в лицо и ударил ее по щеке». Однако есть тексты, где Идерн или Идер тоже становится любовником неуемной Гвиневеры.

В малоизвестном французском романе середины XIII века под названием «Идер» герой влюбляется в жену Артура, королеву Гвенлуа, и совершает ради нее немало подвигов, включая убийство страшного медведя. Артур, изображенный сугубо отрицательно, пытается погубить соперника, но безуспешно; в итоге тот женится на Гвенлуа. Не исключено, что сюжет романа восходит к неизвестной валлийской легенде о Медрауде, убившем ради возлюбленной медведя-Артура. Помимо некоторого сходства имен, Медрауда и Идера связывает незаконнорожденность, хотя отец Идера — не Артур, а простой рыцарь. Валлийский Эдейрн — брат владыки преисподней Гвина, что наводит на мысль о его мифологическом происхождении. Но, возможно, в этом образе отразился и реальный принц Гвента, и его пощечина королеве — та самая, о которой говорят триады.

Начиная с кретьеновского «Ланселота», главный возлюбленный Гвиневеры — Ланселот Озерный. Ланселот не только вызволил королеву из плена, но и трижды спас ее от смерти. В первый раз королеву ложно обвинили в отравлении некоего рыцаря, после этого ее объявил прелюбодейкой обиженный Мелеагант, а потом она уже без всяких смягчающих обстоятельств была застигнута в спальне с Ланселотом и приговорена к сожжению королевским судом. И если для Озерного рыцаря романы находят смягчающие обстоятельства, то Гвиневеру они недвусмысленно осуждают — хотя бы потому, что она женщина, «сосуд греха». И если у большинства авторов «змея Логрии» повинна лишь в безволии, то в некоторых романах она сознательно подталкивает Артура и его королевство к гибели.

Качества Гвиневеры и связанные с ней события так пропитаны волшебством, что возникает резонный вопрос — существовала ли она на самом деле? Мы уже видели, что у Артура не было ни законной супруги, ни наследников. Не будучи королем, он не уделял браку большого внимания, довольствуясь конкубинатом — временным сожительством. Его связь с «белым призраком» — всего лишь отзвук кельтского (и не только кельтского) мифа о женитьбе правителя на богине, олицетворяющей Мать-Землю.

Все это не значит, однако, что у Гвиневеры не было исторического прототипа. История о ее измене, ставшей причиной гибели Артура, имеет глубокие корни в фольклоре. Правда, есть и другая версия — в триаде 84 Камлан именуется одной из Трех битв Острова Британии, возникших из-за пустой причины. Причина эта — пощечина, которую королева Гвенвивар дала своей откуда-то взявшейся сестре Гвенвивах; другая триада включает это событие в число Трех плачевных ударов Британии. Как повествует фольклор, обе дамы не смогли поделить то ли блюдечко орехов, то ли мужчину, что больше похоже на правду — Гвенвивах в рукописи XVI века под названием «Происхождение святых» называется женой Медрауда ап Каурдо и матерью святого Дивнога, покровителя селения Лландивног в долине Клуйда. Ее имя, означающее «белоликая», возможно, и является именем исторической Гвиневеры — изменницы, виновной в гибели Артура*.

Бледный, почти призрачный облик этой королевы угадывается в любопытном рыцарском романе начала XIII века — так называемом «Первом продолжении» неоконченного «Персеваля» Кретьена де Труа. Повествование в романе прерывается вставными новеллами, одна из которых — история короля Карадока Короткая Рука. Этот король был сыном Карадока Старшего, которому жена изменяла с чародеем Элиавресом. Когда младший Карадок вырос и взошел на трон, он прогнал чародея, за что тот наслал на обидчика громадную змею, которая вцепилась в руку короля так, что никто не мог ее оторвать. На помощь несчастному пришли верная жена Гвеньер и ее брат Кадор, граф Корнуэльса и лучший друг Карадока. Гвеньер, раздевшись, уселась в чан с молоком, и змея, обожавшая, как все волшебные змеи, молоко и женскую красоту, тут же оставила короля и прильнула к груди женщины, после чего Кадор отрубил чудовищу голову. Увы, заодно ему

---

* Есть и другая версия, по которой имена Гвенвивар и Гвенвивах переводятся как «Гвенви Большая» и «Гвенви Маленькая». Имя Gwenhwy в этом случае может означать «красивейшая». См. TYP. P. 380.

пришлось отсечь Гвеньер левую грудь, которую придворные мастера заменили золотой*. Карадок же, чья рука навсегда осталась изуродованной, получил упомянутое прозвище.

Вся эта история своей глубокой архаикой выбивается из стиля романа и, вероятно, заимствована из кельтского фольклора. Ее герой — уже известный нам Карадок Сильная Рука, король Гвента, женой которого в поздних валлийских источниках именуется Тегау Золотогрудая (*Tegau Eurwron*). Его прозвище *Freichfras* могло быть понято как Briefbras — «Короткая Рука», — и для обьяснения этого к нему применили классический сюжет о змееборце. Мифический отец Карадока Ллир Марини при переводе на бретонский, а затем на французский мог превратиться в Элиавреса, но имя Тегау никак не похоже на Гвенвивар — первоначальную форму имени *Guignier*. Впрочем, Тегау, судя по ее упоминаниям в фольклоре, была не реальной личностью, а древней солнечной богиней, о чем говорит и ее прозвище. Поздний источник именует ее дочерью Нудда, то есть бога Ллуда.

Как упомянутое «Первое продолжение», так и валлийский текст «Тринадцать сокровищ Острова Британии» приписывают жене Карадока (не названной по имени) обладание плащом, который был впору только той женщине, что верна мужу. Состязание при дворе Артура показало, что плащ подходит только одной даме — самой героине, верность которой доказало и испытание чудесным рогом, которое выдержал сам Карадок. Из рога мог пить, не расплескав ни капли, только тот рыцарь, чья жена хранит супружескую верность. В «Лэ о роге» (*Lai du Cor*) Робера Бикета, написанном между 1150 и 1200 годами, говорится, что после испытания король подарил Карадоку город Циренчестер, где рог хранился еще при жизни автора. Позже история пересказывалась во многих произведениях, рог и мантию иногда заменяли кубок и перчатки, а победителями состязания становились разные герои — Артур, Ланселот, но чаще всего сэр Карадок или Карадин. В балладе немецкого поэта XV века Ганса Сакса сам Артур выстроил волшебный мост, который могли перейти только те женщины, которые не изменяют мужу, и это сделала одна Гвиневера. Однако во всех остальных версиях главный смысл испытания — разоблачение неверности королевы, противопоставленной чистоте жены Карадока. Нигде не говорится, что это одно и то же лицо, но настойчивость сравнения может подсказать нам правду.

---

* Та же история рассказывается в бретонской балладе о святой Энори, но там героиня спасает от змеи не мужа, а отца.

В валлийских генеалогиях супругой Карадока и матерью его сыновей названа Энинни, дочь Кинварха Регедского. Эти сыновья — воинственный Мейриг и кроткий Каурдо, — после отца унаследовали соответственно Гвент и Эргинг и, судя по датам их кончины, родились в 480-е годы. Тридцать лет спустя их мать, вероятно, была давно мертва, и пожилой Карадок вполне мог по политическим соображениям жениться на сестре своего союзника. «Первое продолжение» именует Гвеньер сестрой Кадора, у Гальфрида она происходит из «дома Кадора». Ни одна генеалогия не числит ее среди детей Герайнта, но у бриттов дочери далеко не всегда попадали в родословия. К тому же она могла родиться от второго брака, поскольку была лет на 15—20 младше брата.

Невнятный намек на происхождение королевы содержится в уже упомянутой триаде 56 — там одним из трех «отцов» Гвенвивар назван Гурит (*Guryt*), чье имя, возможно, представляет собой искажение имени Герайнта. Ошибочно присвоенный ему эпитет «Гвентский» может относиться к самой Гвенвивар, ставшей королевой Гвента. Ее союз с Карадоком мог свершиться только после Бадона и череды войн с англами — в 510-е годы, когда невеста достигла брачного возраста.

Не исключено, что Артур играл решающую роль в заключении этого брака, скрепляющего союз Гвента и Думнонии. Возможно, он сопровождал Гвиневеру в Каэрвент и сразу заметил неприязнь девушки к пожилому, покрытому боевыми шрамами мужу. Но не таков был *dux bellorum*, чтобы обращать внимание на подобные вещи. Брак — всего лишь инструмент политики, а если невеста не желает принимать правила игры, тем хуже для нее. Однако Гвиневера с ее горячей кельтской кровью не желала терпеть принуждения. Повторяя (или предваряя) судьбу Изольды, она нашла при гвентском дворе того, кто оказался ей милее старика-мужа. Его звали Медрауд — генеалогии знают лишь одного человека с таким именем, и это внук короля Карадока и сын Каурдо, родившийся около 500 года (он упоминается и в списках валлийских святых, куда попали многие странные персонажи). Юный, но весьма амбициозный принц рос при дворе деда, проходя военное обучение в его дружине, в то время как его отец уже правил в Эргинге. Сам Карадок почти все время проводил в землях подвластных ему саксов, руководя их войной с ютами. Немудрено, что тоскующая королева обратила свое внимание на юношу, бросавшего на нее влюбленные взоры.

Реконструкция дальнейших событий может быть такой: в скором времени Медрауд покинул Каэрвент и перебрался в Каэрллеон, город Круглого Стола, где был создан своего рода

альтернативный двор. Привлекая к себе изгнанников-аллтудов и беженцев из захваченных саксами областей, честолюбец сколотил собственную дружину. Гвиневера открыто жила с ним, против чего Карадок не возражал. Быть может, он просто любил внука, а может, считал, что амбициозный Медрауд будет лучшим правителем, чем его богобоязненный и болезненный отец Каурдо. Возможно, принц участвовал в валлийской кампании, командуя отрядами Гвента. Это принесло ему популярность среди знати, которая втихомолку роптала против короля, обвиняя его в излишней симпатии к саксам. Артура до поры эти коллизии не волновали — прежде всего он имел дело с Карадоком, верным союзником и старшим другом. Все изменилось около 534 года, когда старый король Гвента скончался. В «Англосаксонской хронике» этот год отмечен смертью Кердика, которого сменил Кинрик — по всей видимости, не родственник прежнего правителя, а его воевода из среды саксов*.

Сразу же в отношениях Гвента и Думнонии начались трения, причины которых были смутно связаны с королевой Гвиневерой. Возможно, Медрауду надоела постаревшая любовница и он женился на какой-то из валлийских принцесс — например, на Кивиллог, которую одна из генеалогий называет его супругой. Она была сестрой Гильдаса, и, возможно, верность родственному долгу стала одной из причин охлаждения отношений историка с Артуром. По другой версии, жена Медрауда была дочерью не Кау, а короля Уэльса Гаволана — возможно, Кадваллона Гвинеддского.

Женившись, Медрауд в то же время не хотел отпускать на родину Гвиневеру, которая успела родить ему двоих сыновей — романы Вульгаты дают им имена Мелеган и Мелу (характерна связь с именем обольстителя Мелваса-Мелеаганта, того же Медрауда). Возможно, он пытался удержать ее при дворе в качестве заложницы, а может, не хотел ссориться с ее думнонской родней. Но результат оказался обратным — пылкий нрав королевы привел к ссорам и оскорблениям. Быть может, дошло и до рукоприкладства, о котором упоминают триады. Понятно, что Кадо счел своим долгом вступиться за честь родственницы. Артур отнесся к будущему военному походу спокойно, считая его обычной карательной экспедицией, удачный исход которой позволит укрепить слабеющее в отсутствие внешней угрозы единство Логрии. Но

---

* Память об этом отражает один из манускриптов «Англосаксонской хроники», где отцом Кинрика назван не Кердик, а сын последнего Креода. Возможно, впрочем, что здесь имеется в виду сын Карадока — Каурдо, король Эргинга.

вышло иначе — Медрауд непохо подготовился к нападению, наладив связи с враждебными Артуру валлийскими князьями и получив от них помощь. Возможно, в союз с ним вступили и саксы Хвиссы, преданные его деду. Как бы то ни было, они наверняка не выступили на стороне Артура, у которого остались только дружина и думнонское ополчение.

Согласно «Анналам Камбрии» гражданская война разразилась в 537 году. Если Камлан в самом деле находится в Девоншире, то первым в наступление перешел Медрауд, ободренный превосходством своих сил. Оба автора, подробно пишущих об этой кампании — Гальфрид Монмутский и Томас Мэлори, — упоминают несколько сражений, приведших к большим потерям. Они указывают совершенно фантастическое число сражающихся: 100 и даже 200 тысяч с обеих сторон. Согласно Гальфриду, Модред-Медрауд после поражения при Винтонии (Винчестере) бежал в Корнуолл, к реке Камблан, где и состоялась решающая битва: «С той и другой стороны гибнет такое множество воинов, раздается столько стенаний раненых и умирающих, такие яростные вопли несущихся на врага, что описывать все это горестно и нелегко». «Полегли почти все военачальники обеих сторон вместе со своими отрядами», в том числе Кадор и Модред, которого Артур лично «предал жестокой смерти». Однако «смертельную рану получил и сам прославленный король Артур, который, будучи переправлен для лечения на остров Авваллония, оставил после себя корону Британии Константину, своему родичу и сыну наместника Корнубии Кадора»[5].

Мэлори дает иную, романтизированную картину последней войны Артура. Главной причиной гибели Логрии у него становится междоусобная распря, вызванная романом Гвиневеры с Ланселотом. Ее перипетии, заимствованные из романов Вульгаты, многократно повторялись и переосмыслялись в художественной литературе. Кратко их можно изложить так: Артур много лет закрывал глаза на связь королевы с храбрейшим из своих рыцарей (как Карадок — на связь Гвенвивар с принцем Медраудом). «Королев я всегда смогу найти довольно, — говаривал он, — а такую дружину добрых рыцарей не собрать больше никогда на свете». Однако Мордред и его брат Агравейн, ненавидевшие Ланселота, застигли Ланселота в опочивальне Гвиневеры и попытались вломиться туда силой. Озерный рыцарь убил Агравейна и еще дюжину рыцарей, ранил Мордреда и бежал из Камелота. Узнав об этом, лорды вынудили Артура приговорить королеву к сожжению как прелюбодейку, но Ланселот спас ее от костра, убив при этом еще два десятка рыцарей, включая благородных Гахе-

риса и Гарета. Он бежал в свои французские владения, куда вскоре отправился Артур с войском. Началась война, в которой обе стороны совершили множество подвигов, но никто не победил.

В это время Мордред, оставленный править Англией (почему-то вместе с изменницей Гвиневерой), огласил поддельное письмо о гибели Артура и на этом основании заставил лордов признать себя королем. Узнав об этом, Артур срочно вернулся с войском на родину и начал войну с предателем-сыном. После битв при Дувре (где погиб Гавейн) и Бархэме противники сошлись на Солсберийской равнине, но накануне решающего сражения король отправил к Мордреду посланцев и предложил ему Корнуолл и Кент, а после своей смерти — всю Британию. Когда они встретились для переговоров, обоим армиям запретили обнажать оружие, но одного рыцаря укусила змея, и он выхватил меч, чтобы зарубить ее. Увидев блеск стали, оба войска кинулись в атаку: «С тех пор не видел свет ни в одной христианской земле битвы ужаснее, — разили пешие, кололи конные, носились воины по полю, и немало страшных слов было произнесено между врагами, и немало обрушено смертоносных ударов... И продолжалась битва до самой ночи, а к тому времени уже сто тысяч человек полегло мертвыми на холмах»[6].

Впечатляющую картину битвы рисуют и более ранние авторы, например автор «Брута» Лайамон: «Сам Артур был ранен смертоносным лезвием меча; пятнадцать тяжких ран получил он, и в последнюю из них можно было вложить две ладони. И никто в том сражении не выжил, все двести тысяч лежали изрубленные, кроме короля Артура и двух его рыцарей»[7]. Имена этих рыцарей — сэр Бедивер и Лукан-Дворецкий, — сообщает Мэлори. В конце битвы Мордред с королем из последних сил бросились друг на друга, и Артур пронзил вероломного сына копьем, но тот перед смертью «ударил отца своего короля Артура сбоку по голове, и рассек меч преграду шлема и черепную кость. И тогда рухнул сэр Мордред наземь мертвый»[8].

Иную версию последнего ранения короля излагает малоизвестная латинская рукопись «Подлинная история смерти Артура» (*Vera Historia de Morte Arthuri*), написанная около 1300 года в Уэльсе. В ней говорится, что уже после гибели Мордреда израненный, но вполне живой Артур вознес Христу и Деве Марии благодарность за победу, а потом попросил своих соратников снять с него панцирь и обработать раны. В этот момент откуда-то взявшийся красивый юноша подъехал к королю верхом на коне и метнул ему в грудь копье,

смазанное гадючьим ядом. Этот юноша, которого Артур из последних сил сумел заколоть тем же копьем, был, по всей видимости, эльфом, выполнявшим важное задание — вынудить отжившего свое полководца покинуть мир людей. Более прозаическая версия бытует в Северном Уэльсе — Артур, преследуя отступающих воинов Мордреда, попал в засаду в горной теснине и был застрелен из лука. Это случилось в графстве Мерионет, в Ущелье стрел (*Bwlch y Saethaeu*), и ни на какой Авалон героя не увозили, а похоронили тут же неподалеку, под курганом, называемым Карнедд Артур.

Естественно, из всех версий в итоге возобладала самая романтическая, полнее всего изложенная Мэлори. Двое оставшихся в живых рыцарей перенесли умирающего короля в часовню на берегу моря, после чего Лукан отправился на разведку — «и увидел при лунном свете, что вышли на поле хищные грабители и лихие воры и грабят и обирают благородных рыцарей... А кто еще не вовсе испустил дух, они того добивают, ради богатых доспехов и украшений»[9]. Эта сцена, которую автор, без сомнения, не раз наблюдал лично во время войны Роз, стала символом печальной судьбы Логрии — и реальной, и мифической — после ухода из жизни ее защитника. Века спустя Альфред Теннисон в поэме «Смерть Артура» вложил в уста короля горькие слова:

...Бой нынешний расторг
Прекраснейшее рыцарское братство,
Какое видел свет. Они уснули
Навек — друзья любимые. Отныне
Не тешиться им славною беседой
О битвах и турнирах, не гулять
По залам и аллеям Камелота,
Как в прежни дни. Я сам их погубил,
Увы, — и рядом с ними погибаю...[10]

Поэт не упоминает сэра Лукана, который сразу после возвращения к часовне скончался от ран. Бедивер по приказу короля должен был бросить Экскалибур в воду, но долго не решался расстаться с реликвией, и умирающий король честил его лжецом и предателем. Лишь на третий раз рыцарь решился сделать то, что ему велено — «и тогда поднялась из волн рука, поймала меч, сжала пальцами, трижды им потрясла и взмахнула и исчезла вместе с мечом под водою». Владычица озера вернула себе свое достояние. Мэлори считает, что это случилось на морском берегу недалеко от Солсбери, хотя этот город отделяет от моря довольно большое расстояние. Более вероятно, что меч упокоился в озере, из которого когда-то и был извлечен, но это место тоже неизвестно.

В Британии немало озер претендуют на роль могилы чудесного меча. Одно из них — озеро Бошертон в Пемброкшире, недалеко от острова Калди, выдвигаемого местными краеведами на роль Авалона. Другое — Дозмари-Пул в Корнуолле, недалеко от реки Камел. Третье — болото у моста Помперлес (древний Понс-Перлиоз или «Опасный мост) в Гластонбери. Четвертое — озеро Ллин-Ллидау в Гвинедде, близ которого, по местным преданиям, состоялась битва при Камлане. Валлийские патриоты охотно ссылаются на эту версию, хотя в источниках она появляется только в XVIII веке. Претензии остальных водоемов тоже основываются исключительно на их красоте и привлекательности для туристов. Между тем место, где на самом деле покоится чудесный меч, давно известно, и место это — страна легенд.

...После того, как Экскалибур — символ власти Артура и воплощение его самого, — покинул мир, настала очередь самого короля. К берегу причалила маленькая барка, откуда вышли три дамы, одетые в траур — Моргана, королева Северного Уэльса и королева Опустошенных Земель. Лодка трех королев увезла Артура на остров Авалон, а Бедивер нашел приют в пещере отшельника в Гластонбери; в соседнем монастыре Эмсбери поселилась раскаявшаяся Гвиневера. Ланселот, глубоко скорбя о свершившихся несчастьях, вернулся в Логрию и стал отшельничать вместе с Бедивером. Когда все трое умерли, оставшиеся рыцари — сэр Борс, сэр Эктор, сэр Бламур и сэр Блеоберис, — отправились в Святую землю воевать против неверных и оттуда уже не вернулись. На этом закончилась история Логрии и братства Круглого Стола.

Такова легенда, а теперь взглянем на реальные факты — точнее, на их отсутствие. Помимо скупых строк «Анналов Камбрии» о битве (или «распре) при Камлане источники не сообщают об этом событии ровным счетом ничего. Гильдас, писавший свое сочинение всего лишь через восемь лет после сражения, молчит о Камлане, как и об Артуре. Вероятно, масштаб события был не таким уж эпическим — в конфликте участвовали лишь дружины Артура и Медрауда, в сумме вряд ли превышавшие тысячу воинов. Валлийские источники тоже сохранили память о небывалой ожесточенности битвы — после нее якобы уцелели то ли семь человек, то ли девять. Многие из них — легендарные фигуры вроде некоего Сандде Ангела и Морврана, демонического сына колдуньи Керидвен; первый из них остался невредим из-за своей красоты, а второй — из-за своего уродства. Однако среди выживших числятся и реальные люди, например, святой Дервел Кадарн (Могучий), которого генеалогии называют сыном короля Ар-

морики Хоэла и братом святых Дуйвела и Артмаэла. По преданию, он построил церковь в Ландервеле (графство Мерионет), где его деревянная конная статуя почиталась много веков. В 1538 году, во время Реформации, «идола» отвезли в Лондон и там сожгли вместе с католическим священником по фамилии Форест — Генрих VIII, наделенный специфическим чувством юмора, решил исполнить валлийское пророчество, по которому статуя Дервела должна была сжечь лес (*forest*). Уцелели только конь святого и его копье, которые до сих пор хранятся в Уэльсе.

Еще один из Девяти уцелевших при Камлане — прославленный корнуольский святой Петрок, «спасшийся силой своего копья». Судя по генеалогиям, он был сыном короля Гливиса из Южного Уэльса и носил прозвище «Расщепленное Копье» (*Baladrddelt*). Сохранилось посвященное ему стихотворение поэта XIII века Давида Нанмора, где говорится: «Блаженный Петрок был прославленным воином в дни смерти Артура... С той поры он служил Троице и дал клятву никогда больше не брать в руки оружия»[11]. По преданию, Петрок основал немало церквей в Корнуолле и Бретани и скончался в Ланветиноке (ныне Падстоу) около 564 года. В настоящее время его мощи хранятся в соседнем городке Бодмин, хотя на обладание ими претендует также монастырь Мевен в Бретани. Петрок упоминается в валлийском списке «Двадцати четырех рыцарей Артура», и не исключено, что он на самом деле сражался при Камлане. Обращает на себя внимание то, что выжившие участники битвы, упомянутые в источниках, чуть ли не поголовно обратились к религии — таково было влияние на них жестокой братоубийственной резни. Осознание Камлана и гибели Артура как конца «царства бриттов» закрепилось в валлийско-корнуольской фольклорной традиции, откуда проникло и в средневековую артуриану.

В «Мабиногион» упомянута еще одна девятка — «те, кто замыслил битву при Камлане». То ли это те, кто руководил боевыми действиями (у Гальфрида упоминается, что Артур перед битвой разделил свое войско на девять отрядов, но в триаде 59 таких отрядов три), то ли, что более вероятно, заговорщики, коварно столкнувшие Медрауда с Артуром. Один из них назван в «Видении Ронабви» — это некий Иддауг, который из вредности искажал послания, передаваемые враждующими сторонами: «В дни битвы при Камлане я был одним из посланцев от Артура к Медрауду, его племяннику. Тогда я был пылким юнцом и, желая битвы, посеял ненависть между ними. Вот как я сделал это: Артур послал меня к Медрауду с напоминанием, что он его дядя и верховный король Острова

Британии, и с просьбой заключить мир, дабы не погибли сыны властителей и множество воинов — и эти-то добрые и благоразумные слова я передал Медрауду в форме грубой и заносчивой; потому меня и прозвали Возмутителем Британии»[12].

Вообще в валлийском фольклоре Медрауд — не злодей, а скорее жертва обстоятельств. В шотландских преданиях он вообще превращается в законного претендента на трон, выступившего против жестокого узурпатора Артура. Это легко объяснить: Джон Фордун и другие шотландские хронисты считали Лота и его детей — Гавейна и Мордреда, — своими земляками и «болели» за них. При этом к изменнице Гвиневере они относятся без всякого сочувствия. Гектор Боэций в «Шотландской истории» (1527) повествует, как королеву по приказу мужа разорвали дикими лошадьми. Сам Артур в этом сочинении изображен пьяницей, развратником и лжецом — пообещав сделать Мордреда своим наследником, он нарушил обещание, тем самым спровоцировав принца на мятеж. В сочинении «Море историй» фламандца Жана де Прея, написанном около 1350 года, пересказана еще одна страшная легенда — Ланселот после смерти Артура казнил Гвиневеру, а Мордреда закопал живьем вместе с ее трупом, чтобы голод вынудил его поедать плоть возлюбленной. В Корнуолле бытует другое поверье, по которому Гвиневера (Дженнифер) превратилась в русалку, и ночной рокот прибоя — это ее плач.

Однако вернемся на поле Камлана. Как уже было сказано, сражение, скорее всего, произошло на берегах реки Кам, в управляемой Артуром пограничной зоне между Гвентом и Думнонией, и пагубно повлияло на судьбы обоих королевств. Король Кадо погиб в битве — об этом говорят фольклорные источники, помещающие его могилу на холме Кондолден близ Камелфорда*. Его наследником стал старший сын Константин, которого, согласно Гальфриду, умирающий Артур объявил своим преемником. Лайамон изобразил эту сцену более красочно: «Отрок Константин, сын графа Корнуолла, был дорог королю. Артур, лежа на земле, взглянул на него и с печалью в сердце изрек: “Константин, сын Кадора, я отдаю тебе мое королевство, чтобы ты всегда защищал бриттов и сохранял все законы, установленные в мое время, и те добрые законы, что были установлены во времена Утера. Я же отправлюсь на Авалон, к прекраснейшей из дев, королеве эльфов Арганте, чтобы могла она исцелить мои раны и изле-

---

* Интересно, что неподалеку находится еще один могильный курган, который местные жители называли Могилой Великана (*Giant’s Grave*) или Могилой Артура.

чить меня своим целительным искусством. И когда-нибудь я снова вернусь в мое королевство, и буду править бриттами к всеобщей радости"»[13].

На самом деле «отроку» Константину (Кустеннину) в то время было уже лет тридцать, и он стал королем только в Думнонии. С гибелью Артура и его дружины пограничье — Сомерсет и Дорсет, — превратилось из надежного пояса обороны в яблоко раздора, источник постоянных смут. Об этом сообщает Гальфрид: «По короновании Константина восстали саксы и два сына Модреда, но неудачно и одолеть нового короля не смогли». Саксы Хвиссы (Уилтшира) после смерти Карадока-Кердика, возможно, еще хранили обещанную верность Артуру, но когда погиб последний, сочли себя свободными от всех обязательств — тем более, что их постоянно подстрекали родичи с востока. В итоге вождь гевиссеев Кинрик объявил себя королем, но на войну с бриттами не решился — то ли помня о прежнем союзе, то ли боясь разгрома, подобного бадонскому. Однако дела это не меняло — восточная граница Думнонии снова стала опасной, а охранять ее после Камлана было некому.

К моменту упомянутого восстания сыновьям Мордреда было от 15 до 20 лет (возраст самого Мордреда-Медрауда приближался к сорока). Гальфрид, опираясь на неведомые нам источники, отождествляет их с «царственными отпрысками», в убийстве которых Гильдас гневно обвинял короля Константина: «На лоне матери-Церкви и плотской матери, под покровом святого аббата он злодейски изодрал мечом и копьем, как клыками, меж упомянутых святых алтарей плоть двух царственных отпрысков с двумя же их воспитателями»[14]. Гальфрид описывает ситуацию иначе: один из сыновей Мордреда бежал в Винтонию (Винчестер) и укрылся там в церкви святого Амфибала, где был убит Константином прямо у алтаря; второй сын при таких же обстоятельствах принял смерть в Лондоне. На самом деле «амфибалом» назывался плащ аббата, под которым, как образно повествует Гильдас, укрылся несчастный юноша. Убийство в церкви во все века считалось верхом кощунства; иные толкователи даже считают, что Константин сам переоделся аббатом, чтобы прикончить отпрысков своего врага.

Но зачем ему было убивать сыновей Медрауда, и как они вообще оказались в Думнонии? Это было возможно только в том случае, если их матерью была не законная жена принца Кивиллог, а королева Гвенвивар, которая после гибели любовника укрылась в отцовских владениях. Некоторые отождествляют ее с «нечистой дамнонской львицей», о которой писал Гильдас, хотя более вероятно, что он имел в виду само коро-

левство Думнонию, изменив его название по аналогии с латинским *damnus* (проклятый). Действительно, бритты вполне могли проклинать Гвенвивар как виновницу камланской трагедии, и безымянный автор «Мабиногион» не преминул вложить ее сетования в уста злосчастной Бранвен, дочери Ллира: «Горе мне — люди двух королевств истреблены из-за меня!»

«Белогрудая» Бранвен, как и «белый призрак»Гвенвивар и ее ирландская «сестра» Финдабайр — типичные для кельтской мифологии «лунные девы», увлекающие влюбленных в них героев, а порой и целые народы к печальному концу. Еще одна такая дева — уже упомянутая красавица Блодейведд, погубившая Ллеу Ллау Гифеса. Эта коллизия повторяется в мифах многих стран, и не случайно место супруга Гвиневеры занимает именно Артур — могучий правитель, обреченный на гибель самой судьбой в женском обличье. Правда, в большинстве источников королева — не коварная предательница, а безвольная жертва своей красоты, ждущая, пока искатели ее руки истребят друг друга — как Елена Троянская, как Бранвен, как Крейддилад из «Килуха и Олвен», за которую Гвин ап Нудд и Гуитир ап Грейдаул обречены биться «каждые календы мая до самого Судного дня». По справедливому замечанию Р. Грейвса, эта героиня — та же верховная богиня кельтов, но в другой ипостаси, Жизнь, принимающая облик Смерти.

Судьба исторической королевы Гвенвивар неизвестна, но вряд ли она надолго пережила своих сыновей. Они, в свою очередь, были убиты Константином не из мести за Артура, а как соперники в борьбе за власть — по кельтским обычаям, племянники умершего правителя имели те же права на трон, что и его сыновья. У самого Константина наследников не было — тот же Гильдас сообщает, что он развелся с женой, возможно, из-за ее бесплодия. Не исключено, что до восшествия на трон он был монахом и действительно убил сыновей Мордреда «под покровом» иноческого одеяния.

Убийство, совершившееся около 540 года, оттолкнуло от Константина многих его подданных и способствовало дальнейшим раздорам среди бриттов. Гильдас обращает к королю странные слова: «Знаю, что ты еще жив». Ряд историков считает их свидетельством того, что вскоре после расправы над юными принцами Константин лишился трона и судьба его была неизвестна большинству бриттов. Это подтверждает и Гальфрид: «На третьем году царствования он и сам был убит своим племянником Конаном». Имеется в виду Аврелий Конан, которого Гильдас именует «молодым львом... погрязшим в пучине братоубийства, насилия и прелюбодейства, словно в нахлынувшем море»[15]. Однако свидетельство

Гальфрида вряд ли стоит принимать всерьез: далее он пишет, что Аврелию наследовали Вортипорий (Вортипор) и Мэлгон, превратив четырех из пяти «тиранов» Гильдаса, одновременно правивших в разных королевствах, в сменяющих друг друга правителей Британии. Во всяком случае, Константин явно остался в живых, еще раз женился и обзавелся потомством. Его сын Герайнт сменил его на троне около 565 года, когда король внезапно раскаялся в грехах и обратился к благочестию. По одной легенде, это случилось после смерти его второй любимой жены, по другой — по молитве святого Петрока, который хотел спасти преследуемого королем оленя. Перевоспитавшийся Константин основал несколько церквей в Корнуолле, потом много лет прожил в монастыре святого Давида в Уэльсе, а позже отправился проповедовать веру язычникам-пиктам и принял от них мученическую смерть в Кинтайре. По данным его жития, это случилось в марте 576 года.

Похоже, в сообщении Гальфрида все же есть зерно истины. Упомянутый им Аврелий Конан правил не только в Глостершире, но и в Сомерсете, поскольку после него этими областями владели три брата — скорее всего, его наследники. Между тем прежде Сомерсет принадлежал Думнонии и был сердцем артуровской Логрии. Возможно, после истории с убийством принцев Аврелий если не сверг на какое-то время Константина, то, по крайней мере, отобрал у него часть владений. В то же время ослабевший король Думнонии подвергся атаке нового врага — им был правитель Арморики Куномор. Большинство историков отождествляет его с королем Марком из легенды о Тристане, что подтверждается знаменитым надгробием из Касл-Дора. Этот известняковый обелиск, с давних пор стоящий на окраине корнуэльского городка Фоули, украшен латинской надписью «DRVSTANUS HIC IACIT CUNOMORI FILIVS» (Здесь покоится Друстан, сын Куномора).

Судя по почерку, надпись сделана не позже VI века или весьма искусно подделана — но тогда почему ее автор говорит о Друстане-Тристане как о сыне короля, а не его племяннике, которым он представлен во всех преданиях? Быть может, изменение степени родства в легенде было призвано снять с Тристана обвинение в кровосмешении, недопустимое для положительного героя. Принц вполне мог быть сыном Куномора от первого брака, и его роман с молодой мачехой не был для кельтов чем-то исключительным, как показывает история Медрауда и Гвенвивар (возможно, кстати, перенесенная в фольклоре на Тристана и Изольду). Странно не это, а то, что принц из надписи носит пиктское имя Друстан (точ-

нее, Дрёстан) — позже он превратился в Тристана от французского *triste* (печальный).

Объяснение может заключаться в принятом у пиктов наследовании по женской линии — пиктские принцессы не выходили замуж за иноземных правителей, но могли при этом рожать от них сыновей, которые впоследствии занимали трон Пиктавии. Так случилось с Бриде, сыном Мэлгона Гвинедда, а позже — с детьми ирландских королей Далриады. Возможно, одна из таких принцесс и родила Куномору сына Друстана, который, вопреки обыкновению, не остался у пиктов, а был увезен к отцу. Об Изольде (Эсиллт) история ничего не знает, как и о ее отце Кулванавиде, имя которого, возможно, связано с островом Мэн (Манау) или с морским божеством Манавиданом. В романе Тома Английского, ставшем источником последующих сказаний о Тристане, отцом Изольды является король Ирландии Гормонт, тоже неизвестный источникам.

Как известно, легенда о Тристане и Изольде, знакомая читателям в пересказе французского филолога Жозефа Бедье, повествует о любви корнуэльского принца и ирландской принцессы, отданной в жены его дяде Марку[16]. Последний в разных вариантах легенды изображен по-разному — он то жалеет племянника и до последнего не верит в его виновность, то сознательно хочет его погубить. В поздних романах возобладала версия Марка-злодея, который в начале сюжета губит отца Тристана Мелиодаса, короля Лионесса, а в конце коварно убивает самого принца. Тристан тоже представлен то рефлексирующим из-за своей вины перед дядей, то обманывающим его без зазрения совести. Только Изольда везде одинакова — она безоглядно предана своей страсти, готова убить и умереть за нее. Для пущего драматизма легенда делает Тристана убийцей ее жениха, ирландца Морхольта; забыв о кровной мести, она совершила, с точки зрения родового общества, преступление похуже измены мужу. Как романы, так и валлийские предания знают двух Изольд — Белокурую и Белорукую, дочь Хоэла Бретонского, на которой Тристан женился, чтобы забыть свою возлюбленную. «Вторая» Изольда в одной из версий (французский «Тристан в прозе») стала виновницей гибели Тристана: он умирает с горя, когда жена лжет ему, что на прибывшем из Корнуолла корабле нет его возлюбленной. Над его трупом умирает и Изольда Белокурая, а ее тезка, не выдержав угрызений совести, бросается со скалы.

Реальное существование королевства Лионесс весьма сомнительно. По одной версии, оно находилось на месте островов Силли в Корнуолле и позднее было затоплено морем

вместе с другими «потерянными землями». По другой, его имя, иногда превращаемое в Лонуа или Леонуа — французское название Лотиана в Шотландии, что помогает объяснить пиктское имя Тристана (хотя бретонец Марк никак не мог править на севере Британии). Ясно только, что исторический Тристан погиб, а, скорее всего, и родился, только когда его отец обосновался в Корнуолле — что произошло уже после гибели Артура. Таким образом, включение его в число рыцарей Круглого Стола не имеет под собой исторической основы. Тристан, как уже говорилось, оказался втянут в орбиту артурианы, подобно многим другим героям. То же произошло и с Марком, которого рыцарские романы называют непримиримым врагом Артура. Он воевал с союзниками короля в Арморике, а Поствульгата повествует, что после гибели Артура Марк разграбил Камелот и уничтожил Круглый Стол, но вскоре был убит Ланселотом. В «Жизни Мерлина», написанной в Италии в XIV веке, Марка убивает Борс Ганский, у Мэлори — рыцарь Белленгер, а в итальянской балладе «Месть Ланселота за смерть Тристана» королю уготован особенно жестокий конец — он съедает себя заживо, заключенный в башню у гробницы убитого им племянника.

Исторический Куномор-Марк — весьма любопытная фигура. Первоначально он, как сообщают жития бретонских святых, правил маленьким княжеством Поэр на западе Арморики. Коварно умертвив короля Домнонии Йонаса, он женился на его вдове, но та узнала, что он собирается убить ее сына Иудвала, и бежала вместе с наследником в Париж. После этого Куномор посватался к Трифине, дочери короля Ванна Вароха — без сомнения, претендуя на владения ее отца. Когда она забеременела, некий колдун предсказал, что рожденный ею сын убьет Куномора, и тот хладнокровно отрубил молодой жене голову. По легенде, перед этим она отперла тайную комнату в замке супруга и увидела там трупы предыдущих жен, убитых им — так зародилось предание о Синей Бороде, позже соединенное с легендой о другом душегубе, детоубийце Жиле де Ре (у того борода действительно была иссиня-черной). Святой Гильдас, живший в то время в Арморике, оживил несчастную Трифину, и она родила сына Тремера (Тревора), но позже жестокий отец отыскал его и по своей привычке обезглавил. На этом чудеса не кончились — маленький мученик поднял отрубленную голову и побежал с ней вслед за отцом. Спасаясь от него, Куномор укрылся в своем замке, который тут же рухнул и похоронил под собой убийцу.

Бретонская традиция приписывает главную роль в свержении тирана святым Гильдасу, Самсону и Артмаэлу (в по-

следнем, напомним, иногда видят прообраз Артура). Однако на деле эта заслуга принадлежит королю франков Хильдеберту Парижскому, который около 560 года, как сообщает историк Григорий Турский, разбил Куномора в сражении и убил его. К этому времени узурпатор завладел Корнуоллом — местный фольклор помещает его резиденцию в Касл-Дор, а бретонская традиция переносит ее в соседний городок Лантиан (Лансьен). Он также правил половиной Арморики, заключив союз с королем Корнуая Маклиау, который сменил на троне союзников Артура Будика и Хоэла (возможно, их одновременная смерть тоже не обошлась без участия Куномора). Перечисленные святые действительно конфликтовали с узурпатором, поскольку он пытался захватить монастырские земли и имущество — в этом кроется одна из причин его очернения в источниках, исходящих из церковной среды. В конце концов Артмаэл сумел убедить франкского короля свергнуть злодея и вернуть трон принцу Иудвалу.

В житии святого Павла Аврелиана Куномор именуется «могущественнейшим правителем», подчинившим своей власти «четыре народа, говорящие на разных языках». В Корнуолле он, похоже, был больше известен под именем Марк или Марх, которое носил один из ранних правителей области Марх ап Мейрхион; в фольклоре они соединились, и легенда о Тристане неизменно называет Марка именем его предшественника. Валлийское *march* означает «лошадь», поэтому валлийская сказка приписала королю конские уши, повторяя сюжет античной басни о царе Мидасе (у того, правда, уши были ослиными). На самом деле Марх или, полностью, Кинварх — модернизированный вариант имени Куномор, означающего «великий пес». Возникает соблазн связать этого правителя с Аврелием Конаном, чье имя также означает «пес» — ведь именно он захватил владения Артура вместе с Кэдбери-Камелотом. Однако последний никак не связан с Арморикой; к тому же Гильдас около 540 года называет Конана «молодым львом», а Куномору в это время было уже за сорок, и в легендах он всегда изображается пожилым.

В сочинении Гильдаса нет обличений в адрес армориканского тирана — то ли святой еще не был знаком с ним, то ли сосредоточил усилия на критике правителей Британии. А критиковать их было за что. После гибели Артура словно рухнули последние преграды страха не только перед земной, но и перед небесной властью. Судите сами: Константин виновен в убийстве «царственных отпрысков» и разводе с женой; Аврелий Конан — в войнах и разбоях, Вортипор Деметский — в сожительстве с собственной дочерью, знакомый нам Куни-

глас — в том, что обижал святых и, опять-таки прогнав жену, взял в наложницы ее сестру-монахиню. Особенно тяжел список грехов Мэлгона Гвинеддского: здесь и уже упомянутые нами убийства родственников, и междоусобные войны, и отречение от принятого монашеского обета. Вряд ли можно сомневаться, что так вели себя не только те, кого обличал Гильдас, но и другие правители, а также их соратники — те, кого святой называет «кровожадными гордецами, убийцами и прелюбодеями». Он явно имеет в виду всю знать бриттов, когда говорит: «Они грабят и угнетают, но невинных, защищают и благодетельствуют, но негодяев и разбойников; у них множество жен, но блудниц и прелюбодеек; они часто клянутся, но нарушают клятвы, дают обеты, но то и дело лгут. Они ведут войны, но братоубийственные и неправедные; они свирепо преследуют воров в своих владениях, но воров, что сидят с ними за столом, не только щадят, но и награждают»[17].

Из правителей юго-запада Британии Гильдас ни в чем не обвиняет только королей Гвента и Эргинга — доблестного Мейрига и благочестивого Каурдо, отца Медрауда. Это подтверждает версию, что свою книгу он писал именно в Гвенте, куда бежал из Гвинедда. По его скупым намекам можно понять, что это случилось после того, как Мэлгон покинул монастырь и убил свою жену и племянника. Святой не мог одобрить этих деяний, и его дружбе с бывшим соучеником пришел конец. Против Мэлгона выступили также его давний враг Куниглас и брат убитой Саннан — король Поуиса Брохфаэл Клыкастый. Началась война, и это происходило не только в Северном Уэльсе — конец «артуровского века» оживил тлеющие раздоры во всех уголках бриттского мира, от Арморики до Истрад Клута. Именно тогда было написано сочинение Гильдаса, противопоставившего героические дела «сыновей» Амброзия злодеяниям «внуков».

Всего через несколько лет в Британии разразилась катастрофа, известная под именем «желтой смерти» (*Y Vad Velen*). Некоторые историки связывают ее со знаменитой Юстиниановой чумой, опустошившей чуть ли не всю Европу, но та явилась позже — около 565 года. «Чума» 547 года почти наверняка была не чумой, а оспой (*variola*), при которой на коже появляются желтые пятна. Именно в VI веке Запад настигли первые эпидемии этой опасной болезни, от которой умирало до 30 процентов заразившихся, а лица выживших покрывались уродливыми отметинами (позже у жителей континента выработался иммунитет и смертность от оспы сильно снизилась). В Британию «желтая смерть» пришла из Галлии и бушевала два года; этого хватило, чтобы истребить значительную

часть местного населения. Сильнее всего пострадали южные, более населенные области, где зараза распространялась особенно быстро. От эпидемии погибли многие вожди бриттов, включая Мэлгона Гвинедда — по легенде, он в страхе оставил Деганви и заперся в часовне в Лланросе, но чума проникла туда через замочную скважину и убила его. Тогда же умерли Куниглас Росский и Вортипор Деметский. Многие бежали в Арморику, не затронутую эпидемией, — туда, например, перебрались вместе со своими общинами святые Самсон и Тейло. Вероятно, туда же отправился Гильдас, основавший монастырь в Руэсе (Рюи); позже он вернулся в Гвент и умер в городке Ллантокай (ныне Стрит) в январе 570 года.

Чума опустошила и Ирландию, но англосаксы, почти не общавшиеся с кельтским населением, практически не пострадали. Это помогло им решиться на возобновление войны против бриттов. Еще в 547 году предводитель англов Ида захватил северную область Бринейх и основал там королевство Берницию с центром в Бамборо. Но настоящее нашествие началось через несколько лет на юге — как и во времена Бадона, его совместно осуществляли англы с севера и саксы с востока, но теперь саксонский форпост находился в самом центре Логрии. Это было королевство Кинрика, получившее позже название Уэссекс и сыгравшее главную роль в натиске на бывшие владения Артура. С 552 года в «Англосаксонской хронике» вновь появляются известия о победах саксов — тогда Кинрик разбил бриттов у Саробурга (ныне Олд-Сарум). Король гевиссеев был уже немолод, и, вероятно, армией командовал его энергичный сын Кевлин; в 560 году он сменил отца на троне и три десятилетия был сильнейшим правителем Южной Британии, первым после Эллы заслужив титул бретвальды.

В 577 году, по сообщению хроники, «Кутвин и Кевлин сражались с бриттами и в месте под названием Деорхем убили трех королей — Конмайла, Кондидана и Фаринмайла»[18]. Битва состоялась у нынешнего городка Дайрем в Глостершире, и после нее саксы захватили города Глостер, Бат и Киренчестер — ими, вероятно, и владели три побежденных короля, сыновья или племянники Аврелия Конана. Кутвин или Кута — брат Кевлина, который в 584 году погиб в очередном сражении с бриттами при Фретерне в Сомерсете. Хроника сообщает, что после этого Кевлин вернулся «в свою землю»; значит, саксы в то время еще не считали Западный край своим. Однако ситуация быстро менялась: отряды пришельцев захватывали все новые области, изгоняя оттуда бриттов. Англы Линдсея и Мерсии неуклонно продвигались в центр ос-

трова, а их собратья на севере усилили натиск на королевства Эвраук и Элмет. В 560 году Элла основал на месте прежнего Дейвира королевство Дейра, вместе с Берницией зажавшее тисками бриттский Север.

Даже перед лицом новой угрозы бритты с упоением предавались братоубийственной резне. После смерти Мэлгона в его владения вторгся его зять, король Истрад Клута Элидир Богатый, претендовавший на трон Гвинедда. Сын Мэлгона Рин заманил соперника в горное ущелье и уничтожил вместе со всем войском. В 565 году Рин в союзе с пиктами совершил ответный поход на север, разгромив преемника Элидира Риддерха Щедрого. Новая война разразилась в 573 году, когда коалиция сил Эвраука, Истрад Клута и Пеннин сошлась при Ардеридде с войском правившего в Камберленде короля Гвенддолеу. Последний был побежден и пал в сражении, а его бард Мирддин, как уже говорилось, обезумел и бежал в лес, став прототипом легендарного Мерлина.

Англосаксы не могли не извлечь выгоду из междоусобиц бриттов. В 580 году армия Берниции разбила королей Эвраука — Гурги и Передура (последнего, как уже говорилось, иногда считают прообразом сэра Персеваля). Войско братьев бежало, бросив их на погибель и заслужив славу одной из Трех неверных дружин Британии. После этого бритты на время сплотились и создали коалицию во главе со старым королем Регеда Уриеном. Под его началом силы Регеда, Истрад Клута, Элмета и Бринейха сумели разгромить англов и оттеснить их на остров Линдисфарн (Инис-Меткаут) у берегов Берниции. В 586 году осажденный оплот захватчиков должен был пасть, но тут совершилось уже упомянутое убийство Уриена завистливым королем Бринейха Морганом. Коалиция тут же распалась, и англы, подкопив сил, через несколько лет разбили противников поодиночке. В 588 году энергичный этелинг Берниции Этельфрит после смерти Эллы объявил себя королем Дейры, изгнав ее наследника Эдвина. Как ни странно, тот нашел убежище в Гвинедде — похоже, бритты и саксы в то время могли не только враждовать, но и союзничать.

В 593 году Этельфрит сделался правителем Берниции и объединил ее с Дейрой в королевство Нортумбрия. Очень скоро его отряды захватили Пеннины, угрожая Регеду, а на севере подступили к границам Гододдина. Король последнего Миниддог Богатый решил упредить нападение и собрал войско, призвав союзников со всей Британии. С ним были регедский принц Клиддно и даже король Думнонии Герайнт, сын Константина — непонятно, что заставило его покинуть свои владения, которым тоже угрожали завоеватели. В 598 го-

ду дружина бриттов встретилась с «несметными полчищами» англов у города Катрайт (нынешний Каттерик в Йоркшире). Детали сражения дошли до нас благодаря знаменитой поэме Анейрина «Гододдин», хотя понять из нее, кто победил, почти невозможно — поэма, как принято у ранних валлийских бардов, не содержит связного рассказа о событиях, целиком слагаясь из хвалебных характеристик отдельных бриттских воинов. Судя по тому, что почти всех их автор оплакивает, битва была проиграна — спаслись лишь немногие ее участники, включая самого Анейрина. Однако немедленной атаки на Гододдин не последовало — видимо, англы также понесли тяжелые потери. Символично, что незадолго до Катрайта на противоположном конце Британии высадились присланные из Рима монахи во главе с Августином, начавшие крещение англосаксов.

Очередную победу Этельфрит одержал в 603 году, когда его войско наголову разгромило короля Далриады Айдана при Дегсастане. Десять лет спустя англы появились у границ Северного Уэльса и разбили объединенную армию валлийских правителей. В битве при Честере погибли короли Иаго Гвинеддский, Селиф Поуисский и Бледри Думнонский, а также две сотни монахов соседнего монастыря Бангор, пришедшие на поле боя молиться о победе бриттов. В 616 году, однако, сам Этельфрит пал в сражении с королем восточных англов Редвальдом, который посадил на его трон христианина Эдвина. Последний, несмотря на долгое пребывание в Гвинедде, не проявлял к бриттам никаких симпатий и скоро захватил Элмет и Южный Регед (король последнего Лливарх Хен бежал в Поуис, где стал знаменитым бардом). В борьбе с ним король Гвинедда Кадваллон сумел заручиться поддержкой мерсийского монарха, язычника Пенды, которому не нравились христианские симпатии Эдвина. В 633 году союзники напали на Нортумбрию, Кадваллон убил в сражении ее короля и начал истреблять всех англов независимо от пола и возраста. По выражению Беды, он вел себя «не как победоносный король, но как жестокий тиран, разрывающий с устрашающей кровожадностью своих жертв на куски»[19]. Однако уже в следующем году нортумбрийский наследник Освальд отнял свои владения у Кадваллона, который погиб в битве при Хэвенфилде. С тех пор север Англии окончательно перешел в руки англосаксов, хотя последний осколок бриттского «Старого Севера» — Истрад Клут, — пал только в 1034 году.

На юге в это время королевства бриттов получили временную передышку, поскольку англы, саксы и юты воевали в основном между собой. В 592 году бретвальда Кевлин был от-

странен от власти своим племянником Кеолом и погиб в следующем году в битве у Воднерберге, что значит «Могила Вотана» (ныне деревня Ванборо в Уилтшире). Его противниками были то ли бритты Думнонии, то ли собственные родичи. Все следующее столетие короли Уэссекса боролись с Мерсией, которая захватила всю Центральную Англию, но с бриттами почти не воевала. При этом именно ей достался Пенгверн (Шропшир), когда в 656 году король Нортумбрии Освиу убил его правителя Кинддилана вместе с Пендой Мерсийским в битве при Винведе. До нас дошла элегия Кинддилану, сложенная его сестрой Хеледд — горький плач кельтской Ярославны по утраченному миру, который никогда не вернется:

Дворец Кинддилана темен и пуст.
Как мне горько видеть его,
Когда брата там нет моего!
Дворец Кинддилана вечером тих.
Наш правитель пал на войне.
Боже, что теперь делать мне?
Весел лишь крик орла из Эли —
Он добычу свою получил,
Кровь из сердца брата испил...

Другая элегия Кинддилану была сложена неизвестным бардом в IX веке. Знаменательно, что король Пенгверна и его братья именуются там «щенками (потомками. — *В. Э.*) могучего Артура» (*canawon Artur wras*). Правда, в источнике (манускрипт 4973 Национальной библиотеки Уэльса, написанный в XVII столетии) вместо имени полководца стоит слово *artir* (округа), но большинство ученых считают это опиской. Впрочем, к тому времени валлийский язык сильно изменился, буква «u» стала читаться как «и», и Артур вполне мог превратиться в Артира — так же, как в Бретани он стал Арзу. Кстати, современные англичане произносят имя *Arthur* приблизительно как «Асур», с ударением на первый слог.

Но вернемся в VII век, в горестную «эпоху утрат», как прозвали ее валлийские историки. Почти одновременно с битвой при Винведе, в 658 году, западные саксы возобновили натиск на Думнонию. Границы этого королевства отодвигались все дальше на запад, и через полвека бриттов оттеснили за реку Тамар, в скалистые пустоши Корнуолла, где они сохраняли остатки самостоятельности до 1045 года. Уэльс держался еще дольше, благодаря естественной защите — неприступным горам и густым лесам Гвинедда, правители которого продолжали считать себя верховными королями Британии. Последним этот титул носил сын Кадваллона Кадвалладр, умерший от чумы в 664 году (по другой версии, он скончался позже во

время паломничества в Рим). Его потомки уже не претендовали на мифическую корону острова и вместо «бриттов» стали называть себя «кимрами». Жизнь их была скудна и опасна: к нестихающим междоусобицам добавлялись набеги саксов, викингов, а потом и англо-нормандцев. В XI веке английские феодалы захватили юг Уэльса (Дехейбарт), поделенный между воинственными нормандскими баронами. В следующем столетии за покорение области взялась королевская власть, построившая в ключевых пунктах хорошо укрепленные замки. Валлийцев сгоняли с земли, запрещали им говорить на родном языке, преследовали бардов — хранителей кельтской культуры.

Особенно рьяно с независимостью Уэльса боролся Эдуард I — по иронии судьбы, большой поклонник артуровских легенд, называвший себя *Arthurus Redivivus* (возвратившимся Артуром). Напомним, что именно этот монарх в 1278 году провел торжественное перезахоронение мнимых останков Артура в Гластонбери; это случилось сразу после того, как последний король Гвинедда Ллевелин ап Гриффид был вынужден признать свою зависимость от британской короны. Зримое доказательство смерти «короля прошлого и грядущего» должно было покончить с надеждами бриттов на его возвращение. Покорение Уэльса завершилось в 1282 году, когда восставший Ллевелин погиб, попав в засаду. Его брат Давид, пытавшийся продолжить партизанскую войну, в следующем году был схвачен и казнен; его голову в венке из плюща (символа измены) выставили на Лондонском мосту — в ответ на приписанное Мерлину пророчество о том, что король бриттов будет когда-нибудь коронован в Лондоне. Чтобы крепче привязать свежезавоеванную область, король даровал своему новорожденному сыну, тоже Эдуарду, титул принца Уэльского, который с тех пор носят все наследники британского трона. Однако валлийцев такая «милость» не устроила — они еще долго поднимали восстания, и в начале XV столетия храбрый Оуэн Глендаур ненадолго вернул стране кимров свободу.

С некоторых пор борющиеся против завоевателей бритты начали надеяться на возвращение Артура, который освободит их от «злых саксов». Когда возникла эта вера, сказать трудно, но уже в конце XII века французский агиограф Алан Лилльский писал: «Ступайте в Арморику, иначе Малую Британию, и только попробуйте возгласить на рынках и в деревнях ее, что бритт Артур умер, как все смертные — увидите сами, сколь верным было пророчество Мерлина, что кончина Артура будет сомнительной. Вы едва ли останетесь невреди-

мы, ибо слушатели обрушат на вас град камней и проклятий»[20]. Другое свидетельство на этот счет оставил безымянный автор сочинения «О чудесах святой Марии Ланской», написанного в 1120-х годах и повествующего о странствии девяти клириков из французского города Лан по Англии, где они собирали средства для строительства храма святой Марии. В Бодмине (Корнуолл) им встретился сухорукий человек, который «подобно бретонцам, привыкшим спорить с французами по поводу Артура», начал доказывать святым отцам, что король Артур жив. Когда те попытались возразить, их едва не растерзали местные жители.

Правда, валлийские «не столь древние поэты» проявляли по этому поводу скептицизм; один из них, Кинддelу, утверждал в конце XII века, что Артур «так же мертв, как Цезарь и Александр». Элис Грифидд в 1530 году уверял на страницах своей хроники, что «англичане говорят об Артуре больше, чем мы (валлийцы. — *В. Э.*), потому что твердо верят в то, что он восстанет, чтобы снова сделаться королем»[21]. И все же многие жители Уэльса, Корнуолла и Бретани считали, что Артур не умер — он спит волшебным сном в горной пещере и выйдет оттуда, когда придет пора помочь своему народу. Легенды о спящем герое существуют во многих странах мира: немцы сложили их о Фридрихе Барбароссе, сербы — о Марко Кралевиче, армяне — о Мгере Младшем. В Ирландии героем подобного предания оказался граф Эдвард Фицджеральд, погибший в английской тюрьме в 1798 году; утверждалось, что раз в семь лет он просыпается и мчится по полям на своем коне с серебряными подковами. Когда подковы «станут не толще кошачьего уха, шестипалый сын мельника протрубит в рог, Джеральд восстанет и прогонит англичан»[22].

У валлийцев «спящими героями» оказываются не только Артур, но и Кадвалладр, гвинеддский король Кинан и тот же Оуэн Глендаур. Да и Мерлин, на века усыпленный феей Нимуэ — готовый кандидат в будущие спасители отечества. Однако именно Артур прославился в этой роли больше всего: отчасти из-за тайны, связанной с его могилой, отчасти потому, что предания о нем разошлись по всей Британии, а потом и по всему миру. Стоит сказать, что Артур как «спящий король» целиком восходит к фольклорной традиции; рыцарские романы отправляют его на остров Авалон, а псевдоисторическая традиция хоронит в Гластонбери. Правда, и это, явно поддельное, захоронение хранит следы древней легенды: именно оттуда пришла пересказанная Томасом Мэлори надпись, говорящая о «короле прошлого и грядущего» (*rex quondam, rexque futurus*).

Впервые образ спящего хранителя Британии встречается еще в трактате Плутарха «О лике, видимом на диске луны», написанном во II веке. Там говорится, что на одном из островов у британского побережья спит титан Крон, «заточенный в глубокой пещере из златовидного камня, ибо Зевс вместо оков послал ему сон. Птицы, перелетающие через вершину скалы, приносят ему амвросию, и остров весь наполнен благоуханием, распространяющимся от камня, как бы от источника»[23]. Этот образ напоминает не только Артура, но и Короля-Рыбака из легенды о Граале, которого кормит небесной пищей прилетающий ежедневно голубь. В другом трактате, «Об упадке оракулов», греческий автор упоминает «демонов, слуг и приближенных Крона, которые также лежат вокруг него во сне» — чем не рыцари, заживо погребенные вместе с королем?

Где именно почивает Артур, сказать трудно. Жители Олдерли в Чешире рассказывают, что в XVII веке таинственный незнакомец, с головой укутанный в плащ, купил у местного фермера лошадь и показал ему пещеру, где спят глубоким сном король, его рыцари и их кони — причем у одного рыцаря коня не было. Мерлин (естественно, это был он) щедро заплатил фермеру, и тот потом долго пытался найти пещеру, но так и не смог. В Морганноге считают, что пещера находится под скалой Крейг-и-Динас — пастух, случайно попавший туда, увидел спящих рыцарей и стол с грудой золотых монет. Собирая их, он задел висевший над столом колокол, и тогда один из рыцарей проснулся и спросил: «Что, пора?» — «Нет, еще не время», — догадался ответить дрожащий от страха пастух, и рыцарь заснул опять. Похожие истории рассказывают о пещерах под шотландской горой Эйлдон, в Роснеге на острове Англси, у кургана Карнедд-Артур в Сноудонии, в бретонском лесу Пьемпон — все они якобы скрывают в себе Короля прошлого и грядущего. А в подземелье Ричмондского замка в Йоркшире некий горшечник Томпсон якобы обнаружил не только Артура с рыцарями, но и Круглый Стол. В Италии, по словам хрониста Гервазия Тильберийского (1211), бытовало поверье о том, что Артур (Артус) спит в недрах вулкана Этна и его раны открываются каждый год. В немецкой балладе «Состязание певцов в Вартбурге» (1260) говорится, что, скрывшись под землей, король забрал с собой не только рыцарей, но и Святой Грааль.

Временами Артур, как и другие спящие герои, выбирается из своего плена и проносится по небу во главе наводящей ужас «дикой охоты». В языческие времена его место занимал Гвин ап Нудд, вход в подземное царство которого, как уже говорилось, бритты помещали на холме Гластонбери-Тор. Джеффри

Эш пишет: «Мы видим его (Артура. — *В. Э.*) в роли вожака Дикой Охоты, спутника Гвина ап Нудда... Этот "Артур" проносится в грозовых тучах, гоня за собой души мертвых, и низвергается в Аннуин или Аид»[24]. Здесь стоит вспомнить найденную в Сауз-Кэдбери серебряную подкову и местное поверье, согласно которому каждое полнолуние Артур и его рыцари проносятся по окрестностям на конях, подкованных серебром[25].

Связь Артура с царством мертвых прослеживается и легенде о том, что почивший король не скрылся под землей, а был превращен в ворона — птицу, этимологически связанную с кельтским богом смерти Браном*. Память об этой легенде сохранил такой неожиданный источник, как роман Сервантеса «Дон Кихот Ламанчский», герой которого спрашивает: «Разве ваши милости незнакомы с анналами английской истории, в коих повествуется о славных подвигах короля Артура, которого мы на своем кастильском наречии обыкновенно именуем Артусом и относительно которого существует весьма древнее предание, получившее распространение во всем Британском королевстве, а именно, что король тот не умер, что его силою волшебных чар превратили в ворона и что придет время, когда он снова станет королем и вновь обретет корону и скипетр, по каковой причине с той самой поры еще ни один англичанин не убил ворона?»[26]

Иногда фольклор Уэльса и Корнуолла отправляет Артура еще дальше — на небо. В «Книге о Трое» Джона Лидгейта (1420) сказано, что валлийцы считали яркую звезду Арктур (Альфа Волопаса) вознесшимся на небо королем, а «ковш» Большой Медведицы называли Повозкой или Плугом Артура (*Arad'r Arthur*). Эти звезды находятся недалеко друг от друга, и похоже, будто Арктур-Артур правит повозкой или плугом. Возможно, поверье возникло из-за созвучия имени героя и названия звезды, означающего по-гречески «медвежий». «Ковш» носит и другое название — Стол Артура (*Bwrdd Arthur*), — а в семи его звездах видят короля и его самых доблестных рыцарей. И если такое понимание достаточно традиционно, то небесный Артур-землепашец — весомый аргумент для тех, кто видит в короле умирающего и воскресающего кельтского бога плодородия. И все же они неправы, иначе к таким богам придется причислить Фридриха Барбароссу и других вполне реальных исторических деятелей.

«Небесные» и «подземные» воплощения Артура говорят лишь об одном — широкая популярность этого героя очень

---

* На этом основании имя Артура иногда производится от слова *arddu* (очень черный), которым бритты якобы называли ворона.

быстро сделала его фольклорным персонажем, сблизив в этом качестве с множеством богов, духов, великанов и эльфов. Именно поэтому его именем названо не меньше природных объектов, чем именами Робина Гуда и... дьявола — именно эти трое занимают первые места среди героев британской топонимики. При этом практически все артуровские топонимы находятся к западу от уже упомянутой черты, отделяющей «кельтскую» Британию от «англосаксонской», что говорит об их древности — населяющие сегодня эти территории англичане переняли названия мест и связанные с ними легенды у прежних кельтских жителей.

К настоящему времени на острове зафиксировано не менее 120 объектов, связанных с именем Артура. В основном это громадные камни причудливой формы, частью природные, частью относящиеся к мегалитическим сооружениям, которых в Британии особенно много. Среди них есть просто «камни» Артура, его «столы», «печи», «троны» и «кровати». Размер и вес этих каменных глыб демонстрирует, что народная фантазия представляла короля великаном. Особняком стоят восемь «могил Артура» (в основном неолитические захоронения) и «гроб Артура» в Монмутшире. Часть объектов связана с популярными артуровскими местами: например, в Кэдбери есть «колодец Артура», а в Тинтагеле — впечатанный в гранит «след Артура». Этот список завершают шотландское озеро Лох-Артур и острова Большой и Малый Артур, входящие в группу Силли. Самые южные из географических названий, связанных с именем Артура, встречаются в Бретани, самые северные — в Лотиане. В Шотландии их почти нет в горных районах, но на равнинах, где долгое время жили бритты, легенды об Артуре бытовали издавна.

Нужно отметить, что часть топонимов и артуровских легенд выдумана уже в XIX веке местными антикварами, краеведами или хозяевами гостиниц. Однако собирание фольклора в Британии началось гораздо раньше, и существование здесь мест, связанных с именем короля, отмечено еще в XII столетии. А два таких места упомянуты еще раньше, в сочинении Ненния — это уже знакомая нам могила Анира в Эргинге и «камень Кабала» в валлийской области Буиллт: «Там находится груда камней и поверх этой груды поставлен камень со следами собачьих лап. Когда Кабал, пес воина Артура, гнался за вепрем Тройнтом, он оставил на камне следы своих лап, и Артур сложил груду камней, возложив на нее камень со следами своего пса, и эта груда носит название Карн Кабал. Люди приходят сюда и уносят упомянутый камень, но по миновании дня и ночи камень снова оказывается поверх этой груды»[27].

Пес Артура Кабал (от латинского *caballus* — «лошадь») упоминается в ряде источников, а вепрь Тройнт или Турх Труйт — мифическое чудовище из мабиноги «Килух и Олвен». Эта старейшая повесть «Мабиногион», записанная в XI веке или даже раньше, явно относится к «фольклорному» Артуру, а не к «литературному», о котором пойдет речь дальше. Сюжет повести — сватовство принца Килуха (чье имя означает «свиной хлев») к прекрасной Олвен («белый след»), дочери великана Исбаддадена. Злой великан дает жениху сорок заведомо невыполнимых поручений, которые тот исполняет при помощи своего кузена Артура — а потом женится на Олвен и убивает новоиспеченного тестя. Одна из задач — остричь жесткие волосы великана при помощи гребня, бритвы и ножниц, спрятанных между ушей Турха Труйта, Великого кабана. В охоте на кабана участвуют все богатыри Острова Британии во главе с самим Артуром; при этом Турх Труйт разоряет половину острова и убивает множество людей Артура, включая его сына Гуидре и двух его дядей. В конце концов охотникам удалось отнять у монстра искомые предметы и прогнать его из Британии, но не убить — по-видимому, чудовищный вепрь считался бессмертным. Маршрут охоты проходит по югу Уэльса и Корнуоллу; иногда его считают иносказательным описанием какого-то военного похода, но более вероятно, что это обычная в кельтском фольклоре «старина мест», объясняющая смысл названий гор, рек и озер.

Как ни странно, Артур связан со свиньями и в других источниках. В том же «Килухе» упоминается охота его воинов на кабана Исгитирвина, а триада 26 перечисляет Трех великих свинопасов Острова Британии, из которых двое имеют отношение к королю. Первый, Тристан, стерег свиней своего дяди Марка, и Артур вместе с Каем и Бедуиром не смогли украсть у него даже маленького поросенка. Второй, чародей Колл ап Колфреви, прячет от Артура свою свинью Хенвен, потомство которой должно разорить Британию. Здесь король опять не преуспел — свинья благополучно родила волка, орла и уже известного нам Кота Палуга. Погоня Артура за Коллом сложностью маршрута чрезвычайно напоминает его же погоню за Турхом Труйтом.

Охота на Великого кабана напоминает о еще одном возможном прототипе Артура — ирландском герое Финне мак Кумале. Его дружина фениев (*fianna*) весьма напоминает рыцарей Круглого Стола, и одним из ее главных подвигов также является охота на чудовищного кабана. Финн и его воины так же, как рыцари Артура, сражались с великанами, ведьмами и прочей нечистью, а потом уснули волшебным

сном в одной из пещер Ирландии. Племянник Финна Диармайт похитил дядину жену Грайне так же, как Мордред Гвиневеру (или Тристан — Изольду). Но есть и отличия: Финн предстает перед нами как чародей, поэт и провидец, а Артур лишен этих качеств. Несмотря на псевдоисторическую привязку к III веку н. э., Финн, вероятнее всего, является мифологической фигурой — богом подземного царства, подобным валлийскому Гвину ап Нудду (имена того и другого означают «светлый). Вдобавок он во всех источниках зовется не королем, а «вождем фениев» (*rigfeinnid*), что, впрочем, весьма напоминает «военного предводителя» Артура.

Надо сказать, что в повести «Килух и Олвен» Артур тоже ни разу не назван королем; при этом он имеет дворец, дружину, штат слуг и достаточно влиятелен, чтобы мобилизовать всю Британию для выполнения заданий зловредного великана. Здесь, как уже говорилось, перечислены его битвы, но противниками его неизменно вступают мифологические существа. Похоже, и вся повесть происходит в пространстве мифа, и найти в ней какие-то исторические детали можно только случайно. Вывод неутешителен — фольклор бриттов вовсе не интересуется историческим Артуром, для него это лишь условный правитель Британии, место которого занимают порой кельтский бог Ллеу (Луг) или император Максен.

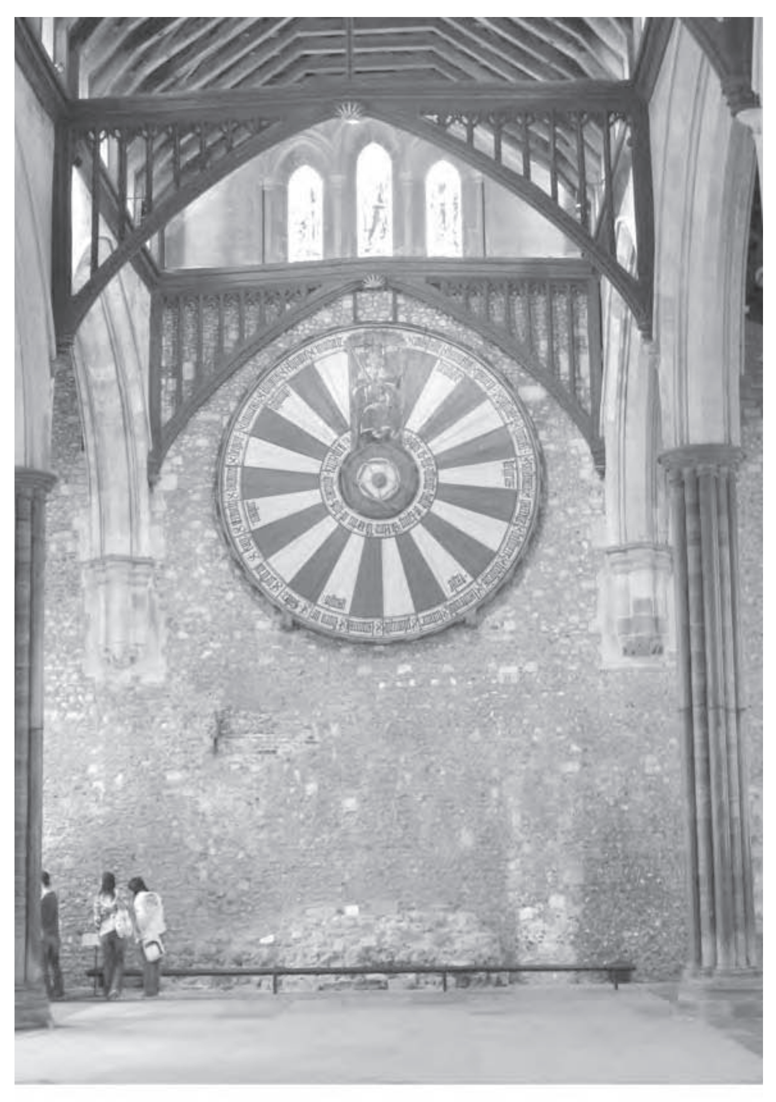
Выполнение трудных заданий — лишь один из многих сказочных мотивов, связанных с Артуром. Самый любопытный из них — ассоциация короля с неким таинственным узником. В том же «Килухе» король последовательно вызволяет из загадочной крепости двух пленников — юного бога плодородия Мабона, сына Модрон, и его друга Эйдоэла ап Аэра (Крик, сын Воздуха). В поэме «Богатства Аннуина» он освобождает еще одного узника, Гвейра, сына Гвейриодда, заключенного в Аннуине — подземном царстве. Двое из названных — Мабон и Гвейр, — упомянуты в триаде 52 о Трех знатных узника Острова Британии с неожиданным добавлением: «И еще один, знатнейший, чем эти трое, пробыл три ночи в темнице замка Оэт и Аноэт, и три ночи в темнице Гвена Пендрагона, и три ночи в зачарованной темнице под Камнем Эхимейнт. Имя этого знатного узника — Артур, и из всех трех темниц его освободил один и тот же юноша — его кузен Гореу, сын Кустеннина»[28]. Все три темницы, судя по их названиям, также находятся в потустороннем мире, а освободитель короля, упомянутый в «Килухе» (его имя означает «лучший»), не соотносится ни с одним историческим лицом. Возможно, правда, что *Goreu* является искаженным *Gorneu* (корнуоллец), и тогда это имя относится к правителям Думнонии, по-

томкам Кустеннина, которые в самом деле были родственниками Артура.

Сам сюжет о заключении короля в подземном царстве вновь напоминает о его фольклорном родстве с умирающими и воскресающими богами, какими представлялись Мабон и, очевидно, Гвейр, чье имя переводится как «ошейник» или «ярмо». Объяснение этому имени дает повесть «Пуйл, король Диведа», герой которой Придери — еще один полубог, заключенный в подземном царстве, — превращен в коня и вынужден таскать на шее ярмо. Эта аналогия рабского состояния заставляет вспомнить не только кельтские мифы, но и Новый Завет, где Бога, Царя мира, бичуют и казнят, как раба. Ряд средневековых валлийских текстов еретически отождествляет Христа с Мабоном — и не могло ли быть легенд, сближающих Спасителя с Артуром?

Мы еще вспомним о сходстве между Артуром и Христом, а пока вернемся к сборнику «Мабиногион». Если «Килух и Олвен» — самая ранняя из повестей цикла, то самой поздней (не считая трех переводных) можно считать «Видение Ронабви», действие которой происходит в правление короля Поуиса Мадога ап Маредидда (1132—1160). Герой повести Ронабви волшебной силой переносится в лагерь Артура, где видит картины былого величия бриттов: многочисленные армии, прекрасных коней и богато украшенные шатры. Перед ним проходят все приближенные Артура, включая деятелей более позднего времени (например, Оуэна ап Уриена) и мифологических персонажей. На сей раз Артур назван императором, при дворе его находятся короли Франции, Дании и Норвегии, ему платят дань Ирландия и «острова Греции». В этом тексте тоже нет исторических деталей, кроме упоминания (достаточно условного) битвы при Бадоне. Он весь — застывшая картина тех времен, когда Британию защищали истинные герои, а не «ничтожные людишки», какими представлены современники Ронабви.

«Мабиногион» стоит на грани фольклора и литературы, и в нем постоянно соседствуют два Артура. Первый — герой седой древности, общающийся с богами, чародеями и говорящими животными; второй — монарх феодальной эпохи, правящий едва ли не всей Европой. Излишне напоминать, что оба они имеют весьма отдаленное отношение к третьему, историческому Артуру. Этот последний быстрее всех деятелей «темных веков» перешел из жизни в легенду и остался в ней навсегда — благодаря не только масштабу своей личности и драматичности судьбы, но и удачному стечению обстоятельств, прославившему бриттского полководца среди других народов и эпох.

Круглый Стол в Винчестере

Страница «Анналов Камбрии»

Моденский архивольт. *Около 1100 г.*

Артур с коронами подвластных ему королевств

Мерлин и отшельник Блез

Артур вынимает меч из камня

Женитьба Артура и Гвиневеры

Круглый Стол и явление Грааля

Артур
и его рыцари
за трапезой

Поединок
Артура
и Мордреда

Ланселот
и Гвиневера

Бедуир бросает
Экскалибур
в озеро

Две короны. *Картина Ф. Дикси (1900)*

Король Артур.
Картина Ч. Батлера (1903)

Артур и Мерлин
перед Владычицей озера.
Гравюра О. Бердсли (1894)

Ланселот
и Гвиневера.
Картина
Г. Дрэйпира
(1894)

Фея Моргана.
Картина
Ф. Сэндиса
(1863)

Зачарованный Мерлин. *Картина Э. Берн-Джонса (1874)*

Кадр из фильма
Дж. Бурмена
«Экскалибур»
(1981)

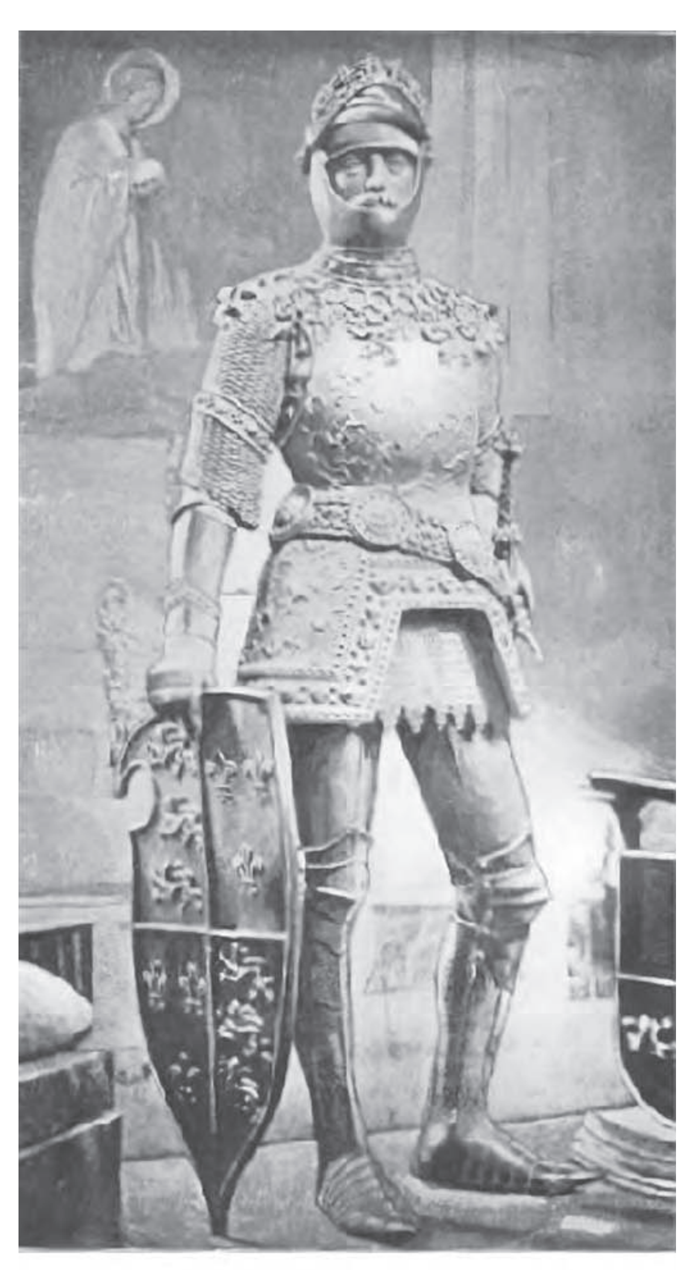
Артур
и его рыцари
в фильме
«Монти Пайтон
и Святой Грааль»

Гвиневера и Артур в фильме «Король Артур» (2004)

Кадр из мультфильма У. Диснея «Меч в камне»

Статуя Артура в австрийском городе Инсбрук. *XVI в.*

Глава первая

БАРДЫ, МОНАХИ, ТРУБАДУРЫ

Смерть Артура сразу же вызвала к жизни легенду о нем, но о первых трех веках ее существования мы ровным счетом ничего не знаем. Только быстрое распространение имени покойного героя говорит о том, что его слава широко разошлась по землям бриттов, выйдя и за их пределы. Свидетельство этого — процитированная уже строфа из поэмы «Гододдин», сочиненной бардом Анейрином, участником злосчастной битвы при Катрайте:

Gochore brein du ar uur
Caer cein bei ef arthur
Rug ciuin uerthi ig disur
Ig kunnor guernor guaur[1].

Накормил черных воронов он на валах
Крепостных, хоть и не был Артуром.
Впереди самых стойких в битве
Шел Гва[рдд]ур, стена для врагов.

Поэма включена в «Книгу Анейрина» (манускрипт *Cardiff MS 2.81*, написанный около 1260 года), причем в двух вариантах. Более полный написан на средневековом валлийском языке, а краткий — на староваллийском, относящемся к VI—VII векам. «Артуровская» строфа содержится именно в кратком варианте, что позволяет большинству ученых считать ее подлинной, хотя есть мнение, что это позднейшая вставка. Анейрин (Нейрин) мог сочинить поэму в недолгий промежуток между битвой, состоявшейся около 598 года, и собственной гибелью в пьяной ссоре, которую валлийские источники датируют 604 годом. Ненний называет его современником других великих бардов — Талиесина, Киана и некоего Талхеарна («Железный лоб»). Если о двух последних мы ничего не знаем, то стихи Талиесина, которого Анейрин называл своим учителем, собраны в «Книге Талиесина» (манускрипт *Peniarth MS 2* из Национальной библиотеки Уэльса, написанный около 1275 года).

Легенды о Талиесине сохранились во «Всемирной истории» Элиса Грифидда (XVI век), а в XIX столетии Шарлотта Гест включила их в свой перевод «Мабиногион». Согласно этим легендам, поэт жил «во времена Артура и Круглого Стола», хотя хроники, как уже говорилось, относят его рождение к 534 году. Первоначально он носил имя Гвион Бах и был пастушком, приставленным колдуньей Керидвен помешивать в котле волшебное питье, которым она хотела напоить своего уродливого сына Морврана, чтобы сделать того красавцем и умницей. Случайно лизнув обожженный питьем палец, мальчик узнал все тайны мира и попытался сбежать от гнева колдуньи, но она догнала его, проглотила, а потом родила, став, таким образом, его второй матерью*. После этого Гвион Бах попал ко двору принца Эльфина ап Гвиддно, которого он спас от притеснений Мэлгона Гвинедда. Получив имя Талиесин (сияющее чело), он стал знаменитым бардом. В поэтических вставках «Истории Талиесина» по крайней мере однажды встречается имя короля. В буквальном переводе отрывок звучит так: «Пускай они замолчат, пока с ними не поступили так, как Артур, лучший из дарителей (*Arthur ben haelion*), обагривший свой длинный клинок кровью вождей, поступил со своими врагами, чья кровь текла рекой с поля битвы на дальнем Севере»[2]. Стихи эти написаны не ранее XII века, но в них отразились древние традиции валлийской героической поэзии; говоря о Севере (*Prydyn*), автор, скорее всего, имеет в виду легендарную битву в Каледонском лесу.

Реальный Талиесин был бардом короля Уриена Регедского, которого восхваляют 12 стихотворений из 57, содержащихся в книге. Их, вместе с некоторыми другими, выдающийся валлийский филолог Ивор Уильямс отнес к VI веку, в то время как самые известные сочинения, приписанные поэту, созданы позже — на двух пиках валлийского поэтического ренессанса, в IX и XII веках. В пяти из этих поздних поэм упоминается Артур — без исторических подробностей, в контексте легенды или даже мифа. Первая из них, знаменитая «Битва деревьев» (*Cad godeu*), повествует о доисторической битве между «светлыми» и «темными» божествами, на стороне которых сражались ожившие деревья и кустарники. В конце ее есть строфа:

Derwydon doethur
darogenwch y arthur
yssit yssyd gynt
neur uu ergenhynt[3].

---

* Бретонское «Житие святого Юдикаэля» называет Талиесина сыном Дон — кельтской богини-матери, с которой, видимо, ассоциировалась Керидвен.

В переводе это означает: «Друиды пророчествовали Артуру о том, что было, есть и будет». Во второй поэме, «Престол государя» (*Kadeir Teyrnon*), прославляется «Артур Благословенный» (*Arthur vendigan*), «старший государь, щедрый даритель». В поэме «Песнь о лошадях» (*Canu y Meirch*) — «лошадь Артура, не боящаяся боли» (*a march arthur, ehofyn rodi cur*). Уже упомянутая «Элегия Утеру Пену» воспевает то ли Утера Пендрагона, то ли самого Артура в чрезвычайно темных выражениях. Только пятая поэма, «Богатство Аннуина» (*Preideu Annwfn*), напрямую касается Артура, повествуя о походе его армии в кельтский загробный мир Аннуин (Аннун) с целью то ли освобождения уже упомянутого узника Гвейра, то ли получения волшебного котла, «не готовящего пищу для труса» (о нем мы подробнее поговорим, когда речь пойдет о Граале). Аннуин в поэме носит семь разных названий: Каэр-Сидди (Крепость духов), Каэр-Вандви (Вращающаяся крепость), Каэр-Бедриван (Четырехугольная крепость) и так далее. Корабль Артура Придвен трижды перевозил героев на штурм Аннуина, но обратно вернулись лишь семеро — видимо, все-таки с добычей, поскольку вожделенный котел описан достаточно подробно. О самом Артуре в поэме почти не говорится — сказано лишь о его отваге в бою у стен «стеклянной крепости» (*chaer wydyr*), под которой, скорее всего, имеется в виду тот же Аннуин.

Насквозь мифологичны и упоминания Артура в другом крупном памятнике валлийской поэтической традиции — «Черной книге Кармартена» (манускрипт *MS Peniarth 1* из Национальной библиотеки Уэльса, написанный около 1250 года). Из тридцати восьми содержащихся в ней стихотворений Артур фигурирует в четырех: помимо уже упомянутых поэм «Битва при Ллонгборте» и «Кто привратник», это «Могильные строфы» (*Englinion y Beddau*), где говорится о «чуде света, могиле Артура» (*anoeth bid bet y Arthur*). Поэма «Я был» (*Mi awum*), написанная в форме диалога между королем Гвиддно Гаранхиром и властителем подземного царства Гвином ап Нуддом, мимоходом говорит о гибели сына Артура Ллахеу. При этом в стихах «Черной книги» и других сочинениях валлийских бардов упоминаются многие герои артурианы — Гвальхмаи, Кай, Бедуир, Гвенвивар и особенно часто Мирддин-Мерлин, от лица которого написано не менее пяти поэм; правда, сочинены они не в VI веке, когда жил безумный предсказатель, а в IX—X столетиях. К тому же времени относятся самые ранние из дошедших до нас исторических триад, где тоже нередки упоминания об Артуре.

Все это показывает, что к X веку король пользовался боль-

шой популярностью в Уэльсе, но не как исторический деятель, а как мифологический герой. Реальные факты его биографии, отраженные у Ненния и в ряде других источников, валлийские барды оставили без внимания. Даже после появления книги Гальфрида «исторический» Артур за редким исключением остался за пределами бардовской традиции. Возможно, его считали чужаком — ведь он не принадлежал ни к валлийцам, ни к «мужам Севера», а родился в Думнонии, уроженцев которой в Уэльсе недолюбливали, приравнивая к изнеженным и высокомерным «людям Ривайна». Но римляне Максим и Амброзий заняли прочное место в валлийской традиции, так что, похоже, дело не в этом. Просто Артур оставил по себе недобрую память в Уэльсе — и в воевавшем с ним Гвинедде, и в Поуисе, который он не спас от разорения, и в Гвенте, выступившем против него в последней битве. Впоследствии популярность «военного предводителя» среди бриттов вынудила бардов включить его в героический пантеон. Но этот Артур, что бы там ни говорили пылкие валлийские патриоты, выглядит не слишком убедительно: вместо титула у него одно имя, вместо владений — неопределенные «три племенных престола», вместо реальных деяний — битвы со сказочной нечистью.

Память об «историческом» Артуре могла сохраниться в Западном крае, где он был своим, где помнили его дела и верили в его возвращение. Однако кельтская традиция здесь умерла, и даже в Корнуолле, где она теплилась до самого недавнего времени, письменные памятники почти отсутствуют, а первые записи местных легенд относятся к XVIII веку. Поэтому возникает вопрос: откуда авторы европейской артурианы, возникшей в XII столетии, взяли данные о короле, порой удивительно точно совпадающие с историческими фактами? «Из Уэльса», — утверждают валлийцы, но тогдашний Уэльс только начал открываться внешнему миру, и богатства его языка и культуры оставались неведомы иностранцам. «Из Корнуолла», — говорят корнуэльцы, но этот отдаленный полуостров в то время не имел ни традиций монастырского летописания, ни бардовских школ, хранивших память о прошлом.

Остается один ответ — Бретань. Именно древняя Арморика, ставшая французской только в XV веке, на протяжении веков принимала беженцев с бриттского Запада вместе с их легендами, книгами и песнями. Правда, набеги саксов, франков и викингов не миновали этот край, и немалая часть его культурного наследия погибла (последнее уничтожили уже в XVIII веке «просвещенные» якобинцы). То, что уцелело, до сих пор не опубликовано полностью, малоизвестно даже во

Франции, затемнено неверными толкованиями и фальсификациями. Но этого хватает, чтобы сделать вывод: именно Бретань, а не другие области кельтского мира, стала звеном в цепи передачи артуровских легенд из Британии во Францию, а оттуда по всей Европе. «Бретонский» этап артурианы мог занимать период с VI по XII век, хотя прямых подтверждений этого не сохранилось. Монастырские хроники и жития святых, к которым сводится ранняя бретонская литература, содержат лишь крупицы сведений об Артуре (и обо всей его эпохе), а легенды, где фигурирует Арзу-Артур, записаны поздно и несут на себе отпечаток рыцарских романов. Однако логика подсказывает, что в Нормандию, где в XI веке зародился (точнее, возродился) интерес к артуровским сюжетам, последние могли попасть только из соседней Бретани.

В этом регионе кельтская культура не стояла на языческом фундаменте, а была привнесена пришельцами-бриттами, уже обращенными в христианство. Поэтому ведущую роль в ней играли служители церкви, а бардам, тесно связанным с языческим прошлым, пришлось довольствоваться положением полунищих бродячих певцов. Возможно, это подталкивало их к поиску заработков в замках нормандских рыцарей, которые с удовольствием слушали легенды об Артуре и разносили их по Европе. В 1066 году нормандцы завоевали Англию, а еще до этого, в 1061 году, они начали реконкисту захваченной арабами Южной Италии, где было создано Сицилийское королевство. Возможно, именно это стало причиной появления образов Артура и его рыцарей в итальянском искусстве, хотя не исключено, что они возникли позднее — с началом Крестовых походов, главной движущей силой которых были именно воинственные нормандцы. Как бы то ни было, бретонские барды явно сыграли в развитии артурианы более важную роль, чем это прослеживается по источникам. Да и имена героев в ранних романах об Артуре ближе к бретонским языковым нормам, чем к валлийским.

О старинном бретонском фольклоре дают некоторое представление «Песни Бретани» (*Barzaz Breiz*), впервые изданные маркизом Теодором Эрсаром де ла Вильмарке в 1839 году. Долгое время баллады сборника считались подделкой, подобной «Поэмам Оссиана», но в 1964 году были найдены записные книжки ла Вильмарке, подтверждающие, что он использовал подлинные фольклорные тексты, при этом немилосердно «улучшая» их по моде XIX века. В исторической части «Песен» приводится «Марш Артура» (*Bale Arzur*), весьма точно передающий свирепую энергию кельтского боевого клича, каким мог вдохновлять воинов подлинный Артур:

Надежда наша и оплот,
Ее Артур ведет в поход —
Сам во главе ее идет...
— Пусть враг ответит головой
За кровь, за раны, за разбой!
За всё, за всех отмстим с лихвой!
За павшего бойца возьмем
Военачальника с конем,
А слезы высушим огнем.
За одного убьем троих
На взгорьях и в лесах густых —
Затопим вражьей кровью их...[4]

Около 1019 года, на полпути от Ненния к Гальфриду, в Бретани был создан любопытный памятник — «Житие святого Гозновия» (*Vita Sancti Uuohednouii*). Гозновий или Гвезно был в VII веке епископом Леона и не имел к Артуру никакого отношения, но его житие, написанное неким капелланом Гийомом, содержит краткий очерк истории Британии предшествующего периода. Там говорится: «Тем временем узурпатор Вортигерн, дабы защитить королевство Британии, коим он бесчинно завладел, призвал на службу в свои владения воинственных мужей из Саксонской страны. Они же были язычниками дьявольской природы, привыкшими проливать человеческую кровь, и потому причинили множество бед бриттам. Их гордыню на время смирил великий Артур, король бриттов, который изгнал с острова большую их часть, а оставшихся принудил к подчинению. Когда же сей Артур после многих побед, одержанных им в Британии и Галлии, был отозван от земных трудов, саксам вновь открылась дорога на остров, и настали великие бедствия для бриттов, разорение церквей и гонение святых»[5].

В этом житии Артур впервые за всю историю назван королем (*Britonum regem*). Говорится, что он не умер, а «отозван от земных трудов» (*ab humanis tandem actibus euocato*); упомянуты и его фантастические победы в Галлии, явно льстящие самолюбию бретонцев больше, чем успехи в борьбе с далекими от них саксами. За вычетом этих моментов фрагмент жития представляет собой сжатый и удивительно точный очерк деятельности «военного предводителя», основанный или на книге Ненния (оттуда могли явиться и сведения о походе в Галлию), или на каком-то местном источнике. Таким источником могла быть стихотворная «Книга деяний Артура» (*Livre des faits d'Arthur*), написанная на латыни в X веке и сохранившаяся только в отрывках — к сожалению, именно тех, где об Артуре не сказано ни слова. Возможно, из того же источника взят рассказ о битве короля с драконом в бретонском «Житии святого Эффлама» (XII век). Там говорится, что

Артур «целый день бился с драконом и не мог одолеть его», но стоило святому перекрестить монстра, как тот «рухнул, изрыгая кровь и яд, со скал в волны и сгинул»[6]. Эффлам, как и упомянутый в житии король Домнонии Ривал Великий, жили в начале VI века и теоретически могли общаться с Артуром, хотя доказать это, разумеется, невозможно.

Под натиском викингов бретонские князья и французские феодалы отказались от прежней взаимной вражды. Создание в 990 году единого герцогства Бретань открыло эпоху взаимного влияния двух соседних культур. Бретонская знать с удовольствием заимствовала у соседей замковую архитектуру, кулинарию, бытовые традиции, а потом и язык; едва ли не единственным ответным «подарком» были предания и песни бардов. По дошедшим до нас отрывочным данным можно судить, что в XI—XII веках бретонские барды стали вдохновителями и наставниками французских труверов — странствующих поэтов, выступавших главным образом в замках феодалов. Аудитория диктовала репертуар — эпические песни (жесты) о Роланде, Карле Великом, Гильоме Оранжском и других героях древности. При недостатке оригинальных произведений настоящим подарком труверам стал богатый арсенал бретонских легенд о подвигах Артура и его воинов.

Нам известно, по крайней мере, одно имя кельтского барда, оказавшего влияние на создание континентальных артуровских легенд. Это Бледри или Бледерик — загадочная фигура, ставшая прообразом отшельника Блеза, учителя Мерлина. Реальный Бледри, как предположил валлийский историк XIX века Эдвард Оуэн, был аристократом из Диведа по имени Бледри ап Кадивор. В первой половине XII столетия он завязал тесные отношения с нормандскими завоевателями Уэльса и долго жил при дворе аквитанского герцога Гийома VII в Пуатье. Возможно, рассказанные им кельтские предания вдохновили не только придворных труверов, но и внучку Гийома Алиенору Аквитанскую, родившуюся около 1120 года и ставшую впоследствии одной из самых деятельных пропагандисток артуровских легенд. Возможно также, что Бледри создал некий свод преданий об Артуре — во всяком случае, именно ему приписывается составление первых вариантов легенд о Тристане и Изольде, Гавейне и Мерлине.

Как бы то ни было, к 1130-м годам все было готово к обобщению английского и французского артуровского материала в рамках большого квазиисторического труда, способного заинтересовать верхушку феодального общества. К тому времени потомки нормандских завоевателей прочно обосновались в Британии, внедрив здесь привезенную с континента куль-

туру. Для идейного обоснования своей власти они нуждались в прославлении досаксонского прошлого острова, на фоне которого англосаксы представали досадным регрессом, а нормандцы — возвращением к прежнему идеалу централизованной монархии, активно вовлеченной в европейскую политику. Эту задачу отчасти решали две первые истории острова, написанные английскими клириками в 1120-е годы. Первой из них были «Деяния английских королей» Уильяма Малмсберийского, автор которых охватил период от «пришествия саксов» в 449 году до «новейших времен». В начале своего сочинения автор упомянул Артура: «Амброзий, единственный выживший из народа римлян, стал королем после Вортигерна и сокрушил упомянутых варваров при славной подмоге воинственного Артура. Этого Артура бритты даже по сей день воспевают в множестве сказаний, хотя сей муж достоин прославления не лживыми россказнями, но достоверной историей. Он долго удерживал на плаву тонущее царство и вдохновлял упавший дух своих соотечественников на битвы. В конечном итоге, при осаде Бадонской горы силой образа Пресвятой Девы, прикрепленного к его доспехам, он своей рукой сразил девять сотен врагов, а прочих рассеял после великого кровопролития»[7].

В те же годы Генрих Хантингдонский написал свою «Историю Англию», отразившую данные не только античных, но и англосаксонских источников. Там также упоминался Артур: «В те времена могучий воин Артур, командир воинств и вождь королей Британии, постоянно побеждал в войнах с саксами. Он сражался в двенадцати битвах и одержал двенадцать побед»[8]. Нетрудно заметить, что оба историка берут данные у Гильдаса и Ненния, добавляя к ним минимальную долю собственных дополнений или интерпретаций. Совсем иначе поступал тот, чье имя уже многократно упоминалось на страницах этой книги — Гальфрид Монмутский (*Gaufridus Monemutensis*) или, как его называли в Уэльсе, Гриффид ап Артур. Неизвестно, подлинное это имя или просто желание «присвоить» человека, сделавшего так много для возвеличивания кельтского прошлого. Мы знаем лишь, что Гальфрид, судя по его прозвищу, родился в городе Монмут в Гвенте, к тому времени завоеванном англо-нормандцами. Валлийцы бережно хранили генеалогии своих известных земляков, но родословная Гальфрида почему-то не сохранилась. Возможно, его семья перебралась в Англию из кельтской Бретани — об этом говорят как знание им французского языка, так и его пристальный интерес к бретонским и вообще континентальным делам, несвойственный английским историкам того времени.

После 1129 года, когда Гальфриду было уже за тридцать, он преподавал в Оксфорде, где, видимо, до этого учился. Там он завязал знакомство с видными представителями церковной и светской власти, включая оксфордского архидиакона Вальтера и графа Роберта Глостерского. В 1151 году они помогли ему получить пост епископа Сент-Асафа в Северном Уэльсе — это назначение говорит в пользу бретонского происхождения Гальфрида, поскольку англо-нормандские власти вряд ли могли доверить важный пост в непокорном Уэльсе местному уроженцу. Однако в свою епархию Гальфрид так и не попал из-за очередного восстания местных жителей против Англии. Последние годы жизни он провел в валлийском аббатстве Лландаф, где и умер в 1155 году — об этом упомянула валлийская «Хроника князей», вновь назвавшая монмутца «сыном Артура».

Около 1134 года по просьбе линкольнского епископа Александра Гальфрид опубликовал свое первое сочинение — «Пророчества Мерлина» (*Prophetiae Merlini*). Очевидно, в то время он уже считался «экспертом» по древней истории Британии, которая все больше входила в моду. Несмотря на влияние библейской апокалиптики, большую часть содержания книги автор заимствовал из валлийского фольклора, откуда явился и сам герой — чародей Мерлин. Его образ привлекал Гальфрида и позже, вплоть до завершившей его творческий путь латинской поэмы «Жизнь Мерлина» (*Vita Merlini*). Но главной книгой монмутца, безусловно, стала «История королей Британии», завершенная в 1138 году и сыгравшая громадную роль в оформлении артуровской легенды. В ней в полной мере проявились его талант историка, фантазия литератора и угодливое мастерство царедворца, нацеленного на выполнение «социального заказа». От него требовалось доказать родство — если не кровное, то политическое, — между досаксонскими королями Британии и правителями Нормандской династии, к которой принадлежали как сражающиеся за власть Стефан Блуаский и королева Матильда, так и внебрачный сын Генриха I, уже упомянутый Роберт Глостерский. В 1153 году Гальфрид подписал от лица своей епархии Вестминстерский договор между Стефаном и Матильдой; не исключено, что в его сочинении не раз отразились намеки на их конфликт, как в романе Мэлори — на войны Алой и Белой розы.

Гальфрид начинает свое сочинение с правления легендарного Брута Троянского и заканчивает 689 годом, когда умер последний «король бриттов» Кадвалладр (на самом деле правитель Гвинедда), предоставив писать о дальнейших событи-

ях своим современникам — Уильяму Малмсберийскому и валлийскому агиографу Карадоку Ланкарванскому. При этом почти четверть книги посвящена правлению Артура, который предстает не кельтским военным вождем или командором рыцарского ордена, а наследником блестящей череды монархов, тянущейся от легендарного Брута Троянского. Высокопоставленные покровители оксфордского клирика могли быть довольны — одним махом он удлинил историю Британского королевства до самых дальних границ прошлого, уравняв ее в правах с историей Греции и Рима.

При этом даже в те легковерные времена у многих могли возникнуть вопросы: каким образом автор «Истории» восстанавливает события давно минувших дней, вплоть до деталей доисторических битв и речей королей, правивших тысячи лет назад? Предвидя это, Гальфрид сослался на некую «весьма древнюю книгу на языке бриттов» (*Britannici sermonis librum vetustissimum*), привезенную ему уже упомянутым архидиаконом Вальтером из «Британнии» — в то время это слово могло обозначать не весь остров, а Уэльс или Бретань, то есть земли, населенные бриттами. Существовала ли такая книга на самом деле? Мнения ученых разделились: одни уверены, что это обычная для всех времен уловка фальсификатора, ссылающегося на «утерянную рукопись». Другие считают, что какие-то неизвестные нам старинные источники Гальфрид все-таки использовал; об этом говорит ряд его свидетельств, подтвержденных позже археологическими, лингвистическими и иными исследованиями. Ряд имен он приводит в древней форме, не зафиксированной другими авторами. Некоторые его сюжеты, выдаваемые за исторические, на деле представляют собой кельтские легенды, восходящие к языческой мифологии и неизвестные европейцам XII века.

Все это заставляет предположить, что без «весьма древней книги» дело не обошлось, но найти эту книгу ученые никак не могут. Некоторые считают ею так называемую «Хронику королей» (*Brut y brenhinedd*) — валлийский перевод сочинения Гальфрида, сохранившийся более чем в десятке версий. Воспроизводя «Историю» на своем языке, кельтские редакторы не только заменяли латинизированные варианты имен валлийскими, но и дополняли сведения автора своими, взятыми в основном из устной традиции. Эти дополнения весьма интересны, и все же ни одна версия «Брута» не может считаться самостоятельным сочинением. То же относится к «Хронике Тисилио» (*Brut Tysilio*), названной именем ее мнимого автора — валлийского святого VI века. Однако и этот источник существует только в рукописи XVI века и в значительной сте-

пени повторяет Гальфрида. Некоторые ученые считают, что «Хроника» и «История» переписаны с одного и того же сочинения, действительно восходящего к раннему средневековью.

Но даже если «древняя книга» существовала, Гальфрид и не думал ограничиться пересказом ее содержания. В котле его воображения факты и эпохи перемешивались в самых невообразимых сочетаниях, реальные исторические деятели сталкивались с богами, великанами и драконами, а вымышленные правители Британии одолевали бесчисленных врагов, покоряя всю Европу и чуть ли не весь мир. Немудрено, что «История» была самым, пожалуй, популярным светским сочинением средневековья — сохранилось более двухсот ее рукописей! Даже сейчас обаяние книги Гальфрида заставляет наиболее пылких романтиков верить ее содержанию и основывать на нем теории, касающиеся Артура и его эпохи.

Еще при жизни епископа Сент-Асафа популярность его «Истории» перешагнула Ла-Манш. Со времен нормандского завоевания Англии французская знать и интеллектуальные круги живо интересовались прошлым соседнего королевства. Это отразилось, к примеру, в «Истории англов» (*Lestorie des Engles*) Джеффри Гаймара, написанной около 1140 года в Англии по заказу нормандского феодала Ральфа фиц Гилберта. Ее ранняя часть представляет собой дословный пересказ «Истории королей Британии», продолженный данными «Англосаксонской хроники». С приходом к власти в Лондоне в 1154 году анжуйской династии Плантагенетов интерес к легендарной британской истории получил новое развитие. Уже в 1155 году нормандский клирик Вас завершил перевод книги Гальфрида, сделанный французскими стихами и посвященный королеве Алиеноре Аквитанской. Его «Роман о Бруте» (*Le Roman de Brut*) получил широкую популярность — известно не менее 24 его списков, не считая фрагментов. Другим сочинениям Васа повезло меньше; «Роман о Розе» сохранился лишь в двух списках, а «Роман о Роллоне», поэтическая история Нормандского герцогства, около 1175 года был передан для завершения некоему магистру Бенье — видимо, из-за смерти автора.

Следуя в основном тексту Гальфрида, нормандец в то же время украсил сюжет собственными дополнениями, два из которых сыграли большую роль в развитии артурианы. Первым стал Круглый Стол, вторым — предание о грядущем возвращении Артура с Авалона вместе с его рыцарями. Вероятно, то и другое было взято не из «древних книг», к которым у сельского клирика не могло быть доступа, а непосредственно из фольклора. Вас родился и жил на острове Джерси меж-

ду Англией и Бретанью, где кельтские легенды были хорошо известны. Он сам признавался, что история Круглого Стола стала известна ему от бретонцев: «Король Артур, как рассказывают бритты, учредил Круглый Стол, за которым сидели его вассалы — все во главе стола и все равные. Потому никто из них не мог похвастаться тем, что занимает место более высокое, чем остальные»[9]. Будто извиняясь за отступления от повествования Гальфрида, Вас писал об артуровских легендах: «Не все в них выдумка и не все правда; не все в них сказка и не все быль; сказители сказывали, сочинители сочиняли, и постепенным изменением и приукрашиванием сделали свои истории похожими на сказки»[10].

Сочинение Васа не случайно названо «романом», а не «историей». Дело даже не в стихотворной форме, а в принципиальной ориентации на то, что интересно читателю. Нередко он дополняет текст красочными подробностями — к примеру, описывая поединок Артура и короля Галлии Флолло, повествует, как зрители облепили стены и крыши, громко болея за своего монарха. Устаревшие термины Гальфрида он переводит на современный лад, делая сенаторов баронами, а консулов — графами. Он немало сделал для идеализации Артура и его рыцарей, смягчив те моменты, где они проявляли чрезмерную жестокость. Например, если у Гальфрида в битве с Луцием король каждым ударом убивал человека или лошадь, то Вас пожалел лошадей, убрав упоминание о них. Выкинув из текста своего предшественника «лишние» подробности — топонимику, политические хитросплетения, пророчества Мерлина, — нормандский клирик оставил и развил все необычное и фантастическое. И тем самым определил на века вперед магистральное направление развития артурианы по пути самого короля — из истории в легенду.

Почерпнув вдохновение из труда монмутского клирика, последующие авторы произведений об Артуре решительно отказались от его псевдоисторического пафоса. Прославлению легендарного царства бриттов они предпочли разработку героических, лирических, сказочных сюжетов — всего того, что входило в понятие романа. Этот жанр как раз тогда, в XII—XIII веках, пробивал себе дорогу в европейскую литературу, ему требовались новые сюжеты, и артуровские предания пришлись как нельзя более кстати. Место и время первичной письменной фиксации этих преданий можно установить лишь приблизительно. Ясно лишь, что это случилось во второй половине XII столетия во Франции — точнее, в «империи Плантагенетов», возникшей в 1154 году благодаря восшествию Генриха II Плантагенета, графа Анжу, на

английский престол. При дворах этого короля и его супруги Алиеноры Аквитанской встречались, обмениваясь темами и образами, провансальские трубадуры, северофранцузские труверы, бретонские певцы и валлийские барды. Считается, что кто-то из них составил первый сборник легенд об Артуре, который начал странствовать по Европе, обогащаясь местным фольклором и вымыслами каждого нового автора.

Ученые до сих пор не прекращают попыток отыскать этот протограф или хотя бы определить, какая традиция повлияла на него в наибольшей степени. Возможно, на его следы могут навести несколько латинских сочинений XII века, стоящих на полпути от псевдоистории а-ля Гальфрид к роману. Автором двух из них считается аббат нормандского монастыря Мон-Сен-Мишель Робер де Ториньи, умерший в 1186 году. Первое сочинение, «О воспитании Вальвания, племянника Артура» (*De ortu Waluuanii nepotis Arturi*), посвящено приключениям Гавейна. Второе, «История Мериадока» (*Historia Meriadoci regis Cambrie*), содержит историю детей короля Уэльса Карадока, коварно убитого своим братом Гриффином. После ряда приключений сын покойного Мериадок при помощи Артура свергает и казнит узурпатора, после чего сам занимает трон. Около 1225 года тот же сюжет был пересказан во французском романе «Мериадок, или Рыцарь с двумя мечами». Третий латинский текст под названием «Артур и Горлагон-оборотень» (*Narratio de Arthuro rege Britanniae el rege Gorlagon lycanthropo*) написан около 1200 года и до сих пор не переведен на современные языки; он повествует о короле, которого жена-колдунья превратила в волка. Встретив несчастного, Артур помогает ему вновь обрести человеческий облик; эта история была позже повторена в одном из лэ Марии Французской («Бисклаварет»), но на сей раз без участия короля.

Робер де Ториньи считается также составителем «Хроники обители Святого Михаила» (*Chronicon Sancti Michaelis*), которая начинается довольно странной датой: «421. Родился святой Гильдас. В его дни королем Британии был могучий и благородный Артур»[11]. Некоторые ученые на основе этой записи делали далеко идущие выводы, переносящие деятельность «военного предводителя» на сто лет назад, но более вероятно, что переписчик ошибся или просто выдумал неизвестную ему дату. Важно другое: создатели латинских текстов явно черпали вдохновение не у Гальфрида, а из другого источника, которым почти наверняка был некий сборник бретонских легенд — монастырь Мон-Сен-Мишель находился недалеко от Бретани, и многие его монахи имели кельтское происхождение.

Около 1168 года был написан, также на латыни, политический памфлет «Нормандский дракон» (*Draco Normannicus*), направленный против Генриха II Английского, пытавшегося прибрать к рукам Бретань. Автор, бретонский клирик Этьен из Руана, пишет письмо королю от лица Артура, живущего якобы среди антиподов — жителей другой стороны Земли, которая в средние века почти приравнивалась к загробному царству. Если Генрих не оставит в покое Бретань, Артур угрожал напасть на него с огромной антиподской армией. Это сатирическое сочинение прямо ссылалось на Гальфрида (Монмутца) как на источник информации, но лишний раз демонстрировало широкую популярность короля в кельтской среде — «если же он придет, вся Малая Британия и Корнубия выступят в его поддержку»[12].

Как бы то ни было, артуровские предания начали свое вторжение в европейскую литературу, обогащая ее новыми темами и героями. Новый большой рывок на этом пути был сделан на востоке Франции автором, который уже не однажды упоминался на страницах этой книги. Кретьен де Труа, один из самых известных и талантливых поэтов французского средневековья, родился около 1140 года в Труа — столице Шампани. В этом городе издавна существовала иудейская община, а имя Кретьен («христианин») часто давалось новообращенным иноверцам, поэтому существует версия, что поэт был по происхождению евреем. О его жизни мы не знаем почти ничего, кроме того, что между 1170 и 1190 годами он создал пять рыцарских романов в стихах, из которых два остались неоконченными — то ли из-за смерти автора, то ли по другим причинам. Кретьен был близок к кругу Марии Шампанской, супруги графа Шампани Генриха Щедрого и дочери Алиеноры Аквитанской. Подражая матери, графиня привечала при дворе заезжих трубадуров и бретонских певцов, которые передавали местным труверам не только поэтическую технику, но и сюжеты преданий.

Романы Кретьена впервые ввели Артура и его рыцарей в мир куртуазной культуры, где главным были не кровавые подвиги на поле брани, а романтические приключения в далеких краях ради любви Прекрасной Дамы. Идеал защиты родины, воодушевлявший гальфридовского (а, возможно, и исторического) Артура, не слишком вдохновлял шампанского поэта и его читателей. Потому и Логрия у Кретьена утратила реальные географические очертания, превратившись в идеализированный до предела «оплот куртуазности». У королевства Артура по классической схеме волшебной сказки нет границ — есть только Космос и Хаос, столица и «дикий лес»,

где короля и его рыцарей ждут бесчисленные опасные приключения. Сам Артур в эту сказочную парадигму не очень-то вписывался, поэтому он — еще одно новшество, — отошел на задний план, уступая место молодым доблестным героям, жаждущим любви и славы.

Первый из этих героев появляется в романе «Эрек и Энида». Рыцарь Круглого Стола Эрек преследует уродливого карлика и его хозяина-рыцаря, посмевших оскорбить королеву Гиневру. В ходе своих странствий он не только мстит обидчикам, но и влюбляется в прекрасную бесприданницу Эниду, на которой и женится. Поглощенный любовью Эрек начинает пренебрегать рыцарским долгом, Энида опечалена этим, а муж думает, что она его разлюбила. На грани семейного кризиса они отправляются в странствия и после множества опасных приключений восстанавливают гармонию личного с общественным. Сам король никак не участвует в действии — только в конце он выступает в роли арбитра, награждая отличившихся и карая виновных. Его двор, который в этом романе находится не в Камелоте, а в валлийском Кардигане, является центром не только Логрии (кстати, у Кретьена этого названия нет), но и всей Европы:

Однажды вешнею порой
На Пасхе в гордый замок свой
Король Артур для совещаний
Всю знать собрал в Карадигане.
В те дни немало было там
И рыцарей и знатных дам —
Бойцов, героев настоящих,
Красавиц нежных и блестящих[13].

Второй роман «Клижес» тоже посвящен конфликту рыцарского долга и любви, но на сей раз с участием двух пар. В начале его византийский принц Александр решает отправиться за рыцарским посвящением к «знаменитейшему в мире» двору Артура. Там он встречает сестру Гавейна по имени Соредамор и объявляет ее своей дамой сердца — а ведь прежде из-за гордыни и смотреть не хотел на женщин. Спустя годы их сын Клижес разрывается между любовью к своей молодой тетке Фениссе и долгом в отношении дяди-короля Алиса; это весьма напоминает историю Тристана и Изольды, тогда еще не вписанную в артуровский цикл. Кретьен решает дилемму в пользу любви — Фенисса обманом избавляется от старика-мужа и находит счастье при артуровском дворе в объятиях Клижеса, оправдывая свое поведение неслыханно смелой для XII века фразой: «Чье сердце, того и тело» (*Qui a le cuer, cil a le cors*).

Высшим литературным достижением шампанского поэта считается его третий роман «Ивейн, или Рыцарь со львом». Его герой Ивейн, сын Уриена, убивает в поединке мужа Хозяйки источника Лодины и женится на ней. Вернувшись ко двору Артура, Ивейн надолго забывает про жену; в наказание его поражает безумие, он удаляется в «пустынные места» и только после множества подвигов возвращает себе жену и владения. В приключениях ему помогают спасенный им лев и служанка Лодины по имени Лунетт, почти оттеснившая госпожу с места главной героини. Хитрые слуги часто встречаются в средневековой — и не только — литературе, но здесь Лунетт (в валлийской версии Линет) явно относится к числу «волшебных помощников» героя, обретая черты языческой богини плодородия, которая всегда рада услужить влюбленным. Такова же Фессала из «Клижеса», с которой, похоже, списана служанка Изольды Бранжьена, получившая имя валлийской Бранвен.

Четвертый и самый известный из романов Кретьена — «Ланселот, или Рыцарь повозки», впервые вводящий в мир артурианы ее самого прославленного рыцаря. Правда, история любви рыцаря и королевы Гвиневеры была впервые рассказана около 1170 года в одном из лэ Марии Французской. Лэ (*lais*) — популярная в то время короткая лирическая поэма, что-то вроде баллады; Марии, одной из первых поэтесс Франции, принадлежит сборник из шести таких поэм. Мария, судя по ее прозвищу «de France», была внебрачной дочерью кого-то из членов королевского дома, хотя ее близость ко двору Генриха II Английского намекает на родство с этим монархом. Она получила хорошее по тем временам образование и неплохо ознакомилась с бретонским фольклором. Артуровской теме посвящены два ее лэ — «Шеврефель» и «Ланваль». Первое, название которого означает «жимолость», — рассказ о встрече Тристана и Изольды, которым предстоит остаться в жизни и легендах неразлучными, как жимолости с обвитым ею деревом. История рыцаря Ланваля, пересказанная позже в ряде романов, — классическая волшебная сказка. Ее герой влюбился в прекрасную Триамур и имел неосторожность заявить, что не только она, но и последняя из ее служанок красивее королевы Гвиневеры. Артур в гневе приговорил болтуна к смерти, но в последний момент Триамур явилась в Камелот и спасла любимого, наглядно доказав его правоту.

Один из подвигов Ланваля воспроизведен в романе Кретьена: чародей Мелеагант похищает Гвиневеру, на выручку которой спешит юный Ланселот. Лишившись коня, он вынужден продолжить путь в позорной телеге, за что освобож-

денная им в конце концов королева насмехается над ним, но тут же задумывается: а ведь он поставил ее спасение выше рыцарской чести! Так рождается их любовь, которой суждено разрушить Круглый Стол. Все мысли и чувства Ланселота поглощены этой любовью, которая доводит его до полубезумного состояния. Похоже, Кретьену не понравилось такое развитие сюжета, разрушающее милые ему куртуазные идеалы; поэтому он предоставил закончить роман труверу Годфруа де Ланьи.

Пятый и последний роман Кретьена, «Персеваль, или Повесть о Граале», не так совершенен — он затянут, полон ведущих в никуда сюжетных ходов и тоже не окончен. Начинается он историей классического фольклорного «дурачка» Персеваля, отец и братья которого погибли на войне, и мать, пытаясь спасти его от той же участи, воспитывает его в лесной глуши, всячески скрывая от сына существование оружия, коней и рыцарей. Естественно, это ни к чему не приводит, и Персеваль (впрочем, вначале он даже имени своего не знает) отправляется на рыцарские подвиги. После ряда трагикомических приключений он оказывается при дворе Артура и получает там звание рыцаря. Вслед за этим сюжет перемещается к поискам Грааля. Персеваль терпит в них неудачу, после чего за дело берется более опытный Гавейн... на чем роман и обрывается.

Кретьен или умер, не успев закончить свое произведение, или просто забросил его по каким-то причинам, как это случилось с «Ланселотом». Есть версия, что около 1180 года он покинул Труа и поступил на службу к графу Филиппу Фландрскому, участнику Крестовых походов, который и вдохновил его на создание романа о волшебной чаше. Граф был колоритным персонажем: он участвовал в смутах по всей Европе, велел забить до смерти любовника своей жены, а саму ее уморил голодом, после чего женился на дочери португальского короля. Он умер в 1191 году в Святой земле, и не исключено, что практичный поэт из Труа прервал свой труд после смерти заказчика, хотя и сам после этого прожил недолго. В предисловии к «Клижесу» Кретьен сообщает, что написал также роман о Тристане и Изольде, но это произведение до нас не дошло. К его трудам относятся также переводы Овидия и несколько лирических песен.

Кретьен де Труа стал одним из «трех китов» артурианы наряду с Гальфридом и Мэлори. Его литературный талант связал воедино множество сюжетов и персонажей, создав впечатляющую, хоть и чересчур статичную, картину волшебного мира, который отделен от окружающего хаоса тремя круга-

ми — двором мудрого и справедливого короля, орденом храбрых рыцарей и городскими стенами Камелота. Эта картина нашла восхищенных зрителей в разных странах Европы, где описанное Кретьеном общество представлялось абсолютным идеалом едва ли не всем слоям населения. Артуровские легенды начали распространяться по континенту так же стремительно, как столетия спустя романы фэнтези, нашедшие своего Кретьена в лице профессора Толкиена.

Однако суровый героизм эпоса далеко не везде с готовностью уступал место куртуазной романтике. Одним из проявлений этого стал роман «Брут», созданный около 1190 года священником из Вустершира по имени Лайамон на основе сочинения Васа и ставший первым артуровским текстом на английском языке. Следуя нормандцу, Лайамон изложил историю Британии стихами — это были аллитеративные стихи, надолго ставшие главной формой английской поэзии. Несмотря на свой духовный статус, Лайамон интересовался главным образом такими вещами, как битвы, заговоры и супружеские измены, предвосхищая своим мрачным колоритом трагедии Шекспира. Часто он дополняет изложение Васа натуралистическими и жестокими деталями: например, когда один рыцарь затеял ссору при дворе Артура, тот велел отрубить всем его родственникам-мужчинам головы, а женщинам — носы, «дабы лишились они всей своей красоты». Некоторые эпизоды «Брута» — находка для психоаналитика, в том числе сон Артура, в котором он разрубает Гвиневеру на части. Нашлось в романе место и народным суевериям — например, Артура при рождении благословляют эльфы: «Они дали ему силу, чтобы стал он лучшим из рыцарей; дали ему власть стать величайшим из королей; дали и третий дар — долгую жизнь»[14].

Артур — главный герой сочинения Лайамона в еще большей степени, чем это было у Васа. По происхождению клирик был англосаксом, что не помешало ему воспеть врага своих предков. Это было знаком времени: король становился предметом гордости и объединяющим символом для всех жителей Британии, которые медленно, но верно превращались в единую нацию. Британский историк Уильям Мортон отмечал: «В Англии всегда сохранялся тот псевдоисторический фон, который привнес в предания об Артуре Гальфрид Монмутский, хотя этот фон постоянно изменялся и усложнялся под воздействием французских обработок тех же сюжетов... Лайамон, например, постоянно помнит о том, что Артур был британским, а не французским королем; для Васа же это не имеет почти никакого значения... Артуровские традиции в

Англии питались в своем развитии крепнущим национальным духом и сами питали его»[15].

Нужно отметить, что уже в ту эпоху далеко не все принимали истории Гальфрида на веру. В 1190 году Уильям Ньюбургский писал: «Все, что этот человек написал об Артуре и его преемниках, да и о предшественниках тоже, выдумано или им самим, или другими авторами из-за непомерной страсти к вымыслам или из желания угодить бриттам»[16]. Около 1350 года ему вторил автор «Полихроникона», ученый монах Ранульф Хигден: «Поскольку один лишь Гальфрид так превозносит Артура, многие сомневались, можно ли отыскать истину в написанном об этом короле, ибо если Артур завоевал тридцать королевств, если он одолел французов и убил Луция, прокуратора Италийской республики, почему все римские, французские и саксонские (немецкие. — *В. Э.*) историки полностью обходят вниманием такого человека, описывая между тем деяния людей куда менее великих?»[17] Однако эти скептические голоса оставались единичными: легенда об Артуре вросла в фундамент английского национального самосознания не менее прочно, чем Ледовое побоище и Куликово поле в основу самосознания российского.

Во Франции между тем артуриана решала свои задачи, сплачивая буйное рыцарское братство вокруг идеалов Круглого Стола, направляя его на служение Богу и королю. В начале XIII века процесс этот активно продвигался усилиями монахов цистерцианского ордена, вдохновителем которых был такой известный деятель средневековой культуры, как Вальтер Мап. Валлиец по происхождению, он сделался видным деятелем английской церкви и до своей смерти около 1210 года занимал пост архидиакона Оксфорда. Интерес Вальтера к артуровским преданиям отмечен современниками, и, хотя его перу не принадлежит ни один из сохранившихся романов, именно он считается автором идеи объединения артуровских легенд в единый свод. Целью этого было не только наведение порядка в хаосе произведений об Артуре и его рыцарях, известных под общим названием «*Matiére de Bretagne*» (Дела Британии)*. Не менее важной задачей стало избавление артурианы от языческих мотивов, привнесение в нее христианского мировоззрения, связанного, в первую очередь, с образом Святого Грааля.

---

* Так с XIII века назывался один из трех комплексов западноевропейских эпических преданий, наряду с «Делами Рима» (*Matiére de Rome*) и «Делами Франции» (*Matiére de France*). Предполагаемый автор названия — трувер Жан Бодель.

Как раз в те годы церковники, в том числе цистерцианцы, приняли активное участие в крестовом походе против южнофранцузских альбигойцев. Это сопровождалось усиленным поиском ереси повсюду, в том числе в куртуазных романах, о негативном влиянии которых на церковную среду сокрушался анонимный автор в 1220 году: «Видя, что многие на молитве уснули, а иные даже храпят, настоятель воскликнул: “Эгей, братья! Я расскажу вам нечто новое о могучем короле по имени Артур!” И тотчас все в комнате встрепенулись. Как же могут избежать печального конца те, кто засыпает, слушая святые речения, но пробуждается при одном упоминании Артура?»[18] Чтобы исправить ситуацию, церковные идеологи решили придать артуриане благочестивый смысл и взялись за дело с размахом, присущим ученикам святого Бернара Клервоского.

Плодом деятельности цистерцианцев одного или нескольких монастырей Западной Франции стала обширная серия рыцарских романов, известная под названием Вульгата (*Vulgate*) — то есть написанная не на благородной латыни, а на простом, «вульгарном» языке, в данном случае французском. Есть и другое объяснение названия: фолианты Вульгаты выглядели не менее внушительно, чем книги латинской Библии, носившей то же имя. В научных кругах Вульгату принято называть «циклом Ланселота-Грааля», поскольку интерес ее авторов сосредоточен прежде всего на этих двух темах. Эти романы, написанные между 1215 и 1230 годами, стали главным источником вдохновения для последующих авторов артурианы, не исключая Томаса Мэлори. Они переписывались в большом количестве (сохранилось более 180 экземпляров), став таким же «бестселлером», как сочинение Гальфрида в предыдущем столетии. Ими зачитывались коронованные особы, поэты и художники извлекали из них сюжеты, и даже в монастырских библиотеках эти пухлые тома потеснили на полках творения Отцов Церкви.

В серию входят романы «История Святого Грааля», «Мерлин», «Ланселот», «Поиски Святого Грааля» и «Смерть Артура». К ним примыкает написанная чуть позже «Книга Артура» (*Livre d’Artus*) — сокращенное изложение всего цикла за исключением истории Грааля. Считается, что два первых тома были написаны позже остальных на основе романов Робера де Борона. Вопрос об источниках Вульгаты, давно обсуждаемый учеными, затронут уже в романе «Поиски Святого Грааля». Там говорится, что очевидцы деяний Артура и его рыцарей передали истории о них своим потомкам, затем эти истории были записаны на «британском» (очевидно, бретонском) языке,

переведены на латынь, а потом на французский. Роман «Мерлин» был якобы списан с манускрипта, записанного Блезом под диктовку самого Мерлина, а «История Святого Грааля» вообще исходит от Христа, который вручил безымянному автору «небесную книгу», чтобы тот сделал с нее копию.

На самом деле источниками первых двух романов Вульгаты являются произведения Борона, дополненные заимствованиями из Кретьена и других авторов. В «Мерлине» рассказана история не только самого чародея, но и его воспитанника Артура, которому Мерлин предрекает власть над Англией и делает все, чтобы это пророчество стало явью. Он делает юного Артура королем, помогает ему победить саксов и непокорных вассалов, превращает Круглый Стол из обычного места рыцарских пиршеств в мистическое подобие стола Грааля. После женитьбы Артура Мерлин, очарованный и плененный Вивианой, покидает повествование, да и сам король отходит на второй план. Начинается роман «Ланселот», занимающий почти половину огромного цикла. Основываясь на «Ланселоте» Кретьена и, очевидно, на утерянной нормандской поэме, ставшей основой немецкого «Ланцелета» (о нем речь впереди), авторы воссоздают биографию Озерного рыцаря. Любовь Ланселота и Гвиневеры дополняется множеством побочных линий, включая подмену королевы Лжегвиневерой и увлечение Артура саксонской чародейкой Камиллой. По мере того, как поведение влюбленного Ланселота все меньше соответствует кодексу чести, его в роли идеального рыцаря заменяют его сын Галахад и другие герои. В следующем романе, основанном на «Персевале» Кретьена и его продолжениях, именно им суждено довести до конца поиски Грааля.

Роман «Смерть Артура» основан на «Истории» Гальфрида, но дополняет ее множеством деталей, взятых, по всей видимости, из устных преданий. В основном они касаются трагической развязки любви Ланселота к королеве и его войны с Артуром, которая заменяет здесь военную кампанию в Галлии. Описание последней битвы Артура и Мордреда и последующей отправки короля на Авалон в основном совпадает с текстом Гальфрида, хотя и здесь вводятся новые детали. Одна из них, достаточно курьезная, упоминает возраст героев во время этих событий: по мнению авторов, Ланселоту исполнилось 55 лет, Гавейну — 76, а Артуру — даже 92 года! Как уже говорилось, в этом произведении Экскалибур в озеро бросает не Бедивер, а Гирфлет. Позже он видит, как феи во главе с Морганой увозят Артура на Авалон, но потом находит у Черной часовни его могилу — таким образом, вопрос о том, жив король или мертв, остается открытым.

Романы Вульгаты зафиксировали новаторский сдвиг в развитии всей европейской литературы. Они написаны прозой, а не стихами, и рассчитаны не на слушателей, а на читателей, которых было уже достаточно для «тиражей» в несколько сот экземпляров. Сюжеты цикла, разветвляющиеся и переткающие друг в друга, образуют стройную схему повествования — вернее, трех пересекающихся, но не совпадающих повествований об Артуре, Мерлине и Граале. Мир романов — все то же царство куртуазного вымысла, где реальные города и люди непринужденно сосуществуют с фантастическими замками и мифическими чудовищами. Но от светлого, радостного настроения романов Кретьена не осталось и следа — Вульгата пронизана мрачным предчувствием воздаяния за грехи. Ее главный герой Артур повторяет судьбу Короля-Рыбака легенды о Граале, терпя множество бедствий из-за случайно совершенного греха — прелюбодеяния с собственной сестрой, родившей Мордреда, семя гибели Логрии. Ради искупления он начинает поиски Грааля, но преуспеть в них могут только чистые духом рыцари — остальные сбиваются с пути и пропадают, или возвращаются в Камелот, сломленные и ни на что не годные, кроме пустых свар. Такая свара в конце концов и погубила королевство Артура — несовершенный образец будущего царства Грааля.

Для большинства рыцарских романов характерно ослабление внимания к Артуру — как уже говорилось, их авторов больше интересовали рыцари Круглого Стола, приключения которых давали больше простора воображению, чем «официальная» биография короля, написанная Гальфридом. Военные подвиги Артура, его битвы с саксами и тем более завоевание Галлии едва ли могли вдохновить французских писателей. Отражая средневековую реальность, они чаще описывали не крупные войны, а отдельные поединки, турниры и события придворной жизни. Артур в их произведениях — не воин, а мудрый и рассудительный патриарх, добивающийся своего не силой оружия, а убеждением. В отличие от молодых героев, он сдержан, терпелив, осторожен. Иногда он даже выступает в роли немощного старца — например, в «Ивейне» Кретьена он до срока уходит с пира, чтобы подремать в опочивальне королевы. Случается ему и проявлять бездействие в решающие моменты — во время вторжений врагов или появления в Камелоте наглецов, оскорбляющих Гвиневеру, а то и самого Артура. Он не в силах предотвратить похищение королевы Мелеагантом и сквозь пальцы смотрит на ее роман с Ланселотом, а потом под нажимом придворных приговаривает любимую жену к смерти на костре.

С одной стороны, это признак уже отмеченного отхода короля на второй план в сравнении с молодыми и динамичными рыцарями. С другой — следствие христианизации образа Артура, наделения его качествами идеального монарха, включающими мудрость, терпимость и осмотрительность. Благодаря включению в орбиту артурианы легенды о Граале произошло своего рода раздвоение мира Артура на «земной», проникнутый куртуазностью и сохраняющий множество языческих элементов, и «небесный», призывающий короля и его рыцарей к совершенству, которого они, за редким исключением, не способны достигнуть.

Попытка соединить эти два мира была предпринята в XIII веке, ставшем «золотым веком» рыцарства и одновременно временем расцвета артурианы во Франции. После Вульгаты, между 1230 и 1240 годами, в монастырях цистерцианцев была написана еще одна серия романов, известная как Поствульгата; в нее вошли романы «История Святого Грааля», «Повесть о Мерлине», «Поиски Святого Грааля» и «Смерть Артура». Здесь еще больше усилилась религиозная составляющая, а любовная линия, в особенности роман Ланселота и Гвиневеры, умалилась до того, что «Ланселот» Вульгаты вообще выпал из цикла. В сюжетах Поствульгаты и других романов, прошедших монашескую редакцию, почти нет героинь-женщин. Из некоторых исчезла даже Гвиневера, но в основном «ампутации» подверглись такие тесно связанные с язычеством персонажи, как Моргана и Владычица озера. Если древние боги и герои мужского пола худо-бедно превратились в рыцарей, колдунов и великанов, то с феями этого сделать не удалось — их языческая сущность выпирала слишком явно. Оставили их только там, где их поведение могло лишний раз подтвердить тезис о женском коварстве и изначальной греховности. Например, в «Мерлине» Вульгаты Владычица уцелела только как злая Вивиана, тюремщица Мерлина и убийца матери Ланселота.

Как ни странно, при этом «монастырские» романы отличаются откровенным эротизмом, что подметил польский фантаст Анджей Сапковский в эссе «Мир короля Артура»: «Там, где Мэлори ограничивается (при описании дев) фразами типа “Она была очень красивой девушкой”, Вульгата ничтоже сумняшеся сообщает, что “ее выпуклые груди, маленькие, беленькие и ядреные, вздымались под платьем как твердые яблочки”. Мэлори (говоря, например, о Ланселоте и Гвиневере) деликатно замечает: “Были они в ту ночь вместе в ложе или же нет, этого я не знаю и не отважусь утверждать, ведь вы помните, что в те времена любовь имела иные формы, нежели

сегодня”; Вульгата же сообщает “городу и миру”, что “пара любовников, улегшись нагими и плотно обхватившись, самозабвенно ласкают друг друга”, “роскошно удовлетворяют друг друга взаимно” и так далее»[19]. Возможно, такая откровенность была плодом монашеского воздержания, но не исключено, что с ее помощью авторы старались привлечь внимание читателей — ради богоугодной цели все средства хороши!

В романах Поствульгаты углубилась уже наметившаяся линия на встраивание Артура в монархическую традицию Европы и прежде всего Франции. В короле видели кровного потомка библейских Давида и Соломона и предшественника другого великого монарха — Карла Великого. В «Поисках Святого Грааля» описано, как Карл, завоевав Англию (естественно, только в фантазии автора романа), восстановил замок Корбеник вместе со статуями рыцарей Круглого Стола. При этом грядущее явление Карла было предсказано Артуру таинственным, по всей видимости небесным, голосом. В последующие века в европейских странах получил распространение список девяти величайших героев, из которых трое (Гектор, Александр Македонский и Юлий Цезарь) были язычниками, трое (Иисус Навин, Давид и Иуда Маккавей) — иудеями, а еще трое (Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский) — христианами. Все перечисленные прославились прежде всего воинскими подвигами, но как раз военная карьера Артура благодаря романам неумолимо оттеснялась на задний план. В короле видели прежде всего образцового монарха — справедливого, доброго, щедрого, пусть и не слишком активного.

Параллельно с производством романов в монастырских скрипториях французские труверы разрабатывали отдельные линии артурианы, связанные с именами наиболее ярких действующих лиц — Ланселота, Гавейна, Тристана. Вслед за несохранившимся романом Кретьена в 1170-е годы почти одновременно появились два романа о Тристане, написанных нормандцем Берулем и Тома Английским. Первый, от которого сохранились только отрывки, изображает любовную драму Тристана, Изольды и Марка достаточно оптимистично — в конце изгнанные любовники возвращаются в Корнуолл и примиряются с королем. Около 1230 года некий Люк де Гат начал писать на ту же тему большой роман, называемый обычно «Тристаном в прозе» и завершенный в 1240 году Эли де Бороном, племянником автора романов о Граале. Это обширное произведение окончательно включило изолированную прежде легенду о Тристане в контекст артуровской традиции, обогатив ее темой поисков Грааля. Здесь впервые появились сюжет женитьбы героя на «второй» Изольде, а так-

же имена таких рыцарей Круглого Стола, как Паламед, Динадан и Ламорак. «Тристан в прозе» обрел большую популярность, став источником немалого числа произведений на разных языках, включая «Смерть Артура» Мэлори.

Романы о Тристане и Изольде, целиком сосредоточенные на любовной теме и присоединенные к артуровской традиции достаточно условно, стали образцом для ряда романов XIII столетия, где действовали идеальные рыцари и их не менее идеальные дамы. Как и для современных дамских романов, для этих произведений были характерны нагнетание страстей, эротические сцены и непременный хэппи-энд. Типичный пример — «Кларис и Ларис», где изображаются приключения двух рыцарей и их возлюбленных Марины (дочери короля Уриена) и Лидуаны. В романе «Тиолет» герой, подобно Персевалю, воспитанный вдовой матерью, покидает Камелот ради любви к дочери короля Логриса (не Артура) и в конце концов добивается ее руки. Та же коллизия воспроизведена в романе некоего Гийома Леклерка (то есть «клирика») «Фергус Голуэйский», но там героиню зовут Галиена Лотианская, а сам герой — простой крестьянин, благодаря доблести заслуживший рыцарское звание и руку своей избранницы. Еще один роман, «Флориант и Флоретт», повествует о храбром Флорианте, завоевавшем любовь византийской принцессы. Любопытно, что герой после гибели отца воспитывается феей в волшебном замке, копируя Ланселота, только его наставница — не Владычица озера, а Моргана. В еще более необычной роли чародейка выступает в дублирующих друг друга романах «Гюон Бордосский» и «Оберон», где она становится возлюбленной Юлия Цезаря и матерью короля фей Оберона, прославленного впоследствии Шекспиром. Сам Артур в этих произведениях полностью теряет человеческий облик, становясь таким же властелином фейри.

Волшебство торжествует и в романе «Пророчества Мерлина» (*Les Prophecies du Merlin*), написанном около 1270 года на латыни неким Ришаром Ирландским. В нем предсказания чародея объединяют и обосновывают различные эпизоды правления Артура, о которых повествуется весьма подробно. Среди них — враждебные интриги короля Марка и нашествие саксов, которое вместо короля, бездействующего из-за чар Лжегвиневеры, отражает великан Галахольт. Рассказана здесь и история Александра Сироты, племянника Марка, совершившего множество подвигов и в конце концов убитого коварным дядей. Моргана в романе изображена с юмором: в красках описана ее ссора из-за возлюбленного с волшебницей Себилой, которая, схватив соперницу за волосы, прота-

щила ее по всем коридорам и лестницам ее замка. Позже чародейки помирились и вместе с королевой Северного Уэльса (сестрой Морганы, что соответствует валлийской традиции) организовали отправку раненого Артура на Авалон. Правда, по версии «Пророчеств», его в этом пути сопровождали не они, а вечно юная служанка Морганы Эглантина — вероятно, ей предстояло стать чем-то вроде гурии, развлекающей короля в его долгом посмертном бытии.

В конце XIII века творческое развитие артурианы практически прекратилось; наступило время ее распространения вширь, создавшее многочисленные переводы и пересказы. Первой из причин такого перелома стало завершение эпохи крестовых походов, позволявшей жителям Западной Европы знакомиться с культурой не только соседних стран, но и Востока, арабского и христианского. Вторая причина — распад «анжуйской империи», окончательно разделивший Англию и Францию, а с ними и две главные ветви артуровской традиции, которым отныне предстояло развиваться в отчуждении, а то и во вражде. Третья — позиция церкви, которая, так и не сумев окончательно христианизировать рыцарские романы, относилась к ним все с бóльшим подозрением как к «суетным увлечениям», граничащим с ересью. В результате церковные авторы с их богатой эрудицией передали эстафету авторам светским, что обеднило тематику романов об Артуре и лишило их объединяющей идеи, сведя к набору занимательных приключений.

В XIV—XV веках произведения на артуровскую тему создавались во многих странах Европы, но главные из них появились в «треугольнике», состоящем из Англии, Франции и Германии. Французская артуриана развивалась в двух противоположных направлениях: кропотливой разработки отдельных сюжетов и максимального обобщения, создания громадных сводов, охватывающих весь возможный материал по теме. Типичный пример такого свода — гигантский роман «Персефорест» (*Perseforest*), созданный около 1350 года в Бургундии и занимающий около шести тысяч страниц, из-за чего он до сих пор остается неизданным. Роман соединяет материал Гальфрида с куртуазной традицией; в нем Александр Великий завоевывает Британию и делает там королем Персефореста, который насаждает на острове цивилизацию. После вторжений римлян, саксов, скандинавов куртуазность вновь торжествует, находя свое высшее воплощение в правлении Артура, которое авторы почему-то относят к X веку.

Одновременно с этим романом во Фландрии появилось не менее объемное историческое сочинение «Море историй»

(*Ly Myreur Des Histors*) Жана де Прея. Эта шеститомная компиляция рассматривала всю мировую историю со времен потопа, уделяя особое внимание правлению Артура. Автор, купец из Льежа, оказался самым большим выдумщиком со времен Гальфрида: он писал, что Мерлин до Утера был королем Британии; что Артур завоевал не только Европу, но также Персию и даже Китай; что после его отбытия на Авалон корона досталась Ланселоту, который в возрасте 177 (!) лет посетил Париж и оставил там записи о подвигах рыцарей Круглого Стола. Ясно, что де Прей, как и другие историки той эпохи (например, писавший веком позже Жан де Заврен), заботился в первую очередь о занимательности своих писаний, а не об истине, дав полную свободу фантазии. Некоторые поступали честнее — например, историк Жан Фруассар, воздав Артуру дань в своих знаменитых «Хрониках», создал около 1370 года рыцарский роман «Мелиадор», отнюдь не пытаясь выдать его сюжет за правду.

При отсутствии творческого развития указанный этап артурианы породил обилие вспомогательного материала — не только в содержании романов, но и в их форме. В XIII столетии, когда читателями и покупателями книг все чаще становились миряне, появились первые иллюстрированные манускрипты, число которых в последующие века значительно возросло. Главными центрами книжной миниатюры в это время стали Италия и Фландрия, хотя роскошные издания производились также в Германии и Северной Франции. Что касается содержания книг, то влияние артуровских сюжетов проникло в такие специфические жанры, как пособия по этикету, лечебники и руководства для охотников; сохранилась английская «Книга Сент-Олбенса» (1486), в которой советы охотникам давались от лица Тристрама (Тристана). В самих романах более подробно рассматривались такие темы, как убранство замков, одежда рыцарей и их гербы. Около 1455 года в приложении к «Книге турниров» короля Рене Анжуйского появился перечень гербов 175 рыцарей Круглого Стола, который неоднократно повторялся в других изданиях. Еще в XII веке был известен герб Артура с тремя золотыми коронами, представлявшими три королевства — Логрию, Северный Уэльс и Южный Уэльс. Позже корон стало тринадцать по числу стран, якобы завоеванных королем*. Цвет гербового щита во

* К ним в средневековой традиции относились Логрия (Англия), Альбания (Шотландия), Северный и Южный Уэльс, Корнубия (Корнуолл), Иберния (Ирландия), Оркания, Дания, Норвегия, Готландия (Швеция), Исландия, Франция и Испания.

Франции был синим, а в Англии красным сообразно гербам этих стран. Гербом Ланселота считались три червленых перевязи в серебряном поле, Кея — два серебряных ключа в черном поле, Гавейна — двуглавый золотой орел в червленом поле (точь-в-точь нынешний герб России). Последний герб, как и многие другие, варьировался: в романе «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» он представляет собой так называемую «печать Соломона» — золотую пентаграмму в червленом поле.

Появление книгопечатания поначалу придало новый импульс артуровской литературе — в первой половине XVI века во Франции появилось более десятка романов об Артуре и его рыцарях, но почти все они представляли собой переделки и сокращения прежних. Одним из немногих новых произведений стал роман Пьера Сала «Тристан», написанный в середине 1520-х годов на основе совмещения французских, английских и итальянских версий истории Тристана и Изольды. Интерес к этому сюжету оставался неизменным: в 1554 году Жан Моген выпустил роман «Новый Тристан», адаптированный для ренессансного читателя. В те же годы Пьер Ронсар выразил надежду, что Артур, Ланселот и Тристан станут героями национального эпоса, но этого не случилось — напротив, рыцарские легенды подверглись осмеянию и пародированию. Это отразилось в анонимных романах о Гаргантюа, которые сопутствовали знаменитому роману Рабле. В одном из них Мерлин создает отца великана из китовых костей и крови Ланселота, а его мать — из обрезков ногтей Гвиневеры. Сам Гаргантюа двести лет прислуживает при дворе Артура, где обучается «пить все, что льется». Эти насмешки вскоре погубили французскую артуриану, не сумевшую отвоевать себе место в литературе нового времени.

В Англии активное освоение артуровских сюжетов началось во второй половине XIII столетия и продолжалось более двух веков. Плодами его стали многочисленные романы, поэмы и народные баллады, многие из которых представляли собой сокращенные и избавленные от лишних подробностей версии французских оригиналов. К ним относились, к примеру, романы «Сэр Ланваль» (написан около 1350 года Томасом Честром), «Ивейн и Гавейн» и «Прекрасный незнакомец» (*Lybeaus Desconus*). Продолжали появляться также пересказы сочинения Гальфрида — например, стихотворная «Хроника Англии» Роберта Глостерского (1290) или более поздние истории Питера Лангтофта и Роберта Мэннинга, созданные в первой половине XIV века.

Другая часть текстов была оригинальной, испытавшей сильное влияние британского фольклора. Почти все они со-

зданы в XIV—XV веках в Северной Англии — Ланкашире и Йоркшире, — где и происходит их действие. Практически везде столицей Артура является не Камелот, а Карлайл, что заставило некоторых ученых (в первую очередь, конечно, североанглийских) предположить, что артуровские легенды зародились именно здесь. Однако все стихотворные романы, поэмы и баллады созданы позже континентальных романов об Артуре и под их явным влиянием, хотя сюжеты их чаще всего оригинальны. Их общая черта — главная роль Гавейна, который в тот период стал самым популярным в Англии героем в пику «французу» Ланселоту.

Самое известное из произведений этого цикла — уже упомянутый стихотворный роман «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» (*Sir Gawayn and the Green Knight*), написанный около 1375 года в Северной Англии. Роман сохранился только в одной рукописи (Cotton Nero A.x.), куда, помимо него, входят три поэмы религиозного содержания. Их анонимного и весьма талантливого автора ученые прозвали «поэтом Гавейна»; считается, что он основывался не только на английских и французских артуровских романах, но и на местных легендах, частично восходящих к фольклору северных бриттов. Не исключено, что этот хорошо образованный человек сознательно стремился возродить аллитерационную традицию англосаксов в пику новым литературным веяниям, олицетворяемых именами Чосера и Гауэра. Стоит напомнить, что именно тогда, в правление Эдуарда III, популярность артуровских легенд резко возросла, и автор «Сэра Гавейна» почти неизбежно должен был обратиться к ним в своем воспевании «славного прошлого».

Действие романа начинается Рождеством в Карлайле, когда Артур по своему обычаю отказывается начинать праздник, пока не увидит какого-нибудь чуда. Тут же появляется великан в зеленых одеждах с громадным топором и предлагает любому рыцарю обезглавить его этим топором, чтобы через год он мог «вернуть» этот удар у Зеленой часовни. Сэр Гавейн, принявший вызов, отрубает великану голову, но тот тут же оживает и уходит с головой под мышкой, напомнив рыцарю о его условии. Далее роман описывает путешествие героя на север в поисках часовни, которая в конце концов обнаруживается на полуострове Виррал в Северном Уэльсе. В замке Зеленого рыцаря Гавейн коротает время до Рождества за пирами и охотой; прекрасная хозяйка замка каждую ночь пытается его соблазнить, но неизменно терпит поражение. Все заканчивается поединком с Зеленым рыцарем Бертилаком, который милует Гавейна как идеального рыцаря:

Мне ведомо все о лобзаньях, беседах долгих
И прелестях госпожи: все я подстроил,
Тебя испытать желая; теперь же вижу:
И впрямь благородней Гавейна нет в целом свете.
Как с бисером рядом горох стократ безобразней,
Так доблесть любого бледнеет рядом с Гавейном[20].

Эта история напоминает валлийскую повесть «Пуйл, король Диведа», где в роли обольстительницы выступает жена короля подземного царства Арауна. В конце обоих произведений герою дают понять, что уступка соблазну или ложь стоили бы ему жизни. Гавейн, впрочем, не до конца идеален — он согласился взять у хозяйки зеленый пояс, который должен был спасти его жизнь в поединке. За это он поплатился легким ранением — «в наказанье росчерк секирой оставлен». Любопытно, что роман завершает фраза «да будет стыдно подумавшему об этом дурное», якобы намекающая на рану Гавейна. На самом деле это девиз старейшего британского ордена Подвязки, учрежденного в 1348 году тем же Эдуардом III. Зеленый пояс функционально напоминает талисман ордена, дамскую подвязку, и является не чем иным, как оберегом эльфов — рыцаря Бертилака и его жены.

В «Зеленом рыцаре» отразились и другие кельтские легенды — к примеру, описанное в поэме обманное обезглавливание волшебника упоминается в ирландской саге «Пир Брикриу». Тот же сюжет встречается в другом аллитеративном романе — «Сэр Гавейн и Карл из Карлайла». В ней Карлайл — уже не столица Артура, а цитадель злого великана Карла, которого рыцарь обезглавил и тем самым избавил от чар. Ту же историю повторяет поэма «Турок и сэр Гавейн», герой которой колдовством превращен в «турка», то есть свирепого язычника; отрубание головы возвращает ему прежний облик христианского рыцаря. Поэма «Женитьба сэра Гавейна и леди Рагнелл» пересказывает уже известную нам фольклорную историю о том, как герой превратил уродливую ведьму в красавицу, поцеловав ее. Любопытно, что в обоих текстах антагонистом героя выступает один и тот же персонаж — рыцарь Громер Сомер Джур, у Мэлори превращенный в скандинава Груммора Грумморсона. В «Голагрусе и Гавейне» герой помогает Артуру добром получить у сэра Голагруса вассальную присягу, которой король не мог добиться силой. Последний роман серии, «Подвиги сэра Гавейна» (около 1520 года), рисует Гавейна в привычном образе обольстителя. Однако он уже не тот, что в «Зеленом рыцаре» — это не отважный воин, а придворный вертопрах, чувствующий себя на балу увереннее, чем на поле брани.

В нескольких английских поэтических романах Артур играет не менее важную роль, чем Гавейн. Один из них, «Обет Артура» (*The Avowing of Arthur*), посвящен охотничьим похождениям короля и его спутников в Инглвудском лесу. Кай и Гавейн вступают в бой с неким рыцарем — Кай, как обычно, терпит поражение, а Гавейн побеждает. Сам Артур устраивает погоню за чудовищным кабаном, в которого вселился сам дьявол — явный отголосок охоты на Великого вепря Турха Труйта. Другой роман, «Приключения Артура» (*The Awyntrs of Arthur*), сохранился в четырех вариантах, записанных на протяжении XV века. Он делится на две части, первая из которых рассказывает о том, как Гавейн и Гвиневера встретили в лесу призрак матери Гавейна, который через них наказал рыцарям Круглого Стола жить по-христиански и помогать бедным. Во второй части Гавейн вступает при дворе Артура в поединок с сэром Галероном из Голуэя, побеждает его и забирает себе его владения.

Поэма «Король Артур и король Корнуолла» (*King Arthur and King Cornwall*) дошла до нас в сильно поврежденном манускрипте XVII века. По сохранившейся ее части можно понять, что речь в ней идет о состязании Артура с королем-чародеем, который хвалится своей колдовской силой и тем, что когда-то Гвиневера имела с ним роман и даже родила от него дочь; эта коллизия весьма напоминает валлийскую поэму «Разговор Артура и Гвенвивар». Артур и его товарищи вступают в состязание с хвастуном: некий рыцарь Бредбеддл (здесь он назван Зеленым рыцарем) побеждает семиголового зверя, посланного королем Корнуолла, а Гавейн соблазняет дочь короля. В итоге чародей оказался посрамлен, и Артур отрубил ему голову.

На стыке островной и континентальной традиций находятся две английских «Смерти Артура», написанных в конце XIV века. Одна из них написана в обычных стихах (так называемая «*Stanzaic le Morte Arthur*»), другая — в аллитеративных («*Alliterative Morte Arthure*»). Характерно, что сюжет этих произведений основан не столько на романах Вульгаты, сколько на «Истории» Гальфрида. В аллитеративной «Смерти Артура» отражены галльская кампания короля, его война с Мордредом и гибель, причем Артура не увозят на Авалон, а хоронят в Гластонбери. Интересен не сюжет поэмы, а ее язык, изощренными звуковыми повторами напоминающий древние поэмы англосаксов и валлийский *cynghanedd*. Эта «Смерть Артура», в отличие от первой, по-прежнему была рассчитана не на читателей, а на слушателей, стоя на грани между эпическим сказанием и литературой.

В начале XV века ряд артуровских произведений был создан в Ирландии. Первым стал роман «Приключения Корноухого Пса» (*Eachtra an Mhadra Mhaoil*), в котором Артур и его рыцари сражаются с Рыцарем Лампы, тот бежит, и Балбуад (очевидно, Гавейн) преследует его при помощи откуда-то взявшегося пса. В конце концов рыцарь пойман и вынужден расколдовать пса, который оказывается королем Индии. Роман называет дворец Артура Красным двором, заставляя вспомнить легендарный дворец Красной Ветви, и с чисто ирландской щедростью умножает число рыцарей Круглого Стола до 11 076 душ. Другой роман, «История Архидурня» (*Eachtra an Amadain Mor*), объединяет сюжеты «Персеваля» и «Зеленого рыцаря». Третий, самый оригинальный, носит название «Посещение сероногой дамы» (*Ceilidhe Iosgaide Leite*) и повествует о том, как некий рыцарь Артура загнал на охоте олениху, которая вдруг превратилась в красавицу. Явившись ко двору короля, она объявила, что ее ноги выше колен покрыты серой шерстью, и согласилась показать их, если все придворные дамы сделают то же самое. Оказалось, что у всех их ноги поросли шерстью в наказание за нескромность, и, чтобы вернуть им прежний вид, рыцарям пришлось претерпеть множество приключений. Здесь, как и во многих других случаях, мы видим обычную волшебную сказку, которой обработчики придали легкий артуровский колорит — несомненно, чтобы увеличить ее популярность.

Из Англии и Франции легенды о короле Артуре кругами расходились по Европе, порождая переводы и подражания во многих странах континента. Наиболее активными в этой области были немцы: еще в конце XII века был создан уже известный нам «Ланцелет» Ульриха фон Затцикховена. Его автор был священником в городке Ломмис в швейцарской области Тургау, и однажды в его руки попал англо-нормандский роман в стихах о Ланселоте, оставленный в Германии Гуго де Морвилем — одним из заложников, гарантировавших уплату выкупа за короля Англии Ричарда Львиное Сердце. Ульрих старательно перевел обширное произведение (9400 строк) на верхненемецкий язык, гордясь тем, что не убрал из него ни одного эпизода. Роман сохранил ряд мифологических мотивов, исчезнувших в поздней артуриане; например, Ланселот здесь воспитывается в волшебной Девичьей стране на дне моря, напоминающей Остров женщин из ирландской саги «Плавание Брана». Его приемная мать, Владычица озера, становится здесь «морской феей» (*merfeine*). Побеждая одного за другим своих врагов, Ланселот завоевывает в бою множество женщин, в том числе Гвиневеру, благородно уступленную

Артуру, и Элидию, которую он расколдовал, поцеловав в обличье змеи (параллель к истории Гавейна и леди Рагнелл). В конце концов он побеждает своего врага Клаудаса, становится королем и женится на прекрасной Иблис.

Три ведущих немецких поэта XIII века заслужили свою славу произведениями, посвященными артуровской теме. Первый, Вольфрам фон Эшенбах, стал знаменит своим романом «Парцифаль», о котором мы поговорим позже. Второй, Гартман фон Ауэ, создал романы «Эрек» и «Ивейн» — расширенные пересказы произведений Кретьена де Труа. В них присутствуют архаические элементы, заставляющие предположить прямое знакомство автора с кельтскими легендами или, по крайней мере, их французскими обработками, не дошедшими до нас. Третий поэт, Готфрид Страсбургский, вошел в историю благодаря монументальному роману «Тристан» (1210). Его герой нетипичен для рыцарских романов — он хорошо образован, сочиняет стихи, играет на музыкальных инструментах. Его боевые подвиги остаются в тени — успеха при дворе и любви Изольды герой добивается благодаря своим талантам и приятным манерам. Принято считать, что «Тристан» отражает начавшийся кризис куртуазности, которая оказывается насквозь неискренней, несовместимой с подлинной любовью, что и приводит героев к гибели. Легенда о Тристане особенно полюбилась чувствительным немцам — еще до Готфрида поэт Эйлхарт фон Оберге изложил ее в романе «Тристрант» (1190), возможно, переложив на немецкий несохранившийся роман Кретьена де Труа. На ту же тему написаны «Тристан» Ульриха фон Турхейма (1240), анонимный «Тристан-монах» (1250) и «Тристан» Генриха фон Фрайберга (1285).

Около 1210 года франконский рыцарь Вирнт фон Графенберг написал роман «Вигалоис», посвященной истории сына Гавейна и Флори — того же Прекрасного Незнакомца. Роман австрийца Генриха фон дем Тюрлина «Корона» (*Diu Krône*), созданный около 1240 года, описывает, как волшебница Амурфина, подобно гомеровской Калипсо, околдовала и лишила памяти Гавейна, чтобы удержать его возле себя. Любопытно, что при наличии Ланселота Гавейн является главным героем «Короны» — он освобождает Гвиневеру, плененную чародеем Гасоэйном, и даже добивается успеха в поисках Грааля. По замыслу автора роман выстроен из нескольких почти независимых эпизодов, объединенных именем короля Артура, как драгоценные камни, вставленные в корону.

В середине XIII столетия миннезингеры, укрывшиеся под ремесленными псевдонимами *Der Stricker* (Вязальщик) и *Der*

Pleier (Выдуватель), написали романы «Даниэль из Цветущей долины» и «Гарель из Цветущей долины». В первом из них юный Даниэль преуспевает при дворе Артура и даже обольщает королеву благодаря скорее хитрости, чем силе и отваге; это один из первых примеров вторжения в артуриану нетипичного для нее героя — ловкача и насмешника. Плейеру принадлежит также роман «Тандарейс и Флордибель», гордая героиня которого попросила Артура казнить любого мужчину, который будет добиваться ее любви. Позже, однако, она влюбилась в рыцаря Тандарейса и претерпела немало приключений, прежде чем убедила короля отменить его приказ. Полувеком позже в Рейнской области был создан анонимный роман «Абор и Водяная фея»; его герой, рыцарь Абор, благодаря волшебнице-русалке (*Meerweib*) не только исцелился от ран, но и обрел способность понимать язык зверей и птиц.

Для немецкой литературы особенно характерны усиление фантастических элементов рыцарских романов, сдвиг интереса от войн и поединков к зачарованным замкам, чудовищам и волшебным садам. В анонимном романе середины XIII века под названием «Вигамур» герой увлекается в пучину громадным китом, а потом спасает раненого орла, который становится его верным спутником, как лев у Ивейна. В романе «Плащ», приписанном тому же Генриху фон дем Тюрлину, описано испытание верности придворных дам Камелота при помощи плаща. После этого оригинальные произведения об Артуре в Германии почти не появлялись, сменившись переводами романов Вульгаты и народными балладами, излагавшими артуровские сюжеты с немудреным юмором завсегдатаев пивной. Завершением немецкой артурианы стали компиляции Ульриха Фютрера — вышедший в 1467 году «Прозаический Ланселот» и последовавшие за ним в 1473—1478 годах две «Книги приключений» (*Buch der Abenteuer*), составленные из отрывков Вульгаты и романа Альбрехта фон Шарфенберга «Младший Титурель».

В остальной Европе интерес к артуровской теме был не так велик, и посвященные ей произведения не достигали художественных высот — что не делает их менее интересными с точки зрения «национального» преломления легенды. В Нидерландах поэт Якоб ван Мерлант около 1260 года написал стихотворные романы «История Грааля» (*Historie van den Grale*) и «Книга Мерлина» (*Boek van Merline*), представляющие собой переработки произведений Робера де Борона. Чуть позже были написаны романы «Торек» и «Вальвейн», созданные на основе утерянных французских сочинений и включающие ряд новых моментов — например, волшебный корабль, на ко-

тором герой совершает путешествие в Замок мудрости, имеющий некоторое сходство с замком Грааля. То же можно сказать о небольшом романе «Вальвейн и Кей», написанном в середине XIII века.

В тот же период появился нидерландский перевод свода Вульгаты, из которого сохранился только «Ланселот». В этом обширном тексте содержится интересный вставной роман о приключениях Мориена или Черного рыцаря — сына Агловаля (брата Персеваля) и мавританской принцессы. В поисках отца Мориен, носящий имя полулегендарного французского алхимика XII столетия, прибывает ко двору Артура и становится рыцарем Круглого Стола, а потом делает своего отца королем Аравии. Роман сохранил ряд архаических фольклорных элементов, отсутствующих в исходной версии. Роман Лодевика ван Вельтема «Мерлин» (1326) тоже содержит ряд эпизодов, отсутствующих в его источниках — романах Вульгаты и «Мерлине» Борона. Это, например, история о том, как Артур при помощи Мерлина побеждает могущественного сеньора, отчасти повторяя поединок Пуйла с королем подземного царства в первой повести «Мабиногион». Более «стандартны» романы «Ланселот Пещерный» (1260) и «Ланселот и белоногий олень» (1289), хотя и в них присутствуют оригинальные моменты — например, Ланселот в первом из романов воспитывается феей не в озере, а в волшебной пещере, скрытой от людских глаз.

Чрезвычайно популярные в Испании артуровские романы в основном представляют собой переводы с французского, хотя в них отразились традиции местного фольклора. Например, созданный около 1300 года роман «Книга о рыцаре Сифаре» (*Libro del Caballero Zifar*) описывает сражение Артура с Котом Палугом, происходящее не у острова Англси, а в озере Лузан — явный отголосок предания Вульгаты о схватке короля с монстром, жившим в Лозаннском озере в Швейцарии. В 1313 году монах Хуан Вивес перевел на испанский весь свод Поствульгаты, ставший источником нескольких обширных романов — например, португальских «Поисков Святого Грааля» (*Demanda do Santo Graal*). Популярна здесь была и история Тристана и Изольды, вызвавшая к жизни не менее пяти интерпретаций.

Несколько артуровских сочинений написаны на каталанском языке — например, повесть Гильяма де Торроэллы «Сказка» (*La faula*) или роман «Тирант Белый» (1460), героем которого становится неизвестный другим авторам племянник Артура. Около 1340 года анонимный испанский автор сочинил роман «Амадис Галльский» (*Amadis de Gaula*). Хотя Артура

нет в числе его героев, роман имеет множество параллелей с артурианой, а его герой, влюбленный в королеву, напоминает Ланселота. «Амадис» стал широко известен в переделке Родригеса де Монтальво (1508), но довольно скоро сделался мишенью блистательных насмешек Сервантеса и оказался забыт вместе с другими рыцарскими романами.

Итальянские поэты (Арриго да Сеттимело, Джакомо да Лентини, Гвиттоне д'Ареццо) упоминают рыцарей Артура еще в XII столетии. Около 1280 года этой темы коснулся пизанец Рустичелло, более известный тем, что записал рассказы о путешествиях Марко Поло, с которым сидел в генуэзской тюрьме. Еще до этого он написал по-французски «Роман о короле Артуре» (*Roman de Roi Artus*), больше известный как «Компиляция». Это увлекательно написанное произведение, в котором уже вибрируют струны Возрождения, оставалось популярным в течение нескольких веков. Повлияло оно и на Данте, у которого в пятой песни «Ада» фигурируют Тристан и Ланселот; мелькают артуровские образы и в произведениях Джованни Боккаччо.

В XIV веке начали появляться итальянские переводы романов Вульгаты, известные под общим названием «Круглый Стол» (*Tavola Ritonda*). В них почти нет новых элементов, за исключением позднего романа Никколо дельи Агостини «Тристан и Ланселот» (1515), французский оригинал которого утерян. Там оба героя совершают неоднократные путешествия в подводный волшебный мир, напоминающий кельтский Авалон. Вероятно, артуровские сюжеты распространились в Италии довольно широко, породив ряд местных преданий — например, уже упомянутую калабрийскую легенду о фате (фее) Моргане и тосканскую историю о рыцаре Галгано. Где-то на юге Италии в 1279 году появилось любопытное произведение — роман «Мелех Артус» (Царь Артур), представляющий собой сокращенное изложение Вульгаты на древнееврейском языке, полное цитат из Ветхого Завета. Благодаря итальянским купцам сюжеты артурианы проникли в Византию, но не обрели особой популярности у местных авторов.

В свою очередь, из Германии артуровские сюжеты распространялись на восток, в Польшу и Прибалтику. До нас не дошли сочинения средневековых польских или чешских авторов на эту тему, зато сохранилась белорусская «Повесть о Трыщане» (Тристане), написанная в середине XVI века — вероятно, под польским влиянием, хотя филологи отмечают в ней заимствования из сербского языка. На востоке Европы мотивы легенд об Артуре отразились в декоре ряда старинных построек — например, «Двора Артура» в Гданьске (Дан-

циге), возведенного немецкими купцами в середине XIV века. Тогда же было построено здание «Братства черноголовых» в Риге, также называемое «Двором короля Артура». Есть сведения, что собиравшиеся там представители местной элиты в меру сил подражали рыцарям — например, устраивали пирушки за большим круглым столом.

Даже в Скандинавии, куда континентальная мода проникала с большим опозданием, появилось несколько артуровских сочинений. В 1226 году в Норвегии был сделан вольный перевод романа Тома, известный как «Сага о Тристраме и Изонде» (*Tristramus saga ok Isondar*). Автором его был некий брат Роберт — по всей видимости, англо-нормандский монах цистерцианской обители Лисе в Хёрдаланде. Ему же приписывают также еще четыре артуровских произведения — романы «Ивейн» и «Персеваль» на темы Кретьена, сборник новелл «Стренглейкар» («Струны») на сюжеты лэ Марии Французской и «Сагу о Моттуле», перевод французской поэмы «Волшебная мантия». В предисловии к «Тристраму» говорилось, что инициатором переводов был норвежский король Хокон IV, очарованный образом Артура. Очевидно, с его же легкой руки в Исландии, принадлежавшей тогда Норвегии, появились два варианта истории Тристана — стихотворный («*Tristrams kvæði*») и прозаический («*Saga af Tristram ok Ísodd*»). Еще до этого, около 1200 года, исландский монах Гунлауг Лейфссон написал поэму «Пророчества Мерлина» — вольный перевод сочинения Гальфрида Монмутского.

За пять веков в разных странах Европы вышли в свет до 150 больших и малых произведений об Артуре и его рыцарях — от небольших по объему английских баллад до гигантских сводов наподобие «Персефореста». При этом все сколько-нибудь оригинальные сочинения на эту тему были созданы всего за шесть десятилетий (1170—1230), притом на широчайшем пространстве от Исландии до Кипра. Объяснить этот феномен можно только востребованностью артуровской темы, отвечающей насущным нуждам не только литературного процесса, но и всего средневекового общества, вступившего в новый этап своего развития. Изменяя своих читателей, артуриана менялась сама — в ней довольно быстро произошел переход от поэзии к прозе, от латыни к национальным языкам. Герои, не отвечавшие духу времени, отступали на задний план, заменяясь новыми: так в роли идеального рыцаря друг друга последовательно и довольно быстро сменили Кай с Бедуиром, Гавейн, Ланселот и Галахад.

XV век стал временем самого широкого распространения артурианы — и одновременно ее упадка. Средневековье по-

всеместно уступало дорогу Ренессансу; новые горизонты, открытые повсюду — в географии, в искусстве, в человеческих отношениях, — делали рыцарскую романтику смешной и ненужной. Ускорившийся процесс становления национальных государств побуждал их жителей заменять «чужака» Артура и его рыцарей местными героями. Впрочем, в Англии тот же процесс способствовал дальнейшему росту популярности короля, который явным образом стимулировался сверху. Это началось еще при Генрихе II Плантагенете, быстро осознавшем идеологическую полезность артуровских легенд. Как уже говорилось, именно он по совету неких валлийских бардов приказал монахам Гластонбери искать — и найти! — у себя могилу Артура. Это предприятие могло преследовать две цели — добыть артефакт, подтверждающий славное прошлое британской монархии, и покончить с надеждами непокорных валлийцев на воскрешение короля. Правда, документальных подтверждений участия Генриха в этом деле нет, да и могила Артура была найдена уже после его смерти. Зато есть версия, изложенная, в частности, Майклом Эшли, что запутанная семейная ситуация Генриха повлияла на создание легенды о любви Ланселота к Гвиневере[21]. Историческим аналогом королевы выступала Алиенора Аквитанская, а Озерного рыцаря — знаменитый полководец Уильям Маршалл, которого молва без явных оснований объявила ее любовником (что отразилось в известной английской балладе «Королева Элинор»).

Наследник Генриха, Ричард Львиное Сердце, впитал артуровские легенды, можно сказать, с молоком матери и вдохновлялся ими в своих военных подвигах. В 1191 году, во время Третьего крестового похода, он подарил сицилийскому королю Танкреду меч, который был объявлен Экскалибуром, неведомым путем извлеченным из озера. Судьба этого меча неизвестна, однако преемник Ричарда Иоанн Безземельный, как сообщают хронисты, хранил у себя целую коллекцию артуровских реликвий — включая еще один Экскалибур! Его внук Эдуард I продолжил пополнение коллекции, сопровождая его собиранием британских земель; завоевав Уэльс, он получил «корону Артура» — позолоченный обруч, украшенный самоцветами, — и драгоценный крест Кроес Найдд, содержавший в себе частицу Креста Господня. Судьба этих реликвий, как и других артуровских артефактов, оказалась печальной — в годы Английской революции пуритане продали их на лом вместе с другими королевскими регалиями.

Тот же Эдуард провел торжественное перезахоронение останков короля в Гластонбери. Имя Артура неоднократно ис-

пользовалось им в политических целях — например, в 1301 году в письме к папе Бонифацию VIII он оправдывал будущее завоевание Шотландии цитатами из Гальфрида, говорящими, что шотландские земли принадлежали Артуру. Но самым восторженным поклонником артуровских легенд был Эдуард III, правивший в 1327—1377 годах. После посещения Гластонбери, он попытался воссоздать орден Круглого Стола, приказав в 1345 году изготовить для этой цели громадный дубовый стол — тот самый, что восхищает сегодня туристов в Винчестере. При этом Круглый Стол планировалось поместить в Виндзоре, где, по мнению короля, установил его сам Артур. В 2006 году британские археологи раскопали на территории Виндзорского замка фундамент круглого здания диаметром 60 метров, выстроенного королем для стола, за которым могли сидеть до трехсот рыцарей. Однако по неизвестной причине Эдуард отказался от своего замысла и в 1348 году учредил орден Подвязки (*Order of the Garter*) — старейший на сегодняшний день светский орден, членами которого могут быть не более 25 человек. Хотя происхождение ордена никак не связано с Круглым Столом, его ритуалы вдохновлены артуровскими традициями.

После прекращения династии Плантагенетов и позорного проигрыша Столетней войны Англия погрузилась в череду гражданских войн Алой и Белой розы, продлившихся до 1485 года. Именно это смутное время, когда рыцарские идеалы уступили место корысти и предательству, породило один из величайших шедевров артурианы — роман «Смерть Артура», завершенный около 1470 года. В это время его автор, сэр Томас Мэлори, находился в тюрьме по обвинению в вооруженном грабеже. Долгое время биография писателя была совершенно неизвестна, и только в 1930-е годы историк Дж. Киттеридж смог отождествить его с Томасом Мэлори из Ньюболд-Ревел в графстве Уорикшир. Этот джентльмен родился в 1416 году, а в 1436 году сражался во Франции под началом своего патрона — знаменитого «делателя королей» Ричарда Невилла, графа Уорика. Вернувшись домой, он унаследовал поместье отца и предался обычным занятиям сельской знати — охоте, турнирам и чтению артуровских романов. Однако около 1450 года в карьере Мэлори произошел резкий поворот — его первый раз привлекли к суду за покушение на местного магната, а потом обвинения посыпались как горох из мешка: грабеж, угон скота, изнасилование, разорение монастыря... Не исключено, что часть этих обвинений была надуманной: Мэлори, как и Уорик, был сторонником Йорков, а у власти в то время находились Ланкастеры.

Будущему автору «Смерти Артура» пришлось провести в тюрьме почти двадцать лет. Правда, в 1460 году, когда йоркисты захватили власть, Мэлори вышел на свободу и некоторое время воевал с Ланкастерами на севере. Очевидно, он участвовал в битве при Таутоне в марте 1461 года — самом кровавом сражении войны Роз, воспоминания о котором отразились в волнующем описании Камлана. В 1464 году, когда Уорик поссорился с Эдуардом IV Йорком, его вассал был изгнан из армии и вновь попал в тюрьму — то ли опять за уголовщину, то ли за участие в ланкастерском заговоре. В этот период им и был создан знаменитый роман. Быть может, это не единственное произведение Мэлори — иногда ему приписывается также неумелый рыцарский роман «Свадьба сэра Гавейна и леди Рагнелл», возможно, написанный в молодые годы. В 1470 году Ланкастеры в союзе с Уориком захватили Лондон, Мэлори был освобожден и, вероятно, получил за верность неплохие дивиденды. После смерти, наступившей 14 марта 1471 года, он был похоронен в престижной Ньюгейтской церкви под роскошным надгробием. Смерть спасла его от очередной опалы — ровно через месяц гибель Уорика при Барнете вновь привела к власти Йорков.

Кровавое колесо гражданских войн остановилось только в 1485 году, когда на трон взошла новая династия Тюдоров. С этим событием совпала публикация первого печатного издания книги Мэлори, которую издатель Уильям Кэкстон добыл неведомыми путями. Избавленный от опеки автора, издатель внес в текст некоторые изменения — разделил его на 21 книгу и 507 глав, дав им свои названия, а также сократил почти вдвое кусок, касающийся войны Артура с императором Луцием. Он сопроводил роман своим предисловием, в котором кое в чем поправлял автора — например, писал, что Камелот находился не в Винчестере, а в Уэльсе. О разночтениях между оригиналом и печатной версией ученые узнали только в 1934 году, когда в том же Винчестере была обнаружена авторская рукопись романа.

Сам Мэлори назвал свой труд «Полной книгой о короле Артуре и благородных рыцарях Круглого Стола». Название «Смерть Артура» — плод ошибки Кэкстона, который перенес на всю книгу название ее последней части или «повести». Таких «повестей» в своде восемь, и они, возможно, по замыслу автора представляли собой самостоятельные произведения. Об этом говорит завершение каждой из них латинским словом *explicit*, означающим завершение книги. Вообще латинизмов в тексте мало, зато много французских слов и выражений, хотя Мэлори, плохо знавший язык, беспощадно ис-

кажал их смысл. Поставив целью дать полный свод «достойных доверия» артуровских преданий, автор не вполне справился с задачей — его истории не всегда стыкуются друг с другом, сотни персонажей беспорядочно скитаются по тексту, берутся ниоткуда и исчезают в никуда, вступая друг с другом в хаотичные отношения, сводящиеся обычно к «сшибанию друг друга с коней копьями толщиной с ногу», как сказано в пародии Марка Твена.

Филологи давно выявили источники каждой из частей эпопеи Мэлори. Первая повесть, основанная на французском «Мерлине в прозе», повествует о рождении и воспитании Артура, о его восшествии на трон после эпизода с Мечом в камне, о женитьбе короля и учреждении им ордена Круглого Стола. Вторая повесть основана на аллитеративной «Смерти Артура»; она содержит рассказ о войне Артура с Луцием вплоть до ее победного конца. Вразрез с предыдущей английской традицией, Мэлори «задвигает» Гавейна на второй план, превознося Ланселота как лучшего рыцаря Камелота. Это в полной мере проявилось в третьей повести, скомпилированной из французского «Ланселота в прозе». Герой ее практически безупречен, и даже о его греховной любви к Гвиневере в книге говорится мимоходом; притом автор настаивает, что эта любовь имела платонический характер.

Четвертая повесть, по предположению ученых, основана на утерянной английской поэме о сэре Гарете, который является неузнанным ко двору Артура и путем исполнения трудных заданий добивается звания рыцаря и дружбы сэра Ланселота. Пятая повторяет сюжет французского «Тристана в прозе», занимая почти треть всего романа. Ее герой (у Мэлори — сэр Тристрам) уже появлялся в предыдущих частях, но здесь его жизнь описывается от самого рождения в сочетании с весьма запутанными историями других рыцарей. В итоге автор не выдерживает и бросает повествование на полпути, категорически заявляя: «На этом кончается вторая книга о сэре Тристраме Лионском, которую пересказал с французского сэр Томас Мэлори... Третьей же книги нет»[22]. В шестой повести мир Логрии, прежде находившийся в состоянии расцвета, клонится к упадку. При дворе Артура появляется Грааль, рыцари клянутся отыскать его, но все, кроме трех достойнейших, терпят неудачу. Особенно горько переживает поражение Ланселот, который отныне уже не может считать себя первым рыцарем королевства.

Седьмая повесть, «Книга о сэре Ланселоте и королеве Гвиневере» скомпилирована Мэлори из романа Вульгаты «Смерть Артура» и еще нескольких французских сочинений, изрядно

дополненных его собственной фантазией. Там описывается развитие романа между королевой и Ланселотом, которые пускаются во все тяжкие и несколько раз чудом избегают разоблачения. Стареющий король ничего не хочет видеть и вообще устраняется от дел — как во многих произведениях артурианы, в этой части книги он почти отсутствует. Только в восьмой книге, «Плачевнейшей повести о смерти Артура Бескорыстного», состоится его последний трагический выход на сцену в ходе погубившего Логрию междоусобного конфликта. Мэлори с горечью описывал то, что видел сам — как прежние союзники оказываются врагами, отцы и сыновья бросаются друг на друга с оружием, а на залитом кровью поле битвы правят бал мародеры.

Обаяние созданного автором «Смерти Артура» пышного и трагического мира оказалось таково, что с тех пор им вдохновляются едва ли не все художественные переработки артуровских легенд. Первое издание книги получило широкую популярность, и еще при жизни Кэкстона (умершего в 1491 году) она несколько раз допечатывалась, о чем говорят различия между уцелевшими экземплярами. Этому помог возросший интерес к досаксонской истории Британии, связанный с приходом к власти валлийского рода Тюдоров. На знамени основателя династии Генриха VII красовался красный дракон — символ Уэльса, упомянутый Гальфридом. Генрих считал себя потомком последнего «короля бриттов» Кадвалладра, а заодно и Артура. Артуром он назвал своего первенца, однако юный принц умер в 1502 году, едва достигнув порога совершеннолетия. Наследником трона стал его брат, будущий Генрих VIII, при котором Англия окончательно перешла из средневековья к Новому времени. А Король прошлого и грядущего тем временем продолжал свое призрачное странствие от одного века к другому, неузнаваемо меняясь — и обретая бессмертие.

Глава вторая
НЕБЕСНАЯ ЧАША

В современной околонаучной литературе и романах фэнтези имя Артура неразрывно соединено с Граалем, поэтому нам придется рассмотреть эту тему — притом что даже средневековая артуриана не усматривает прямой связи между королем и волшебным предметом, дающим счастье, исцеление и долгую или даже вечную жизнь. Прообраз этого предмета ученые находят в таинственном «котле изобилия» кельтской

мифологии, который принадлежал ирландскому богу Дагде. Этот котел давал каждому из пришедших на пир героев (очевидно, в загробном мире) его любимую пищу, причем в любых количествах; он считался одним из Четырех сокровищ Ирландии, наряду с копьем Луга, мечом Нуаду и камнем Лиа Фаль, который кричал, когда на него становился законный король острова.

Тот же котел появляется в валлийской повести «Бранвен, дочь Ллира», где им владеет великан-ирландец Лласар Ллесгигневидд. Во время битвы с бриттами «ирландцы разожгли огонь под оживляющим котлом и принялись бросать туда мертвые тела, пока котел не наполнился, и на следующее утро мертвые воины стали такими же, как раньше, кроме того, что не могли говорить»[1]. По-видимому, за тем же котлом Артур и его люди отправились в подземное царство в поэме «Богатство Аннуина»:

В четырехугольной вращающейся крепости
Услышал я песню о чудесном котле,
О котле, что согрет дыханием девяти дев.
Котел короля Аннуина — какова его суть?
Синева и жемчуг украшают его края,
Не варит он пищу для труса, не это его удел.

Из того же ряда упомянутый в «Килухе и Олвен» волшебный ларь (*mwys*) Гвиддно Гаранхира — «во время праздника трижды девять людей находят в нем любую пищу, какую пожелают»[2]. Другую роль играет котел в уже известной нам «Истории Талиесина» — ведьма Керидвен варит в нем зелье мудрости, по ошибке выпитое юным Гвионом. Этот предмет занимал видное место и в кельтском религиозном культе, о чем говорит знаменитый котел из Гундеструпа, найденный в 1891 году в Дании и украшенный мифологическими сюжетами — в том числе сценой оживления воинов путем их бросания в кипящую воду.

Проникновение христианства в кельтские земли естественным образом привело к соединению образов волшебного котла и чаши причастия — одного из главных образов новозаветной символики. О ней с небольшими изменениями повествуют три синоптических Евангелия: «И взяв чашу, благодарив, подал им; и пили из нее все. И сказал им: сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая»[3]. Чаша, из которой Христос и апостолы пили вино на Тайной вечере, стала прообразом литургических сосудов всякой христианской церкви. Среди верующих между тем распространялась легенда, что та самая, первая чаша сохранилась: одни видели ее в Риме, другие — в Антиохии, третьи — в Константи-

нополе. Как любую реликвию, ее окружили легендами; одна из них повествовала, что именно в эту чашу тайный ученик Христа Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого Спасителя.

Трудно сказать, когда и как тема чаши впервые встретилась с циклом артуровских преданий. В литературе самым ранним свидетельством этой встречи стал уже упомянутый роман Кретьена де Труа «Персеваль», начатый около 1185 года. Роман посвящен не Марии Шампанской, как остальные произведения Кретьена, а графу Фландрии Филиппу Эльзасскому. В 1150 году отец последнего Тьерри привез из Святой земли хрустальный сосуд, в котором помещался кусок ткани, будто бы пропитанный кровью Спасителя. Сосуд был помещен в специально выстроенный храм Святой крови Христовой в центре фламандской столицы Брюгге; не исключено, что граф заказал роман о нем популярному литератору для привлечения в город паломников. Задача была выполнена — в Брюгге устремились все, кто не мог добраться до Иерусалима, что способствовало не только обогащению графского семейства, но и росту популярности произведений Кретьена.

Героя романа зовут Персеваль, и он является сыном вдовы — не раз отмечалось, что этим именем называли себя приверженцы ряда сект и ересей, а позже оно перешло к масонам. Покинув мать, юный Персеваль отправляется на поиски приключений и однажды попадает в замок, возле которого богато одетый человек удит в реке рыбу. Вечером Король-Рыбак, как все называют незнакомца, приглашает гостя на пир, во время которого в комнату вносят окровавленное копье, а за ним — Грааль. Кретьен никак не характеризует этот предмет, говоря только, что его несет «очень красивая, стройная и нарядная» дева, и что он «сделан из чистейшего золота» и украшен «разными каменьями, самыми богатыми и драгоценными, какие только можно было найти на суше и на море». Видя это, Персеваль промолчал, боясь прослыть неучтивым, и не задал вопроса о Граале, которого от него ждали — этот вопрос мог бы снять заклятие, лежащее на замке и его хозяине, страдающем тяжкой и неизлечимой болезнью. Продолжив путь, юноша узнает у отшельника, брата Короля-Рыбака, что в Граале находятся Святые Дары, которые не только питают хозяина замка, но и на время исцеляют его боль. Вдобавок отшельник сообщает, что Персеваль сам принадлежит к семейству хранителей Грааля и Король-Рыбак — его дядя. Узнав об этом, юноша клянется не прекращать поисков, в которые включаются и другие рыцари Артура, прежде всего Гавейн.

На этом роман Кретьена, как уже говорилось, обрывается. Он так заинтриговал читающую публику, что за полвека было создано не менее четырех его продолжений. Автором первого из них традиционно (и без особых оснований) считается поэт-рыцарь Вошье де Денен. Его сюжет помимо упомянутой уже вставной повести о короле Карадоке состоит из разнообразных приключений Гавейна, который попадает в замок Грааля и пытается починить найденный там сломанный меч — но сделать это может только тот, кому под силу снять проклятие с Опустошенной земли. Гавейн терпит неудачу и уезжает; то же происходит во время второй его попытки проникнуть в замок Грааля. Он узнает, что меч сломался, когда им убили короля, чье тело он видит в замке — это и навлекло на страну проклятие. Все это объясняет ему брат покойного, страдающий от неизлечимой раны, но на середине рассказа Гавейн засыпает — и просыпается на утесе, стоящем над морем.

Здесь эстафета переходит ко Второму продолжению, которое также приписывается перу Вошье. В нем Персеваль играет в волшебные шахматы с вышедшей из озера девой, которая оказывается феей Морганой; влюбившись в нее, он забывает о своей нареченной Бланшефлер. Фея помогает ему найти замок Грааля, где рыцарь снова видит таинственную процессию и задает вопрос, которого от него ждали. После этого ему удается соединить обломки меча, но в лезвии остается трещина — Король-Рыбак по-прежнему не может исцелиться от своей раны.

Оставшиеся два продолжения, авторами которых считаются Жербер де Монтрей и клирик Манассье, независимо друг от друга продолжают предыдущее повествование. Третье продолжение повествует о новых приключениях Персеваля, который попадает в замок прокаженного короля с двойным именем — Аваллах и Мордрах. На сей раз его болезнь объясняется не раной, а Божьей карой: когда-то он уселся без приглашения за стол Грааля. Имена короля, повторенные позже в романах Вульгаты (там королей двое), напоминают одновременно о правителе эльфов Авалона и предателе Мордреде, но его связь с этими персонажами остается неясной, поскольку действие опять обрывается.

Закончить его удалось лишь в Четвертом продолжении, где Король-Рыбак рассказывает Персевалю историю Грааля и сообщает, что проклятие будет снято, если юноша отомстит тому, кто ранил короля и убил его брата — некоему Партиналю из Красной башни. В других романах этот персонаж, Красный рыцарь, становится также убийцей отца героя; он

явно принадлежит к потустороннему миру, как и другие «красные» герои кельтских преданий. Несмотря на множество волшебных препятствий, Персеваль убивает врага и приносит его голову Рыбаку, который тут же исцеляется, но вскоре умирает, чтобы передать святыню новому хранителю. Вслед за этим Артур коронует Персеваля на трон Грааля, но тот после семилетнего правления передает престол зятю Короля-Рыбака Малону, а сам становится отшельником: «В день, когда Бог забрал его душу, небеса возрадовались, и было великое ликование, а Святой Грааль, копье и серебряный поднос покинули сей мир вместе с Персевалем»[4]. Этот благочестивый финал не слишком согласуется с предыдущими языческими элементами романа; вдобавок его автор представляет героя образцом чистоты, невзирая на все его любовные похождения.

Еще одним продолжением романа по праву можно считать валлийскую повесть «Передур, сын Эвраука», входящую в состав «Мабиногион». Ее герой тоже попадает в чудесный замок, где видит отрубленную голову на блюде и копье, «с которого на пол стекали три кровавые струи». Забыв об этом, Передур совершает многочисленные рыцарские подвиги, влюбляется в красавиц и даже женится на «императрице Константинополя». Однажды он узнал, что увиденная им в замке голова принадлежала его дяде, убитому девятью глостерскими ведьмами, — и тут же отправился в поход на этих ведьм и перебил их всех до единой. Просто и ясно, без всяких чудес с Граалем. При этом в сюжет прокралось немало сюжетов кельтской мифологии — например, те же ведьмы, девять богинь-предсказательниц с острова Авалон, — но волшебного котла среди них нет. По-видимому, его заменяет блюдо с головой, которое несут две женщины — оно напоминает то ли о голове Иоанна Крестителя, то ли о засвидетельствованном многими источниками обычае кельтов хранить высушенные головы врагов в качестве трофеев.

Впервые упомянув Грааль, Кретьен не захотел — или не успел, — сообщить читателям смысл этого понятия, и это пришлось сделать другому автору. Около 1200 года Робер де Борон, поэт из Франш-Конте, завершил «Роман о Граале», которому предстояло стать первой частью впечатляющей трилогии, раскрывающей тайную связь новозаветного предания с историей Европы. Вторая часть, «Роман о Мерлине», дошла до нас не полностью — сохранились примерно половина (502 стиха) этого произведения, а также его прозаический пересказ. Такой же пересказ первой части известен под названием «Иосиф Аримафейский» или просто «Иосиф». По-

следняя часть трилогии, повествующая о Персевале и поисках Грааля, утеряна — от нее осталась только более поздняя прозаическая версия, написанная около 1220 года и называемая «Дидо-Персеваль» по имени Фирмена Дидо, владельца книжного собрания, где отыскалась единственная рукопись романа.

Робер де Борон был клириком при дворе Готье де Монбельяра, бургундского феодала, который в 1202 году отправился в крестовый поход, но добрался только до Кипра. Возможно, Робер путешествовал с ним, поскольку его труды показывают знакомство с топонимикой Средиземноморья и восточной культурой. Борон первым сообщил, что Грааль — это чаша Тайной вечери, которую Иосиф наполнил кровью Христа, придав ей тем самым волшебную силу. За то, что «тайный ученик» похоронил распятого, разгневанные иудеи обрекли его на голодную смерть в темнице, но чудесная чаша много лет питала его. Между тем римский император Веспасиан, заболевший проказой, исцелился при помощи изображения Спасителя (известный образ Спаса Нерукотворного) и решил наказать иудеев за убийство Христа. После взятия Иерусалима он велел выпустить из тюрьмы Иосифа, который передал чашу Брону (Хеброну), мужу своей дочери Енигусы; в поздних романах она получила более благозвучное имя Анна. Для распространения христианского учения Брон вместе с чашей уезжает на Запад, основав общину служителей Грааля. Он — тот самый Король-Рыбак, который в конце жизни должен передать реликвию новым достойным хранителям.

В романе «История Святого Грааля» из цикла Вульгаты чашу в Британию привозит не Брон, а сын Иосифа Аримафейского — Иосиф Младший. Там же появляется волшебная страна Саррас, которую иногда называют «землей сарацинов»; Мэлори сообщает, что она находится рядом с Вавилоном. В то же время, когда Иосиф прибывает в Саррас и обращает его жителей в христианство, эта страна, по-видимому, отождествляется с Британией. Возможно, ее название — всего лишь символ язычества, которое в средние века нередко объединяли с исламом: недаром богами «сарраценов» именуются Тервагант, Махомед, Аполлон и Юпитер.

По одной из легенд, Иосиф и Брон были купцами, закупавшими олово в Британии, поэтому именно этот остров стал конечной целью их маршрута. Однако у Борона речь, похоже, идет не о Британии, а о его родной Франции; именно там Брон изготовил по образцу стола Тайной вечери Круглый Стол, одно место за которым — место предателя Иуды, — было объявлено «погибельным», и занявший его по неосмотри-

тельности грешник Моисей провалился прямиком в ад. В завершение Борон выстраивает генеалогию «семейства Грааля» — к хранению святыни по завету самого Христа («да едины будут три») оказываются причастны также брат Иосифа Петр и сын последнего Ален (Алейн), которые отправились в разные концы света, чтобы нести слово Христа. Интересно, что путь Петра лежал в «долину Аварон» где-то на западе — может быть, имелся в виду монастырь Гластонбери, где во времена Борона уже бытовали легенды об основании обители Иосифом Аримафейским.

Впервые эти легенды зафиксированы около 1125 года в «Истории Гластонберийской обители» Уильяма Малмсберийского, где со ссылкой на некие древние рукописи говорится, что в 63 году н. э. проповедники христианства во главе с Иосифом прибыли в Гластонбери и основали там первую христианскую церковь, посвященную Богородице. Эта легенда сообщает, что Иосиф привез с собой не чашу, а два сосуда с кровью и потом Христа; только в XIII веке эта традиция объединилась с преданием о Граале, привезенным из Франции.

Внешний вид Грааля в романе Борона не описывается, зато излагаются свойства «сосуда добра и красоты»:

Кто знает о сосуде, тот
Его Граалем назовет.
Однако, — был ответ Петров, —
Положен на Грааль покров,
И людям чаша та незрима,
Проходят, не заметив, мимо.
Но праведники входят в дом
И перед чашей за столом
Допущенные все подряд,
На трапезе святой сидят.
А с чашею и рыба тут,
И так завет Христов блюдут...[5]

Романы Робера де Борона полны заимствований из христианских апокрифов. Из «Сказания о смерти Пилата» взят сюжет о чудесном исцелении Веспасиана, из «Отмщения Спасителя» — о том, как Бог питал Иосифа в темнице. Есть здесь и образы кельтской мифологии: например, Короля-Рыбака зовут Брон — почти так же, как великана Брана (Врана) из «Бранвен, дочери Ллира». Согласно этой повести, король Британии, Вран или Бендигейд Вран, пошел войной на ирландцев, чтобы отомстить за обиды своей сестры Бранвен, и был ранен отравленным копьем в бедро. Рана была неизлечима, и Вран велел своим семи спутникам отрезать ему голову и увезти ее на родину, где голова целых семь лет не толь-

ко беседовала с ними, но и чудесным образом питала, став неким аналогом Грааля. После этого ее похоронили на Белом холме в Лондоне, и она защищала остров от вторжения, пока Артур не выкопал ее. По свидетельству триады 37, он сделал это, «поскольку не хотел, чтобы этот остров защищала чья-либо сила, кроме его собственной»[6].

Король-Рыбак, по большинству свидетельств, тоже ранен в бедро, отчего не может ходить. Однако бедра (чресла) — общеизвестный эвфемизм половых органов, и суть раны Короля именно в лишении его производительной силы; потому и страна его теряет плодородие и зовется Бесплодной или Опустошенной землей. Прозвище «Рыбак» (*Pêscheur*) у Кретьена и других авторов объясняется тем, что его носитель из-за увечья лишен таких развлечений, как война и охота, и может только ловить рыбу, сидя в лодке. В ряде источников этот персонаж делится на Короля-Рыбака и Увечного короля; иногда они носят имена Пеллам и Пеллес. В «Иосифе Аримафейском» Робер де Борон называет их Мордреном и Насьеном: оба они ранены, к тому же первый страдает тяжким недугом (скорее всего, проказой), а второй ослеп, без разрешения взглянув на Грааль. Здесь, как и в последующих текстах, рана короля — наказание за грех. Некоторые ученые считают прозвище «Король-Рыбак» результатом ошибки одного из обработчиков легенды, спутавшего старофранцузские слова *pêscheur* (рыбак) и *pecheur* (грешник). Но у прозвища есть и более глубокий смысл — рыбная ловля у кельтов, как и у других народов, была символом поиска сокровенной мудрости, скрытой от людей, как рыба под слоем воды. «Выловив» эту мудрость, герой становится уже «ловцом человеков», подобно Христу, один из символов которого — рыба.

Не менее любопытен образ Персеваля, который в романах Вульгаты назван младшим сыном Пелинора, братом Ламорака, Тора и Агловаля. В других источниках его отца зовут Ален, Блиокадран, Гамурет и т. д. Кельтское происхождение Персеваля следует из прозвища «Галльский», то есть «Уэльский» — местом его рождения в одном из романов назван Синадон, горная Сноудония в Северном Уэльсе. Однако вряд ли стоит на основе этого отождествлять его с Передуром ап Элифером, правившим в VI веке в Эврауке (Йорке). В изначальном варианте герой — классический фольклорный «дурачок», преодолевающий всевозможные испытания, чтобы заслужить славу, богатство и любовь царевны. Имя Perceval переводится как «рази долину», что соотносится с главным оружием героя — копьем; валлийский Передур носил прозвище «Длинное копье» (*paladyr hir*), да и само его имя, воз-

можно, переводится как «стальное копье»*. По мнению ученых, смысл имени — проникновение в скрытую от людей долину, где стоит замок Грааля. Еще один его вариант, Перлесво (*Perlesvaus*), переводится как «потерявший свою долину» — намек на сиротство Персеваля, как физическое, так и духовное; поиск Грааля для него связан как с обретением семьи, так и с осознанием своего назначения. Характерно, что вначале герой, воспитанный в лесу, не знает своего имени и узнает его только в процессе поисков.

Похоже, Персеваль, как и Ланселот, проник в артуровские предания из бретонского фольклора, притом прошедшего обработку французских труверов. В районе Ванна, как указывают Скотт Литлтон и Линда Малкор, бытовали легенды про Перонника-дурачка, который, подобно Персевалю, из не ведающего своего имени дурня становился героем при помощи верного копья и волшебного золотого таза — не святого ли Грааля? Из того, что близ Ванна в V веке жили аланы, авторы заключают, что образ Персеваля имеет аланские корни. Доказательство они видят в том, что отцом героя в ряде текстов назван Ален Толстый, хотя это имя, как уже говорилось, не связано с аланами. Есть и другие версии: индийский ученый Джехангир Кояджи, например, увидел в приключениях Персеваля ряд совпадений с биографией легендарного иранского царя Кей-Хосрова, из чего сделал вывод о восточном происхождении героя и самого Грааля[7]. Об этом писали и другие авторы начала XX века — И. Купер-Оукли, Л. Шредер, Ф. Кампер, — считавшие, что сказания о Граале были принесены в Европу крестоносцами в XII веке.

Чтобы понять генезис легенды, необходимо прежде всего выяснить этимологию слова «Грааль». По самому распространенному мнению, оно происходит от латинского слова *gradalis*, обозначающему большое блюдо, на котором во время пиров подавали рыбу или мясо. Похоже, это значение не единственное, поскольку родственным греческим словом «кратер» именовали глубокую чашу с двумя ручками для смешивания вина с водой. По-провансальски словом *grazal* и сегодня называют кастрюлю для приготовления рагу. Другие версии связывают происхождение слова с латинским *gradale*, переменой блюд в ходе трапезы, или с *cratis* (прилагательное *cratalis*) — корзина, нечто плетеное. Сторонники кельтского происхождения легенды о Граале, напимер Р. Ш. Лумис, выводят это слово из ирландского *croil*, означающего волшеб-

---

* Есть и другая версия, по которой имя Передур ап Эвраук является искажением латинского «претор из Эборака».

ный сундук или корзину королевы Медб. Искусственная этимология Борона, в свою очередь, производит слово «Грааль» от «*ce qui agrée*» (то, что нравится), поскольку волшебная чаша радовала всякого, кто ее видел. Наконец, последняя, популярная в наши дни версия трактует выражение *San Graal* (Святой Грааль) как *sang real* (истинная кровь), исходя из того, что некоторые авторы пишут оба слова слитно: *Sangraal* или, как у Мэлори, *Sangreal.*

Во втором романе трилогии Мерлин излагает королю Артуру и его рыцарям «краткое содержание предыдущей серии», завершая его словами: «Король-Рыбак живет на острове Ирландия, одном из прекраснейших мест мира. Однако знайте, что он пребывает в наихудшем положении из всех, в коих может оказаться человек, поскольку он тяжело болен. Невзирая на старость и немощь, Король-Рыбак не может умереть; ничто не облегчит его мук, пока не явится рыцарь Круглого Стола, который должен мастерски владеть оружием, победить во множестве турниров и пережить приключения, что сделают его имя известным во всем мире. Когда же он пройдет все эти испытания, его допустят ко двору богатого Короля-Рыбака, где он спросит, что есть Грааль и чему он служит. Едва король услышит этот вопрос, как он исцелится, поведает рыцарю священные заповеди Господа нашего и отойдет в мир иной, а рыцарь станет хранителем крови Иисуса Христа. И тогда сбудется пророчество и развеются злые чары, тяготеющие над землями Британии»[8].

Эта «программа действий» осуществляется в третьем романе Борона — вернее, в его варианте, известном как «Дидо-Персеваль». Его герой, сын потомка Брона Алейна, одержал победу на турнире и был посвящен в рыцари самим Артуром. Узнав о существовании Погибельного сиденья, он попросил позволения занять его и сумел добиться своего. Как только он сделал это, в глубинах земли раздался грохот, тьма окутала дворец, и неземной голос объявил, что отныне на страну легло проклятие. Очевидно, что речь идет не только о стране Грааля, но и о Британии, хотя неизлечимая болезнь, судя по роману, постигает только короля Брона. Снять проклятие сумеет только рыцарь, который доберется до замка Грааля, носящего имя Корбеник («благословенное сердце»), и задаст его хозяину нужный вопрос об этом предмете. После этого Персеваль отправился на поиски, при помощи Мерлина отыскал замок, но, как уже говорилось, забыл о вопросе. Только после семи лет скитаний он вновь достиг цели и выполнил все необходимое, что привело к исцелению Короля-Рыбака. В тот же момент при дворе Артура вновь послышался грохот, и рас-

колотое каменное основание Погибельного сиденья опять стало целым. Далее, как и в продолжении романа Кретьена, король уступил трон Персевалю, который провел остаток жизни в молитвах и забрал Грааль с собой на небеса. В завершение Мерлин, поселившись у заброшенного замка Грааля, рассказывает своему учителю Блезу историю поисков святыни.

Романы Робера де Борона сформировали канонический образ Грааля, который с небольшими отклонениями кочевал из одного романа в другой. Особняком стоят лишь немногие сочинения, одно из которых — анонимный роман «Перлесво» (или «Возвышенная история Святого Грааля»), написанный около 1215 года предположительно во Фландрии. Роман начинается рассказом о происхождении Грааля, за которым следует история о том, как Артур, раненый в поединке с Черным рыцарем, был исцелен некой девой, которая предупредила короля об опасности, угрожающей ему и Логрии, если его рыцарям не удастся отыскать Грааль и исцелить с его помощью Опустошенную землю. Начинаются поиски, в которых Гавейн и Ланселот уступают первенство юному рыцарю Перлесво, который достигает замка Грааля — но уже после того, как король Замка Смерти убивает своего брата, Короля-Рыбака, и похищает святыню. Сам Артур прекращает поиски чаши, узнав о смерти Гвиневеры, которую хоронят в Авалоне — судя по тексту, это Гластонбери. После этого король и его рыцари практически исчезают из сюжета, а Мерлин вообще не появляется в нем: как ни странно, вездесущий чародей связан с Граалем только в одном произведении — романе Робера де Борона.

В «Перлесво» со знанием дела описаны оружие, замки, военная тактика, что позволяет считать автором романа члена одного из духовно-рыцарских орденов — по всей вероятности, ордена тамплиеров, который особенно интересовался эзотерикой и тайными знаниями. В одном из эпизодов юного Перлесво-Персеваля встречают в замке тридцать рыцарей в белых плащах с красным крестом. Здесь Королем-Рыбаком оказывается сам Иосиф Аримафейский, «бывший воином Пилата в течение семи лет». Очевидно, дожить до времен Артура, когда происходит действие романа, ему помогают чудесные свойства Грааля. В «Перлесво» немало намеков на алхимию: говорится, например, о «двух мужах, сделанных из меди благодаря искусству некромантии», а также о «головах, сделанных из серебра, и головах, сделанных из меди». Появляется здесь и таинственная Дама Повозки, которая возит на телеге сотни мумифицированных голов, среди которых голо-

ва прародителя Адама. В этих образах иногда видят намек на загадочную голову, в поклонении которой под пытками признавались тамплиеры.

Но и без всяких тамплиеров роман полон странных и отнюдь не христианских образов. Короля приносят в жертву, его детей жарят и съедают, собаки разрывают на куски белого оленя, а потом рыцарь и дева собирают эти куски в золотые сосуды и скрываются в лесу. Сам Грааль предстает в пяти разных образах, о которых «никто не имеет права говорить, ибо секреты этого таинства не должны быть раскрыты, и говорить о них имеет право только тот, кому Бог доверит их»[9]. Назван только один из образов — потир, или чаша для причастия, — но и это всего лишь иллюзия: каждый видящий Грааль видит лишь то, что способен вместить его разум.

В «Перлесво» Грааль недвусмысленно связан с кровавой жертвой: победив врагов, герой «поставил посреди двора большой котел и погрузил туда одиннадцать убитых рыцарей с головой, чтобы вся их кровь стекла туда. После этого он привел Хозяина Болот и поставил его перед котлом, полным крови. Крепко связав ему руки и ноги, он сказал: “Тебя не насытила кровь рыцарей моей матушки, так насыться теперь кровью твоих собственных рыцарей!” И он за ноги опустил его в котел, так что голова его погрузилась в кровь по плечи, и держал его там, пока он не захлебнулся и не утонул»[10]. Перлесво с самого начала не столько ищет волшебную чашу, сколько стремится отомстить врагу — Хозяину Болот, который убил его отца и лишил владений мать. Добившись своей цели, он побеждает некоего Черного отшельника — «величайшего в мире злодея», — после чего уже без всяких препятствий обретает Грааль и становится его хранителем. В конце романа герой вместе с чашей поднимается на волшебный корабль под ярко-красными парусами и навсегда покидает этот мир. Замок достается его кузену Жозеусу, но после смерти последнего приходит в запустение и зарастает лесом. Найти его с тех пор смогли только два рыцаря — и увиденное чудо настолько изменило их, что оба стали святыми.

Еще один образ Грааля рисуется в известном романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль», написанном в стихах на верхненемецком диалекте между 1200 и 1210 годами. Вольфрам был баварским рыцарем, придворным поэтом Германа, ландграфа Тюрингии; помимо «Парцифаля», ему принадлежат рыцарский роман «Вильгельм» и неоконченный «Титурель». В предисловии к самому известному своему произведению он сообщал, что узнал историю Грааля от некоего

провансальца Киота, которому ее, в свою очередь, сообщил некий Флегетанис: «Знаменитый мастер Киот нашел в Толедо среди рукописей первоначальное изложение этой истории, написанное по-арабски. <...> Некий язычник по имени Флегетанис был весьма уважаем за его ученость. Сей ученый муж происходил от Соломона; его родители принадлежали к одному весьма древнему израильскому роду. <...> Изучая созвездия, Флегетанис открыл великие тайны, о которых говорил с трепетом. Он учил, что существовал предмет, именуемый Граалем, имя коего он ясно прочитал по звездам. Ангельское воинство перенесло его на землю, и с тех пор о нем заботились люди, подобные христианам если не по имени, то по духу, и схожие чистотой с ангелами»[11].

Вопрос о том, реальны ли Киот и Флегетанис, вряд ли можно решить однозначно. Во всяком случае, первого из них часто отождествляют с трубадуром Гюйо из Провена, жившим в Шампани и близким к ордену Храма (опять тамплиеры!). Известно, что в 1184 году Гюйо приехал в Майнц на большой праздник по случаю посвящения в рыцари сыновей императора Фридриха Барбароссы и вполне мог встретиться там с Вольфрамом. Знаменательно, что Гюйо был также известным книготорговцем и владельцем скриптория, где переписывались книги Кретьена де Труа. Это может объяснить раннее знакомство немецкого поэта с идеями и образами его французского коллеги; не исключено, что оба они пользовались советами «знаменитого мастера» — это прозвище говорит об учености Гюйо, который мог действительно посещать Испанию и знакомиться там с восточной мудростью, следы которой многие исследователи находят в тексте «Парцифаля».

Вот как Вольфрам фон Эшенбах описывает первое явление святыни своему герою:

И перед залом потрясенным
Возник на бархате зеленом
Светлейших радостей исток,
Он же и корень, он и росток,
Райский дар, преизбыток земного блаженства,
Воплощенье совершенства,
Вожделеннейший камень Грааль...
Да, силой обладал чудесной
Святой Грааль... Лишь чистый, честный,
Кто сердцем кроток и беззлобен,
Граалем обладать способен...[12]

Грааль сопровождает целая процессия: впереди его несут копье, с которого стекает струя крови, далее по очереди входят двадцать четыре прекрасные дамы, несущие свечи, сосуды и драгоценные камни. За ними следует несущая релик-

вию королева, которой автор дает имя Репанс де Шой (на старофранцузском *Repance de Schoye* — «исполненная радости», хотя Вольфрам переводит это выражение как «не знающая гнева).

Для начала Грааль проявляет свойства «рога изобилия»:

Грааль в своей великой силе
Мог дать, чего б вы ни просили,
Вмиг угостив вас (это было чудом!)
Любым горячим иль холодным блюдом,
Заморским или местным,
Известным исстари и неизвестным,
Любою птицей или дичью —
Предела нет его величью.
Ведь Грааль был воплощеньем совершенства
И преизбытком земного блаженства,
И был основою основ
Ему пресветлый рай Христов...[13]

Мы все еще не понимаем, что такое Грааль, но в конце концов Вольфрам раскрывает тайну:

Святого Мунсальвеша стены
Храмовники иль тамплиеры —
Рыцари Христовой веры —
И ночью стерегут и днем:
Святой Грааль хранится в нем!..
Грааль — это камень особой породы:
Lapsit exillis — перевода
На наш язык пока что нет...
Он излучает волшебный свет,
Пламя, в котором, раскинув крыла,
Птица Феникс сгорает дотла,
Чтобы из пепла воспрянуть снова,
Ущерба не претерпев никакого...
Грааль, он тем и знаменит,
Что человечью жизнь хранит.
Тот, кто на камень глянет,
Пусть знает: хоть побьют, хоть ранят,
Семь дней уж точно он не умрет!
Это известно наперед...[14]

Так мы узнаем, что Грааль — это камень. Услужливые комментаторы тут же подбрасывают пояснение, взятое из гностических легенд — не просто камень, а изумруд, выпавший из короны Люцифера в день поражения адского воинства в битве за небеса. Он упал прямо к ногам Адама и Евы и сопровождал первых людей в раю и за его пределами, обеспечивая им здоровье и долголетие. Позже камень был утрачен из-за людских грехов, но поиск его остается задачей всех стремящихся к духовному совершенству. В романе Вольфрама название реликвии искажено то ли из-за незнания авто-

ром латыни, то ли намеренно; оно может читаться как «*lapis ex caelis*» (камень с небес) или «*lapis elixir*» — знаменитый «философский камень» алхимиков. Есть и еще одна трактовка, «*lapis exilis*» (ничтожный камень); Арнольд из Виллановы в своем трактате пишет о «ничтожном камешке, презираемом глупцами, но любимом мудрыми» — это и есть «первоматерия», используемая алхимиками для Великого делания.

Хранителями святыни в романе снова названы тамплиеры, а местом хранения — гора Мунсальвеш, точнее Монсальват (гора спасения). Иногда ее отождествляют с твердыней еретиков-катаров, замком Монсегюр в Пиренеях, хотя он получил свое название (от латинского *mons securus*, «гора убежища) задолго до того, как им завладели катары. Тем не менее не переводятся желающие связать катаров с Граалем и поискать чудесную чашу в окрестностях разрушенного замка. Одним из них был оберштурмфюрер СС и по совместительству историк Отто Ран, действовавший по приказу самого Гиммлера — уверовав в сверхъестественные силы Грааля, глава «черного ордена» пожелал завладеть этим «чудо-оружием». Ран, как и другие, потерпел неудачу и в 1939 году покончил с собой, бросившись с горной вершины в Тироле*.

Гиммлер и другие вожди Третьего рейха весьма высоко ценили роман Вольфрама, в котором проводилась мысль о хранителях Грааля как «расе господ», призванной править миром:

Земной любовью пренебречь
Обязаны Грааля слуги.
Ни у кого здесь нет супруги...
Лишь королю разрешено
Вступать однажды в брак законный,
Христовой верой освященный,
И тем из братьев, коим дан
Приказ в какой-нибудь из стран,
Где нет монарха, по закону
Державную надеть корону...
Храмовники, прибегнув к силе,
Спасенье людям приносили[15].

Раса Грааля управляется живущими неимоверно долго королями, хотя Вольфрам не называет их потомками Иосифа Аримафейского. Сам Король-Рыбак, носящий имя Анфортас (искаженное латинское *infirmitas*, т. е. «бессильный) — сын Фримутеля и внук Титуреля. В родстве с ними состоит и Парцифаль — его мать Герцелойда оказывается сестрой Анфор-

---

* По другой версии, он подстроил свою гибель, скрылся в Италии под чужим именем и умер в 1970-е годы. Альтернативную версию биографии О. Рана см.: *Bernadac C.* Le mystere Otto Rahn. Paris, 1978.

таса и «королевы Грааля» Репанс де Шой. Понятно, что молодой рыцарь становится спасителем Грааля не благодаря своим достоинствам, как у других авторов, а будучи законным наследником трона Мунсальвеша. Его путь к цели оказывается не слишком сложным — с чародеем Клингзором и другими врагами разбираются менее знатные соратники, например, Гавейн. После исцеления Короля и снятия с его земли проклятия Парцифаль естественным образом становится новым правителем Грааля, женится на прекрасной Кондвирамур и рождает сына Лоэрангрина, больше известного как Лоэнгрин.

В свою очередь, хранительница Грааля (и, вероятно, сестра Анфортаса) Репанс де Шой выходит за боевого друга Парцифаля — мулата Фейрефица. Любопытно, что их сыном оказывается легендарный пресвитер Иоанн, царь и священник земель Востока, поискам царства которого в средние века уделялось не меньше внимания, чем поискам самого Грааля. В 1165 году император Фридрих Барбаросса, король Франции и папа римский получили послания от имени пресвитера, что привело к возникновению многочисленных легенд. В них говорилось, что Иоанн правит Индией и владеет бесчисленными богатствами, включая посох с набалдашником из волшебного зеленого камня — явный намек на Грааль. Легендам о пресвитере перестали верить только в XV веке, после первых путешествий европейцев во внутренние районы Азии.

Через несколько лет после «Парцифаля» Вольфрам взялся за роман «Титурель», где на фоне любовной истории прадеда Парцифаля, короля Титуреля, прослеживалась история правителей Грааля от Христа до Лоэнгрина. Этот роман остался незаконченным, и около 1270 года баварский клирик Альбрехт фон Шарфенберг продолжил его своим громадным поэтическим трудом «Младший Титурель» (*Der Jungere Titurel*), который из-за своего объема и запутанности сюжета так и остался не переведенным ни на один язык Европы. Смысловой центр романа — описание строительства королем Титурелем на горе Мунсальвеш (Монсальват) храма Грааля и подробнейшее описание этого храма: «Храм имел вид широкой и высокой ротонды под огромным куполом. Его окружали двадцать две часовни восьмиугольной формы, и над каждой парой часовен поднималась восьмиугольная колокольня шести этажей в высоту. Каждую колокольню увенчивал рубин... а на вершине купола храма находился громадный карбункул, который светился в темноте и указывал путь служителям храма, которые ночью возвращались в замок»[16]. В середине хра-

ма находилась его точная модель, а внутри этой модели помещался Грааль, доступ к которому имели лишь немногие рыцари.

Автор «Младшего Титуреля» соединил версии Борона и Вольфрама, превратив Грааль в камень, упавший с небес, из которого позже была высечена чаша Тайной вечери. Он также изложил оригинальную версию ухода Грааля из мира — когда греховность Запада увеличилась до предела, святыня не пожелала оставаться там, и хранители во главе с Титурелем и Парцифалем отвезли Грааль в Марсельский порт и отплыли с ним на Восток (влияние этой сцены нетрудно заметить в завершении толкиеновского «Властелина колец»). После долгого плавания хранители высадились в неназванной стране, где их встретили живые и здоровые Фейрефиц и его супруга Репанс де Шой, предложившие переправить святыню к пресвитеру Иоанну, «королю трех Индий», живущему недалеко от стеклянной стены, ограждающей рай. Туда же волшебством Грааля был перенесен замок Мунсальвеш, которому суждено оставаться там до Второго пришествия.

В романе фон Шарфенберга идея избранности в служении святыне доведена до абсолюта. На фоне вырождения человечества служители Грааля — единственные, кто сохранили чистоту и должны взять на себя ответственность за погрязший в грехах мир. При этом духовность их весьма сомнительная — «тамплиеры» обязаны всего лишь вести войну с иноверцами, делить с товарищами свою собственность и соблюдать целомудрие. Автор утверждает, что раны целомудренных рыцарей почти мгновенно излечиваются Граалем, а тот, кто нарушит обет, «в тот же день будет тяжело ранен или даже убит»[17]. Жениться может только их король — тот, кому суждено продолжить династию Грааля.

Несмотря на название, роль Титуреля в романе невелика — в основном речь идет о приключениях отца Парцифаля Гамурета и сына Лоэнгрина. Историки предполагают, что этот герой, бывший вначале рыцарем Лораном Гарэном из лотарингских преданий, был вписан в историю Грааля из политических соображений, чтобы польстить влиятельным герцогам Лотарингии. В «Младшем Титуреле» именно он, а не Парцифаль, чудесным образом покидает мир, уплывая на челне, влекомом лебедем, после расставания со своей возлюбленной Эльзой (Эльзам), дочерью герцога Брабанта. Лоэнгрин оказался весьма популярен в Германии — ему посвящены повесть Конрада Вюрцбургского «Рыцарь лебедя» (1280) и анонимная поэма «Лоэнгрин» (1290), не говоря уже о знаменитой опере Вагнера.

Стоит отметить, что главные повествования о небесной чаше появились сразу в нескольких странах Европы на протяжении каких-то 20—30 лет. Дальше наступило время уточнения подробностей, шлифовки деталей, не внесшее ничего нового в понимание сути вопроса. Авторы рыцарских романов во всех подробностях описывали поиски Грааля, почти ничего не говоря о нем самом. Эти поиски, по версии Вульгаты, начинаются с самого основания Круглого Стола, каждый рыцарь которого пытался совершить величайший подвиг — отыскать святыню, способную наделить счастьем и здоровьем не только того, кто ее найдет, но и всю Логрию. Однако перед искателями стоит преграда: достичь Грааля и даже просто попасть в хранящий его замок Корбеник может только чистый духом. Ни Гавейн, ни Ланселот не способны даже приблизиться к реликвии, хотя в процессе поисков узнают ее историю. Повторяя Робера де Борона, авторы Вульгаты излагают сюжет путешествия чаши Тайной вечери на Запад, хотя здесь ее сопровождает не Брон, а сам Иосиф Аримафейский. Грааль хранится в скрытом от глаз посторонних Корбенике до тех пор, пока случайно попавший сюда рыцарь (по одной версии, язычник Варлан, по другой — сэр Балин Свирепый) не наносит Плачевный удар королю замка Пеламу или Пеллесу:

«Оказавшись безоружным, бросился Балин в замковые покои искать себе оружие и бежал из покоя в покой, но не мог сыскать себе меча. А король Пелам все гнался вслед за ним. Наконец очутился он в покое, чудесно и богато убранном... <...> там стояло чудесное копье, украшенное дивным узором. Увидел Балин копье, схватил его, обернулся и бросился на короля Пелама. Он сбил его с ног и нанес ему тем копьем жестокую рану, так что упал король Пелам без памяти. Тут рухнул замок, и стены его, и кровли — все обрушилось на землю. И Балин упал и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, и почти все, кто был в том замке, погибли через тот плачевный удар»[18].

Знаменательно, что здесь правитель, изнемогающий от раны в бедро, носит имя не Брана, а другого героя «Мабиногион» — Пуйла, короля Диведа. Этот древний полубог, имя которого означает «мудрость», так же, как и Бран, мыслился властелином подземного царства (Аннуина) и, возможно, страдал от той же неизлечимой раны. Правда, романы о Граале, в которые проникла христианская идея наказания за грехи, излагают причину ранения короля и опустошения его владений иначе. Впервые эта версия встречается в «Разъяснении» (*Elucidatio*) к «Персевалю» Кретьена, написанном около

1200 года анонимным французским редактором — быть может, тем же Гюйо из Провена. Там говорится: «В Логрии существовал обычай, согласно которому девы должны были встречать путников, идущих по дорогам, и отводить их к источникам. Злой и порочный король Амангонс первым нарушил этот обычай... <...> хотя его долгом было покровительствовать девам и охранять их. Он силой овладел одной из дев, лишил ее целомудрия, отобрал золотую чашу, которую она носила с собой, и заставил каждый день прислуживать себе. С тех пор девы уже не служили путникам». После этого «земля стала мертвой, так что даже на деревьях не осталось листьев. Травы и цветы высохли, а источники иссякли, поскольку не было человека, способного найти двор короля по прозванию Богатый Рыбак»[19].

Здесь о ранении короля ничего не сказано, но в «Парцифале» говорится, что Анфортас, «ослепленный любовью», забыл о своем служении и вступил в поединок с неким язычником, который и нанес ему роковой удар. Любопытно, что такую же рану в романе получает главный враг Грааля Клингзор: «В Сицилии был некогда король Иберт, а одну из его жен звали Иблис. Клингзор служил ей, и она наградила его своей любовью. Когда король застал свою жену с Клингзором, спавшим в ее объятиях, он собственноручно отрубил Клингзору его срамные части, так что тот никогда больше не мог иметь дело с женщинами»[20]. Создается впечатление, что чародей — «темный» двойник Короля-Рыбака, пытающийся завладеть Граалем и поставить его на службу злу. Но у Анфортаса есть и еще один двойник — Артур. Ряд исследователей, начиная с Дж. Риса, рассматривает обоих героев как воплощения кельтского бога Нуаду (Ноденса). Этот бог после получения тяжкого увечья вынужден уступить власть над миром и жену, олицетворяющую ту же власть, молодому сопернику Лугу-Ллеу и удалиться в подземный мир.

В романах Вульгаты сходство Артура и Короля-Рыбака выступает особенно явно. После Плачевного удара король перестает играть активную роль в повествовании и даже на роман своей супруги с Ланселотом смотрит сквозь пальцы — не потому ли, что сам лишился мужской силы? Удар наносит повреждение самой структуре мира, которая магически зависит от здоровья Грааля и его хранителя. Рыцари узнают, что будущему спасителю Грааля суждено исцелить не только Опустошенную землю, но и Логрию.

Таких спасителей в цикле Вульгаты трое. Первый из них — сын Ланселота Галахад, достойнейший рыцарь, рожденный, как уже говорилось, от Ланселота и дочери Короля-Рыбака

Элейны. По отцовской линии он также принадлежит к роду Грааля — его предок, тоже Галахад, был сыном Иосифа Аримафейского. Таким образом, Галахад неразрывно связан с Граалем — уже его прибытие в Камелот сопровождается явлением святыни, одарившей Артура и его рыцарей лучшими в мире яствами. Тогда же по реке в крепость приплыл камень с вонзенным в него мечом, который, согласно сопроводительной надписи, должен был извлечь «лучший в мире рыцарь». Нетрудно догадаться, что это сделал Галахад, став тем самым «небесным» дублером «земного» властителя Артура. Очень скоро он отправился на поиски Грааля и вместе со своими соратниками не только обрел реликвию, но и перевез ее на корабле в город Саррас, аллегорию Царствия Небесного.

После этого Галахад (в начале романа «Поиски Святого Грааля» именно он, а не Персеваль, занял Погибельное сиденье) стал королем Грааля, но эта ноша оказалась непосильной для смертного: успев только обнять товарищей, он скончался. После этого «случилось невиданное чудо: оба его спутника увидели, как из небес появилась рука, которая взяла священный сосуд и копье и унесла их с собой на небеса. С тех пор ни один человек не оказался достаточно отважным, чтобы вновь увидеть Святой Грааль»[21]. Галахад заменил в Вульгате Персеваля в роли идеального рыцаря, соединяющего воинскую доблесть с религиозным рвением. Его имя, восходящее к легендарному Гвальхаведу, одновременно связано с библейским Галаадом — «землей обетованной», которая в средневековой литературе символизирует Христа.

В отличие от безгрешного девственного Галахада второй спаситель, Персеваль, более человечен — он совершает ошибки, впадает в гнев, да и женщин не чурается; хотя традиция также объявляет его девственником, романы (особенно валлийский «Передур») намекают на многочисленные амурные похождения этого рыцаря, а Вольфрам прямо наделяет его семьей. При этом он принадлежит к тем наивным простецам, о которых говорит Спаситель в Евангелии от Луки: «Кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него». Наивность Персеваля в соединении с бесстрашием на пути к цели дает ему силу стяжать Грааль, хотя и для него эта ноша оказывается смертельной. Только третий спаситель, король Борс (Богорт) Ганский, оказывается достаточно крепок, чтобы пережить обладание Граалем. По данным Вульгаты, он после гибели Артура и Круглого Стола отправляется в Палестину сражаться против неверных и там умирает. Так поиски Грааля встречаются с другим великим «квестом» средневековья — крестовыми походами.

Из текста Вульгаты не вполне ясно, удалось ли троим паладинам окончательно излечить Опустошенную землю и ее правителя. Как и у Вольфрама, Персеваль здесь исцеляет Короля-Рыбака, после чего срастается и камень под Погибельным сиденьем. Однако и Король, и Персеваль умирают, династия хранителей Грааля прекращается, а замок Корбеник, похоже, окончательно покидает земную реальность. Братство Круглого Стола, силы которого подорваны долгими бесплодными поисками, губит себя в междоусобных распрях. Оптимизм достижения духовной святыни вступает в противоречие с обреченностью земной гармонии. Тема рока, делающего бессмысленным любые усилия героев, мощно звучит в Вульгате, окрашивая все последующие обращения европейской культуры к теме Грааля.

В Британии эта тема приобрела отчетливый «краеведческий» привкус, служа возвеличиванию вначале монастыря Гластонбери, а потом и всего королевства. Согласно «Хронике о древностях Гластонберийской церкви» Джона из Гластонбери, написанной около 1350 года, Иосиф Аримафейский и шесть сотен его спутников прибыли в Британию для проповеди христианства и поселились в основанной ими обители. После смерти Иосиф был погребен в потайной мраморной гробнице под будущей церковью Богородицы, местонахождение которой скрыто в пророчествах легендарного прорицателя Мелкина, хранившихся в монастырской библиотеке. В этой гробнице, по утверждению Джона, якобы находились и привезенные Иосифом из Святой земли сосуды с потом и кровью Спасителя. Тот же автор выстроил фантастическую генеалогию, объявляющую Иосифа предком Артура сразу по отцовской и материнской линиям. Это делало как британское христианство, так и королевскую власть древнейшими в Европе, к тому же освященными благословением ученика самого Христа.

С течением времени чудесные сосуды соединились в традиции с чашей Грааля, изображение которой помещалось в подземной часовне святого Иосифа под храмом Богородицы. Тогда же, вероятно, прежнее название близкого к монастырю источника Чалкуэлл (меловой колодец) изменилось на Чалис-Уэлл — «Колодец Чаши». Красноватые камни, окружающие источник, породили поверье о том, что здесь спрятана чаша с кровью Христовой. Воде источника приписывались целебные свойства, и даже после разрушения монастыря сюда стекались больные и увечные со всей Англии. В романе Мэлори долина у источника служит местом отшельнического уединения Ланселота и Бедивера после гибели Артура.

К самой теме Грааля «Смерть Артура» мало что добавляет, повторяя в общих чертах романы Вульгаты. Здесь Грааль появляется в Камелоте вместе с его будущим хранителем Галахадом: «Но вот очутилась в зале священная чаша Грааль под белым парчовым покровом, однако никому не дано было видеть ее и ту, что ее внесла. Только наполнилась зала сладостными ароматами, и перед каждым рыцарем оказались яства и напитки, какие были ему всего более по вкусу. И была священная чаша Грааль пронесена через всю залу и исчезла неведомо как и куда»[22]. После этого все рыцари дают обет отыскать чашу, и начинается череда приключений, приведших в конце концов к гибели Логрии. Сам Артур предчувствует это и горько сожалеет: «Я убит вашей клятвой, ибо через нее я лишусь лучшей и вернейшей рыцарской дружины, какая собиралась когда-либо при королевском дворе». Сам он в романе не имеет отношения ни к поискам чаши, ни к династии ее хранителей, что лишний раз подтверждает искусственность традиции, соединившей короля с Граалем.

После Мэлори чудодейственная реликвия вместе со всей артурианой постепенно отступила на второй план. Только в XIX веке романтические поэты и писатели оживили интерес к ней; в «Королевских идиллиях» Теннисона Грааль проходит постоянным контрапунктом, нравственным эталоном, которым герои поверяют свои поступки. Особенный интерес Грааль вызывал в Германии, что было связано с первым научным изданием поэм Вольфрама фон Эшенбаха, предпринятым в 1833 году филологом К. Лахманом. Под влиянием этих произведений композитор Рихард Вагнер взялся за создание оперы «Парцифаль», ставшей наиболее впечатляющим воплощением артуровской темы в музыке. В 1865 году Вагнер, уже написавший оперы «Лоэнгрин» и «Тристан и Изольда», представил изложение «Парцифаля» своему покровителю, королю Людвигу II Баварскому, тоже самозабвенно увлеченному темой Грааля. Однако работа над оперой протекала нелегко, и только в 1882 году, за год до смерти композитора, состоялась ее премьера в Байрейте.

Либретто оперы в целом следует роману Вольфрама, спрямляя некоторые его сюжетные ходы. Чародей Клингзор сумел завладеть священным копьем Страстей Господних и нанести им незаживающую рану королю Грааля Анфортасу. Когда явившийся в замок Анфортаса Парцифаль пробует исцелить короля, Клингзор пытается вначале соблазнить рыцаря при помощи «лесной девы» Кундри, а потом убить его тем же копьем, но в обоих случаях терпит неудачу. Колдовство рассеивается, Кундри перед смертью искупает свои грехи, а

Парцифаля, добившегося своей цели, венчают на царство Грааля. Главное новшество Вагнера — роль Кундри, которая у Вольфрама и в других произведениях фигурирует лишь эпизодически, воплощая соединение внешнего уродства с внутренним благородством и мудростью:

Лицом весьма неблагородна,
Дева знала превосходно
Французский, мавров речь, латынь...
Просвещенной до предела
Она была и овладела
И астрономией небесной,
И геометрией чудесной...[23]

В опере Кундри символизирует греховность сексуального влечения, которую Вагнер считал глубинным свойством женской природы. Именно победа над этим влечением во время сцены поцелуя в заколдованном саду — главный подвиг Парцифаля, делающий его достойным короны Грааля. Второй его подвиг — милосердие, проявленное к Королю-Рыбаку и дающее возможность исцелить и его, и его владения. В этом сочетании безгрешной любви и деятельного милосердия Вагнер видел рецепт излечения современного ему европейского общества, больного эгоизмом и равнодушием.

О том же писал другой выдающийся деятель западной культуры, поэт Томас Стернз Элиот, в своей знаменитой поэме «Бесплодная земля» (1922). В легенде о Граале Элиот видит «дорожную карту» пути к спасению человечества от терзающих его проблем. «Избегать мира, не отвергая его», найти путь от одной человеческой души к другой, от человека к природе, от природы к Богу — единственный способ исцелить раны «бесплодной земли» и вновь сделать ее цветущей. Поэма Элиота глубоко повлияла на целое поколение англо-американских интеллектуалов, включая Уильяма Фолкнера, который в ранней повести «Праздник наступления весны» описал странствия сэра Гавейна из Артгила в поисках девы с «юным розовым лицом и блестящими волосами». Выходец из того же поколения, Джон Стейнбек, в конце своей писательской карьеры написал популярное переложение романа Мэлори — «Деяния короля Артура и его благородных рыцарей», изданное посмертно в 1977 году.

Поиски Грааля не раз становились сюжетом художественных произведений и даже детективов. В романе Умберто Эко «Баудолино» (2000) герой, устав от бесплодных поисков реликвии, выдал за нее деревянную чашку своего отца-крестьянина. Боевик Стивена Спилберга «Индиана Джонс и последний

крестовый поход» (1989) соединил все представления масскультуры о Граале — затерянный в пустыне храм, хранители-крестоносцы и злобные нацисты, охотящиеся за реликвией. В фильме Терри Гиллиама «Король-Рыбак» (1991) герои ищут Грааль в современном Нью-Йорке — и находят спортивный кубок, который ничуть не хуже исцеляет тех, кто в него верит. Сравнительно недавно появился детектив британской писательницы Кейт Мосс (не путать с топ-моделью) «Лабиринт» (2005), две героини которого, разделенные столетиями, ищут Грааль в Пиренейских горах и выясняют, что реликвия представляет собой египетский папирус с записанным в нем секретом долголетия.

В старинной и современной литературе в контекст поисков небесной чаши вплетаются немало любопытных побочных сюжетов. Один из них — судьба сестры Персеваля Диндрейны, давшая материал для одной из «Королевских идиллий» Теннисона. В романе «Перлесво» именно ей вместе с тремя рыцарями доверено отвезти Грааль в Саррас, где святыня должна остаться навечно. По пути они попадают в некий замок, хозяйка которого, больная проказой, заставляет всех проезжающих мимо женщин отдавать ей немного крови для лечения болезни. Охваченная жертвенным порывом Диндрейна отдает даме столько крови, что та выздоравливает, а несчастная девушка умирает. Здесь еще раз подчеркивается связь Грааля с кровью и шире — с жизненной силой. Недаром в том же тексте чаша описана как «кораллово-красная и трепещущая, подобно живой плоти». Не исключено, что изначально хранитель Грааля не только получал от реликвии силы, но и подпитывал ее собственной кровью — или чужой, как это описано в том же «Перлесво».

Итак, у Грааля, при всей его таинственности, вырисовывается целый ряд общепризнанных свойств: питающая и исцеляющая сила, чашеобразность, связь с влагой, кровью и плодородием. Нетрудно увидеть, что все эти признаки ассоциируются с женским началом; хотя уже в кельтской традиции хозяином волшебной чаши (котла) почти всегда выступает мужчина, женщина неизменно находится рядом. Более того — только женщина может без вреда для себя касаться реликвии и нести ее в торжественных процессиях, как это делает «исполненная радости» Репанс де Шой. Еще в конце XIX века под влиянием теорий Фрейда Джесси Уэстон и другие исследователи рассматривали Грааль как атрибут древней богини плодородия, символ ее всепорождающего чрева. В этом контексте рыцарь с его копьем и мечом символизирует небесного или солнечного бога, брак которого с богиней (в свою

очередь, воплощающей «нижнюю» стихию, хтоническую или водную) обеспечивает миру жизнь и процветание.

В кельтской мифологии «мужскую» сторону этой пары представляет бог Луг-Ллеу, разные ипостаси которого воплощают Ланселот, Гавейн и другие рыцари — искатели Грааля. «Женская» сторона — богиня Дану (Дон), она же Ану. В свою очередь, имя Дану, которая считалась матерью богов, связано с индоевропейским названием воды — «дон» или «дан», — сохранившимся в именах таких рек, как Дон, Днепр, Дунай. Солнечный бог является ее сыном, братом, мужем, а иногда и всем сразу. Третьим лишним в этой паре оказывается «темный» бог подземного царства, отец богини или ее незадачливый первый муж, низвергнутый «светлым» соперником. Следы этой коллизии видны чуть ли не в каждой кельтской легенде, и она же формирует историю Грааля в ее первоначальном виде: солнечный герой похищает (освобождает) из подземного царства саму богиню или символизирующую ее чашу, чтобы вернуть плодородие Опустошенной земле.

Любопытный отголосок этой истории содержится в провансальском романе «Джауфре» (*Jaufré*), написанном около 1210 года. В нем молодой рыцарь Артура Джауфре (возможно, то же лицо, что оруженосец Гирфлет) отправился в путь, чтобы отомстить воину Толату, оскорбившему королеву Гвиневеру. В чудесном саду замка Монбрюн он видит шествие красавицы Брюнизанды и ее слуг, которые горько плачут и стонут, но стоит юноше спросить о причине этого, как его начинают избивать. После долгих усилий он узнает, что отец Брюнизанды, король Мелиан, ранен тем же Толатом, из-за чего на девушку и на весь ее край пало проклятие. Джауфре побеждает злодея в поединке, после чего король выздоравливает, проклятие теряет силу, а бывшая Несмеяна выходит замуж за своего избавителя. Увиденная героем процессия знакома нам по другим произведениям, но место Грааля там занимает сама Брюнизанда, имя которой восходит к прозвищу кельтской богини-матери, означающему «белогрудая» (так же переводится имя валлийской Бранвен). Память об этой богине долгое время жила в Окситании, где древние римские дороги называли «дорогами Брюнизанды»; видимо, ей, как и греческой Гекате, посвящались перекрестки — популярные места встречи реального мира с потусторонним.

Христианское влияние усложнило легенду о Граале, дополнив ее мотивом духовного поиска и постижения Бога, для которого необходимы не только сила и смелость, но и целомудрие. Если прежде главную роль в разыскании чаши, по-видимому, играли «солнечные» братья Гавейн-Гвальхмаи и

Гвальхавед (имя которого позже досталось Галахаду), то теперь на первый план выступил новый герой Персеваль, хотя его имя — «рази долину», — идеально соответствует древнему сюжету божественного брака. Предание о Граале еще больше усложнилось, когда к его языческой и христианской составляющей добавилась третья, гностическая, с ее причудливой символикой и навязчивым соблюдением тайны.

А какую же роль во всем этом играет король Артур? Ответ прост — никакой. В романах о Граале он в лучшем случае благословляет рыцарей на поиск и благоговейно наблюдает мимолетные явления реликвии. Подобно тому, как в круг артуровских легенд оказались втянуты разные сюжеты и персонажи, сам Артур в какой-то момент вписался в круг древней легенды Грааля, но в жизни реального «военного предводителя» этот мифический артефакт не играл и не мог играть никакой роли. Искателям «таинственного», желающим хоть как-то сопрягать свои устремления с реальностью, пора смириться с тем, что граалевская эпопея рыцарей Круглого Стола — всего лишь красивая сказка.

Тем не менее поиски «настоящей» чаши Грааля не прекращаются до сих пор. Самый серьезный претендент на это звание — старинный потир, хранящийся в кафедральном соборе Валенсии (Испания). По легенде, еще в 258 году, во время очередных гонений на христиан, святой Лаврентий увез чашу Тайной вечери из Рима и спрятал ее в своем родном городе Уэска (Оска) в Испании, где она хранилась до арабского завоевания. Потом чаша несколько веков пребывала в арагонском монастыре Сан-Хуан де ла Пенья, а с 1416 года находится в Валенсии. Много раз ее приходилось прятать от завоевателей, но чаша уцелела и сегодня является одной из главных христианских реликвий Испании. В 2006 году папа Бенедикт XVI использовал «святую чашу» при совершении мессы, назвав ее «самым прославленным сосудом в мире».

Научное исследование чаши, проведенное в 1960 году, доказало, что она изготовлена в первые века нашей эры на Ближнем Востоке. Артефакт имеет высоту 17 сантиметров и состоит из собственно чаши, вырезанной из цельного куска агата, ножки с двумя ручками в форме змей и массивного халцедонового основания, украшенного жемчугом, рубинами и изумрудами. На основании высечена арабская куфическая надпись, смысл которой неясен — ее переводят как «краснотелесная», «дающая свет», «слава Сыну Марии», а иногда считают названием летней резиденции кордовских халифов — городка Мадинат аз-Захра. Изображение чаши из Валенсии лучше всего соответствует предполагаемому виду Грааля; за-

манчиво предположить, что именно о ней видевший ее провансалец Киот мог рассказать Вольфраму, который был, конечно, волен украсить историю чаши любыми фантастическими подробностями.

Помимо валенсийской чаши, на звание Грааля на протяжении веков претендовали не менее десятка сосудов разной величины, формы и возраста. Один из самых известных — зеленое каменное блюдо Сакро-Катино из кафедрального собора Генуи. Местные легенды утверждают, что оно не только служило Христу и апостолам на Тайной вечере, но и украшало Ноев ковчег и Моисеевы скрижали, а также было тем самым блюдом, на котором лежала отрубленная голова Иоанна Крестителя. В Геную Сакро-Катино попало из Святой земли в годы крестовых походов, а в 1809 году его по приказу Наполеона отвезли в Париж и исследовали, выяснив, что оно сделано не из изумруда, как считалось прежде, а из обычного зеленого стекла. Вероятно, зеленый цвет стал решающим для отождествления блюда с Граалем.

В христианском мире с давних пор бытовали легенды о сосуде Тайной вечери, дающем исцеление и долгую жизнь. В 570 году пилигрим Антоний из Пьяченцы видел этот сосуд в одном из храмов Иерусалима и описал его как чашу из оникса. Галльский епископ Аркульф в 688 году лицезрел эту же реликвию, о чем упомянуто в сочинении «О святых местах» шотландского аббата Адомнана, которое, в свою очередь, цитировал Беда Достопочтенный. Правда, на сей раз сосуд представлял собой серебряный кубок с двумя ручками, а внутри него помещалась губка, с которой распятому Иисусу давали пить уксус. Позже реликвия, по всей видимости, переместилась в Константинополь, перевоплотившись при этом в блюдо. Новгородский архиепископ Антоний, посетивший византийскую столицу в 1199 году, упомянул в своей «Книге Паломник» увиденное им в церкви Святой Софии «блюдо мало мороморяно (мраморное. — *В. Э.*), на нем же Христос вечерял со ученики своими в великий четверг»[24]. Альбрехт фон Шарфенберг также писал в «Младшем Титуреле», что в Константинополе хранится «дивное по красоте и ценности блюдо», которое местные жители почитают за истинный Грааль, хотя оно является всего лишь его точной копией.

Иногда Грааль отождествляют с другой константинопольской святыней — хрустальной чашей с кровью Христовой, которая хранилась в церкви Богоматери Фаросской недалеко от императорского дворца. В 1204 году разграбившие византийскую столицу крестоносцы в числе прочих ценностей захватили и эту чашу, отослав ее в кафедральный собор Труа — то-

го самого города, где незадолго до этого писал свои романы Кретьен. Напрашивается вывод, что рыцари из Шампани целенаправленно охотились за реликвией, воспетой их земляком. В Труа чаша хранилась много лет, окруженная поклонением, пока в 1794 году не была уничтожена бушующими санкюлотами вместе с прочим церковным имуществом. Судьба сосуда из Брюгге, о котором уже упоминалось, оказалась более счастливой — он до сих пор хранится в соборе Святой крови, и раз в год епископ проносит его по городу в торжественной процессии. Почти идентичная реликвия была в 1170 году «чудесным образом» обретена в нормандском городе Фекан, и для ее хранения также выстроили храм Святой крови. Капли крови Спасителя на ткани демонстрируются и в других европейских храмах, но это уже другая традиция, не имеющая прямого отношения к Граалю.

Еще один претендент на звание чаши Тайной вечери — найденный в 1912 году в Антиохии серебряный сосуд, украшенный причудливыми узорами и хранящийся ныне в Метрополитен-музее Нью-Йорка. Правда, ученые в итоге сочли его масляной лампой, сделанной в VI веке в Византии. В конце XIX века Джон Поуэлл, владелец поместья Нантеос в Южном Уэльсе, заявил, что подлинная чаша Грааля хранится у него — реликвию якобы передали его предкам монахи, бежавшие из Гластонбери после разорения монастыря. После этого в усадьбу началось настоящее паломничество; жаждущие исцеления пилигримы лобызали деревянную чашу и даже грызли ее зубами, приведя в весьма плачевный вид. В 1952 году род Поуэллов пресекся, чаша из Нантеоса перешла к другому владельцу и в настоящее время хранится в сейфе одного из британских банков.

Еще одну чашу, на сей раз из голубого стекла, нашли в одном из источников Гластонбери в 1906 году. Находка оказалась в собственности трех экзальтированных подруг — сестер Аллен и Кэтрин Тюдор-Поул, — создавших вокруг нее подобие религиозного культа. Позже выяснилось, что чашу, купленную у антиквара, спрятал в источнике некий доктор Джон Гудчайлд, друг семьи Тюдор-Поул, принявший позже деятельное участие в рекламе «сенсационной находки». Совсем недавно, в 2003 году, историк Грэм Филлипс отыскал в церкви городка Ходнет в Шропшире очередной «Грааль» — алебастровую «чашу Марии Магдалины», будто бы спрятанную в XIX веке антикваром Томасом Райтом. Все эти истории говорят в первую очередь о том, что в наше время тема Грааля вновь обрела немалую популярность.

О том же свидетельствуют предания о спрятанном Граале,

бытующие в разных странах Европы. Только во Франции его искали в Нормандии, Бретани, Пуату, Лангедоке. В департаменте Арьеж в 1930-е годы развил активную деятельность некий Антонин Гадаль, уверявший, что реликвия спрятана в гроте Ломбрива, а сам он принадлежит к роду хранителей Грааля, идущему от Галахада (не случайно Отто Ран в те же годы искал чашу именно в Арьеже). В Великобритании к главному претенденту, монастырю Гластонбери, в последние годы добавилась церковь Святого Матфея в шотландском Рослине, выстроенная в XV веке и украшенная множеством оккультных символов. В США бытуют свои легенды: по одной из них, небесная чаша спрятана тамплиерами на пустынном острове Оук у берегов Канады, по другой — ирландскими революционерами в сельской церквушке в штате Миннесота. Жители Акокика в Мэриленде убеждены, что Грааль еще в XVII веке привез в их городок капитан Джон Смит, известный в массовой культуре как возлюбленный индейской принцессы Покахонтас. Все эти истории носят откровенно коммерческий характер, и в ближайшее время стоит ожидать появления новых легенд о чаше, спрятанной... ну, например, в Сибири.

Конечно, Грааль мог быть не только чашей, но и блюдом — эта версия проводится в «Передуре» и еще некоторых сочинениях. Мог он быть и копьем, которое тоже появлялось в различных текстах; по легенде, это было копье римского сотника Лонгина (что, собственно, и значит «копьеносец), поразившее распятого Иисуса. Это орудие смерти и одновременно Воскресения является самостоятельной христианской реликвией, никак не связанной с чашей Тайной вечери; согласно разным преданиям, оно хранится то ли в венском замке Хофбург, то ли в армянском Эчмиадзине. В европейской традиции это копье носит имя Сангрель (кровавый), весьма напоминающее «Сан-Грааль». В то же время в кельтской традиции тоже немало волшебных копий — например, пылающее копье ирландского бога Нуаду или копье Луга (тоже пылающее), доставленное из легендарного города Гориас.

Граалем или связанным с ним предметом мог считаться и меч — например, у Вольфрама перед появлением реликвии в зал вносят два кинжала (*zwei mezzer*). Правда, это ошибка перевода — старофранцузское слово *tailleoirs* означает не «кинжалы», а «поднос» или, точнее, разделочную доску, что намекает на питающие свойства святыни. В других романах меч фигурирует в качестве «заместителя» чаши — например, Гавейн в продолжении «Персеваля» оказывается не в состоянии починить сломанный меч и поэтому терпит неудачу в поисках Грааля. Нетрудно заметить, что все перечисленные предме-

ты — чаша, копье, меч и камень — совпадают с четырьмя святынями ирландского язычества, а также с четырьмя мастями карт таро: кубки (чаши), жезлы, мечи и диски. Уже не раз отмечалось, что эти образы соответствуют четырем стихиям: чаша — вода, копье — огонь, меч — воздух, камень — земля.

Все эти совпадения многозначительно упоминаются в сочинениях тех авторов, что пытаются рассмотреть легенду о Граале в качестве стержня традиции, ведущей от древнего европейского язычества к современным оккультным течениям через тамплиеров, катаров и розенкрейцеров. Тамплиеры, как уже говорилось, прямо названы хранителями Грааля в романе Вольфрама; кроме того, в их символике причудливо повторяются мотивы чаши, копья и отрубленной головы. В Шинонском замке, где были заключены перед казнью вожди ордена Храма, позже были обнаружены граффити с изображением тех же четырех ипостасей Грааля: копья, меча, камня и сердца, которое заменяет чашу так же, как это произошло в современных картах, где «сердца» (черви) пришли на смену прежним «чашам». Что касается катаров, то их связь с Граалем и тамплиерами прослеживается разве что на уровне общей символики, но для любителей «таинственного» эта связь давно уже сделалась общим местом. Верил в нее и аббат Беранже Соньер, который в 1885 году начал загадочные раскопки в деревушке Ренн-ле-Шато у подножия Пиренеев, находящейся совсем недалеко от развалин катарской цитадели Монсегюра. Якобы найденные им документы легли в основу нашумевшей книги британских авторов Генри Линкольна, Ричарда Лея и Майкла Бэджента, вышедшей в 1982 году под названием «Святая кровь и Святой Грааль».

Выводы авторов книги были столь же сенсационны, сколь и недоказуемы. Они утверждали, что под Святым Граалем (он же «святая кровь») имелись в виду не артефакты, а живой человек — ребенок Христа от Марии Магдалины. Потомками этого ребенка будто бы стали короли из династии Меровингов, а также французское семейство Плантаров, взявшее на себя роль наследственных хранителей «святой крови». Последний представитель семьи Пьер Плантар, нарушив обет молчания, поведал исследователям историю «Сионского приората», который на протяжении веков хранил оккультные тайны под прикрытием орденов тамплиеров, розенкрейцеров и масонов. К его магистрам причислялись Леонардо да Винчи, Исаак Ньютон, Виктор Гюго и даже Жан Кокто. Те же ошеломляющие «открытия» повторены в детективном романе Дэна Брауна «Код да Винчи» (2003) и в созданном на его основе голливудском боевике. Мусолящим сенсацию журна-

листам дела нет до того, что никакого «приората» никогда не существовало, что Пьер Плантар — банальный фальсификатор, а Лувр, церковь Сен-Сюльпис и часовня в Рослине не имеют никакого отношения к Граалю.

В оккультных кругах Запада не прекращаются и попытки более серьезного «освоения» легенды о Граале. Рене Генон и Джулиус Эвола считали волшебную чашу краеугольным камнем «гиперборейской традиции», идущей от легендарных атлантов. По их мнению, возрождение граалевской легенды в XII веке было связано с попыткой духовного переустройства Европы, предпринятой рыцарством в союзе с «передовой» частью духовенства — прежде всего, цистерцианским орденом и его основателем Бернаром Клервоским. Если отвлечься от гиперборейских фантазий авторов, эта версия имеет под собой почву — иначе трудно объяснить одновременность (XII век) церковной реформы, предпринятой святым Бернаром, возникновения военно-монашеских орденов тамплиеров и госпитальеров и появления первых легенд о Граале. Особенно многозначительны в этой связи два факта: тесная связь Бернара с основателями ордена Храма и создание в цистерцианских монастырях канонических текстов артурианы — романов Вульгаты[25]. Не исключено, что пропаганда «идеального» рыцарства и впрямь была умело срежиссирована, однако направляли эти усилия не оккультисты, а вполне практичные политики — церковные и светские.

Дань теме Грааля отдал и основатель антропософии Рудольф Штейнер, считавший стражами небесной чаши мертвецов — точнее, эфирные души, проходившие первое время после смерти своего рода «послушание» в качестве хранителей святыни. Развивая идеи Штейнера, немецкий инженер Оскар Эрнст Бернхардт основал в 1929 году в Австрии «Движение Грааля» или «Белую ложу», которая до сих пор имеет десятки тысяч приверженцев в разных странах (в 1990-е годы ее «писание» под названием «К свету Истины» вышло и по-русски). Бернхардт объявил Грааль символом духовного совершенства, достигаемого путем последовательных перерождений; сам основатель секты, по его утверждению, пребывал когда-то в теле арабского принца Абд-ру-Шина, а потом — Парцифаля. В последние годы тему Грааля активно эксплуатируют супруги Джон и Кэтлин Мэттьюз, основатели так называемого Трансперсонального института. Во множестве книг они рассматривают легенды о Граале и короле Артуре как проявление универсальных архетипов человеческого сознания, создавая на их основе как квазинаучные теории, так и вполне конкретные методики психологического тренинга[26].

На этом остановимся. Все изложенное может привести только к одному заключению: в прошлом и настоящем нет ничего, что не было бы связано с Граалем. Этот «ценный» вывод ставит небесную чашу в ряд таких вещей, как НЛО, торсионные поля и теория академика Фоменко — как правило, о них рассуждают взлохмаченные люди с опасным блеском в глазах. Что ж, можно оставить реликвию им на растерзание, тем более, что она, как уже говорилось, не имеет никакого отношения к реальному Артуру и его эпохе. Напоследок отметим, что поиски Грааля, при всей их очевидной бесплодности, будут продолжаться еще долго — пока люди в состоянии стремиться к чему-то, выходящему за пределы их сиюминутных забот.

Глава третья

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

История любит парадоксы, и случай Артура — не исключение. Не умея читать и писать, не интересуясь вымыслами бардов, бриттский полководец оказался обязан своим бессмертием исключительно литературе. Она заставила потомков его противников и гонителей его народа подражать его деяниям и с восторгом следовать обычаям его двора — естественно, выдуманным. Подобно эпидемии, слава короля перебрасывалась из Англии на континент и обратно, охватив в XX столетии весь мир. А ведь незадолго до этого казалось, что кельтского героя окончательно сдали в архив — «галантному веку» он даже в рыцарско-куртуазном обличье казался слишком грубым, слишком воинственным и, как ни странно, слишком идеалистичным. Свою лепту внесла и наука, которая, едва встав на ноги, взялась за критическое переосмысление средневековых легенд, не оставив от них камня на камне.

Напомним, что на исходе средневековья Артур оказался практически забыт во всей Европе, кроме Англии, поэтому как восхваление его, так и развенчание происходили с тех пор в основном на британской почве. Тем и другим здесь, как и прежде, занимались не только поэты, но и историки — в особенности антиквары, кропотливо изучавшие наследие древности. Первым из них был уже упомянутый Джон Лиланд, ученый-гуманист, благодаря близости ко двору получивший от Генриха VIII Тюдора ответственное поручение — провести перепись памятников старины во всех графствах Англии и Уэльса. Это случилось в 1533 году, когда король, только что

сменивший католицизм на новую англиканскую религию, готовил роспуск монастырей и конфискацию их имущества, включая старинные рукописи и реликвии. Чтобы монахи не сумели ничего спрятать, требовалась точная информация об их сокровищах, которую в изобилии дали многолетние труды Лиланда. Когда по его «наводке» королевские чиновники нагрянули в обители, вывозя самое ценное и беспощадно уничтожая остальное, антиквар пришел в ужас. Выданная Генрихом охранная грамота позволила ему спасти немало манускриптов и произведений искусства, но многое погибло безвозвратно. От пережитых потрясений Лиланд помешался и умер в 1552 году, не закончив свой главный труд — многотомные «Путевые записки» (*Itinerary*). Они были изданы только в 1709 году и обогатили артуроведение ценными данными — апример, предположением о тождестве Камелота и Сауз-Кэдбери.

Помимо «Путевых записок», касающихся Артура только вскользь, Лиланд написал два небольших сочинения, специально посвященных королю. Оба они стали ответом итальянцу Полидору Вергилию, издавшему в 1534 году свою «Английскую историю». В первой книге этого объемистого труда Вергилий подверг гуманистической критике Гальфрида Монмутского и других средневековых авторов, поставив под сомнение реальное существование двух главных героев британской древности — Брута и Артура. Он указал, что сведения Гальфрида об Артуре совершенно недостоверны, а могила последнего в Гластонбери, скорее всего, является подделкой. Эти резонные сомнения вызвали гнев патриотически настроенных ученых, к которым относил себя и Лиланд, заявивший в одном из сочинений: «Я считаю долгом приумножать честь и славу моей страны, как только могу».

Уже в 1536 году антиквар написал труд «Похвала и защита Гальфридова Артура против Полидора Вергилия», вошедший позже в состав трактата «О знаменитых мужах» (*De Viris Illustribus*). Аргументы этого сочинения были повторены в изданном в 1544 году трактате «Рассуждения об Артуре», где были собраны и осмыслены все известные к тому времени факты о короле. Там говорилось о кресте Артура в Гластонбери, о его печати в Винчестере (с надписью «Патриций Артур, император Британии, Галлии, Германии и Дакии», то есть Дании), о реликвиях Ланселота и Гавейна в Дуврском замке и других неопровержимых, по мнению автора, доказательствах. Не довольствуясь прозой, Лиланд посвятил Артуру прочувствованные латинские вирши. Его доводы убедили большую часть образованных англичан, и синьор Полидор, покусив-

шийся на национальные святыни, был вынужден отбыть обратно в Италию.

Во второй половине XVI столетия миф об Артуре по-прежнему воодушевлял британцев, отважно пустившихся в заморские авантюры и вступивших в схватку с испанской «Непобедимой армадой». Казалось, вернулись времена рыцарства, хотя на сей раз во главе нации стоял не король-воитель, а женщина — Елизавета I Великая. Она не устраивала, как ее отец Генрих VIII, турниров и пирушек в антураже Круглого стола, однако артуровские реминисценции пронизывали всю идеологию ее царствования. Как обычно, это нашло отражение в двух плоскостях — научной и литературной. Первую представлял придворный историограф Уильям Кэмден, издавший в 1586 году на латыни масштабное историко-географическое описание острова под названием «Британия» (*Britannia*). Это сочинение, снабженное гравюрами и картами, выдержало за короткий срок семь изданий, а в 1610 году было переведено на английский язык. Пафос Кэмдена заключался в прославлении британской монархии и проведении непрерывной линии ее преемства от Брута, Амброзия и Артура до «королевы-девственницы».

В том же русле действовали и другие елизаветинские ученые; например, знаменитый алхимик и адепт «тайных наук» Джон Ди выдвинул версию колонизации Артуром берегов Северной Америки, тем самым доказывая исконное право англичан на этот континент. В его неопубликованном сочинении «Границы Британской империи» (1577) описывались вымышленные путешествия британцев в Новый Свет, начатые около 530 года по приказу Артура (характерно, что Ди, валлиец по происхождению, назвал Артуром своего первенца). Похоже, у Ди были предшественники: картограф Герард Меркатор в примечаниях к своей карте мира 1569 года сообщал, что по приказу Артура был открыт даже Северный полюс! При этом Меркатор, как и Ди, ссылался на утерянное сочинение «*Inventio Fortunata*», пересказанное в XV веке брабантским монахом Якобусом Кнойеном. Там говорилось, что король, завоевав Норвегию, велел отправить на север, во «внешние моря», четыре тысячи человек на кораблях для поиска и заселения новых земель, в число которых входили Исландия и Гренландия.

В литературе «золотого века» Елизаветы артуровская тема обрела воплощение в громадной эпико-аллегорической поэме Эдмунда Спенсера «Королева фей» (*The Faerie Queen*), полностью опубликованной в 1596 году. Ее заглавная героиня — конечно же Елизавета, представленная сразу в несколь-

ких образах: царственной Глорианы, кроткой Бельфебы, воинственной амазонки Бритомартис. Артур тоже играет существенную роль в первой части поэмы, где говорится о его воспитании, приходе к власти, битвах с великанами и прочими врагами Британии. Потом он отступает на второй план, а там и теряется совсем — слишком уж сложно представить его галантным обожателем королевы, а в елизаветинском эпосе расклад мог быть только таким. Тем не менее, Артур в поэме оставался главным протагонистом многоликой героини, идеалом рыцаря и властелина. Не забыты и его сподвижники — Спенсер упоминает Мерлина, Тристана, Утера и делает неожиданное родословное открытие, производя по прямой линии от Артура правящую династию Тюдоров. Это не помогло поэту вернуть расположение королевы, недовольной его игривыми сонетами — он был удален от двора и умер в бедности.

Как ни странно, в известных нам пьесах Шекспира нет ни одного упоминания об Артуре. Между тем главный источник его познаний об английской истории — Рафаэль Холиншед, составивший в 1577 году компилятивные «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии», — пишет о короле много и восторженно, опираясь главным образом на Гальфрида. Возможно, драматург услышал о критике Полидора Вергилия или сам прочел сочинение итальянца, после чего решил не связываться с таким сомнительным персонажем, как Артур. Однако в те же годы последний все-таки появился на сцене — в пьесе Томаса Хьюза «Злоключения Артура» (*The Misfortunes of Arthur*), вдохновленной античными образцами трагедии о смерти короля из-за предательства Мордреда. В феврале 1588 года пьесу разыграли в Гринвичском дворце перед самой Елизаветой, причем роли в ней исполняли не только актеры из труппы Хьюза, но и придворные, включая самого Фрэнсиса Бэкона. Трагедия понравилась королеве и, возможно, оказала влияние на написанного вскорости «Гамлета» — Мордред в ней напоминает датского принца, только злого, и призрак тоже появляется, но это призрак Горлойса Корнуэльского, убитого Утером и жаждущего мести.

В 1568 году секретарь королевы Роджер Эшем с неодобрением писал о «Смерти Артура»: «Эта книга изгоняет из покоев государей Библию». Однако с окончанием елизаветинской эпохи призрак рыцарства покинул англичан, сменившись духом наживы, нетерпимости и ханжества. Неистово спорящие между собой англикане, пресвитериане и пуритане видели свой исторический идеал в ветхозаветном Израиле, а в сторону «веселой старой Англии» если и оглядывались, то только чтобы бросить в нее лишний комок грязи. Истории об Ар-

туре спустились на фольклорный, часто комический уровень, как показывает изданная в 1621 году «История Тома Большого Пальца» (*History of Tom Thumb*) — обработка народной сказки о храбром мальчике-с-пальчик, ставшем рыцарем Круглого Стола. Артуровский двор в этой истории представал сборищем веселых пьяниц и распутников, первый из которых — сам король. Позже, в 1730 году, Генри Филдинг развил этот сюжет в издевательской «Трагедии трагедий», где в карлика одновременно влюбились жена и дочь Артура с нелепыми именами Доллалолла и Хункамунка. Когда Тома съела корова, принявшая его за гороховый стручок, все прочие персонажи, включая короля, от горя покончили с собой.

От насмешек над монархами англичане, как это нередко бывало в истории, перешли к расправе над ними. Отрубив голову Карлу I Стюарту, вожди революции продали с торгов тысячелетние регалии британской короны, включая и те, что были связаны с именем Артура. Тогда же фанатики-пуритане разграбили церковь в Гластонбери, что привело к исчезновению «артуровского креста». Реставрация монархии оживила интерес к славному прошлому — на свет явилась опера «Король Артур», созданная великим Генри Перселлом на стихи знаменитого поэта Джона Драйдена. Сюжет ее был оригинальным: Артур и король саксов Освальд сражались за руку прекрасной Эммелины, дочери герцога Корнуолла. Обоих противников поддерживали маги, причем саксонский чародей Осмонд двинул в бой ледяного демона, которого можно было победить только одним оружием — любовью. К несчастью, это пышное действо аллегорически прославляло династию Стюартов, и после ее свержения опера попала в немилость — ее премьера в 1691 году прошла почти незамеченной, несмотря на прекрасную музыку Перселла.

Ненамного большим был успех героических поэм Ричарда Блэкмора «Принц Артур» и «Король Артур», изданных в 1695—1697 годах. На сей раз в образе Артура автор, врач по профессии, вывел противника Стюартов, короля Вильгельма III Оранского, чем добыл себе дворянство и звание придворного лейб-медика. Рассерженный Драйден обвинял Блэкмора в плагиате и язвил, что в его стихах слышен скрип колес экипажа, в котором они сочинялись между визитами к пациентам. За этой перепалкой поэмы были благополучно забыты, что возвестило не только длительный — почти полтора века, — перерыв в развитии английской артурианы, но и конец эпохи барокко, на смену которой спешил классицизм.

Рассудочно-холодному, расчисленному до последней строки и ноты искусству «века просвещения» средневековье

представлялось бессмысленным хаосом, недостойным внимания. То же отношение сохранялось в XIX столетии, когда промышленный переворот стремительно превратил Англию — теперь уже Великобританию, — в «мастерскую мира», страну заводов, шахт и железных дорог. Обогащение дома или в колониях считалось теперь единственной достойной целью, рыцарские идеалы, Круглый Стол и Святой Грааль сдали в архив вкупе с прочими устаревшими ценностями. В этих условиях Артура и Мерлина вспоминали только изгои официальной культуры — например гениальный поэт и художник Эдвард Блейк. Неудивительно, что возрождение интереса к средневековью, в том числе к Артуру, началось на кельтских окраинах, которые, упрямо культивируя свое отличие от Англии, вспомнили о героях древности. В 1760 году шотландский учитель Джеймс Макферсон опубликовал знаменитые «Поэмы Оссиана», приписанные барду III века Оссиану (Ойсину), сыну легендарного Финна мак Кумала. Экзотический колорит и аура древности прославили поэмы по всей Европе, и мало кого волновало, что их довольно скоро разоблачили как подделку, созданную самим Макферсоном (правда, на основе подлинных шотландских баллад).

Менее известным, но не менее талантливым фальсификатором был каменщик-валлиец Эдвард Уильямс, больше известный под «бардическим» псевдонимом Иоло Морганног. В 1790 году он перебрался из родного Гламоргана (Морганнога) в Лондон, где прославился среди любителей старины своими публикациями творений валлийских бардов, объединенными в трехтомную «Мивирианскую археологию Уэльса» («*The Myvyrian Archaiology of Wales*», 1801—1807). Копируя старинные рукописи, найденные в церквях и частных собраниях, Иоло не мог удержаться от искушения «улучшить» их, чтобы проиллюстрировать свою любимую идею о незапамятной древности кельтского язычества и неразрывно связанной с ним поэзии бардов. Постепенно он перешел к прямым подделкам, которыми в значительной мере был заполнен двухтомный труд «Барды» (*The Barddas*), изданный посмертно. Войдя во вкус, он изобрел «кольбрен» — «древесный алфавит» валлийских бардов, схожий с ирландским огамом. В 1792 году Иоло и его приверженцы созвали в Лондоне первый «горседд» — бардовский фестиваль, вошедший с тех пор в традицию. После смерти энтузиаста его дело продолжил сын Талиесин Уильямс, издавший рукописи отца под титулом «*Iolo Manuscripts*». В подлинность данных Иоло поверили многие ученые, что внесло невероятную путаницу в британскую кельтологию. Надо сказать, что в основном он увлекался ду-

ховной сферой, бардами и друидами, поэтому лишь малая часть его фальшивок касается Артура.

Другие британские любители старины вели себя более ответственно, не опускаясь до подделок. Им принадлежит заслуга открытия и публикации многих средневековых источников — епископ Томас Перси в 1792 году впервые издал старинные английские и шотландские баллады, а антиквар Джозеф Ритсон в 1802 году выпустил трехтомное издание английских артуровских романов («*Old English Metrical Romances*»). В следующем году Ритсон, подобно несчастному Лиланду, помешался и умер, и только в 1825 году была издана его «Жизнь короля Артура согласно древним историкам и подлинным документам» — научный труд, рассмотревший все известные к тому времени артуровские источники, кроме кельтских. Включение последних в орбиту артуроведения было еще впереди; только в 1849 году завершилась публикация первого английского перевода «Мабиногион», предпринятого Шарлоттой Гест, а в 1868 году Уильям Скин издал перевод древнейших памятников валлийской поэзии («*The Four Ancient Books of Wales*»).

К тому времени неприязнь к средневековью в британском обществе сменилась модой на него. Вслед за «Поэмами Оссиана» бестселлерами стали исторические романы Вальтера Скотта — первые из них вышли в годы войны с Наполеоном, оживившей рыцарский дух англичан. Еще до этого, в 1813 году, Скотт издал поэму «Трирменская невеста» (*The Bridal of Triermain*), одна из сюжетных линий которой была посвящена роману короля Артура и чародейки Гвендолин, едва не погубившему Логрию. В 1816 году усилиями Роберта Саути впервые за два века была переиздана «Смерть Артура» Мэлори, которую с восторгом читали молодые романтики. В 1829 году известный писатель Томас Лав Пикок, благодаря жене-валлийке знакомый с кельтской традицией, издал роман «Злоключения Эльфина» (*The Misfortunes of Elphin*), в котором главным чародеем Артура оказывается не Мерлин, а Талиесин. В 1848 году не менее известный романист Эдвард Булвер-Литтон опубликовал поэму «Король Артур», имевшую большой успех. В 1858 году вышла книга Томаса Булфинча «Век рыцарства» (*The Age of Chivalry*) — образцовое переложение артуровских легенд для детей.

С середины XIX века на читателя хлынула настоящая волна произведений о короле, названная позже «артуровским возрождением». В то время в Англии наступила викторианская эпоха, связанная для немалой части населения с небывалым прежде уровнем достатка и комфорта. Жадно потреб-

ляя ставшие доступными блага, английский средний класс в то же время тосковал по приключениям, поискам, пылкой любви — проще говоря, по романтике. Одни утоляли эту жажду в колониальных авантюрах, другие — в мистических опытах вроде теософии и спиритизма. Третьи, которых было больше всего, обращались к прошлому, сулившему захватывающие приключения без всякой опасности для жизни и здоровья.

Самым известным деятелем «артуровского возрождения», как и всей викторианской литературы, стал Альфред Теннисон. Родившись в 1809 году в Линкольншире, в семье сельского священника, он оставил Кембриджский университет после нервного срыва, вызванного смертью друга, и профессионально занялся поэзией. Итогом его многолетних трудов стали начатые в 1867 году «Королевские идиллии» (*Idylls of the King*) — цикл из двенадцати поэм, посвященных артуровской теме. Правда, сам Артур в поэмах остается на втором плане в полном соответствии с классической артурианой. За рассказом о его детстве сразу следует описание зенита его правления, когда король почивает на лаврах, почти не вмешиваясь в государственные дела — как британские монархи времен Теннисона. Главную роль он играет только в поэме «Смерть Артура», написанной раньше «Идиллий», но закономерно вошедшей в их состав. Начинаются же они созданной в 1832 году поэмой «Леди Шалотт», повествующей о злополучной возлюбленной Ланселота — Элейне из Астолата (Шалотт — французская форма последнего слова). В финале героиня умирает от неразделенной любви:

Мерцало платье белизной,
Как хлопья снега под луной,
Она плыла во тьме ночной
И уплывала в Камелот.
И песню слышала волна,
И песня та была грустна,
В последний пела раз она,
Волшебница Шалотт...[1]

Считая свои произведения прежде всего средством отражения нравственных и эстетических идеалов, Теннисон смело изменял классические сюжеты, вводил новых героев или объединял старых. Артур у него — не сын Утера, а таинственный младенец, вынесенный морскими волнами к ногам чародея Мерлина во исполнение пророчества. Матерью Гавейна и его братьев вместо коварной Моргаузы стала добрая Белисента. Место последней битвы Артура перенесено с Солсберийской равнины в загадочный Лионесс, где наползаю-

щий с моря туман заволакивает войска соперников и всю Логрию тьмой забвения. Рассеять эту тьму, по мысли Теннисона, может только грядущее возвращение короля:

Помстилось мне, что жду среди толпы,
А к берегу скользит ладья; на ней —
Король Артур, всем — современник наш,
Но величавей; и народ воззвал:
«Артур вернулся: отступила смерть».
И подхватили те, что на холмах,
«Вернулся — трижды краше, чем был встарь».
И отозвались голоса с земли:
«Вернулся с благом, и вражде — конец!»[2]

В ранних поэмах Теннисона уже представлены три основных сюжета, преобладающие в «Королевских идиллиях»: грешная любовь Гвиневеры и Ланселота, поиски Святого Грааля и образ Артура как идеального правителя. Большую роль в цикле играют женщины — им посвящены первые четыре поэмы, каждая из которых названа именем героини, представляющей определенную грань обобщенного женского образа. Нимуэ — злая чародейка, разрушительница; Энида — защитница установленного порядка, Гвиневера — сильная женщина, раздираемая страстями; Элейна — пассивная жертва безответной любви. В дальнейшем были написаны «Рождение Артура» и «Святой Грааль», а «Энида» разделилась на две части. Две поэмы («Пелеас и Этарда» и «Последний турнир») посвящены трагической истории Пелеаса, превращению юного идеалиста в безжалостного Красного рыцаря, врага Камелота (эту историю Теннисон придумал сам, как и ряд других сюжетов). В поэме «Гарет и Лунетта» поэт изобразил альтернативную судьбу начинающего рыцаря, на сей раз позволив ему достичь идеала. Однако в последних поэмах — «Балине и Балане» и полностью переработанной «Смерти Артура», — артуровский мир все-таки гибнет, полностью исчерпав свои силы. «Идиллии» проникнуты глубокой меланхолией и одновременно несложным морализаторством — их герои расплачиваются за аморальные поступки, за отклонение от рыцарских идеалов и христианских добродетелей.

Артур Теннисона и других викторианцев еще пассивнее, чем Артур средневековых романов — он действует самостоятельно только в юности, да и там за его спиной маячит Мерлин, становящийся все более заметной фигурой по мере роста увлечения мистикой и «тайными науками». В дальнейшем король почти исчезает из вида, пребывая в далеком, почти призрачном Камелоте, откуда отправляются на подвиги его

рыцари. Именно они — Ланселот, Гавейн, Персиваль, — герои поэм и элегий XIX столетия, главное занятие которых — вечное странствие к неведомой цели. Из той же когорты рыцарь из «Эльдорадо» Эдгара По и Чайльд Роланд из поэмы Роберта Браунинга, ставшей лейтмотивом эпической саги Стивена Кинга «Темная башня» (кстати, ее герой Роланд — потомок великого Артура Эльдского, двойника короля в иной реальности).

И все же викторианские паладины почти так же статичны и бездеятельны, как их монарх — скованные меланхолией, они только и могут что принимать красивые позы. Это особенно заметно в живописных произведениях членов Братства прерафаэлитов. Пышные, формально безупречные полотна Эдварда Берн-Джонса, Данте Габриэля Россетти, Уильяма Морриса, Уильяма Холмена Ханта до сих пор остаются лучшими иллюстрациями к артуровским легендам. Стоит напомнить, что прерафаэлиты сплотились именно вокруг фресок на темы «Смерти Артура» Мэлори, которыми они в 1857 году расписывали конференц-зал Оксфордского университета. Работа была не закончена, но породила волну картин, гобеленов, витражей на артуровские сюжеты, украсивших и королевские дворцы, и сельские церквушки.

Королева Виктория еще в 1848 году поручила художнику Уильяму Дайсу украсить фресками из жизни Артура гардеробную Вестминстерского дворца. Дайс не сумел адаптировать рыцарские идеалы к викторианству, да и не ставил перед собой такой задачи: он превратил артуровские сюжеты в аллегории таких добродетелей, как милосердие, щедрость, благочестие и учтивость (так и хочется добавить к этому ряду умеренность и аккуратность). Сегодня фрески Дайса вряд ли способны кого-то вдохновить, однако они во многом повлияли как на прерафаэлитов, так и на Теннисона, поэмы которого, в свою очередь, оказали громадное влияние на британское искусство. Первое издание «Королевских идиллий» в 1859 году (так называемый «Моксон-Теннисон) было богато иллюстрировано художниками, представлявшими не только Братство, но и враждебную ему живописную школу Королевской академии искусств, к которой принадлежали Джеймс Арчер, Джозеф Ноэль Пейтон, Томас Вулнер. Эта школа культивировала монументальность образов и эпичность сюжетов, что привело к появлению таких широко известных полотен, как «Смерть Артура» Арчера или «Две короны» и «Рыцарство» Фрэнка Дикси. В свою очередь, члены Братства насыщали свои картины мистическими аллегориями и любовными переживаниями.

Живописные произведения на артуровские темы были тесно связаны с поэтическими. Член Братства Уильям Моррис был одновременно известным поэтом, посвятившим Артуру несколько произведений — в первую очередь, поэму «Защита Гвиневеры» (*The Defence of Guenevere*), представляющую собой страстную защитительную речь королевы против обвинения в неверности со стороны Гавейна и его братьев. Несмотря на архаичную лексику, поэма проникнута новомодными идеями о равенстве женщины и ее праве на личное счастье, которые трудно представить себе в мире не только Артура, но и Мэлори. Еще один близкий прерафаэлитам поэт, Алджернон Чарльз Суинберн, создал стихотворение «За день до суда» (*The Day before the Trial*), где показано отношение к тому же событию самого Артура — старый король жалеет не любящую его жену и предвидит, что судилище над ней приведет к гибели Логрии. Суинберну принадлежат также поэмы «История Балина», «Ланселот», «Тристрам Лионесский». Легенда о Тристане и Изольде особенно полюбилась викторианцам — ей посвящены «Последний турнир» Теннисона, «Королева Изольда» Суинберна, «Тристан и Изольда» Мэтью Арнольда. Позже эта тема отозвалась в творчестве выдающегося американского поэта Эдвина Арлингтона Робинсона, создавшего в 1927 году поэму «Тристрам» — завершающую часть его артуровской трилогии.

Можно без преувеличения сказать, что артуриана стала одной из главных тем британского искусства второй половины столетия, захватив краем и соседние страны. Это привело к появлению таких незаурядных произведений, как гравюры Гюстава Доре к «Королевским идиллиям» Теннисона или художественные фотографии Джулии Камерон, где меланхоличные натурщики в латах изображали сцены из рыцарских романов. На рубеже XX века артуровской темы коснулся скандально известный книжный график Обри Бердсли, создавший обширный цикл иллюстраций к «Смерти Артура», вышедшей в 1894 году в издательстве Джона Дента. Под пером Бердсли король, его рыцари и дамы неузнаваемо изменились — лукавые и порочные, они воплощали андрогинность, слияние мужского и женского начала.

Проникновение женственности в исконно «мужской» мир артуровского эпоса — еще одна новация викторианцев, в первую очередь тех же прерафаэлитов. В их произведениях женщины — Гвиневера, Моргана, Вивиана, — почти всегда живее, активнее мужчин. Они любят, они ненавидят, они губят героев, как жестокая «Красавица без пощады» (*La belle dame sans merci*) на картинах У. Хьюза и Ф. Дикси. Правда, адап-

тация артуровских легенд ко вкусам женщин шла довольно вяло, чего нельзя сказать о детях. Еще в 1862 году вышла детская книга Джеймса Ноулза «Король Артур и его рыцари», за которой в 1880 году последовал американский «Король Артур для мальчиков» Сиднея Ланира с превосходными иллюстрациями Н. С. Уайета.

В Америке появился и один из самых известных артуровских романов нового времени — «Приключения янки из Коннектикута при дворе короля Артура» Марка Твена (1889). Его герой Хэнк Морган, фабричный мастер из США, переносится в VI век, ко двору Артура, и самыми жесткими мерами насаждает там привычное ему общество потребления. Долгое время этот роман считался юмористическим; сегодня, после американских «цивилизаторских» опытов в разных странах, он вызывает разве что горестную усмешку. Герой Твена, самодовольный мещанин, походя разрушает чуждую ему культуру, навязывая ей отходы цивилизации — рекламу, судебные тяжбы и желтую прессу. На Артура янки смотрит с симпатией, но свысока, как на большого ребенка, что отражает отношение XIX века к «темному» средневековью. При явной несправедливости такого подхода мастерски написанный роман Твена пользовался большим успехом и неоднократно воплощался в кино; в последних экранизациях в Камелот попадали уже не ловкач-янки, а маленький мальчик, офицер полиции и даже негритянка в клоунском наряде (Вупи Голдберг в фильме 1998 года «Рыцарь Камелота»). Не прошло мимо этого сюжета и российское кино — в 1988 году Виктор Гресь снял фильм «Новые приключения янки при дворе короля Артура», в котором короля играл А. Филозов. Успеха фильм не имел, так и оставшись единственной попыткой воплощения артуровских сюжетов на нашем экране.

«Русский» Артур — тема интересная, хоть и почти виртуальная. При постоянном интересе наших поэтов и писателей к «святым камням Европы», артуровская тема их почему-то мало занимала. Несколько переводных или подражательных стихотворений Бальмонта, Блока и Брюсова — вот и все, чем мы располагаем. Немногим лучше обстояло дело с переложениями для детей — в 1896 году вышла книга «Рыцари Круглого стола» в пересказах Е. Балобановой и О. Петерсон, а с 1972 года не раз переиздавался сборник «В стране легенд», где предания об Артуре воспроизводились в переложении В. Марковой. Тогда же началась публикация источников артурианы, до сих пор идущая не слишком активно. В последние годы к ней добавились переводы исторических романов и фэнтези, вдохновленных артуровской темой, но все это по-прежнему

мало влияет на отечественную словесность. При множестве внешних заимствований (к примеру, рыцаря в «Драконе» Е. Шварца зовут Ланцелот) глубинный пафос легенд об Артуре остается у нас невостребованным. Возможно, рыцарская тематика по-прежнему чужда России, а может, Круглый Стол воспринимается как тема настолько заезженная, что за нее берутся разве что самые неразборчивые беллетристы.

В Англии же XX век стал периодом интенсивного осмысления артуровских легенд — как научного, так и художественного. Первое берет начало с монографии Эдмунда Чемберса «Артур Британский» (*Arthur of Britain*), вышедшей в 1927 году. Ее автор не только критически рассмотрел все известные к тому времени письменные источники, но и впервые (если не считать робких попыток Лиланда) приобщил к делу данные археологии. В 1948 году было основано Международное артуровское общество, до сих пор регулярно выпускающее справочники и библиографические обзоры. После этого границы артуроведения продолжали расширяться — такие ученые, как Роджер Шерман Лумис и Ричард Барбер, вовлекли в его орбиту рыцарские романы и памятники средневекового искусства, пытаясь отыскать в них сведения об историческом Артуре. Множество книг на эту тему издал Джеффри Эш, пришедший в конце концов к сомнительному выводу о тождестве короля с противником вестготов Риотамом.

В 1971 году вышла монография известного археолога Лесли Олкока «Артуровская Британия» (*Arthur's Britain*), автор которой на основе своих раскопок в Сауз-Кэдбери и других местах попытался реконструировать условия, в которых действовал исторический Артур — полководец бриттов в их войне с саксами. Олкок высказал наиболее реалистичный в современной историографии взгляд на фигуру «военного предводителя»: «Он не был королем и, в отличие от военачальников германского и кельтского героического общества, не основал собственной династии. Он был вождем соединенных сил маленьких королевств, на которые распалась послеримская Британия... Это могли быть отряды наемников, нанятые местными общинами, или уже существующие воинские дружины»[3]. Деятельность Артура Олкок ограничил 490—510 годами; впрочем, главной темой книги, соответственно ее названию, является не личность «военного предводителя», а подробно выписанный исторический фон, на котором он действовал или мог действовать.

Этапной в изучении темы стала уже упомянутая книга Джона Морриса «Век Артура» (1973), в которой известный историк средневековья, марксист по убеждениям, безогово-

рочно признал реальность Артура, видя в нем верховного короля Британии, правившего в Камелоте-Камулодуне между 490 и 515 годами. Фактически Моррис воскресил средневековую трактовку фигуры Артура — наследника римских императоров, могучего и справедливого правителя «значительной части Англии, Шотландии и Уэльса». Он восторженно писал о своем герое: «Его триумф был последней победой Рима; его недолговечная империя заложила основы английского и валлийского народов... Его победы и поражения превратили римскую Британию в Великобританию. Его личность переросла границы его эпохи»[4]. При всей избыточности подобных похвал книга Морриса чрезвычайно полезна. Богатство привлеченного автором материала, в том числе данных археологии и исторической географии, до сих пор делает «Век Артура» незаменимым пособием для тех, кто способен критически отнестись к выводам автора. В дополнение к своему труду Моррис подготовил шесть томов «Артуровских источников» (*Arthurian Sources*), изданных посмертно.

Чересчур смелые и притом слабо аргументированные выводы Морриса не могли не вызвать критической реакции. Одним из самых яростных его оппонентов стал Дэвид Дамвилл, который в своих многочисленных статьях и книгах неоднократно выступал против «призрака Артура», утверждая, что фигура короля выдумана позднейшими историками вроде Ненния и Гальфрида и не имеет никаких исторических корней. Подобные взгляды высказывали и другие известные ученые — Николас Хайем, Оливер Пэдел, Майкл Вуд. Как и прежде, одни критики начисто отрицают реальность Артура, приписывая победу при Бадоне кому угодно, только не ему; другие считают его фольклорным персонажем или языческим божеством; третьи переносят его в другие века и даже в другие страны. В то же время сторонники реального существования Артура не сдают позиций, предлагая вместо прежних новые интерпретации. Постепенно споры переместились из области «чистой науки» в научно-популярную сферу; сегодня как «артуровцы», так и их оппоненты широко используют для пропаганды своих взглядов телевидение, иллюстрированные журналы и интернет-сайты.

Что касается художественного освоения артуровской темы, то весь XX век им в основном занимались развлекательные жанры. «Серьезные» авторы — Джеймс Джойс и Сигрид Унсет, Жан Кокто и Итало Кальвино — ограничивались использованием отдельных сюжетов и образов, взятых из легенд об Артуре. Так поступил и корифей жанра фэнтези Джон Толкиен, в чьей эпопее «Властелин колец» отчетливо просле-

живаются артуровские параллели: Мерлин-Гэндальф, Артур-Арагорн и так далее. Соратник Толкиена по литературному клубу «Инклинги» Чарльз Уильямс переосмыслил в своих мистических романах легенды о Граале, а также создал два сборника стихов на артуровские темы — «Талиесин в Логрии» (1938) и «Край осенних звезд» (1944). Другой «инклинг», Клайв Льюис, сделал Мерлина героем своего романа «Мерзейшая мощь» (1945), где волшебник вместе с другими героями спасает Англию от вторжения демонических сил. В 1944 году писатель Эдвард Франкленд создал исторический роман «Артур, Медведь Британии». Обращает на себя внимание то, что большинство этих произведений появилось во время Второй мировой войны, когда тема защиты Англии от вторжения была чрезвычайно актуальна.

В те же годы бывший школьный учитель Теренс Хэнбери Уайт начал романом «Меч в камне» (1938) создание масштабной артуровской эпопеи «Король прошлого и грядущего» (*The Once and Future King*), продолженной вскоре романами «Царица воздуха и тьмы» и «Рыцарь, совершивший проступок». Читатели «распробовали» книги Уайта только в 1950-е годы, когда серия была переиздана вместе с последним романом «Свеча на ветру». Произведения Уайта необычны для артурианы — они полны юмора (достаточно сказать, что юного Артура на самом деле зовут *Wart*, то есть Прыщ), намеренных анахронизмов и литературных шарад. При этом они очень разные: светлый сказочный колорит первой части, повествующей о детстве короля, сменяется во второй книге опасными приключениями, а в третьей — довольно мрачной мистикой. Четвертая книга, посвященная гибели Артура и его королевства, вообще беспросветна. Уже после смерти Уайта, в 1977 году, вышла пятая часть эпопеи «Книга Мерлина» — неожиданный для читателей философский трактат, где Артур, Мерлин, еж и барсук спорят о фашизме, коммунизме и других отвлеченных материях.

В 1963 году к числу безусловных шедевров литературной артурианы добавился исторический роман Розмари Сатклифф «Меч на заре», изображающий Артура (Артоса Медведя) как послеримского военачальника, пытающегося сдержать волну англосаксонского нашествия. Сатклифф, которой принадлежит также оригинальный пересказ артуровских легенд, удалось создать убедительную и вдохновенную реконструкцию исторических событий. Ее усилия продолжила другая английская писательница, Мэри Стюарт, создавшая в 1970—1979 годах цикл из трех романов — «Хрустальный грот», «Полые холмы» и «Последнее волшебство». В них история

Артура изложена устами Мерлина — не чародея, а ученого мудреца и патриота, пытающегося вырастить из своего питомца истинного короля, защитника своей страны: «Его возведет на престол и будет биться за него с врагами народ Британии, который корнями уходит в почву, который питает ее и сам питается ее соками, как деревья. Доверие народа — вот что сделает из него Верховного короля всех земель и островов, о чем мечтал, но что не успел осуществить в свой краткий срок мой отец Амброзий»[5]. В 1984 году к циклу добавился четвертый роман «День проклятия», где роль рассказчика переходит к принцу Мордреду — не злодею, а жертве обстоятельств и чужих грехов. Романы Стюарт стоят в ряду самых ярких и убедительных произведений об Артуре, и портит их только чрезмерная сентиментальность, достигшая апогея в пятом романе «Принц и паломница» (1995), повествующем о трагической любви племянника короля Марка Александра Сироты и «прекрасной паломницы» Алисы.

Тройку самых известных писательниц современной артурианы замыкает Мэрион Зиммер Брэдли, сделавшая «Туманы Авалона» (1982) началом серии из пяти романов. Их главные героини — кельтские жрицы Моргейна-Моргана, Игрейна, Вивиана — защищают феминистическую и гуманную языческую веру от агрессивного и нетерпимого христианства, которое руками героев-мужчин, в том числе Артура, стремится ввергнуть Британию в хаос войн и раздоров. Одержав победу, христиане перекрыли пути к священному Авалону, наследнику затонувшей Атлантиды, откуда жрицы черпали свою таинственную силу — Зрение. Конечно, к реальной истории это отношения не имеет, однако романы Брэдли написаны талантливо, а ее женские образы — самые яркие в ряду романов аналогичной тематики. Успех «Туманов Авалона» вызвал к жизни множество подражаний в жанре «феминистского фэнтези». В их числе — трилогия Персии Вулли, посвященная трагической судьбе Гвиневеры, любовь которой стала жертвой политических игр.

Непохож на другие артуровские романы «Arthur Rex» Томаса Бергера (1978). Мастерски пародируя архаичный стиль Мэлори и «Зеленого рыцаря», автор относится к героям без всякого почтения. Например, Утер «вряд ли мылся последние месяцев двенадцать и источал благоухание, способное привлечь только отъявленного содомита»[6]. Артур Бергера — наивный юнец, неожиданно ставший королем, как нищий у Марка Твена, и совершающий все возможные для дилетанта ошибки. Тем не менее автор сочувствует его упрямому идеализму и называет гибель короля в последней битве с Морд-

редом «торжеством совершенного зла над несовершенным добром». Роман завершается парадоксальным выводом: «Король Артур никогда не существовал, но все, что он совершил — чистая правда»[7].

Среди писателей, воссоздающих историю Артура подчеркнуто реалистично, — мастер приключенческого жанра Роберт Корнуэлл, выпустивший в 1995—1997 годах трилогию из романов «Король зимы», «Враг Божий» и «Экскалибур». Его реконструкция исторических событий произвольна, но обстановка в послеримской Британии воспроизводится довольно точно. Рассказчиком выступает святой Дервел, которого автор превратил в саксонского раба, ставшего военачальником Артура. В том же стиле выдержан роман Дугласа Кармайкла «Пендрагон» (1977), посвященный первым годам правления Артура и его двенадцати битвам. Вполне реалистичен и роман Парка Годвина «Властелин огня» (1980), в котором Артур — римский офицер, оставленный сторожить северную стену и ради спасения Британии ставший ее королем. Здесь, как и у Сатклифф, повествование ведется от лица самого героя, что довольно необычно для артуровских романов. Вторая часть годвиновской трилогии, «Возлюбленное изгнание», посвящена судьбе Гвиневеры после гибели мужа, а третья, «Последняя радуга» — правлению Амброзия. Шотландский писатель Джек Уайт в 1992—1999 годах выпустил под общим названием «Сон орлов» шесть романов об Артуре, Утере и Мерлине, также излагающих историю короля в традиционном варианте.

Уступки фантазии в подобных произведениях в основном сводятся к перемене ролей персонажей, хотя сделать самого Артура негодяем или ничтожеством никто так и не отважился. Другая вольность касается любовных переживаний, которые занимают в жизни героев куда больше места, чем у реальных людей «темных веков». Многие произведения современной артурианы являются обычными женскими романами, где любимые домохозяйками кукольные страсти перенесены в суровый мир Камелота и Бадона. Правда, их авторши стараются все же соблюдать исторический колорит, хоть и путают современников Артура с рыцарями средневековья — но этой ошибки как раз и ждут от них читатели, воспитанные на пересказах Мэлори.

Другие писатели, напротив, обращаются с реальностью весьма свободно, позволяя вторгаться в нее феям, эльфам и драконам. Так, в написанной в 1980-е годы артуровской трилогии Стивена Лохеда «Пендрагон» королю помогают во всех начинаниях мудрые эльфы из Авалона, к которым принадле-

жит и Мерлин — как и у Брэдли, они происходят из Атлантиды, но являются при этом правоверными христианами. Дилогия Дэвида Геммела «Король-призрак» и «Последний меч силы» (1988) превращает Артура и других героев в марионеток волшебников, которыми в конце концов оказываются бессмертные обитатели той же Атлантиды (что уже начинает надоедать). Энн Филлис Карр в «Идиллиях королевы» переносит действие в XII век, воспроизводя во всех деталях фантастический колорит рыцарских романов этой эпохи. В трилогии Джиллиан Брэдшоу «Под нестихающим ветром» (1980—1982) главным героем становится Гвальхмаи-Гавейн, помогающий силам Света во главе с Артуром в борьбе с Тьмой, которой служит Моргауза, она же Моргана.

На грани «реалистической» и «волшебной» артурианы стоит необычная книга Николая Толстого «Пришествие Короля» (1988). Автор — потомок знаменитого русского рода, ставший английским историком и политиком, — рисует живописную картину артуровской Британии, основываясь на глубоком знании кельтской мифологии. Его предельно стилизованный текст погружает читателя в самые глубины языческого мировосприятия древних бриттов. Вот типичный пример: «Как говорят нам мудрые друиды, Артур поклялся правдой щеки и груди, неба и земли, солнца и луны, росы и капли, моря и земли, что нанесет он три могучих боевых удара людям Ллоэгра. Каледволх, меч Артура, был выкован в эльфийском кургане Гофанноном маб Дон, и была в нем такая сила, что когда он покидал ножны, то становился огромным, как радуга»[8]. При этом сам Артур в романе не фигурирует: главным героем становится Мирддин-Мерлин, помогающий Мэлгону Гвинедду воевать с саксами через полвека после смерти «военного предводителя».

Конечно же не прекратилось и освоение артуровских сюжетов детской литературой — причем это не только бесконечные переделки Мэлори и Гальфрида, но и оригинальные произведения. Например, Дин Уилкинсон в «Легенде об Артуре Кинге» (2003) рассказывает, как дух короля вселился в обычного школьника по имени Артур Кинг, чтобы спасти от вырубки древний Альбионский лес. В сказке Алана Гарнера «Волшебный камень Бризингамена» (1965) рыцари Артура (не названного по имени) спят зачарованным сном под землей, чтобы в нужный час пробудиться и защитить мир от зла. Сказка в наше время все больше сливается с жанром фэнтези, который в значительной мере вырос на артуровских идеях и образах. Не избегла их влияния и традиционная фантастика — есть даже авторы, отправляющие короля и его ры-

царей в космос. Например, в американском комиксе 1980-х годов «Камелот-3000» Артур переносится в далекое будущее, чтобы сразиться с армией злобных пришельцев, вызванных феей Морганой. Самый популярный артуровский комикс, «Принц Валиант», начал выходить в США еще в 30-е годы; позже он был превращен в мультфильм, а в 1997 году — в фильм-сказку, где дочь Артура Айлин и влюбленный в нее оруженосец Валиант спасают Англию от врагов.

Это подводит нас к безбрежной теме отражения артуровских легенд на экране. Началось оно еще на заре кинематографа, когда появились немые короткометражки «Парцифаль» (1903) и «Ланселот и Элейна» (1909). Надо сказать, что большинство фильмов об Артуре основывается (часто весьма отдаленно) на романе Мэлори, антураж там целиком средневековый, а сюжет развивается вокруг любовного треугольника Артур—Ланселот—Гвиневера. Образец такого фильма — «Рыцари Круглого стола» Ричарда Торпа, снятый в 1953 году. Гвиневеру (Джиневру) там играет красавица Ава Гарднер, а Ланселота — симпатичнейший Роберт Тейлор; рыцари почти как настоящие, а трюки поставлены блестяще для своего времени. Однако психологическая достоверность, не говоря уже об исторической правде, в фильме и не ночевала, а чересчур идеальный Артур (Мел Феррер) выглядит бледновато на фоне других героев. То же можно сказать о таких голливудских фильмах, как «Черный рыцарь» (1954) и «Ланселот и Гвиневера» (1962), но там и бюджет поскромнее, и звезд меньше.

Ответом на напыщенную серьезность большинства артуровских фильмов стали попытки комического освоения темы, начиная с экранизаций романа Марка Твена. Вслед за малоудачной лентой 1931 года был снят фильм 1949 года «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», где короля сыграл Седрик Хардвик, а янки Хэнка — знаменитый джазмен Бинг Кросби. Как следствие, персонажи фильма запели, что открыло артуриане еще один жанр — мюзикл. В 1960 году режиссер Фредерик Лоу поставил на бродвейских подмостках музыкальный спектакль «Камелот» по либретто Алана Джея Лернера на основе романов Теренса Уайта. Артура там сыграл, спел и сплясал брутальный валлиец Ричард Бартон, а Гвиневеру — Джулия Эндрюс. Успех мюзикла был так велик, что в 1967 году на его основе был снят одноименный фильм уже с другими актерами — главные роли там исполнили Ричард Харрис и Ванесса Редгрейв. Стоит отметить, что премьера мюзикла совпала с новым подъемом популярности артуровских легенд, исподволь вдохновленным приходом к

власти Джона Кеннеди — молодого и популярного президента ассоциировали с Артуром, а кружок его ближайших советников окрестили «Камелотом». Трагическая гибель Кеннеди тоже сравнивалась со смертью Артура, вызвав волну откликов в литературе и кино. Одним из них стал диснеевский мультфильм «Меч в камне» (1963), также основанный на романе Т. Уайта о детстве короля.

Уже в то время киношной артуриане стали узки рамки романа Мэлори. Выход лежал в двух направлениях — модернизации сюжета и его намеренной архаизации с углублением в мифологию или историческую реконструкцию. Первое направление развивалось в блестящей пародии «Монти Пайтон и Святой Грааль», снятой в 1975 году британской комической труппой «Монти Пайтон» (Терри Гиллиам, Терри Джонс и другие). В ней остроумно высмеивались стереотипы как артуровских романов, так и современного массового сознания, а герои — сам Артур, Галахад, Ланселот и трусливый сэр Робин, — свободно перемещались из средневековья в наше время; в финале полиция арестовывала их за убийство, совершенное в ходе рыцарских подвигов. При всей кажущейся абсурдности фильм демонстрировал хорошее знакомство с темами и сюжетами средневековой литературы. Впоследствии один из его создателей Терри Гиллиам, ставший знаменитым режиссером, снял уже упомянутый фильм «Король-рыбак» (1991), где миф о Граале разыгрывается в декорациях современного Нью-Йорка. Его коллега по труппе Эрик Айдл в 2001 году поставил на Бродвее комический спектакль «Спамалот Монти Пайтона», который повторил самые удачные шутки своей киноверсии и получил премию «Тони» в номинации «Лучший мюзикл».

Среди попыток отображения артуровской темы в историческом контексте остается непревзойденным фильм английского режиссера Джона Бурмена «Экскалибур» (1981). В нем отражены все основные элементы легенды — рождение Артура, приход его к власти, поиски Грааля, измена Гвиневеры и последняя битва со злодеем Мордредом. Последний, по сюжету, рожден и выпестован феей Морганой (Хелен Миррен), чтобы погубить Артура и его королевство. Чтобы уместить действие в одну картину, некоторых персонажей пришлось объединить — например, в финале Экскалибур бросает в озеро Персиваль, а не Бедивер. Фильм получился чрезвычайно мрачным, проникнутым ощущением бессилия героев перед роком, чему способствует звучащая за кадром музыка Вагнера. Не слишком жизнерадостен и «Первый рыцарь» Джерри Цукера, где Ланселот (Ричард Гир) спасает свою возлюблен-

ную Гвиневеру (Джулия Ормонд) от злодея Малаганта, то есть Мелеаганта. В поединке с последним гибнет и сам Артур (Шон Коннери), на смертном одре завещающий своему сопернику Ланселоту жену и королевство. Несмотря на «звездных» актеров, фильм получился вялым и затянутым. То же можно сказать об эстетских экранизациях Робера Брессона («Ланселот Озерный», 1974) и Ханса-Юргена Зиберберга («Парцифаль», 1982).

Почти во всех артуровских фильмах в ассортимент героев входит мудрый Мерлин, но главные роли достались ему только в недавние годы. В 1998 годы вышел голливудский телесериал «Мерлин» (в российском прокате — «Великий Мерлин), где роль волшебника исполнил брутальный Сэм Нил. На протяжении всего фильма он защищал своего питомца Артура от козней Морганы (Хелен Бонэм-Картер) и злой королевы Маб (Миранда Ричардсон). Врагам удалось победить короля, только когда Мерлин оказался заточен в пещере чарами влюбленной в него Нимуэ (ее сыграла Изабелла Росселлини). Фильм имел успех, и в 2000 году тему продолжил сериал «Мерлин: возвращение». В нем волшебник запер Мордреда, наделенного здесь совсем уж демоническими чертами, в каменный круг Стоунхенджа, а Артура с его рыцарями погрузил в колдовской сон, чтобы противостоять злу в будущем. В наши дни ученая дама случайно пробудила злодея, и Мерлину пришлось воскрешать Артура, чтобы спасти мир. В 2006 году в США вышел сиквел «Мерлина» под названием «Ученик Мерлина: возвращение в Камелот», как обычно, оказавшийся хуже первой части. Он повествует, как очнувшийся от волшебного сна чародей (тот же Сэм Нил) спасает Камелот от варваров при помощи юного воришки Джека (Джон Рирдон) и его верной свиньи. В 2008 году за дело взялся британский телеканал Би-би-си, запустивший свой телесериал о Мерлине, где герой (Колин Морган) становится не только другом Артура, но и его ровесником.

Последним по времени обращением голливудской киноиндустрии к артуриане стал в 2005 году фильм Антуана Фукуа «Король Артур», снятый с размахом, но неожиданно провалившийся в прокате. Под влиянием теорий Скотта Литлтона и Линды Малкор авторы фильма сделали своего героя римским командиром всадников-сарматов, защищающих стену Адриана. Гвиневера (Кира Найтли), что уже ново, стала дикой пиктской принцессой, размалеванной синей краской и метко стреляющей из лука. История ее любви разворачивается на фоне послеримской Британии, где цивилизация и законность быстро стремятся к исчезновению, а Артур (Клайв

Оуэн) тщетно старается спасти ее. Это ощущение трагического слома эпох, протекающего независимо от воли и желания героев фильма — самая большая удача «Короля Артура», в целом рядовой коммерческой ленты, где историческая правда принесена в жертву занимательности. К сожалению, до сих пор не было попыток экранизировать подлинную историю Артура по данным кельтских источников — а ведь такой фильм мог бы стать не менее увлекательным, чем очередная искаженная версия средневековых легенд.

С появлением видеоигр, ставших впоследствии компьютерными, артуриана почти мгновенно освоила эту новую для себя область. Одни игры кропотливо воспроизводили мир Артура («Камелот» 1985 года), другие использовали лишь отдельные элементы легенды или ее героев — например, знаменитые «Темницы и драконы» (*Dungeons and Dragons*), имеющие миллионы поклонников в разных странах). Это только верхушка айсберга — порывшись в памяти, каждый вспомнит «артуровские» безделушки, рекламные слоганы и названия торговых марок (к примеру, сеть обувных магазинов «Камелот» или лимузины «Экскалибур»). Легенды об Артуре прочно обосновались в современном мире, став одним из кирпичиков, складывающих наш общий, будь то Англия, Франция или Россия, культурный фундамент. Тем более важно изучить подноготную этих легенд, отделить их реальную основу от вековых наслоений, выявить в них отдельные смысловые элементы — как те, что веками поддерживают нашу цивилизацию, так и те, что грозят погубить ее, как погубили некогда родину Артура. Хочется верить, что такое изучение будет продолжаться, и наступившее столетие обогатит его новыми фактами и интерпретациями.

ЭПИЛОГ

Эта книга получилось не совсем обычной. Вокруг всех героев серии ЖЗЛ создаются легенды — иногда известные только узкому кругу друзей и соратников, иногда расширяющиеся до границ всего человечества. Чаще всего эти легенды возникают на основе реальных достижений человека и его личных качеств. Король Артур — случай иной. Легенда о нем намного переросла подлинный масштаб его личности и неузнаваемо исказила обстоятельства жизни, соединив его с множеством людей и событий, относящихся совсем к другим временам или вовсе вымышленных. Однако еще удивительнее другое — даже сегодня, через полтора тысячелетия после Артура, его имя продолжает оставаться синонимом мужества, чести и благородства. Мы уже говорили о причинах этого. Первая из них — реальные дела «военного предводителя», который, будучи весьма далек от приписанных ему идеальных качеств, тем не менее спасал свой народ от гибели, защищал слабых, поддерживал закон и порядок. Вторая причина — мужество обреченных, с которым Артур и его соратники отстаивали то, что представлялось тогда последним бастионом гибнущей цивилизации. Третья — узорный покров чудес и волшебства, которым кельтская традиция окутала деяния своего героя.

Спустя столетия, на рубеже XII—XIII веков, фантастичность артуровских легенд оказалась востребована ищущей новые темы европейской литературой, а их моральная составляющая — идеологией рыцарства, «благородного сословия», которое объявило Артура своим предтечей. Другая работа нашлась королю на британской почве — там его сделали основателем английской монархии, создателем «предпарламента» в образе Круглого Стола и вдохновителем колониальных захватов. Мы попытались проследить маршрут артуровских преданий из Большой Британии в Малую, оттуда во Францию, обратно в Англию, по Европе и, в конечном счете, по всему

миру, включая Россию. На протяжении этого длинного и извилистого пути наш герой, конечно же, не оставался неизменным — каждая страна и каждое столетие придавали ему новые черты. Соответственно менялась и обстановка — Артура окружали то монстры и чародеи кельтской мифологии, то жестокие и прямодушные средневековые рыцари, то куртуазные придворные Ренессанса; правил он то в Уэльсе, то в Англии, то во Франции, то вообще в волшебном королевстве, не находящем себе места на карте. Начав свой путь в литературе и устном фольклоре, артуриана с течением времени освоила новые жанры — живопись и скульптуру, оперу и кино, поп-музыку и компьютерные игры.

Эта область настолько необъятна, что многие ученые ограничиваются ее каталогизацией, оставив попытки отыскать в хаосе разновременных свидетельств «настоящего» Артура. Мы пошли другим путем, уповая на способность исторического и источниковедческого анализа воссоздать хотя бы в общих чертах биографию того деятеля, который предстал перед потомками в почти неузнаваемом облике могучего короля. Результат получился, с одной стороны, ожидаемым и давно известным — человек, носивший имя или прозвище Артур, жил на юго-западе Британии на рубеже V и VI веков, победил саксов при Бадоне и погиб при Камлане. С другой стороны, выявились неожиданные моменты: он никогда не был королем, не женился на Гвиневере, не искал Святой Грааль. Вместо Мерлина, Ланселота и Персеваля, вписанных в артуровскую легенду гораздо позднее, его окружали другие люди — короли Кадо и Карадок, друид Мену и епископ Дубриций, Индег Белоснежная и ее трагически погибший сын Ллахеу...

Изучение скупых исторических фактов приводит к мысли, что Артур чаще воевал не с чужеземными завоевателями, а с соплеменниками-бриттами. Его братство Круглого Стола было обычной воинской дружиной, нравы которой не имели ничего общего с рыцарским кодексом чести. Его замки выглядели не грозными каменными твердынями, а бараками из бревен и соломы. Его достижения свелись к нескольким битвам в затерянных на краю света лесах и пустошах и отсрочили гибель кельтской Британии всего на полвека. Однако легенда играючи справилась с этими несоответствиями, превратив Артура в средоточие добродетелей, непобедимого полководца и властелина чуть ли не всей Европы. Хочется верить, что в этом повинны не только безбрежность человеческой фантазии, но и личные качества «военного предводителя», выделявшие его на фоне персонажей той смутной и

кровавой эпохи. Легко представить, к примеру, что он был не только властным, но и справедливым, не только беспощадным к врагам, но и щедрым к соратникам. Но об этом, в отличие от географии битв и походов Артура, бесполезно даже строить догадки.

Легенды живут и умирают так же, как люди. И жизнь легенды продолжается до тех пор, пока она способна будить воображение, вдохновлять на подвиги или хотя бы на то, чтобы сделать мир чуточку лучше. Как ни странно, артуровская легенда оказалась удивительно живучей, хотя воспеваемые ею в любом из вариантов ценности безвозвратно ушли в прошлое. Причина этого — в уникальном сплаве разных традиций, соединившем кельтскую фантазию, французскую куртуазность и германскую идею долга, язычество и христианство, монархизм и свободолюбие. Такой «коктейль» позволяет любому автору, читателю и зрителю искать и находить в необозримом море артурианы что-нибудь свое. Без сомнения, эти поиски будут продолжаться и впредь параллельно с поисками «исторического» Артура; противопоставлять один процесс другому — дело заведомо бессмысленное. Историки сплошь и рядом опираются на воображение, а писатели и сценаристы прибегают к историческим реконструкциям. Вряд ли кому-то из них удастся воссоздать в деталях подлинный образ Короля прошлого и грядущего, но бесконечное приближение к нему — задача, достойная самой длинной и запутанной из человеческих биографий.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

[1] *Dumville D.* Histories and Pseudo-histories of the Insular Middle Ages. London, 1990. P. 6.

Часть первая. В ПОИСКАХ АРТУРА

Глава первая. Когда ушли легионы

[1] Для дальнейшего знакомства с темой читателю можно порекомендовать изданные в последние годы в России переводы обобщающих трудов по истории и культуре кельтских народов: *Рис А., Рис Б.* Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М., 1999; *Диллон М., Чедвик Н.* Кельтские королевства. СПб, 2002; *Биркхан Г.* Кельты: история и культура. М., 2007.

[2] *Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов. СПб., 2001. С. 211 (далее — *Беда Достопочтенный*).

[3] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. СПб, 1995. С. 134.

[4] *Аммиан Марцеллин.* Римская история, XXVIII, 8.

[5] Sanas Cormaic. Calcutta, 1868. P. 111.

[6] *Беда Достопочтенный.* С. 216.

[7] Там же. С. 214.

[8] *Зосим.* Новая история, VI, II, 1.

[9] Ibid, VI, V, 3.

[10] Цит. по: *Morris J.* The age of Arthur. London, 1993. P. 45.

[11] *Беда Достопочтенный.* С. 216.

[12] Там же. С. 216.

[13] Там же. С. 216—217.

[14] Там же. С. 217.

[15] *Гальфрид Монмутский.* История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 179 (далее — *Гальфрид Монмутский*).

[16] *Беда Достопочтенный.* С. 219.

[17] *Гальфрид Монмутский.* С. 190.

[18] *Беда Достопочтенный.* С. 218.

[19] Там же. С. 21.

[20] Там же. С. 219.

[21] Там же.

[22] *Гальфрид Монмутский.* С. 183.

[23] *Беда Достопочтенный.* С. 223.

[24] *Гальфрид Монмутский.* С. 70.

[25] Там же. С. 185.

[26] Там же. С. 83.

[27] *Беда Достопочтенный.* С. 219.

[28] *Гальфрид Монмутский.* С. 187.

[29] Там же. С. 90.

Глава вторая. Загадка Логрии

[1] *Томпсон Э. А.* Падение Римской империи. СПб, 2003. С. 190—191.

[2] *Sykes B.* The Blood of the Isles. London, 2006; *Oppenheimer S.* The Origins of the British: A Genetic Detective Story. London, 2006.

[3] *Гальфрид Монмутский.* С. 181.
[4] *Беда Достопочтенный.* С.21.
[5] Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 78 (перевод В. Г. Тихомирова).
[6] *Беда Достопочтенный.* С. 223.
[7] Там же. С. 224.
[8] *Мэлори Т.* Смерть Артура. М., 1974. С. 247 (далее — *Мэлори*).
[9] Рифмы Матушки-Гусыни. М., 1993 (перевод И. О. Родина).
[10] *Barber C., Pykitt D.* Journey to Avalon: The Final Discovery of King Arthur. Abergavenny, 1993.
[11] См., например: *Chadwick N. K.* Studies in Early British History. London, 1959.
[12] *Philips G., Keatman M.* King Arthur — The True Story. London, 1992.
[13] См. *Калыгин В. П.* Этимологический словарь кельтских теонимов. М., 2006. С. 22, 27.
[14] *Мэлори.* С. 45—46.
[15] *Скотт Литлтон К., Малкор Л.* От Скифии до Камелота. М., 2007. С. 64.
[16] Arthurian literature in the Middle Ages. Oxford, 1959. P. 26.
[17] *Myres J. N. L.* The English settlements. Oxford, 1989. P. 287.

Глава третья. **От Тинтагела к Авалону**

[1] *Гальфрид Монмутский.* С. 92.
[2] Там же. С. 93.
[3] Цит. по: *Блейк С., Ллойд С.* Ключи от замка Грааля. М., 2006. С. 140.
[4] *Гальфрид Монмутский.* С. 187.
[5] The Black Book of Carmarten. Pwllheli, 1906. P. 72.
[6] *Беда Достопочтенный.* С. 224.
[7] *Гальфрид Монмутский.* С. 99.
[8] The High Book of the Grail. Brewer, 1978. P. 116.
[9] Trioedd Ynys Prydein. Cardiff, 1961. P. 1 (далее — TYP).
[10] *Leland J.* The Itinerary. Vol. 1. London, 1907. P. 151.
[11] *Alcock L.* Arthur's Britain. London, 1971. P. 360.
[12] Мабиногион. Легенды средневекового Уэльса. М., 2002. С. 88 (далее — Мабиногион).
[13] Цит. по: *Бирн Ф. Дж.* Короли и верховные правители Ирландии. СПб, 2006. С. 44—45.
[14] *Leland J.* The Itinerary. Vol. 1. London, 1907. P. 316.
[15] Цит. по: *Даннинг Р.* Артур — король Запада. Ростов-на-Дону, 1997. С. 121.
[16] Цит. по: *Гальфрид Монмутский.* С. 224.
[17] *Вергилий.* Георгики, I, 497 (перевод С. Шервинского).
[18] Цит. по: *Гальфрид Монмутский.* С. 225.
[19] *Gerald of Wales.* The Journey through Wales. The Description of Wales. London, 1978. P. 283.

Часть вторая. ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ

Глава первая. **Друзья и враги**

[1] The Black Book of Carmarthen. Pwllheli, 1906. P. 95.
[2] TYP. P. 35.
[3] *Мэлори.* С. 48.
[4] TYP. P. 373.

[5] Brut y brenhinedd. Cambridge (Mass.), 1937. P. 124.
[6] *Мэлори*. С. 92.
[7] The Black Book of Carmarthen. P. 78.
[8] Интересное исследование о Суйбне Безумном и его связи с Мерлином см.: *Михайлова Т. А.* Суибне-гельт. М., 2001.
[9] Мабиногион. С. 247.
[10] Там же. С. 98.
[11] TYP. P. 56.
[12] *Беда Достопочтенный*. С. 27.
[13] Vitae Sanctorum Britanniae et Genealogiae. Cardiff, 1944. P. 65.
[14] Ibid. P. 187.
[15] TYP. P. 157.
[16] Там же. С. 354.
[17] Цит. по: *Bartrum P. C.* Early Welsh genealogical tracts. Aberystwith, 1966. P. 85.
[18] *Гальфрид Монмутский*. С. 192.
[19] *Кюмон Ф.* Мистерии Митры. СПб, 2000. С. 226.
[20] http://www.celtic-twilight.com/camelot/rudmin/index.htm
[21] *Bruce C. W.* The Arthurian Name Dictionary. New York, 1999.
[22] *Мэлори*. С. 90.
[23] Цит. по: *Кокс С., Оксбрау М.* Король Артур и Святой Грааль от А до Я. М., 2008. С. 210.
[24] *Твен М.* Янки из Коннектикута при дворе короля Артура. В кн.: *Твен М.* Собр. соч. в 10 т. Т. 6. М., 1960. С. 325.
[25] *Мэлори*. С. 522.
[26] Там же. С. 177.
[27] Мабиногион. С. 97.
[28] Там же. С. 116.
[29] *Кретьен де Труа*. Ивейн, или Рыцарь со львом. В кн.: Средневековый роман и повесть. М., 1974. С. 32.
[30] The Marvels of Rigomer. London, 1988. P. 132.
[31] The Lives of the British Saints. Ed. S. Baring-Gould and J. Fisher. V. 2. London, 1908. P. 224—228.
[32] Мабиногион. С. 97—98.
[33] Там же. С. 98.
[34] *William of Malmesbury*. Chronicle of the Kings of England. London, 1911. P. 315.
[35] *Мэлори*. С. 761—762.
[36] *Loomis R. S.* The Development of Arthurian Romance. N.Y. 1970. P. 187—192.
[37] *Комаринец А.* Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого Стола. М., 2001. С. 352.
[38] Мабиногион. С. 139.
[39] *Мэлори*. С. 319.
[40] TYP. P. 348.
[41] *Гальфрид Монмутский*. С. 94.
[42] Там же. С. 112.
[43] *Brown A. C.* Origin of the Grail Legend. Cambridge, 1943. P. 143.
[44] Мабиногион. С. 95.

Глава вторая. **Защитник Британии**

[1] *Гальфрид Монмутский*. С. 187.
[2] Мабиногион. С. 90.
[3] *Гальфрид Монмутский*. С. 21.

[4] *Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека. М., 2000. С. 98.
[5] *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 110.
[6] *Alcock L.* Arthur's Britain. London, 1971. P. 360.
[7] Цит. по: *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 214.
[8] *Collingwood R. J., Myres J. N. L.* Roman Britain and the English Settlements. Oxford, 1937.
[9] *Блейк С., Ллойд С.* Пендрагон. М., 2006. С. 180.
[10] Мабиногион. С. 91.
[11] *Гальфрид Монмутский.* С. 99.
[12] *Беда Достопочтенный.* С. 220.
[13] Цит. по: *Morris J.* The age of Arthur. London, 1993. P. 291.
[14] Мабиногион. С. 92, 94.
[15] Русский перевод с небольшими изменениями процитирован по книге: *Гильда Премудрый.* О погибели Британии. М., 2003. С. 402.
[16] Там же.
[17] Там же. С. 422—423.
[18] *Gerald of Wales.* The Journey through Wales. The Description of Wales. London, 1978. P. 259.
[19] Black Book of Carmarthen. P. 95.
[20] *Беда Достопочтенный.* С. 224.

Глава третья. **Из жизни в легенду**

[1] *Гальфрид Монмутский.* С. 122.
[2] TYP. P. 147.
[3] Там же. С. 200.
[4] *Гальфрид Монмутский.* С. 101.
[5] *Гальфрид Монмутский.* С. 124.
[6] *Мэлори.* С. 751.
[7] *Layamon.* The Arthurian portion of the Brut. Cambridge, Ontario, 1999. P. 152.
[8] *Мэлори.* С. 752.
[9] Там же.
[10] *Теннисон А.* Волшебница Шалотт. М., 2007. С. 117 (перевод Г. М. Кружкова).
[11] TYP. P. 493.
[12] Мабиногион. С. 126.
[13] *Layamon.* The Arthurian portion of the Brut. Cambridge, Ontario, 1999. P. 155.
[14] *Беда Достопочтенный.* С. 220.
[15] Там же.
[16] Различные литературные интерпретации легенды представлены в издании: Легенда о Тристане и Изольде. М., 1976.
[17] *Беда Достопочтенный.* С. 220.
[18] Там же. С. 225.
[19] Там же. С. 74.
[20] Цит. по: *Мэлори.* С. 771.
[21] Цит. по: *Блейк С., Ллойд С.* Пендрагон. М., 2006. С. 76.
[22] *Chambers E. K.* Arthur of Britain. London, 1927. P. 225.
[23] Философия природы в античности и в средние века. М., 2000. С. 47 (перевод Г. А. Иванова).
[24] *Ashe G.* King Arthur's Avalon. London, 1958. P. 26.

[25] *Chambers E. K.* Arthur of Britain. London, 1927. P. 185.
[26] *Сервантес М.* Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. М., 1961. С. 141.
[27] *Гальфрид Монмутский.* С. 192.
[28] TYP. P. 140.

Часть третья. КОРОЛЬ ПРОШЛОГО И ГРЯДУЩЕГО

Глава первая. Барды, монахи, трубадуры

[1] The Book of Aneirin. Llanbedrog, 1908. P. 26.
[2] Мабиногион. С. 386.
[3] The Book of Taliesin. V. 1. Llanbedrog, 1910. P. 26.
[4] Бретонские народные баллады.СПб, 1995. С. 33—34 (перевод М. Яснова).
[5] Цит. по: *Ashe G.* The Landscape of King Arthur. London, 1985. P.103.
[6] *Barber C., Pykitt D.* Journey to Avalon: The Final Discovery of King Arthur. Abergavenny, 1993. P. 133.
[7] *William of Malmesbury.* Chronicle of the Kings of England. London, 1911. P. 11.
[8] *Henry of Huntingdon.* History. London, 1853. P. 48.
[9] *Wace.* The Arthurian portion of the Roman de Brut. Cambridge, Ontario, 1999. P. 58.
[10] Там же. P. 59.
[11] *Migne.* Patrologia Latina. V. 202. Paris, 1868. Col. 1323.
[12] *Chambers E. K.* Arthur of Britain. London, 1927. P. 110.
[13] *Кретьен де Труа.* Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 6 (перевод Н. Я. Рыковой).
[14] *Layamon.* The Arthurian portion of the Brut. Cambridge, Ontario, 1999. P. 26.
[15] Цит. по: *Мэлори.* С. 775.
[16] *William of Newburgh.* The History. London, 1856. P. 399.
[17] *Ranulph Higden.* Polychronicon. V. 1. London, 1865. P. 426.
[18] Цит. по: *Castleden R.* King Arthur: The truth behind the legend. London, 2001. P. 4.
[19] *Сапковский А.* Дорога без возврата: Повести, рассказы, эссе. М., 1999. С. 285.
[20] Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь. М., 2006. С. 143 (перевод В. Тихомирова).
[21] *Ashley M.* The Mammoth Book of King Arthur. Emeryville, CA, 2005. P. 447.
[22] *Мэлори.* С. 541.

Глава вторая. Небесная чаша

[1] Мабиногион. С. 37.
[2] Там же. С. 105.
[3] Мк. 14:23—24; см. также Мф. 26:27—28, Лк 22:20.
[4] Perseval le Gallois / Ed. Ch. Potvin. V. 5. Mons, 1866. P. 154.
[5] Робер де Борон. Роман о Граале. СПб, 2000. С. 176 (перевод Е. Кассировой).
[6] TYP. P. 88.
[7] *Coyajee J. C.* Iranian & Indian Analogues of the Legend of the Holy Grail. Bombay, 1939. P. 29—33.

[8] Merlin. Roman en prose du XIII siecle. Paris, 1886. P. 36.
[9] The High Book of the Grail. Brewer, 1978. P. 146.
[10] Там же. С. 118.
[11] Здесь мы даем пересказ текста «Парцифаля» (*Wolfram von Eschenbach*. Werke / Ed. K. Lachmann. Berlin, 1833. Sx. 219) вместо цитирования поэтического перевода Льва Гинзбурга, в котором данный фрагмент опущен.
[12] Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль. В кн.: Средневековый роман и повесть. М., 1974. С. 374—375 (перевод. Л. В. Гинзбурга).
[13] Там же. С. 376.
[14] Там же. С. 470.
[15] Там же. С. 478.
[16] *Albrecht von Scharfenberg*. Der Jungere Titurel. Quedlinburg, 1842. Sx. 122.
[17] Там же. Sx. 647.
[18] *Мэлори*. С. 65—66.
[19] Цит. по: *Nutt A*. Studies on the legend of the Holy Grail. London, 1888. P. 8.
[20] Этот фрагмент также отсутствует в переводе Л. Гинзбурга и пересказывается по изданию: *Wolfram von Eschenbach*. Werke / Ed. K. Lachmann. Berlin, 1833. Sx. 310.
[21] The Vulgate Version of the Arthurian Romances. V. 5. Washington, 1909. P. 256.
[22] *Мэлори*. С. 553.
[23] *Вольфрам фон Эшенбах*. Парцифаль. С. 487.
[24] *Лопарев Х. М*. Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского, в 1200 г. // Православный палестинский сборник. Вып. 51. СПб, 1899. С. 71.
[25] Влияние Бернара Клервоского и основанного им ордена цистерцианцев на литературу и искусство средневековья рассмотрено в работе выдающегося французского медиевиста Жоржа Дюби: *Duby J*. Saint Bernard. L'art cictercien. Paris, 1976.
[26] С идеями Дж. и К. Мэттьюз читатели при желании могут ознакомиться по изданию: *Мэттьюз Дж*. Традиция Грааля. М., 1997.

Глава третья. **Возвращение короля**

[1] *Теннисон А*. Волшебница Шалотт. М., 2007. С. 361 (перевод К. Д. Бальмонта).
[2] Там же. С. 326 (перевод С. Лихачевой).
[3] *Alcock L*. Arthur's Britain. London, 1971. P. 359.
[4] *Morris J*. The age of Arthur. London, 1993. P. XIII.
[5] *Стюарт М*. Полые холмы. Последнее волшебство. М., 1987. С. 223—224.
[6] *Berger T*. Arthur Rex. N.Y., 1978. P. 80.
[7] Ibid. P. 153.
[8] *Толстой Н*. Пришествие Короля. М., 1999. С. 422 (перевод Н. Некрасовой).

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИМЕНЕМ АРТУРА*

383—388 — правление в Британии узурпатора Магна Максима (Максена Вледига).
384 — Максим уводит с острова римские войска. Конан Мериадок создает королевство бриттов в Арморике (Бретань).
390 — создание на севере Британии королевства Коэла Хена (Старого) с центром в Эбораке (ныне Йорк).
395 — разделение Римской империи на Западную и Восточную.
397 — римский военачальник Стилихон отражает нападения пиктов, скоттов и саксов на Британию.
400 — основание бриттского королевства Камбрия (Истрад Клут).
406—407 — узурпаторы Марк, Грациан и Константин в Британии.
407 — Константин уводит из Британии последний римский легион — Второй Августа. Начало новых набегов саксов, пиктов и скоттов.
409 — письмо императора Гонория к жителям Британии, в котором говорится о прекращении римского владычества на острове.
420 — Кунедда основывает королевство Гвинедд в Северном Уэльсе.
425 — начало правления Вортигерна (Виталина).
429 — епископ Оксерра Герман прибывает в Британию для борьбы с пелагианской ересью.
432 — Вортигерн приглашает на службу наемников-англосаксов. Святой Патрик начинает проповедь христианства в Ирландии.
437 — битва Аврелия Амброзия с Вортигерном при Гволлопе.
440—450 — гражданские войны и голод в Британии.
442 — Хенгист поднимает восстание и основывает на юго-востоке Британии королевство Кент.
446 — обращение бриттов за помощью к римскому полководцу Аэцию.
447 — второй визит Германа Оксеррского в Британию.
455 — восстание Вортимера, сына Вортигерна, против отца. Вортимер и его брат Катигерн сражаются с саксами при Эйлсфорде (Кент).
463 — гибель Вортигерна. Начало правления Аврелия Амброзия.
465 — поражение саксов при Виппедесфлете.
468 — армия бриттов под командованием Риотама направляется в Галлию для помощи римским властям против вестготов.
470 — смерть Амброзия и анархия в Британии.
472 — рождение Артура.
476 — создание королевства скоттов в Далриаде (Шотландия).
477 — основание саксами во главе с Эллой королевства Сассекс.
486 — вступление Артура в дружину короля Думнонии Герайнта.
490 — Карадок Сильная Рука становится королем Гвента.
491 — Элла устраивает резню в Андериде (ныне Певенси).
495 — высадка саксов на южном побережье Англии. Гибель короля Герайнта в сражении при Ллонгборте. Правителем Думнонии становится его сын Кадо (Кадор).
496 — собрание вождей в Каэрлеоне избирает Артура военным предводителем бриттов.
497 — битва при Бадоне, в которой саксы во главе с Эллой были разбиты бриттами, возглавляемыми Артуром.

---

*Вряд ли стоит напоминать, что все даты до XV века включительно носят приблизительный характер.

498 — создание союзными Артуру саксами королевства Хвисса во главе с Кердиком (Карадоком).
500—510 — война Артура с англами.
510 — начата реконструкция системы оборонительных укреплений с центром в Кэдбери.
512 — женитьба Карадока на Гвенвивар, сестре короля Кадо.
517 — после смерти короля Гвинедда Кадваллона королем стал его сын Мэлгон (Маглокун).
520 — вождь англов Икел создает королевство Восточная Англия. Вортипор становится королем Диведа.
525—530 — война Артура с правителями Северного Уэльса.
527 — основание саксами королевства Эссекс.
534 — смерть Карадока, короля Гвента. Рождение Талиесина.
537 — битва при Камлане, гибель Артура и Медрауда. Королем Думнонии становится Константин, сын Кадо.
540 — начало правления Уриена в Регеде. Куномор (Марк) захватывает владения в Арморике. Король Константин убивает сыновей Медрауда.
541 — Гильдас Мудрый пишет книгу «О разорении Британии».
547 — чума (желтая смерть) в Логрии. Смерть короля Мэлгона Гвинедда. Основание англами королевства Берниция.
552 — взятие западными саксами Олд-Сарума. Возобновление саксонского натиска на Британию.
560 — король Куномор гибнет в сражении с франками. Основание англами королевства Дейра.
570 — смерть Гильдаса в Гвенте.
573 — битва при Ардеридде. Гибель короля Гвенддолеу и бегство его барда Мирддина в лес.
576 — убийство пиктами Константина, бывшего короля Думнонии.
577 — битва при Дайреме. Захват саксами Глостера и Бата.
580 — взятие англами Эвраука (Йорка) и гибель его королей Гурги и Передура.
586 — убийство короля Регеда Уриена Старого. Основание англами королевства Мерсия.
597 — крещение Кента монахами из Рима во главе с Августином — первым архиепископом Кентерберийским.
598 — битва при Катрайте.
600 — бриттский бард Анейрин сочиняет поэму «Гододдин», где впервые упоминается Артур.
668 — смерть короля Гвинедда Кадвалладра и конец «царства бриттов».
728—731 — Беда пишет «Церковную историю народа англов».
830 — Ненний пишет «Историю бриттов».
890 — начинается составление Англосаксонской хроники.
970 — составлены «Анналы Камбрии».
1019 — бретонское «Житие святого Гозновия», где Артур впервые назван королем.
1050 — создание в Уэльсе мабиноги «Килух и Олвен».
1066 — нормандское завоевание Англии, породившее интерес английской знати к Артуру.
1090—1120 — Карадок Лланкарванский и другие авторы пишут жития святых Гильдаса, Падарна, Иллтуда, где упоминается Артур.
1100 — изображение героев артуровских легенд на архивольте Моденского собора (Италия).
1125 — «Деяния английских королей» Уильяма Малмсберийского.

1129 — «История Англии» Генриха Хантингдонского.
1138 — Гальфрид Монмутский завершает «Деяния королей Британии», где создает легенду об Артуре — великом короле бриттов.
1150 — появление «Истории королей» — валлийского перевода сочинения Гальфрида.
1155 — трувер Роберт Вас пишет «Роман о Бруте» — французскую версию «Истории» Гальфрида. Начало триумфального шествия артуровского эпоса по Европе.
1160 — мозаика Отрантского собора, изображающая Артура.
1160—1180 — Мария Французская сочиняет лэ (короткие поэмы), из которых две, «Шеврефель» и «Ланваль», посвящены артуровской теме.
1170—1190 — Кретьен де Труа создает пять стихотворных романов, посвященных Артуру и его рыцарям.
1170 — французский трувер Беруль пишет «Роман о Тристане».
1175 — трувер Тома Английский пишет поэму «Тристан».
1190 — священник Лайамон завершает поэму «Брут» — английскую версию романа Васа.
1191 — открытие в Гластонбери могилы Артура и Гвиневеры.
1192 — Гиральд Камбрийский посещает Гластонбери и оставляет описание могилы Артура.
1195 — роман Ульриха фон Затцикховена «Ланцелет».
1195—1205 — немецкий миннезингер Гартман фон Ауэ пишет рыцарские романы «Эрек» и «Ивейн».
1198 — «История Англии» Уильяма Ньюбургского.
1200 — Робер де Борон начинает стихотворную трилогию «Роман о Граале», где легенда о Граале впервые приобретает христианский характер.
1200—1210 — Вольфрам фон Эшенбах пишет рыцарский роман «Парцифаль».
1210 — немецкий миннезингер Готфрид Страсбургский пишет роман «Тристан».
1215 — роман «Перлесво» («Возвышенная история Святого Грааля»).
1215—1230 — цикл семи французских романов о рыцарях Артура и Граале, получивший название «Вульгата».
1250 — окончательное составление сборника валлийских легенд «Мабиногион».
1278 — король Англии Эдуард I посещает Гластонбери и осматривает гробницу Артура в заново отстроенной церкви.
1280 — стихотворный роман Альбрехта фон Шарфенберга «Младший Титурель».
1325 — «Белая Книга Риддерха», включающая неполную версию «Мабиногион».
1345 — по приказу короля Эдуарда III в Винчестере сооружается Круглый Стол.
1350 — монах Джон из Гластонбери пишет «Хронику о древностях Гластонберийской церкви», содержащую сведения об Артуре.
1375 — поэма «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь».
1385 — «Хроника Шотландии» Джона Фордуна.
1400 — «Красная книга Хергеста» — первый полный свод «Мабиногион» и валлийских хроник.
1420 — аллитеративная поэма «Смерть Артура».
1450 — «История о святом Граале» Генри Лавлича — первый английский перевод романов «Вульгаты».

1470 — Томас Мэлори заканчивает роман «Смерть Артура».
1485 — Уильям Кэкстон выпускает первое печатное издание «Смерти Артура» Мэлори.
1530 — «Всемирная хроника» Элиса Грифидда.
1534 — Виргилий Полидор в своей «Истории Англии» высказывает сомнения в реальном существовании Артура.
1539 — закрытие Гластонберийского аббатства. Крест с могилы Артура переносится в церковь Иоанна Крестителя в Гластонбери.
1544 — Джон Лиланд публикует «Рассуждения об Артуре».
1586 — Уильям Кэмден издает книгу «Британия», где помещает изображение креста с могилы Артура.
1587 — пьеса Томаса Хьюза «Злоключения Артура», ставшая первым появлением короля на сцене.
1596 — «Королева фей» Эдмунда Спенсера.
1650 — пуритане уничтожают реликвии Гластонбери.
1691 — премьера оперы «Король Артур» на стихи Джона Драйдена и музыку Генри Перселла.
1695—1697 — Ричард Блэкмор публикует поэмы «Принц Артур» и «Король Артур».
1720 — последние сведения о кресте Артура, который в то время принадлежал преподобному Уильяму Хьюзу из Уэльса.
1840 — Ральф Уолдо Эмерсон пишет поэму «Мерлин».
1848 — поэма Эдварда Булвер-Литтона «Король Артур».
1850—1900 — «артуровское возрождение». Появляются стихи и поэмы Альфреда Теннисона, Мэтью Арнольда, Алджернона Чарльза Суинберна, картины Эдварда Берн-Джонса, Уильяма Морриса, Данте Габриэля Россетти.
1882 — опера Рихарда Вагнера «Парцифаль».
1889 — Марк Твен публикует роман «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура».
1894 — иллюстрации Обри Бердсли к изданию романа Т. Мэлори «Смерть Артура», выпущенному Джоном Дентом.
1953 — фильм Ричарда Торпа «Рыцари Круглого Стола».
1958 — Теренс Хэнбери Уайт завершает тетралогию «Король прошлого и грядущего», по которой в 1960 году ставится бродвейский мюзикл «Камелот», а в 1967-м снимается одноименный фильм.
1963 — роман Розмари Сатклифф «Меч на заре». Уолт Дисней создает мультфильм «Меч в камне».
1966 — начало раскопок укрепленного городища Сауз-Кэдбери, отождествляемого с артуровским Камелотом.
1970—1979 — артуровская трилогия Мэри Стюарт.
1973 — публикация исторического исследования Джона Морриса «Век Артура».
1975 — пародийный фильм «Монти Пайтон и Святой Грааль».
1977 — посмертно публикуется книга Джона Стейнбека «Деяния короля Артура и его благородных рыцарей».
1979 — роман Мэрион Зиммер Брэдли «Туманы Авалона» (экранизирован в 2001 году).
1981 — фильм Джона Бурмена «Экскалибур».
1995 — фильм Джерри Цукера «Первый рыцарь».
1998 — голливудский телесериал «Великий Мерлин». Открытие в Тинтагеле «артуровской» надписи.
2004 — фильм Антуана Фукуа «Король Артур».

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат. В. В. Эрлихмана. СПб, 2001.

Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль / Сокр. пер. со средневерхненемецкого Л. В. Гинзбурга. В кн.: Средневековый роман и повесть. М., 1974.

Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Пер. с лат. А. С. Бобовича. М., 1984.

Гильда Премудрый. О погибели Британии / Пер. с лат., вступ. ст. и прим. Н. Ю. Чехонадской. СПб, 2003.

Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. В. Д. Савуковой. М., 1987.

Кретьен де Труа. Ивэйн, или Рыцарь со львом / Сокр. пер. со старофр. В. Б. Микушевича. В кн.: Средневековый роман и повесть. М., 1974.

Кретьен де Труа. Эрек и Энида / Пер. со старофр. Н. Я. Рыковой; Клижес. Пер. В. Б. Микушевича. Статья и прим. А. Д. Михайлова. М., 1980.

Легенда о Тристане и Изольде. М., 1976.

Мабиногион. Легенды средневекового Уэльса / Пер. В. В. Эрлихмана. М., 2002.

Мэлори Т. Смерть Артура / Пер. с англ. И. М. Бернштейн. М., 1974.

Ненний. История бриттов / Пер. с лат. А. С. Бобовича. В кн.: *Гальфрид Монмутский.* История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.

Робер де Борон. Роман о Граале / Пер. с фр. Е. Кассировой. СПб, 2000.

Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь / Пер. со среднеангл. Н. Резниковой и В. Тихомирова. М., 2006.

Aneirin Y Gododdin. Britain's Oldest Heroic Poem / Ed. and tr. A. O. H. Jarman. Llandysul, 1988.

The Anglo-Saxon Chronicle / Tr. D. Whitelock. London, 1961.

Arthurian Sources / Ed. J. Morris. V. 1—6. Chichester, 1995.

The Black Book of Carmarthen / Ed. J. Gwenogvrin Evans. Pwllheli, 1906.

The Book of Aneirin / Ed. J. Gwenogvrin Evans. Llanbedrog, 1908.

The Book of Taliesin. V. 1—2 / Ed. J. Gwenogvrin Evans. Llanbedrog, 1910.

Brut y brenhinedd / Ed. J. J. Parry. Cambridge (Mass.), 1937.

Chretien de Troyes. Oeuvres complétes / Ed. D. Poirion. Paris, 1994.

Chretien de Troyes. Perceval / Tr. N. Bryant. Cambridge, 1996.

Chronica Minora. In: Monumenta Germaniae Historica, Auctores Antiquissimi. V. 9, 11, 13 / Ed. T. Mommsen. Berlin, 1892—1898.

Clancy J. The Earliest Welsh Poetry. London, 1970.

Clancy J. Medieval Welsh Lyrics. London, 1965.

Conte del Graal / Ed. Ch. Potvin. V. 1—6. Mons, 1866—1871.

Culhwch and Olwen. An Edition and Study of the Oldest Arthurian Tale / Ed. R. Bromwich and D. Simon Evans. Cardiff, 1992.

The Four Ancient Books of Wales. V. 1—2 / Ed. W. F. Skene. Edinburgh, 1868.

Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain / Tr. L. Thorpe. London, 1966.

Gerald of Wales. The Journey through Wales. The Description of Wales / Tr. L. Thorpe. London, 1978.

Gildas. De Excidio Brittaniae / Ed. and tr. H. Williams. V. 1—2. London, 1899—1901.

The Gododdin: The Oldest Scottish Poem / Tr. K. Jackson. Edinburgh, 1969.

Henry of Huntingdon. History / Tr. T. Forester. London, 1853.
The High Book of the Grail / Tr. N. Bryant. Brewer, 1978.
John of Fordun. Chronicle of the Scottish Nation / Ed. W. F. Skene. Edinburgh, 1872.
John of Glastonbury. The Chronicle of Glastonbury Abbey / Tr. D. Townsend. London, 2008.
The Lais of Marie de France / Tr. G. Burgess, K. Busby. London, 1986.
Lancelot-Grail: The Old French Arthurian Vulgate and Post-Vulgate in Translation / Tr. N. J. Lacy. V. 1—5. New York, 1992—1996.
Layamon. The Arthurian portion of the Brut / Tr. F. Madden. Cambridge, Ontario, 1999.
Lebor Bretnach. The Irish version of the Historia Britonum ascribed to Nennius / Ed. A. G. van Hamel. Dublin, 1932.
Leland J. The Itinerary / Ed. L. Toulmin Smith. V. 1—5. London, 1907—1910.
The Liber Landavensis. Llyfr Teilo / Ed. W. J. Rees. Llandovery, 1840.
The Lives of the British Saints / Ed. S. Baring-Gould and J. Fisher. V. 1—4. London, 1907—1913.
Llyfr Du Caerfyrddin (The Black Book of Carmarthen) / Ed. A. O. Jarman. Cardiff, 1982.
The Mabinogi and other medieval Welsh tales / Tr. P. Ford. Los Angeles, 1977.
The Mabinogion / Tr. G. Jones, T. Jones. London. 1949.
The Mabinogion and other Welsh tales from the Red Book of Hergest / Ed. J. Rees, J. Gwenogvryn Evans. Oxford, 1887.
The Myvyrian Archaeology of Wales. V. 1—3. London, 1801—1807.
Nennius. British History and the Welsh Annals / Ed. J. Morris. London, 1980.
The Oxford Book of Welsh Verse / Ed. T. Parry. Oxford, 1962.
The Poetry in the Red Book of Hergest / Ed. J. Gwenogvryn Evans. Llanbedrog, 1911.
Trioedd Ynys Prydein / Ed. and tr. Bromwich R. Cardiff, 1978.
Vitae Sanctorum Britanniae et Genealogiae / Ed. A. W. Wade-Evans. Cardiff, 1944.
The Vulgate Version of the Arthur Romances / Ed. H. O. Sommer. V. 1—8. Washington, 1908—1916.
Wace. The Arthurian portion of the Roman de Brut / Tr. E. Mason. Cambridge, Ontario, 1999.
Welsh Genealogies / Ed. P. C. Bartrum. V. 1—9. Cardiff, 1974—1980.
The White Book Mabinogion / Ed. J. Gwenogvrin Evans. Pwllheli, 1907 (repr. Cardiff, 1973).
William of Malmesbury. Chronicle of the Kings of England, from the earliest period to the reign of king Stephen / Tr. J. A. Giles. London, 1911.
Wolfram von Eschenbach. Werke / Ed. K. Lachmann. Berlin, 1833.
Zosimus. New History / Tr. R. T. Ridley. Sydney, 1982.

Литература

Блейк С., Ллойд С. Ключи от замка Грааля / Пер. с англ. М., 2006.
Блейк С., Ллойд С. Пендрагон. Король Артур: рождение легенды / Пер. с англ. М., 2006.
Даннинг Р. Артур — король Запада / Пер. с англ. Ростов-на-Дону, 1997.
Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Пер. с итал. М., 1987.

Кокс С., Оксбрау М. Король Артур и Святой Грааль от А до Я / Пер. с англ. М., 2008.
Комаринец А. А. Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого Стола. М., 2001.
Маркаль Ж. Тайна Святого Грааля / Пер. с фр. СПб, 2007.
Мифология Британских островов: Энциклопедия / Сост. и общ. ред. К. Королева. М., 2004.
Михайлов А. Д. Артуровские легенды и их эволюция. В кн.: *Мэлори Т.* Смерть Артура. М., 1974. С. 793—828.
Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого Стола / Пер. с фр. М. О. Гончар. М., 2001.
Рид Г. Артур — король драконов / Пер. с англ. М., 2006.
Скотт Литлтон К., Малкор Л. От Скифии до Камелота / Пер. с англ. М., 2007.
Томпсон Э. Римляне и варвары. Падение Западной империи / Пер. с англ. СПб, 2003.
Alcock L. Arthur's Britain. London, 1971.
Alcock L. Economy, Society and Warfare Among the Britons and Saxons. Cardiff, 1987.
Anderson G. King Arthur in Antiquity. London, 2004.
The Anglo-Saxons / Ed. J. Campbell. Oxford, 1991.
Arnold B., Gibson D. Celtic Chiefdom, Celtic State. Cambridge, 1995.
Arnold C. J. Roman Britain to Saxon England. London, 1984.
The Arthur of the English / Ed. W. R. J. Barron. Cardiff, 1999.
The Arthur of the Welsh: The Arthurian Legend in Medieval Welsh Literature / Ed. R. Bromwich. Cardiff, 1991.
The Arthurian Bibliography / Ed. R. Last. V. 1—4. Cambridge, 1988—2002.
The Arthurian Legends. An Illustrated Anthology / Ed. R. Barber. London, 1979.
Arthurian Literature. V. I—XXV. London, 1982—2008.
Arthurian literature in the Middle Ages: a collaborative history / Ed. R. S. Loomis. Oxford, 1959.
Ashe G. The Discovery of King Arthur. L., 1985.
Ashe G. Guidebook to Arthurian Britain. L., 1980.
Ashe G. From Caesar to Arthur. London, 1960.
Ashe G. King Arthur: The Dream of a Golden Age. L., 1990.
Ashe G. King Arthur in fact and legend. N.Y., 1971.
Ashe G. King Arthur's Avalon: The Story of Glastonbury. N.Y., 1958.
Ashe G. Kings and Queens of Early Britain. L., 1982.
Ashe G. The Landscape of King Arthur. L., 1987.
Ashe G. Quest for Arthur's Britain. L.-N.Y., 1968.
Ashley M. The Mammoth Book of King Arthur. Emeryville, CA, 2005.
Ashton G. The Realm of King Arthur. Newport, 1974.
Barber C., Pykitt D. Journey to Avalon: The Final Discovery of King Arthur. Abergavenny, 1993.
Barber R. Arthur of Albion: an introduction to the Arthurian Literature and Legends of England. L., 1961.
Barber R. The Figure of Arthur. L., 1972.
Barber R. The Holy Grail. London, 2004.
Barber R. King Arthur in Legend and History. Ipswich, 1973.
Barron W. R. J. The Arthur of the English: The Arthurian Legend in Medieval English Life and Literature. Aberystwyth, 1999.
Bartrum P. C. Early Welsh genealogical tracts. Aberystwith, 1966.
Bartrum P. C. A Welsh Classical Dictionary: People in History and Legend up to about A. D. 1000. Aberystwith, 1993.

Berresford Ellis P. Celt and Saxon — the struggle for Britain, 410—937. London, 1993.

Berthelot A. King Arthur: Chivalry and Legend. London, 1973.

Blackett A. T., Wilson A. Artorius Rex Discovered. Cardiff, 1986.

Blair P. H. An Introduction to Anglo-Saxon England. Cambridge, 1966.

Blair P. H. Roman Britain and Early England, 55 B.C. — A.D. 871. Edinburgh, 1963.

Brengle R. Arthur, King of Britain: History, Romance, Chronicle & Criticism. N. Y., 1964.

Brewer D., Frankl E. Arthur's Britain: The Land and the Legend. Cambridge, 1985.

Britons and Anglo-Saxons in the Early Middle Ages / Ed. D. Dumville. Aldershot, 1993.

Broadhurst P. Tintagel and the Arthurian Myths. Launceston, 1995.

Bromwich R., ed. The Arthur of the Welsh: the Arthurian Legend in Medieval Welsh Literature. Aberystwyth, 1991.

Bromwich R. Concepts of Arthur // Studia Celtica, 10/11 (1975—1976). P. 163—181.

Brown A. C. Origin of the Grail Legend. Cambridge, 1943.

Bruce C. W. The Arthurian Name Dictionary. New York, 1999.

Bruce J. D. The Evolution of the Arthurian Romance. V. 1—2. Gloucecter, 1958.

Castleden R. King Arthur: The truth behind the legend. London, 2001.

Cavendish R. King Arthur & the Grail: The Arthurian Legends and their Meaning. N.Y., 1985.

Chadwick N. K. Celtic Britain. London, 1989.

Chadwick N. K. Early Brittany. Cardiff, 1969.

Chadwick N. K. Studies in Early British History. London, 1959.

Chambers E. K. Arthur of Britain. London, 1927.

Clancy J. Pendragon: Arthur and his Britain. N.Y., 1971.

Clinch, R., Williams M. King Arthur in Somerset. Teath, 1987.

Coe J. B., Young S. The Celtic Sources for the Arthurian Legend. Felinfach, 1995.

Coghlan R. The Encyclopaedia of Arthurian Legends. Rockport, MA, 1991.

Collingwood R. J., Myres J. N. L. Roman Britain and the English Settlements. Oxford, 1937.

A Companion to Roman Britain / Ed. M. Todd. Oxford, 2004.

Coyajee J. C. Iranian & Indian Analogues of the Legend of the Holy Grail. Bombay, 1939.

Cummins W. A. King Arthur's Place In Prehistory. London, 1992.

Dark K. R. Britain and the End of the Roman Empire. Stroud, 2000.

Dark K. R. Civitas to kingdom: British political continuity 300—800. Leicester, 1994.

Darrah J. Paganism in Arthurian Romance. London, 1994.

Day D. The Quest for King Arthur. London, 1995.

Dickinson W. H. King Arthur in Cornwall. N. Y., 1900.

Dixon-Kennedy M. Arthurian Myth and Legend. London, 1995.

Dumville D. Histories and Pseudo-Histories of the Insular Middle Ages. London, 1990.

Dumville D. Sub-Roman Britain: History and Legend // History. V. LXII (1977). P. 173—192.

Dunning R. W. Arthur the King in the West N.Y., 1988.

Ellis P. B. Celt and Saxon: The Struggle for Britain AD 410—937. London, 1993.

Encyclopaedia Arthuriana. London, 1986.
Esmonde Cleary A. S. The ending of Roman Britain. London, 1989.
Fairburn N. A Traveller's Guide to the Kingdoms of Arthur. London, 1983.
Faral E. Le légende Arthurienne. V. 1—3. Paris, 1929.
Fife G. Arthur the King: the Themes behind the Legends. N.Y., 1991.
Fischer D. J. V. The Anglo-Saxon Age c. 400—1042. L., 1973.
Fletcher R. H. The Arthurian Materials in the Chronicles. Boston, 1906.
Frere S. Britannia: A History of Roman Britain. London, 1967.
Gardner E. G. The Arthurian Legend in Italian Literature. London, 1930.
Gidlow C. The reign of Arthur: From history to legend. Gloucestershire, 2004.
Gildas: New approaches / Ed. M. Lapidge, D. Dumville. Woodbridge, 1984.
Glastonbury Abbey and the Arthurian Tradition / Ed. J. P. Carley. London, 2001.
Godwin M. The Holy Grail. N.Y., 1994.
Goetink G. Peredur: A Study of Welsh Traditions in the Grail Legends. Cardiff, 1975.
Goodrich N. Guinevere. London, 1989.
Goodrich N. King Arthur. London, 1986.
Goodrich N. Merlin. London, 1987.
Goodrich P. H., Thompson R. Merlin. A casebook. N.Y., 2003.
Gransden A. Historical writing in England 500—1307. London-N.Y., 1998.
Green M. Celtic goddesses: Warriors, virgins and mothers. London, 1997.
Green M. The Gods of the Celts. Gloucester, 1986.
Grooms C. The Giants of Wales. Lampeter, 1993.
Hanning R. W. The Vision of History in Early Britain: From Gildas to Geoffrey of Monmouth. New York, 1966.
Hibbert C. The Search for King Arthur. London, 1972.
Higham N. J. The English Conquest: Gildas and Britain in the Fifth Century. Manchester-New York, 1994.
Higham N. J. King Arthur: Myth-Making and History. London, 2002.
Higham N. J. Rome, Britain and the Anglo-Saxons. London, 1992.
Hogg A. H. A. Hill-Forts of Britain. London, 1975.
Holmes M. King Arthur: A Military History. London, 1996.
Hooke D. The Anglo-Saxon Landscape: The Kingdom of Hwicce. Manchester, 1985.
Hopkins A. Chronicles of King Arthur. London, 1993.
Hughes K. Celtic Britain in the Early Middle Ages. Woodbridge, 1977.
Hunt A. Shadows in the Mist: the Life and Death of King Arthur. London, 2006.
Jackson K. Language and History in Early Britain. Edinburgh, 1953.
Jackson W. H., Ranawake S. A. The Arthur of the Germans: The Arthurian Legend in Medieval German and Dutch Literature. Aberystwyth, 2000.
Jarman A. O. Geoffrey of Monmouth. Cardiff, 1966.
Jarman A. O. The Legend of Merlin. Cardiff, 1960.
Jarman A. O., Hughes G. R. A Guide to Welsh Literature. V. 1. Swansea, 1976.
Jenkins E. The Mystery of King Arthur. London, 1975.
Johnson S. Later Roman Britain. London, 1980.
Jones B. L. Arthur Y Cymry, The Welsh Arthur. Cardiff, 1975.
Jones M. E. The End of Roman Britain. Cornell, 1996.
Jones W. L. King Arthur in History and Legend. Cambridge, 1933.
Karr P. A. The Arthurian Companion. Albany, 1997.
Kendrick T. D. British Antiquity. Methuen, 1950.
King J. Kingdoms of the Celts. A History and Guide. London, 2000.

King Arthur. A casebook / Ed. E. D. Kennedy. N.Y., 1996.

King Arthur in Legend and History / Ed. R. White. London, 1997.

King Arthur in Popular Culture / Ed. E. Sklar and D. Hoffman. Jefferson (NC), 2002.

Knight S. Arthurian Literature and Society. London, 1983.

Koch J. T. Celtic Culture: A Historical Encyclopedia. V. 1—5. Santa-Barbara (Cal), 2005.

Koch J. T. The Gododdin of Aneirin. Text and Context from Dark-Age North Britain. Cardiff, 1997.

Koch J. T., Carey J. The Celtic Heroic Age: Literary Sources for Ancient Celtic Europe and Early Ireland and Wales. Aberystwyth, 2003.

Korrel P. An Arthurian Triangle: A Study of the Origin, Development and Characterization of Arthur, Guinevere and Modred. Leiden, 1984.

Lacy N. J. A History of Arthurian Scholarship. New York, 2006.

Lacy N. J. Medieval Arthurian Literature: A Guide to Recent Research. New York, 1996.

Lacy N. J. The New Arthurian Encyclopedia. Hamden, CT, 1991.

Lagorio V. M., Day M. King Arthur through the Ages. V. 1—2. N.Y., 1990.

Laing L. R. The Archaeology of Late Celtic Britain and Ireland 400—1200. London, 1997.

Laing L. R. Celtic Britain. Bury St Edmunds, 1979.

Larrington C. King Arthur's Enchantresses. Morgan and her sisters in Arthurian tradition. London, 2006.

Le Moyne de la Borderie A. Histoire de Bretagne. V. 1—8. Rennes, 1896.

The Legend of Arthur in the Middle Ages. Cambridge, 1983.

Lindsay J. Arthur and his times: Britain in the Dark Ages. London, 1958.

Lloyd J. E. A history of Wales. V. 1—2. London, 1948.

Loomis R. S. Arthurian Tradition and Chretien de Troyes. N.Y., 1949.

Loomis R. S. Celtic Myth and Arthurian Romance. London, 1938.

Loomis R. S. The Development of Arthurian Romance. N.Y. 1970.

Loomis R. S. The Grail. From Celtic Myth to Christian Symbol. Cardiff, 1963.

Loomis R. S. Wales and the Arthurian Legend. Cardiff, 1956.

Lot F. Nennius et l'Historia Brittonum. Paris, 1934.

Lupack A. Oxford Guide to Arthurian Literature and Legend. Oxford, 2007.

Markale J. L'epopee celtique en Bretagne. Paris, 1971.

Markale J. King Arthur, King Of Kings / Tr. C. Hauch. London, 1977.

Markale J. King of the Celts: Arthurian Legends and Celtic Tradition. London, 1994.

Markale J. Lancelot et la chevalerie arthurienne. Paris, 1985.

Matthews C., Green M. The Grail Seeker's Companion: to the Grail Quest in the Aquarian Age. Northamptonshire, 1986.

Matthews C. Arthur and the Sovereignty of Britain: King and Goddess in the Mabinogion. L.—N.Y., 1989.

Matthews J. An Arthurian Legend. London, 1991.

Matthews J. The Book of Arthur. London, 2002.

Matthews J., Stewart B. Warriors of Arthur. L., 1987.

Merriman J. D. The Flower of Kings: A Study of the Arthurian Legend in England between 1485 and 1835. Lawrence, Kansas, 1973.

Mersey D. Arthur, King of the Britons. Chichester, 2004.

Miller M. The Saints of Gwynedd. Woodbridge, 1979.

Moffat A. Arthur and the Lost Kingdoms. London, 1999.

Morris J. The age of Arthur. London, 1993.

Myres J. N. L. The English settlements. Oxford, 1989.

Nicolle D. Arthur and the Anglo-Saxon Wars. London, 1987.

Nutt A. Studies on the legend of the Holy Grail. London, 1888.

The Origins of the Anglo-Saxon Kingdoms / Ed. S. Basset. London, 1989.

O'Sullivan T. The De Excidio of Gildas. Leiden, 1978.

Owen D. R. The Evolution of the Grail Legend. Edinburgh, 1968.

Padel O. J. Arthur in the Medieval Welsh Literature. Cardiff, 2000.

Pearse S. M. The Kingdom of Dumnonia. Padstow, 1978.

Pearsall D. Arthurian Romance: A Short Introduction. Oxford, 2003.

Phillips G. The Search for the Holy Grail. London, 1995.

Philips G., Keatman M. King Arthur — The True Story. London, 1992.

Pryor F. Britain A.D. A Quest for Arthur, England and the Anglo-Saxons. London, 2004.

Pughe W. O. The Cambrian Biography. London, 1803.

Rahtz P. The English Heritage Book of Glastonbury. London, 1993.

Reno F. D. Historic Figures of the Arthurian Era. London, 2000.

Reno F. D. The Historic King Arthur. Jefferson, 1996.

Rhys J. Celtic Folklore, Welsh and Manx. V. 1—2. London, 1901.

Rhys J. Studies in the Arthurian Legend. Oxford, 1891.

Ritson J. The Life of King Arthur. London, 1825.

Rivet A.L., Smith C. The Place-Names of Roman Britain. London, 1979.

Ross A. Pagan Celtic Britain. London, 1967.

Salway P. Roman Britain. London, 1991.

Sawyer P. H. From Roman Britain to Norman England. L., 1978.

Sheldon G. The Transition from Roman Britain to Christian England: A.D. 368—664. London, 1932.

Skene W. F. Arthur and the Britons in Wales and Scotland. Lampeter, 1988.

Smyth A. P. Warlords and Holy Men, Scotland AD 80—1000. London, 1984.

Snyder C. A. An Age of Tyrants. Britain and the Britons A. D. 400—600. Stroud, 1998.

Snyder C. A. The Britons. Oxford, 2003.

Snyder C. A. Sub-Roman Britain (AD 400—600): A Gazetteer of Sites. Oxford, 1996.

Starr N. C. King Arthur Today; the Arthurian legend in English and American Literature, 1901—1953. Gainesville, Florida, 1954.

Stenton F. M. Anglo-Saxon England. Oxford, 1971.

Tatlock J. S. The Legendary History of Britain. Berkeley, 1950.

Taylor B., Brewer E. The Return of King Arthur. Cambridge, 1983.

Thomas A. C. Christianity in Britain to AD 500. London, 1981.

Thomas C. And Shall These Mute Stones Speak? Post-Roman Inscriptions in Western Britain. Cardiff, 1994.

Thomas C. Celtic Britain. London, 1986.

Thomas C. Tintagel: Arthur and Archaeology. London, 1993.

Thompson E. A. Saint Germanus of Auxerre and the end of Roman Britain. Woodbridge, 1984.

Thompson R. The Return From Avalon. Greenwood, 1985.

Tolstoy N. The Quest for Merlin. London, 1985.

Treharne R. E. The Glastonbury Legends. London, 1969

Vinaver E. King Arthur's sword. Manchester, 1958.

Vinaver E. The Works of Sir Thomas Malory. V. 1—3. London, 1967.

Wade-Evans A. The Emergence of England and Wales. Cambridge, 1959.

Wallace-Hadrill J. M. The Barbarian West 400—1000. London, 1952.

Welsby D. A. The Roman military defense of the British provinces in its later phases. Oxford, 1982.

Weston J. L. From Ritual to Romance. London, 1941.

Weston J. L. The Legend of Sir Lancelot. London, 1901.

Weston J. L. The Legend of Sir Percival. V. 1—2. London, 1906—1909.
Weston J. L. The Quest of the Holy Grail. London, 1913.
Whitaker M. The Legends of King Arthur in Art. London, 2000.
White R. King Arthur in Legend and History. 1997.
Whitelock D. The Beginnings of British Society. London, 1991.
Whittock M. The Origins of England, 410—600. Totowa, New Jersey, 1986.
Williams A. Dark Age Britain. A biographical dictionary. London, 1991.
Williams G. Excalibur: The Search For Arthur. London, 1994.
Williams R. A biographical dictionary of eminent Welshmen. Llandovery, 1852.
Winterbottom M. Gildas, The Ruin of Britain. Chichester, 1978.
Wood I. N. The End of Roman Britain. London, 1984.
Yorke B. The Kings and Kingdoms of Early Anglo-Saxon England. L., 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

Эрлихман В. В.

Э 79 Король Артур / Вадим Эрлихман. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 319[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1195).

ISBN 978-5-235-03246-0

Король Артур — один из самых известных и в то же время самых загадочных героев мировой истории. Все знают, что он правил Британией на рубеже античности и средних веков, основал рыцарское братство Круглого Стола, был связан с чародеем Мерлином, Авалоном и Святым Граалем. Однако ученые давно опровергли все эти утверждения, поставив под сомнение даже само существование Артура. Для этого есть основания — источники раннего средневековья говорят о нем мало и невнятно, а последующая обширная артуриана насквозь фантастична. Тем не менее в разных странах не прекращаются попытки отыскать на страницах истории подлинного Артура. Одну из таких попыток предпринял историк Вадим Эрлихман, воссоздавший биографию легендарного монарха на основе сведений, разбросанных по страницам старинных хроник, генеалогий и романов. Кропотливый анализ фактов и версий помогает понять, каким был (или мог быть) Артур и почему «артуровской» иногда называют всю европейскую цивилизацию.

УДК 94(410)(092)“04/14”
ББК 63.34(4Вел)4

Эрлихман Вадим Викторович
КОРОЛЬ АРТУР

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **А. Ю. Карпов**
Художественный редактор **Н. С. Штефан**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Л. М. Марченко**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 16.03.2009. Подписано в печать 27.05.2009. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 16,8+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 93078

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущёвская ул., 21. Internet: http://mg.gvardiya.ru. E-mail:dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущёвская ул., 21

ISBN 978-5-235-03246-0